

АЗБУКА ВЕРЫ

Зелинская Елена Константиновна

На реках Вавилонских

Художественная литература 2022

На реках Вавилонских

Зелинская Елена Константиновна

От автора

В этой книге нет вымышленных персонажей, и все события – реальные. Несколько лет назад я начала исследовать историю собственной семьи. Шаг за шагом, архив за архивом, город за городом вело меня страстное желание восстановить разорванные нити. На генеалогическом древе, корни которого уходили глубоко в вековые пласты истории, обожженном, с обрубленными ветвями, уцелело всего два-три ростка. Войны, восстания, революции, эпидемии – ничто не прошло мимо семьи...

Во многих разоренных домах родители скрывали от детей прошлые беды, уничтожали документы, фотографии и прочие следы растоптанной жизни. Нет, однако, ничего тайного, что не стало бы явным, рукописи не горят, на архивных полках ждут перевязанные веревочками папки, а память хранит имена и лица.

На заброшенном кладбище в Вологодской губернии я нашла могильный холмик и поставила крест вместо воткнутой в него палки с дощечкой «1937». Я узнала номер, под которым покоятся на Пискаревском мемориале мои родственники. В самом мрачном из домов я прочитала последнее слово деда, осужденного по 58 статье. Украинский ученый положил передо мной список участников Зимнего похода, где красивым витиеватым почерком была выведена фамилия прадеда, Григория Трофимовича Магдебурга. Письма, присланные бабушкой из ссылки, записки из тюремной больницы, послужные списки, дело «шляхтенского разбора», карты боев Великой войны, дневник хирурга санитарного поезда и черно-белые снимки с трещинками, с которых смотрели на меня родные лица, похожие чем-то друг на друга, на меня и моих детей – передо мной вставала жизнь рода: ручейки судеб сплетались, обрывались, сходились снова и вливались в могучую реку – историю страны. Так родилась эта книга.

Как я уже сказала, в ней нет ничего придуманного. Исключение составляют три героя. Унтер-офицер Геннадий Борисович Москаленко, который сопровождает одного из главных героев – служебный персонаж. Штабс-капитан Леонтий Ломаковский, по роману – брат супруги моего прадеда, – собирательный образ. Мне удалось найти послужные списки отца Александры Ломаковской, ее дядьев и братьев. Все они были военными и служили Отечеству в разных родах войск. О судьбе их узнать не удалось, боевой путь Леонтия – типичная история русского офицера.

Особый случай – юнкер Антон Левченко. И фамилия, и внешний облик героя перенесены в роман из наших дней. Артем Левченко – украинский историк и журналист – много трудов посвятил исследованию истории Чугуевского военного училища и щедро поделился со мной всем, что узнал. Преданность его и любовь к судьбе юнкеров училища, где преподавал мой прадед, почти мистически связали Артема со временем, когда Россия переживала муки. Эпизод со знаменем из пятой главы тоже не случаен, Артем не оставляет надежды, что символ училища надежно спрятан офицерами-чугуевцами, и в назначенный срок он сумеет его найти.

Больше исключений нет. Все события, повороты судеб, служба и личная жизнь всех персонажей основаны на архивных документах. Мне никогда не справиться с таким огромным трудом, если бы не помощь историков, архивистов, сотрудников музеев, юристов, краеведов и журналистов.

В работе мне помогала петербургский историк Ирина Борисовна Мулина. Она проделала огромную работу по розыску документов семьи Савич.

Глубокая моя благодарность украинским историкам, а особенно Леониду Абраменко, автору книги «Последняя обитель». Его усилиями были обнародованы протоколы о регистрации офицеров, убитых в Крыму во время Красного террора. Искренне признательна я за помощь известному киевскому историку и журналисту Ярославу Тинченко и ученому из Феодосии, автору выдающихся исследований по истории Гражданской войны, Андрею Бобкову.

В мою жизнь вошли и останутся в ней навсегда керченские друзья: старший научный сотрудник Керченского историко-культурного заповедника Владимир Филиппович Санжаровец, предводитель Керченского союза монархистов Геннадий Борисович Григорьев, молодые исследователи братья Владимир и Константин Ходаковские, протоиерей Николай (Зиньков) – настоятель храма Святого апостола Андрея Первозванного. Вместе с ними мы опустили с Царской пристани венки, и они поплыли в сторону Дарданелл, куда 90 лет назад ушла эскадра Врангеля. Вместе с ними я прошла по крестному пути своего прадеда. Вместе установили мы в городе Керчи Поклонный крест в память жертв Красного террора.

Моя глубокая благодарность губернатору Вологодской губернии Владимиру Евгеньевичу Позгалеву. Не мне одной помог он найти документы и установить могилы родных в крае, который служил для многих горьким пристанищем.

Искренне признательна я сотрудникам музеев в городе Нежине, Тотьме, в Днепропетровске, работникам Нежинского архива, университета и местной газеты, руководителю дома-музея Булгакова в Киеве.

Неоценимую помощь оказала мне в работе над книгой Ирина Кравченко. Моя молодая помощница разделяла со мной тяготы путешествий, писала под мою диктовку и искала ошибки, молилась со мной в керченских храмах, спорила, выбирала и сканировала фотографии, записывала показания родственников; в конце шестой главы родила девочку, запомнила корректорские знаки и научилась писать почти не хуже меня.

Мне трудно определить жанр этой книги. Документально-художественный роман, в котором реконструируется история рода.

Я посвящаю его своей маме.

Елена Зелинская

На реках Вавилонских, тамо седоном и
плахом, внегда помянути нам Сиона.
На верких посреде его окесихом органы
наша. Яко тамо вопросиша ны пленшии
нас о словесех песней и ведшии нас о пении:
воспойте нам от песней Сионских.

Како воспоем песнь Господню на земли
чуждей? Аще заведу теке, Иерусалиме,
заквена куди десница моя. Прильпни
язык мой гортани моему, аще не помяну
тебе, аще не предложу Иерусалима, яко
в начале веселия моего. Помяни, Господи,
сыны Едомския, в день Иерусалимль

глаголющая: истощайте, истощайте до оснований его.

Пролог

Река Лужа, 12 октября 1812

- Славно поработали, - белозубый казак спрыгнул с коня, сняв шапку, отбросил со лба чуб и обвел усталым взглядом черные лица черниговцев, - вишь, как рылы-то позамарали. Ни дать, ни взять, арапы какие-то.

- Никакие не арапы, - усмехнулся невысокий офицер, блеснув светлыми, глубоко посаженными глазами, - я как был есаул Василий Магдебург, так им и остался!

Догоравшие обломки строений, обваливаясь, освещали вспышками округу; среди облаков, багровых в отблесках пожара, появился месяц. В зыбком свете глядели казаки на разрушения, оставленные многочасовым боем. Ветер засыпал пеплом и сажей карабины, сабли, пики; малиновый верх круглых шапок стал черным; и малиновые шаровары тоже, и барашковые околыши. Только кушаки не изменили цвета: им по высочайше утвержденным правилам черными изначально положено быть. А лица-то, лица!

Стих грохот пушек, умолк треск ружейной пальбы, замерли неистовые вопли рукопашного боя. В Малоярославце, уездном городе Калужской губернии, наступила тишина. Только стоны раненых нарушали внезапно опустившееся безмолвие. С самого рассвета шло здесь кровавое сражение, восемь раз переходил город, почти полностью спаленный (из двухсот домов уцелело двадцать), из рук в руки - то к русским, то к французам.

«С обеих сторон густые колонны пехоты, встречаясь на улицах, поражали друг друга штыками. Артиллерия мчалась рысью по грудам тел; раненые, умирающие раздавливаемы были колесами или, не имея сил отползти, сгорали среди развалин. В пылу сражения бывают минуты, когда огонь воинский, воспламенив сердца, заглушает в них всякое другое чувство, особенно когда дело идет о независимости народной!» - вспоминал участник событий в своих мемуарах.

Погода стояла пасмурная, со слякотью и пронизывающим ветром; несмотря на глубокую осень, деревья еще зеленели - но только поутру: к сумеркам остались лишь голые черные ветви, листву снесли картечь и ядра.

Затишье охватило и площадь на восточной окраине города, перед Святыми воротами Черноостровской Николаевской обители, угнездившейся на правом берегу Лужи. При известии о подходе Наполеона братия - шестнадцать черноризцев во главе с игуменом Макарием - покинули монастырь. Белокаменная ограда со скругленными четырехугольными башенками по краям покрылась копотью, ворота - все в оспинах от картечи. Палили по ним нещадно и французы, и наши, особенно когда гренадеры 13-ой пехотной дивизии Бонапарта бросились в монастырь, а казаки Черниговского полка - следом, тесня противников и сбрасывая их в ров. Но - чудо! - нерукотворный образ Пресвятого Спаса в створе ворот остался цел и невредим.

Ночевать черниговцы устроились прямо у стен монастыря, кто как мог.

«На другой день, - пишет мемуарист, - 13 октября, ждали, что неприятель возобновит атаку. Удивление наше было чрезвычайно, когда мы узнали, что Наполеон решил отступить и направил свой путь на Смоленскую дорогу».

С покатога речного откоса, приподнявшись в стременах, смотрел есаул Магдебург, как таяли в рваном дыму уходящие колонны противника. За спиной у него курился изрытый ядрами Иванов луг.

Василий подобрал скользкие поводья, толкнул каблуком коня и, обернувшись к изумленным черниговцам, крикнул хрипло:

- Ну что, братцы, на Париж!

«Святой лик Спасителя на воротах с улыбкой добра и милости сиял утешительной надеждой».

Глава 1. Белый дом с зелеными ставнями

1

Река Остер

Спрыгнув с подножки поезда, мальчик в гимназической тужурке поднял воротник и двинулся по перрону. Моросил мелкий дождь. Сквозь мокрую пелену смутно угадывались: вокзал, большие, оштукатуренные буквы «Нежин» и керосиновый фонарь над дверьми, куда ныряли прибывшие бобруйским поездом пассажиры. На высоких козлах, укрывшись с головой попоной, спал извозчик. Дремала и лошаденка.

- До города довезете? - окликнул мальчик.

- Тридцать копеек, - пробурчал из-под укрытия сиплый голос. - Дешевле, барич, по вечернему делу никак нельзя.

Бросив вперед чемодан, мальчик проворно залез в пролетку и прикрыл ноги кожаным фартуком. Лошадь, с трудом вытаскивая копыта из липкой грязи, побрела по размякшей проселочной дороге. Когда добрались до постоянного двора, хозяева уже спали. Ворча и спотыкаясь, чумазый мальчишка-половой зажег стеариновую свечу и отвел постояльца в свободную комнату. Ложиться было неохота. Не отпускало возбуждение от первого в жизни самостоятельного путешествия. Да, по правде говоря, и простыни на кровати выглядели сомнительно. Миша подошел к окну. Над Нежином пылал закат. На белые оштукатуренные стены одноэтажных домиков падал розовый отсвет, вечерние сады сливались в единое густо-зеленое шелестящее море. Пять золотых куполов собора сверкали в уходящем солнце. Мальчик распахнул окно. Запах осенних листьев, зрелых яблок, влажной травы, мешаясь, охватил его. Закатный луч упал на плывущий над куполами крест, и на мгновение показалось, что он горит - малиновые, алые, пурпурные краски захватили, заиграли на золотой крестовине и слились вдруг в кровавый красный цвет.

Спал Миша плохо. Сомнения насчет простыней оправдались полностью: клопы. Утром вчерашний мальчишка объяснил постояльцу, как найти Лицей, и с неожиданным энтузиазмом вызвался проводить. Не будь провожатого, потонуть бы Мише в непросыхаемой луже, той самой, которую воспел в «Мертвых душах» читанный-перечитанный Гоголь. Чумазый Вергилий вовремя ухватил подопечного за рукав и благополучно доставил к речке. На узкой, недвижимой ее поверхности, где, перемежаясь с зелеными бликами, быстро мелькали серебристые тени, уткнувшись носом в прибрежные кусты, стояла лодка. В ней, опершись на воткнутое в воду весло, ждал кого-то старик в накинутой на плечи серой хламиде.

На том берегу торжественно вставал сад, полный цветов, дорожек и надежд. Свесившись через

перила, Мишин провожатый метко плюнул на поплавок, увернулся от рыбака, чуть было не схватившего его за вихор, и умчался, поддавая босыми ногами сухие листья.

А Миша остался стоять, приоткрыв от изумления рот, перед величественным зданием Нежинского Лицея.

«Пробежав по струнам,
Золотым певуном,
Не жалею ни груди,
Ни глотки:
И сияй, и светлей,
Наш родимый лицей,
Знаменитый лицей Безбородки».

Н. В. Гербель

Таких лицеев Российской Империи было только два: прославленный Царскосельский и Нежинский, основанный на капиталы, оставленные по завещанию канцлера Александра Андреевича Безбородко, екатерининского вельможи и черниговского уроженца.

Трехэтажное здание Нежинского Лицея, украшенное колоннадой из двенадцати колонн, которую лицеисты называли «белым лебедем», увенчивалось фронтоном с надписью «Lebore et zello» – «Трудом и усердием» – родовым девизом князей Безбородко. Учрежденное высочайшим рескриптом в 1820 году под именем Гимназии высших наук, в 1875 году учебное заведение преобразовалось в Историко-филологический институт, который готовил учителей классических языков, русского языка и истории. С того же года отменили розги и разрешили поступать не только дворянам, но и отпрыскам других сословий. По-настоящему прославился институт и вошел в русскую историю знаменитым своим учеником, русским гением Николаем Васильевичем Гоголем. Сюда, в Нежин, в 1821 году дорожная пролетка, разбрызгивая грязь, доставила тщедушного длинноносого мальчишку, укутанного в салопы и обвязанного платками. Он простужался, кашлял, писал жалобные и почтительные письма маменьке, прогуливал уроки, писал эпиграммы в гимназический журнал, наряжаясь в женские костюмы, играл и сам ставил спектакли на сцене актового зала и даже начал писать. Первую пьесу Гоголя «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан», увы, прочитали только его одноклассники. Уничтожил свое произведение будущий поджигатель второго тома бессмертной поэмы, наверное, из страха, что в сатирических образах преподаватели угадают себя: розги в то время еще не отменили. «Нежинская рукопись» – так, кстати, называется единственный сохранившийся оригинал «Тараса Бульбы», который был найден среди подарков графа Безбородко Лицею.

Давно убежал чумазый посыльный, а пятнадцатилетний Михаил Савич все стоял перед мраморными ступеньками, ведущими к белой колоннаде, вдыхал аромат сада, вслушивался в гомон деловито спешащих лицеистов, и душа его была полна предвкушением жизни. Наконец, он встрепенулся и двинулся, как было положено по инструкции, данной ему в Бобруйском казначействе, к письмоводителю Федору Даниловичу Проценко.

Тот принял нового лицеиста незамедлительно, рассказал о гимназических правилах и выдал стипендию вперед за три месяца – ни много ни мало, а пятьдесят рублей. Склонившись близоруко над ведомостью, мальчик расписался: Михаил Савич, 27 августа 1892 год. Сдвинув озабоченно кустистые брови, Федор Данилович поинтересовался:

- Надобно ли вам, сударь, помочь с размещением? Мы обычно рекомендуем гимназистам

семьи, в коих контроль осуществляется и надзор за их поведением и учебой.

- Благодарю, Федор Данилович, но родители мои уже побеспокоились о моем проживании. При мне письмо к вдове знакомого отца моего по Бобруйску, майора Трофима Васильевича Магдебурга.

- Как же, как же, почтенное семейство, - закивал письмоводитель. - Дом их, кстати сказать, расположен недалеко от Лицея, на Преображенской улице. Опаздывать не будете на занятия. У них, я знаю, как раз комната освободилась, поскольку Григорий, сын покойного Трофима Васильевича, в этом году в Киевское юнкерское училище поступил.

2

Река Днепр

Подтянутый молодой человек в ладно сидящей солдатской шинели решительно поднимался вверх по парадной лестнице. В его уверенных движениях не было ни следа юношеской неуклюжести. Светлые, глубоко посаженные глаза с веселым любопытством оглядывали необычную для военного училища суматоху. Вверх-вниз сновали, перепрыгивая через две ступеньки и скатываясь с гимназической быстротой, юнкера выпускного курса. Дробно стучали каблуки и звякали шпоры. В сводчатых коридорах, залитых светом, в обилии проникающем сквозь решетчатые окна и бойницы, оживленно жестикулировали преподаватели. Громкими, возбужденными голосами обсуждали вакансии, поздравляли счастливых с удачным назначением. Артиллеристы и будущие инженеры, собравшись в кучки, звонко перебирали названия южных городов: Екатеринодар, Екатеринослав, Одесса. Подбоченясь, горделиво выпячивал грудь единственный из всех гвардеец. Кто-то, не разделяя общего веселья, уныло смотрел на бумагу с назначением в отчаянную сибирскую глушь.

Перекрывая разноголосицу, загремел голос дежурного юнкера: «Господам офицерам строиться на передней линейке».

Всем разговорам конец. На ходу поправляя гимнастерки, юнкера понеслись в необъятный актовый зал. Молодой человек в солдатской шинели, вздохнув, уселся на покатый подоконник: первокурсникам там делать нечего. В парадный строй ровнехонькой серой стеной встали юнкера, которые сегодня закончили двухгодичный курс. Из-за стеклянных створок слышен рокошующий бас начальника училища полковника Самохвалова:

- Поздравляю первый офицерский выпуск Киевского пехотного училища 1892 года с производством!

Двери актового зала распахнулись. Вновь произведенные офицеры счастливым напором ринулись вниз по лестнице, и, волной подхватив несколько не сопротивляющегося первокурсника, скатились во двор училища. Кутерьма, кипенье, гвалт. Кто-то открывает шампанское, кто-то бежит ловить извозчика, чтобы немедленно ехать в город, кто-то кричит: «Виват!»

Вдруг из дверей казармы появилась необыкновенная процессия. Четверо юнкеров, наряженных в ризы из одеял, несли снятую с петель дверь, которая изображала собой гроб. На гробе том грудой лежали учебники. Впереди, успевший облечься в новенький мундир с золотыми полосками погон, шел невысокий коренастый подпоручик с широким и старательно серьезным лицом. Гроб сопровождал хор со свечками и кадилами, в которых дымился дешевый табак.

- Похороны науки! - с важным видом взвыл «батюшка» в накинутой на плечи простыне.

Шутовское шествие двигалось по двору, обрастая хохочущими «плакальщиками». На крышку «гроба» летели задачники, тетради, шпаргалки. Поручик с золотыми погонами метнул взгляд на первокурсника, которому явно были в новинку юнкерские шалости. Он остановился, подмигнул смеющимся глазом и крикнул: «Ты с нами, юнкер?» Широко отмахнув рукой, первокурсник хлопнул по снятой двери и отозвался с веселой готовностью:

- Точно так, господин поручик, с вами! До гробовой доски!

Тень мелькнула на лице поручика.

- Тебя как звать?

- Григорий Магдебург. А тебя?

- А я - Антон. Антон Деникин.

3

Река Остер

Коричневые платица, черные фартучки с воланами, атласные ленты, - веселый вихрь, какой всегда подхватывает школьников и птиц, выпущенных на свободу, вылетел из дверей гимназии Кушакевич, рассыпался на парочки и смешался с уличной толчеей. Ученица первого класса Женечка Магдебург натянула на плечо клеенчатый ранец и спустилась по ступенькам. Сегодня ее никто не встречал. Она, как большая, пойдет домой одна.

Сначала по главной улице - денек выдался не по-осеннему солнечный, и Гоголевская, недавно замощенная булыжником, полна гуляющей публики. В скверике около памятника Гоголю сладко пахнет сдобными булками и кренделями, которыми торгуют прямо с лотков. У входа в лавку Москаленко благоухает огромная бочка со знаменитыми нежинскими огурцами. Женечка эту лавку хорошо знает. Здесь живет ее подружка и одноклассница Маша, дочка хозяина. Огурцы мама не покупает, солит сама, не хуже Москаленок, хотя и говорят, что они поставляют соленья в Петербург, к царскому столу. А покупает мама здесь колбасу, тонкую, сухую, которую изготавливает прямо во дворе старик-грек, и сладости. Женечка немного потолкалась у витрины москаленковской лавки, любуясь на россыпь городских конфет, которые ей доставались только по праздникам, и побежала дальше. Мимо Благовещенского монастыря, где толпятся у входа богомольцы с запыленными ногами и крестьяне с коричневыми лицами. Мимо длинных одноэтажных домиков, почти не видных за пышными фруктовыми садами. Мимо городского парка с золотыми акациями и пирамидальными тополями. Вот и любимая Женечкина Соборная площадь. Слева - белоснежный греческий храм. Классная дама говорила, что он похож на Акрополь. Справа - Николаевский казацкий Собор. Папа считал его своим и по большим праздникам, разглаживая тронутые проседью усы, торжественно опускал в ящик для пожертвований свернутую ассигнацию.

Пятиглавый, с вытянутыми вверх луковицами, с красивейшими одинаковыми фасадами, как это было принято во многих соборах, построенных в конце XVIII века в Малороссии русскими архитекторами, Николаевский храм являл собой великолепный образец украинского барокко. Поставленный на средства казаков, ими и поддерживался, был средоточием казацкой жизни.

Каждодневно же Магдебурги посещали близкий к дому Преображенский храм. Зеленый купол и кирпичные стены, увитые хмелем, служили Женечке главным ориентиром: не доходя до

Собора, надо было повернуть направо, на Преображенскую улицу. Дом белел сквозь сбегающий к реке сад. Бахча, огород с огурчиками, смородиновые кусты и, конечно, травы, которые мама выращивала в изобилии, а потом варила в медной кастрюльке от всех хворей, и которыми выстилала днища дубовых бочонков под соленья. Резное крыльцо, пестрые тени на ступеньках, скамейка под зелеными ставнями.

Накинув на полные плечи пестрый платок, Мария Александровна стояла у калитки и терпеливо глядела на дорогу. Дочке пора бы появиться из гимназии. А вот и она!

Щурясь на нежное нежинское солнце, Мария Александровна смотрела, как заворачивает из-за угла и несется ей навстречу румяная девочка в коричневом платье и черном фартучке. Подбежала и запнулась в нерешительности. Рядом с мамой стоял незнакомый подросток с серыми внимательными глазами.

- Посмотри, Женечка, кто к нам приехал. Это Миша Савич, сын папиного старого друга из Бобруйска.

Мальчик залился краской и пробормотал:

- Очень рад.

4

Над столом в кабинете у Трофима Васильевича Магдебурга висел портрет его отца, есаула Черниговского полка Василия Магдебурга, изображенного самодеятельным художником с саблей в руках, в малиновых шароварах с лампасами и в черной курчавой шапке. Фамилию, столь необычную для черниговского казака, унаследовал Василий от своего прадеда, прибывшего в Запорожскую Сечь из немецкого города Магдебурга, название которого и закрепилось, как это велось у сечевиков, в его прозвище. Дед Василий, которого старшие сыновья Трофима помнили крепким седым стариком, участвовал в походах против шведов, брал далекую северную крепость Свеаборг, а в достопамятном 1812 году гнал француза по белорусской дороге, от Малаярославца до Березины.

Армейская служба была традиционной для Магдебургов. Как и братья, Трофим начал военную карьеру рядовым Карабинерского полка. До унтер-офицера дослужился в Вологодском пехотном. В Крымскую кампанию 4-ый резервный батальон, где Трофим служил фельдфебелем, отправили на Северный океан воевать против соединенных флотов Англии и Франции. Летом 1855 стояли при Сестрорецком оружейном заводе под начальством генерал-лейтенанта Мирошевича, командующего войсками, расположенными от Петербурга до Выборга. Несколько часов французские корабли Сестрорецк обстреливали, но куда им против казаков! - так и не решились высадить десант.

В 1863 вспыхнул Польский мятеж. Шайки поляков прятались по лесам, разоряли и грабили русские поселки, вешали тех, кто оставался верен Царю. Смоленский резервный полк, в котором служил Трофим Магдебург, был направлен в Западные губернии. Рота прапорщика Магдебурга настигла отряд одного из предводителей восстания, литовского магната Свенторжецкого, и весь поголовно, вместе с начальником, взяла в плен, отобрала оружие и немалую сумму денег. Летом полк был востребован в Минск, в уезде которого усилился мятеж. Там, в белорусских лесах, получил Трофим Васильевич первое ранение и сабельный шрам. В 1863 году Государь повелел все новообразованные полки сделать трехбатальонными и дал им новые названия. Полк, в котором служил Трофим Магдебург, стал 117-ым Ярославским.

Став командиром роты, Трофим Васильевич женился на дочери губернского секретаря Марии Александровне Васильковой. В Бобруйской крепости, которую называли самой полезной цитаделью Империи, родились у них трое сыновей – Владимир, Василий и Григорий.

12 апреля 1877 года Император Александр II издал манифест о войне с Турцией. Полк мобилизовался быстро и выступил с походом из Бобруйска в Киев.

15 июня 1877 года русские войска перешли реку Дунай по понтонному мосту, наведенному саперами у Зимницы, и вторглись на турецкую землю.

Пройдя кампанию от Зимницы до Константинополя, Трофим Васильевич Магдебург серьезно ранен не был, шрамы не считал, однако легкие надорвал и, вернувшись с полком из Турции, вышел в отставку. Осел не в Бобруйске, а в теплом и уютном Нежине, где купил дом на берегу реки Остер. На покое прожил еще десять лет. Старших сыновей, Василия и Владимира, отправил в военные училища – не было это даже поводом для раздумий. Григория, который больше других братьев тянулся к учебе, отдал в знаменитый Нежинский лицей. В Нежине родились у Трофима Васильевича и Марии Александровны младшие дети: Яков, Павел, Константин и дочка Женечка. Трофим Васильевич говаривал, что долг свой перед Отечеством он выполнил, родив шестерых сыновей, а дочка – это уже для него, Божий дар.

Отставной майор был немолод, но бодрость духа не терял. На боли в груди не жаловался, терпел, однако кашель выдавал угнездившуюся в легких болезнь. Мария Александровна лечила его собственноручно изготовленными декохтами, он, посмеиваясь, называл жену полковым лекарем, однако выпивал душистые отвары покорно. Расположившись у окна в кресле с потертыми бархатными подлокотниками, и зимой и летом крест-накрест повязанный жениным пуховым платком, Трофим Васильевич пыхтел трубкой и листал «Календарь Черниговской губернии». Вечерами Мария Александровна зажигала свечу и садилась за штопку, натянув на деревянный грибок детские носки. Трофим Васильевич подвигался ближе к огню, так, чтобы печным жаром прогревало спину, и рассказывал сыновьям бесконечные истории про Бову-Королевича, как называло Михаила Скобелева-второго все Русское войско. Мальчики, розовея в отсветах пламени, смотрели, как пишет круги вишневая трубка, как сплетается из теплого воздуха и жарких искр и гарцует на вычищенном жеребце Белый генерал. Пел самовар, а тысячи турецких аскеров походными колоннами окружали Плевну, лилось густое, как кровь, болгарское вино – гымза, и шли по Зеленым холмам в штыковые атаки румынские уланы, и ломали на Шипкинском перевале по-братски пшеничные галеты казаки и стрелки, и встречали победителей Осман-паши черноокие красавицы с иконами, хлебом и солью...

Чай стыл в чашках.

- Папа, расскажи про шрам на щеке!

Трофим Васильевич спускает Женечку с рук. Подносит к усам изрядную рюмку с малиновой наливочкой и выпивает единым духом. Из бисерного, вышитого дочкой кисета отсыпает свежего табаку. Мальчики ерзают, поминутно вздыхают, хотя историю эту много раз от папы слышали. А Трофим Васильевич, как нарочно, внушительно откашливается, долго копясь, достает из кармана домашнего сюртука кремень, стучит, сыпятся искры, и блестят сквозь пелену тумана снаряды из стальных орудий Осман-паши.

Река Осма

Общий штурм Плевны назначен был на 30 августа 1877 года. С утра шел сильный дождь, и

стоял туман, такой непроницаемый, что в сотне шагов не было видно ни зги. За густой пеленой лежал маленький болгарский городок. Русская артиллерия прекращала огонь лишь на короткие промежутки. Пехота ждала трех часов дня, чтобы одновременно атаковать турок, взятых в широкое каре. Около полудня у турок поднялась отчаянная пальба. Начальник штаба 16-ой дивизии генерал-майор Гренквист решил, что началась атака, и двинул на Плевну передний Углицкий полк. Командир Ярославского полка, полковник Федор Хитрово, с утра получивший приказ идти следом для атаки за угличанами, повел на штурм и свои батальоны.

В тяжелом мокром тумане поднялся Ярославский полк; солдаты и офицеры, в отяжелевших от дождевой воды мундирах, шли под картечью и пулями, с трудом вынимая из вспаханного грунта облепленные грязью сапоги. Турки, увидев, что в атаку идут только два русских полка, подтянули к глиняным откосам редута резервы и залили русских пулями. Ярославцы бросились вперед бегом, но сразу стали задыхаться, потому как ноги вязли в грязи по колено. Не было никакого прикрытия, но они продолжали двигаться, непрерывно и неуклонно. Добравшись, наконец, до первого укрепления, полк залег и открыл стрельбу.

- Тщетно ждали мы подкрепления, - продолжал свой рассказ Трофим Васильевич, - никто не шел нам на помощь. Все ожидали назначенного часа, а полк все таял да таял.

Больше часа продержались ярославцы на открытой местности под адским огнем турок. Медленно стали уходить, унося раненых.

- Командир нашего батальона майор Соколов в заляпанном кровью и грязью мундире вел нас на штурм, не слезая с коня. Дважды был ранен. Солдаты просили его вернуться, сделать перевязку, но он не слушал их. Последние слова майора были: «Вперед, голубчики!», и новая пуля, пробившая голову, свалила его с коня. Увидев, что мои солдаты не в силах взобраться по размокшей земле на вал, я крикнул: «Рота, за мной!». Скользя и падая, побежал я по дну рва в тыл туркам. Синие куртки аскеров заполнили укрепление. Начался рукопашный бой...

В три часа загремели оркестры, взметнулись знамена, и русские полки двинулись на штурм редутов, которые после этих кровавых дней назовут скобелевскими. Но мои храбрецы уже этого не слышали. Они лежали, переколотые турецкими штыками. Сам я опомнился в лазарете с перевязанной головой. Санитар нашей роты Ефим Евстеев вынес меня под градом пуль на своих плечах.

На этом месте Мария Александровна обычно сокрушенно качала головой, крестилась и шептала: «Дай Бог ему здоровья».

- Ну что, казаки, - спросил Трофим Васильевич сыновей, - кто нашу полковую помнит?

Мальчики переглянулись: папа, рассказав историю про штурм Плевны, всегда вспоминал полковую песню. Вскочив проворно, они выстроились по росту и запели высокими и чистыми голосами:

Аты-баты, в прошлую войну,
Аты-баты, с турком воевали.
Мне за это дали
Сразу две медали,
Ротный получил всего одну.

Похоронив летом 1892 года отца, Григорий Магдебург записался вольноопределяющимся в 117-ый Ярославский полк, и через месяц был направлен на учебу в Киевское пехотное училище.

Река Березина

Появлению Миши Савича в кабинете у письмоводителя Нежинского лицея господина Проценки предшествовала длительная и дотошная переписка. К прошению о принятии сына, окончившего к тому времени три класса бобруйской прогимназии, на казенный кошт в прославленное учебное заведение и получении полного денежного обеспечения на обмундирование, питание, найм жилья, проезд и разные школьные надобности, Людвиг Федорович Савич должен был приложить немалое число документов. Прежде всего, требовалась копия записи из церковной книги о крещении мальчика, документ о явке к исполнению воинской повинности и увольнительное свидетельство от общества мещан города Бобруйска. Подробно описать следовало имущественное положение семьи, род занятий отца, состав и численность семейства, находящегося на его иждивении, и свидетельство о благонадежности.

Завернув документы в серую почтовую бумагу, Людвиг Федорович разгладил ладонью широкую бороду и облегченно вздохнул:

- Вроде ничего не упустили.

- Я уже беспокоиться начала, что не поспеем к сроку, - Варвара Александровна, суховатая дама с гладко зачесанными волосами, подала мужу склянку с сургучом и добавила, саркастически поджав губы. - Разве только до седьмого колена историю не потребовали описать.

- Да, матушка, на судьбу отца моего, Тадеуша Савича, столько выпало, что не то прошение, а роман авантюрный написать можно. Да и моя жизнь в справки не укладывается.

...Темный бор навис над горизонтом, как туча. Вокруг небольшой шляхтенской усадьбы рассыпались соломенные крыши селян. Узкая каменистая дорога ведет к замку, который возвышается над фольварком Лоск Ошмянского повета Виленской губернии. Золотые липы укрывают белокаменную церковку, построенную на месте старой, бревенчатой, сожженной французами при отступлении. На пепелище стоит и корчма, где жид Лейба Кац с пейсами до плеч записывает мелом на стене долги своих завсегдатаев.

Над крышей панского дома шелестят березы, вихрь кружит по двору опавшие листья. Сквозь оконце едва пробивается свет.

Наморщив лоб, близоруко склонился над столом хозяин усадьбы, теребит задумчиво мягкую белокурую бородку. На шее у него повязан шелковый платок, сюртук тонкого зеленого сукна и с отворотами по последней моде расстегнут свободно. Обмакнув перо в чернильницу, он стряс каплю и вывел изящным почерком: «Второе октября 1830 года. Я, Тадеуш Савич, подтверждаю, что род мой идет от предка Семена Савича чрез десять поколений».

«Столетиями, - писал польский хронист Гаспар Несецкий, - известны были Савичи, из коих некоторые именуются Савич-Рычгорские, другие же Савич-Заблоцкие, и прочие: Иван Савич, муж воинственный; сын его Лаврентий был Троицким земским судьей; его сын Иван Александр был в военной службе в команде гетмана Сапеги; Фома Савич в 1648 г. избран был депутатом для заключения конвенции с королем Казимиром; Станислав в Минском воеводстве, Альберт (Войцех) в звании королевского камер-юнкера жительство имел в Виленском, а после в Ошмянском поветах. Дворянство подтверждено определеньем, учиненным 12 февраля 1802

года, о чем документов на гербовой бумаге им не выдано, затем что они по бедности купить таковой не могут».

В результате разделов Речи Посполитой между Россией, Пруссией и Австрией, окончательно утвердившись после разгрома Наполеона, граница, разделяющая католический и православный мир, сместилась к западу, а белорусские и литовские земли, включая Виленскую губернию, вошли в состав Российской империи.

Белорусская Шляхта осталась лично свободной, обладала правом голоса на местных сеймах, не платила налогов, но по состоятельности мало отличалась от крестьян. Шляхтич, однако, дорожил своими сословными привилегиями, и, если ему случалось по бедности самому удобрять поле, то рядом с вилами спесивый пан втыкал дедовскую саблю. Чтобы не быть по ревизии записанным в вольные хлебопашцы или мещане, или иное податное, другими словами, облагаемое налогами сословие, нужно было документально подтвердить свое благородное происхождение. Пересмотры дел продолжались годами и так называемый «шляхтенский разбор» растянулся на десятилетия.

Темнеет. Потрескивает фитиль догорающей свечи.

Отточенное гусиное перо, чернильница. Жбан с квасом. Книги в кожаных переплетах, отпечатанные в старинной, в XVI веке основанной за каменными стенами Лоскского замка, типографии. Самолично переплетенные паном Тадеушем рукописи, которые он держит подале от посторонних глаз. Свернутый в трубочку и перевязанный шнурком «Минский вариант» проекта Русской конституции, написанный декабристом Никитой Муравьевым. Устав «Демократического общества», тайной организации, членом коей со студенчества состоял Тадеуш Савич. Сверху выведено: «За нашу и вашу свободу!». Под этим лозунгом студенты Виленского университета добивались расширения польского восстания на земли бывшего великого княжества Литовского. Самая драгоценность – стихи на «полесском» языке двоюродного брата хозяина усадьбы, инсургента и поэта Франца Савича: «Там, близко Пиньска на широком полю». Как видно, кипение и возмущение умов в Польше достигло и фольварка Лоска.

Во дворе залаял пес. Пан Тадеуш обернулся с удивлением: в чем дело?

Дворовой человек стянул с головы шапку, поклонился и протянул сверток:

- Ваша милость, почту привезли из Вильны.

Хозяин сорвал с длинного узкого конверта печать, развернул сложенный вдвое шершавый листок и сразу узнал руку своего однокурсника по Виленскому университету. Письмо содержало известие об аресте Франца Савича. Изменившись в лице, Тадеуш несколько раз быстро прошел по комнате. Постоял, задумавшись, затем крепко стиснул зубы и замкнул на ключ дверь.

Он сгреб со стола конверты, деловые бумаги, рукописи и, помечая свой путь к печи белыми листками, ворохом бросил их у огня. Сверху кипы легло, как эпитафия, письмо Франца:

- Боже мой! Подумать страшно, что ждет его: каторга? Кавказ?

Тадеуш поднес к глазам и повторил строки, кои давно уже знал наизусть: «И с высоты виселицы, как с высоты трона, должен призвать: восстаньте, народы! Восстаньте во имя растоптанных прав человека!» В печи горели, потрескивая, сухие березовые дрова. Пан Тадеуш расшевелил кочергой угли и одну за другой стал бросать в огонь бумаги, отвернув от

пышущего жара разом потускневшее лицо. Листы схватывались с краев огнем и темнели, и рассыпались коричневыми хлопьями.

Идея возрождения Речи Посполитой, которая постоянно возбуждала восстания в Польше, имела сторонников и среди русской полонизированной шляхты в Западной Белоруссии.

Результатом волнений 1830 года стали действия русских властей по деполонизации Западного края: перевод делопроизводства и обучения в учебных заведениях на русский язык, закрытие Виленского университета, аресты инсургентов и увольнения со службы шляхтичей, участвовавших в восстании. В конце концов, в 1839 году на Полоцком соборе была ликвидирована уния, а униаты переведены в православие. Как всегда, государственная машина разворачивалась тяжело, не замечая деталей.

Дворянское достоинство Савичей подтвердили в 1847 году. Документы подоспели к похоронам. Пан Тадеуш и его жена Анна умерли от холеры, оставив малолетнего Людвиг на попечение дяди. Егор Савич служил управляющим у помещика Алоизия Пржецишевского, в его имении Изряки, что под Полоцком.

6

1863 год ввел в исторический обиход понятия «белые» и «красные». «Белой гвардией» называли партию польских магнатов, которые последовательно стремились восстановить Польшу в границах Речи Посполитой 1772 года. «Красные» же подбивали на бунты крестьян и включали в свою программу решение аграрного вопроса. Не имея сил на открытые столкновения с русскими войсками, повстанцы действовали методами партизанской войны.

Усадьба пана Пржецишевского превратилась в гнездо восстания. Отправив жену с младшими детьми в Ниццу, пан Алоизий всей своей мятежной душой окунулся в дело «белой гвардии».

По улицам фольварка разъезжали телеги с вооруженными людьми, на вспененных лошадях мчались из Варшавы в Минск курьеры в вязаных конфедератках. В костелах распевали патриотические песни и оскорбительные куплеты, прятали оружие и прокламации, а католическое духовенство открыто призывало: «Лучше забыть обиду на панов и помнить, что главный враг – это москаль!» Магнаты вывозили за границу имущество из имений и выходили «до ясу», где составлялись вооруженные отряды для войны с «пшеклентыми москалями»: мелкая шляхта, чиновники, разночинцы, гимназисты, дворовая челядь. Смута охватила все шесть губерний Западного края. Горели православные церкви, целые деревни, населенные староверами, казенные присутствия. Повстанцы врываются в волостные управления, срывают портреты Александра II, рубили телеграфные столбы.

Сын хозяина имения Адам Пржецишевский, одетый с иголки франт, и молодой управляющий Людвиг Савич, в бурке, расшитой ручками белолицей пани, крутились в центре событий. Под видом хозяйственных дел они обходили «рогатки», устроенные правительством, и отводили лошадей и коров в лес, который покрывал отряд литовского магната пана Свенторжецкого, как густая пуща.

Руководители «красного крыла» безуспешно пытались втянуть в бунт крестьян, которые по большей части были православными или униатами и польские интересы не разделяли. Несколько русских полков, в числе которых и был Смоленский резервный, в пару месяцев остановили восстание. Генерал-губернатор Муравьев действовал решительно и энергично. Населению запретили выходить в ночное время без фонарей, носить траур и провели земельную реформу. Западный край был замирен.

Пан Алоизий бежал во Францию и продолжил свою «подрывную» деятельность в парижских салонах. Имение Изряки сожгли, землю по новому закону передали крестьянам, а имущество конфисковали в казну. Адама Пржецишевского сослали в Олонецкую губернию за «прием у себя мятежников и помощь продовольствием». Людвиг Савич, управляющий сгоревшим имением, за «отвод лошади и коровы» по решению сначала Полоцкого, а затем Витебского суда был лишен дворянского достоинства и отправлен на военную службу в войска Сибири.

«ДЕЛО О ШЛЯХТИЧЕ САВИЧЕ»

«Правительствующий Сенат полагает: утвердить приговор Витебского Главного суда Первого департамента, с коим согласился и тамошний гражданский губернатор. Людвиг Савича, лишив оного права именоваться шляхтичем и доказывать сие достоинство, отдать в солдаты; в случае же совершенной неспособности к военной службе, сослать в Сибирь на поселение. Дело сие слушано и решено в Гражданском Департаменте Государственного Совета. Список препровожден к господину управляющему Министерством Юстиции при отношении Государственной Канцелярии».

К военной службе Людвиг Савич оказался годен. Через пять лет он получил освобождение от полицейского надзора и свидетельство на свободное проживание.

Вернулся в Вильно. Старый друг и однокурсник отца по Виленскому университету помог устроиться в губернскую канцелярию, а потом рекомендовал на место управляющего имением в фольварке Панюшковичи Могилевской губернии. Там, окончательно остепенившись и приняв русское произношение отчества, и устроился Людвиг Федорович с женой Варварой Александровной и дочерью Сашенькой. В 1876 году у них родился сын Михаил. Репутация молодого Савича укрепилась, предложение управлять необъятным имением Плесы Бобруйского уезда пришло вовремя и упрочило положение семьи, в которой появились на свет еще двое детей: сын Александр и дочь Зиночка. Обоих крестили в деревне Телуша, в Свято-Николаевской церкви.

Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

А. С. Пушкин, «Клеветникам России»

...По согретой солнцем Преображенской улице в коричневом гимназическом платье бежит дочка освободителя Плевны, внучка черниговского казака и героя 1812 года, бежит навстречу потомку польских инсургентов и своей судьбе...

7

Река Остер

В квадрате солнечного света лежал и пах душисто вынутый из печи хлеб. Миша поднял край белого, расшитого красными петухами рушника, отрезал, не жалея, пружинистый ломоть и вышел в сад.

Ветви грузно оседали под тяжестью гладких, почти восковых плодов. Мальчик потянул носом, вбирая в себя сладковатый яблоневый дух, и поднял руку. Яблоко скользнуло и наполнило ладонь.

- Вот сорванец! Опять без завтрака убежал! Выпей молочка, только свежее принесли, - окликнула его Мария Александровна.

Просторный дом, зимние стволы в белых, нарисованных известью носочках, сливовое варенье, выложенное Марией Александровной в фарфоровые розетки, - Миша прибил к семье Магдебургов. Привык к веселой насмешливости и немецкой педантичности старших сыновей покойного Трофима Васильевича, их командным голосам и витым аксельбантам, к неутомимой предприимчивости младших отпрысков и чернобровому, кареглазому, словно у гоголевской Оксаны, личику Жени.

- Реве та й стогне Днипр широкий», - запевали, собравшись за столом, братья Магдебурги, и Миша вступал неокрепшим юношеским тенором:

- Сердитый витер завыва.

Каникулы Михаил обычно проводил в Бобруйске, у родителей. В 1894 году он возвратился в Нежин в середине августа: семейство Савичей перебиралось в Гомель, где Людвиг Федорович устраивался основательно, на покой. Вернувшемуся неурочно Мише постелили в гостиной на диване: комната была занята подпоручиком Григорием Магдебургом, который прибыл навестить семью по дороге к месту службы. По окончании пехотно-юнкерского училища он был откомандирован в 133-й Симферопольский пехотный полк, расквартированный в Екатеринославе - столице Южной губернии.

Всем, кто сдавал комнаты лицеистам, положено было вести кондуит. На разграфленных листах Мария Александровна отмечала поведение, происшествия, время и причину отсутствия своего квартиранта, добросовестно фиксируя события мальчишеской жизни. Писала она, правда, лапидарно: гулял, пел, а чаще всего - читал. Учился Михаил с душой, однако не без обычных подростковых проказ: мелькают время от времени и замечания - то службу церковную пропустил без уважительной причины, а то - на уроке вертелся.

Программа Нежинского лицея, построенная по образцу Царскосельского, сильно превосходила все то, что Миша изучал в Бобруйске, особенно по части древних языков и античной литературы. Впрочем, с классическими дисциплинами лицеист Савич справлялся без особых усилий. Хуже обстояло дело с немецким: в Бобруйской прогимназии из новых языков проходили только французский. Пришлось Михаилу - о, майн Готт! - усиленно корпеть над плюсквамперфектами. Вертеться стало некогда.

На выпускном экзамене каждого посадили за отдельный столик, причем столики расставили на почтительном расстоянии друг от друга, чтобы исключить списывания и подсказки. Михаилу попалась «История тридцатилетней войны» Шиллера. Перевел легко. Пятерка. Не зря, видно, весну анахоретом просидел. По другим дисциплинам оценки тоже отличные. Одна только тройка затесалась в блестящий Мишин аттестат - по математике.

С тех пор так в семье и повелось: никто из нас по точным наукам выше среднего не поднимался.

В 1890 году Михаил Савич без вступительных экзаменов был зачислен в историко-филологический институт князя Безбородко.

Река Днепр

Скучная пыльная провинциальная жизнь: выпивка, карты и сплетни, может быть, и существовала где-нибудь, кроме романов Куприна, но только не в Екатеринославе – блестящей военной столице Южной губернии. Сюда, начиная с турецкой войны, сместился центр формирования русской армии для защиты южных границ, а также созданная знаменитым русским хирургом Пироговым главная госпитальная база.

Со времен Екатерининского путешествия по Крыму город рос и ширился вокруг величественного Потемкинского дворца. По-петербургски роскошные залы с хрустальными канделябрами, мраморные колонны, тайные подземные ходы и секретные комнаты будоражили воображение студентов разместившегося во дворце Горного института.

Экономический бум, захвативший южную столицу Империи, вознес ее до сравнений со столицей северной. Первая в России трамвайная линия с юркими зелеными трамваями, громада Брянских металлургических заводов, нависшая над Днепром, модные магазины, салоны в домах интеллигенции, роскошные гостиницы, где в зеркальных ресторанах пили крымское вино с императорских виноградников бельгийские концессионеры и малороссийские купцы из крепостных, – успех стоял в воздухе, крепкий, как запах дорогих сигар.

Екатерининский бульвар залит электрическим светом. По аллеям, обсаженным двойным рядом акаций и каштанов, гарцуют на холеных лошадях молодые офицеры Симферопольского и Феодосийского полков расквартированной в Екатеринославе 34-ой дивизии. Оставив казармы, расположенные на правом берегу Днепра, они выезжают вечером в город «развлекаться». Выбор велик: Английский клуб, первый в России после петербургского, где выступают с концертами Шаляпин и Скрябин, Офицерское собрание – рулетка, карты, модное до лихорадки лото и выставки передвижников, Благородное собрание со своим драматическим театром. Летом – скачки, яхты, гуляния в пышных городских садах с фонтанами и оранжереями. Зимой – катки, ледяные горки, балы.

Скрипит под колесами снег, пятна фонарей сливаются в одну неровную полосу, светится серебряная мостовая Екатерининского бульвара. Редкий медленный снег ложится на электрические гирлянды, опутавшие белые ветви акаций, на елку у входа в отель «Бристоль», увешанную золочеными орехами, бубликами, лентами. Сверкают сквозь снежную завесу стрельчатые окна Английского клуба.

Коляска остановилась у подъезда. Швейцар в коричневой ливрее с золотыми галунами предупредительно распахнул настежь дубовую дверь. Легко соскочив на ковровую дорожку, невысокий щеголеватый офицер вошел в вестибюль.

Веселый запах мороза, духов и пудры. Стремительно летит с плеч заснеженный мех, брызжут с хрустальных подвесок разноцветные огни; огромное, во всю стену, зеркало наполняется кружевами, нежной белизной перьев и мельканием рук, быстро пробегающим по несуществующим складкам. Со второго этажа несутся бравурные звуки оркестра Симферопольского полка. Раскланиваясь и ловко лавируя между возбужденных музыкой и светом дам, офицер взбежал по широкой лестнице с мраморными перилами.

В бильярдной, низко склонившись над зеленым сукном, целил кий поручик Феодосийского полка Леонтий Ломаковский. Его соперник, капитан Люткевич, крутил в руке стек с золотым набалдашником в виде льва, и, закинув назад голову с коротким светлым ежиком, выпускал ровные круги дыма. По его спокойному и равнодушному виду невозможно было догадаться, что он проигрывает. Кий сухо щелкнул по шару. Ломаковский выпрямился, весело повел плечами и

оглядел столпившихся вокруг стола военных торжествующим взглядом. Он казался бы надменным со своим тщательным офицерским пробором и крепкими решительными губами, если бы не румянец во всю щеку, насмешливые искорки в глазах и ловкие молодые движения.

- Григорий! - он приветственно качнул кием офицеру, который появился в дверях бильярдной, неся за собой праздничный будоражащий гул. - А я тебя жду! Пойдем в зал! Там уже танцуют!

У окна, быстро обмахиваясь веером, стояла немолодая крупная дама в пенсне. Подавшись вперед, она покровительственно шептала что-то девушке в белом гладком платье.

- Ма тант, - пропел Леонтий, подлетая к величественной даме, - позвольте представить вам моего сослуживца, поручика Магдебурга.

Григорий поклонился.

- Моя сестра Александра, - радостно засиял Леонтий.

- Все говорят, что она на меня похожа.

Каштановые волосы кружились вокруг слегка склоненной головы, внимательно и ясно смотрели - и правда, такие же, как у брата - чуть насмешливые глаза.

Александра. Боже мой!

- Полонез! - закричал за спиной громкий фальцет, и маленькая рука в лайковой перчатке доверчиво легла в его ладонь.

9

Река Остер

Не любительница была Мария Александровна ходить по присутствиям, да и кто любитель?

Оказавшись в казенном учреждении, она робела, делалась жалкой и маленькой, теряя слова, путано - от Адама - рассказывала про свое вдовство, про протертые пальтишки и рукава до локтя, про мужнины медали и опустевшие комнаты. Глаза тут же оказывались на мокром месте, ничего не помогал извлеченный из ридикюля кружевной платок, а казенные лица расплывались и белесыми пятнами кружились вокруг нее в пугающем хороводе.

Старших сыновей Трофим Васильевич, Царствие ему Небесное, успел поднять. Все трое служили в чинах, хоть и небольших по молодости лет, но на хорошем счету. Жаль, конечно, что квартировали их полки в разных городах, но этим ни братьев Магдебургов, всю жизнь проездившим за отцом по военным гарнизонам, ни саму отставную майоршу не напугать.

Младших Марии Александровне пришлось растить уже одной. На небольшую пенсию, которую назначили после смерти отца семейства, прожить было можно, учитывая ловкость и сноровку, с которой она вела хозяйство, однако хорошее образование в ее скромные расчеты не укладывалось. Вместо Лицея, который блестяще закончил Гриша, или кадетских корпусов, где учились Василий и Владимир, пришлось отдать мальчиков в Народное училище. Курс в недавно открытом учебном заведении, которое оказалось серьезным сверх ожиданий, подходил к завершению, и пора было думать о высшем образовании. Не простит ее Трофим Васильевич, если не поставит она младших на военную стезю.

Повздыхав и поохав, Мария Александровна застегнула брошью воротник парадного шелкового платья, и, поручив семейство попечению Ларисы, жены старшего сына, специально вызванной по этому случаю из Новгород-Северского, отбыла в Чернигов – хлопотать.

Так горда и счастлива была Мария Александровна успехом своей черниговской поездки, так размышлялась о новеньких юнкерских мундирах, которые сошьют для ее сыновей нежинские портные на «материальное пособие, назначенное военным ведомством» вдове ветерана трех кампаний, что не заметила сразу замешательство и даже робость на милом лице старшей невестки.

Заметив же, быстро и бдительно окинула взглядом всю компанию, высыпавшую на крыльцо встречать наемную карету, которая доставила мать семейства в родные пенаты: количество совпадает, руки-ноги на месте. У Павлика коленка расцарапана, Костю и Яшу пора стричь или, по крайней мере, расчесать, краснощекая Женечка наглажена и сверкает чистотой, а Боренька, первый внук – ах, не дожил Трофим Васильевич! – сынок Владимира и Ларисы, уверенно держится на крепеньких ножках, ухватив за юбку явно расстроенную чем-то мать.

- Лариса, дорогая, - Мария Александровна ласково отстранила облепивших ее детей, - что случилось?

Невестка всхлипнула и протянула измятый бланк телеграммы таким жалким и беспомощным жестом, что у человека покрепче, чем ее свекровь, сжалось бы сердце:

- Володю от должности отстранили.

Женитьба на Ларисе Дмитриевне, - неуместно заглядевшись на невестку, подумала Мария Александровна, - перевешивает всю Володину незадачливость. Предприимчивый и энергичный нрав, упорство и даже некоторая, прямо скажем, строптивость, которую сдерживать могла только твердая рука отца, постоянно толкали подростка на приключения. А ведь он всегда хотел, как лучше!

- Вот и дед такой же был, - говорил, бывало, Трофим Васильевич, латая разодранный в драке ранец, - горяч, на расправу скор! Под руку подвернешься - только вихры береги, - он задумчиво, словно припоминая, пригладил ладонью редкую седину. - А в бою удержу не знал! Лихой рубака!

Полагая военную службу единственным возможным жизненным путем для своего сына, Трофим Васильевич отправил Володю в Вольскую военную школу, служащую подготовительным заведением для юнкерских училищ. Это учебное заведение, расположенное в Саратовской губернии, известно было строгими правилами и жестким регулированием. Туда направляли тех воспитанников из военных гимназий и Пажеского корпуса, которые по разным причинам нуждались в особом воспитательном подходе. Доброе и сильное влияние педагогов, жесткий надзор сделали свое дело. Володя благополучно завершил четырехлетний курс и был зачислен в пехотный Бессарабский полк вольноопределяющимся второго разряда. Получив чин унтер-офицера, Владимир с увлечением готовился к экзаменам в юнкерское училище.

Зацепив за уши медные дужки очков, Трофим Васильевич читал вслух Володины письма, которые упорно называл реляциями, а Мария Александровна, присев рядом с рукодельем, клевала головой в такт знакомым строчкам. Идиллия, однако, продолжалась недолго. Очередная «реляция» принесла сокрушительное известие: унтер-офицер Владимир Магдебург уволен из армии по причине болезни почек. Не сказать, для кого удар был сильнее: для отца, уже представляющего сына в офицерском мундире, или для сына, лишившегося карьеры, о

которой мечтал с детства. Или для матери, к которой вернулся ее ребенок, больной, растерянный, незадачливый.

Кухня Марии Александровны напоминала одновременно и алхимическую лабораторию, и кладовую знахарки. Настырно пахла мята, с потолка свешивались веники всеисцеляющего зверобоя, на подоконнике сушилась ромашка. Мешочки с листьями смородины, со сморщенной брусникой и малиной теснились на деревянной полке вдоль стены, на печи тоненько дымился отвар. В шкафчиках копились пустые бутылки и баночки, ожидающие своего декохта или зелья. Тяжелее года, чем этот, она припомнить не могла. Муж кашлял все сильнее, боли в груди сделались нетерпимыми. К зиме слег окончательно.

Володя устроился служить в канцелярию. Ничего более несовместимого, чем он и делопроизводство, представить было нельзя. Вечерами притихшие родители слушали, как он меряет шагами комнату, словно отсчитывая про себя: ать-два, ать-два.

На похоронах Трофима Васильевича к вдове, окруженной понурыми ребятишками, подошел старый друг покойного, Антон Петрович Васильченко, нежинский полицмейстер:

- Пришли-ка, Мария Александровна, ко мне Володю. Пора ему возвращаться на государеву службу.

Фуражка из темно-зеленого сукна с козырьком, серосиние шаровары, вправленные в сапоги; на поясе - револьвер в кобуре из черной глянцевой кожи на трехцветном офицерском шнуре и шашка драгунского образца - полицейский надзиратель Владимир Магдебург начал службу в Нежине. Через год, уже с молодой женой, он был переведен в Новгород-Северск. Жизнь начала налаживаться. Больше всего жалел Владимир, что отец скончался, не увидев внука.

Мария Александровна выронила телеграмму. Серый листок, подхваченный легким речным ветерком, спланировал и лег на траву между двумя женщинами, как знак беды. А беда была, как всегда у Володи, комбинацией из его обычной незадачливости и усердного стремления.

В тот злополучный день он был вызван по тревоге, поднятой местным обывателем, в горячую точку Новгород-Северского - площадь перед казенной винной лавкой, расположенной недалеко от стен Спасского монастыря (откуда, кстати, вышел в большую политику Лжедмитрий). Причину тревоги угадал сразу: шум, крики и иные признаки бесчинства всему городу доносили о незаконном скопище. Послав караульного за помощью в соседний участок, Владимир ринулся разнимать вошедших в раж пьяных ломовиков. Красномордый детина, отлетевший в сторону от тяжелого толчка в плечо, быстро нагнулся к голенищу. Полицейский выхватил шашку. «Поранение посторонней личности», которое вмиг отрезвило буянов, повлекло судебное разбирательство и устранение подследственного от должности без сохранения содержания.

Владимир снова приехал в Нежин. Снова мерил шагами комнату с окном в сад, а мать и жена тревожно выгибали брови и вздыхали, прикладывая к тонкой бязи выкройки панталончиков. Лариса, придерживая рукой тяжелый живот - ну точно, двойня! - относила мужу поднос с брусничным отваром и тихонько прикрывала дверь, словно оставляя там тяжелобольного.

Через год Киевская судебная палата полностью оправдала действия полицейского надзирателя города Новгород-Северского. Повеселевшая семья, укутав в бабушкин салоп новорожденного, отбыла на новое место службы отца в город Глухов.

Смущенную Марию Александровну в неизменном ее выходном шелковом платье усадили на почетное место между предводителем дворянства, действительным статским советником Троциной и полицмейстером Антоном Ивановичем Васильченко, у которого сын в этом году поступил в Нежинский Лицей. Супруга Троцины, Анастасия Федоровна, в натуральном бальном туалете рассеянно лорнировала портреты императоров и императриц в золоченых рамах, а особенный сегодняшней гость – Петр Федорович Кушакевич, родственник золотопромышленника и основателя женской гимназии, – благосклонно взирал на робеющих гимназисток в форменных платьях и белых передниках с воланами. Антон Иванович, раскланявшись с Марией Александровной, спросил с живым участием:

– Как Володя служит на новом месте? Начальство довольно?

– Слава Богу, Антон Иванович, вроде бы наладилось, – захлопотала Мария Александровна, – так вам благодарна, нет слов. Если бы не вы, не знаю, что бы с ним и стало.

– Рад слышать, Мария Александровна, за него рад и особенно за вас. Впрочем, всегда был уверен, что сын Трофима Васильевича службу знает.

Столетие Пушкина отмечали по всей стране с помпой. Музыкально-литературное собрание, которое привело в актовЫй зал Лицея городской бомонд, было устроено силами всей образованной нежинской молодежи.

Один за другим появлялись на сцене воспитанники и воспитанницы городских гимназий, лицеисты и студенты. Взволнованные и раскрасневшиеся, они читали стихи, пели романсы, представляли отрывки из пьес. Юный Чернявский-Дубинский сорвал аплодисменты гимназисток, продекламировав стихотворение собственного сочинения «В честь Пушкина».

Когда на сцене выстроился объединенный хор студентов и гимназистов под управлением преподавателя пения Добиаша, Антон Иванович нагнулся к уху соседки и спросил шепотом:

– Мария Александровна, а Женя ваша когда выступать будет? Уже все собрание сочинений, кажется, спели!

Мария Александровна поднесла к черепаховым очкам полицмейстера розовую программку и показала на последнюю строчку: «Борис Годунов. Сцена у фонтана. Читает Евгения Магдебург».

Вместе с другими певцами Миша Савич спустился со сцены и присел на свободное место.

Фонтана на сцене не было. Не было и Лжедмитрия. В круге света стояла кареглазая девушка, ничуть не растерянная, наоборот, уверенная и стремительная. Казалось, она остановилась на бегу и сейчас же помчится дальше. Пышные пепельные волосы, которые обычно заплетались в две тугие косички, а теперь поднимались вверх во взрослой замысловатой прическе и были увенчаны, как тиарой, высоким гребнем, открывали побелевшее лицо. Миша знал, что для «интересной бледности» Женя тайно от мамы пьет уксус, но забыл немедленно от охватившего его странного волнения, будто он видел перед собою не подружку, которую катал на санках по замерзшей речке, а незнакомое и загадочное существо.

Я требую, чтоб ты души своей

Мне тайные открыл теперь надежды...

Выбор стихов Миша не одобрял, фыркал и посмеивался, когда Женечка, вытянув губки в трубочку и встав перед зеркалом на цыпочки, изображала из себя надменную полячку.

- Я тебе от души советую, прочти лучше «В те дни, когда в садах лицея я безмятежно расцветал.».

- Сам про свой лицей учи, - обиженно отмахивалась Женечка и вечерами пришивала на польский костюм кружева, споротые с маминого выходного платья.

Чтоб об руку с тобой могла я смело
Пуститься в жизнь - не с детской слепотой,
Не как раба желаний легких мужа,
Наложница безмолвная твоя,
Но как тебя достойная супруга...

А. С. Пушкин, «Борис Годунов»

Загадочное существо вылетело из-за кулис и, подхватив юбку, запрыгало вокруг него на одной ножке:

- Миша! Я правда лучше всех читала?

11

Дипломную работу «Педагогические взгляды Платона» Михаил подготовил к маю и сдал образцово. Вскоре пришла разрядка из ведомства народного просвещения.

По закону стипендиаты, окончившие Нежинский институт, обязаны были шесть лет отслужить преподавателями по назначению министерства. Скоро все разъедутся: Чижевский - в Керченский институт благородных девиц, Басаргин - в Витебскую гимназию, Суханов - в Елтомскую, Филиппов - в Аккерманскую. Савичу пришло назначение преподавателем русского языка и словесности в Кишиневскую первую женскую гимназию.

Первое важное дело в своей жизни он завершил. Другое жизненно важное решение крепло в нем.

- Ты, Мишенька, мне сразу по душе пришелся, - Мария Александровна улыбнулась, вспомнив подростка в гимназической тужурке с длинными, на вырост рукавами, - а за эти годы я тебя полюбила, как родного сына. Отвечу, не размышляя: я тебе дочь доверяю, и Трофим Васильевич был бы рад.

Она вытерла глаза, как всегда, когда вспоминала покойного мужа, и покачала головой:

- Не знаю, право, как она сама к этому отнесется: вчера только из гимназии, еще куклы на уме. Иди, Миша, поговори с ней. С Богом.

Лепестки метелью кружили на дорожке, сыпались на траву, на скамейку, на душистые пепельные волосы.

- Соглашайся, Женечка! Я тебя всю жизнь конфетами кормить буду!

18 июня 1901 года Михаил подал директору института по одинаковому для всех высших учебных заведений образцу прошение о разрешении вступить в брак.

«Господину ректору (или директору) _____

от _____ студента _____ курса _____

_____ факультета (или отделения) _____

_____ имя и фамилия.

ПРОШЕНИЕ

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство возбудить ходатайство о разрешении мне вступить в брак с (указать звание, имя, отчество и фамилию невесты).

При сем имею честь представить свидетельство о поведении и нравственных качествах моей невесты ^[1], а также заявление о неимении препятствий к вступлению в брак как со стороны моих родителей, так и родителей невесты». ^[2]

12

На заутрене в храме с увитыми хмелем кирпичными стенами звучал псалом «На реках Вавилонских»:

- Прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя. Забудь меня десница моя, если я забуду тебя. - Михаил обернулся к невесте, улыбнулся, и она кивнула в ответ.

Они стоят перед алтарем, молодые, счастливые и полные надежд. Что слышат они в грозных библейских словах? Что пророчит им древний псалом? Что принесут им Вавилонские реки?

13

Во второй части метрических книг, хранящихся при Нежинской Преображенской церкви Черниговской епархии, под номером 16 за 1901 год значится: «1901 года июля 29 дня окончивший Нежинский историко-филологический институт князя Безбородко Михаил Людвигович Савич, православного исповедания, 24-х лет, вступил в первый брак с девицею, дочерью отставного майора, Евгенией Трофимовной Магдебург, православного исповедания, 18 лет.

Бракосочетание совершено причтом Преображенской церкви Нежина».

Подписи священника и диакона неразборчивы.

- Одного не пойму: зачем взрослому человеку нужно просить у директора разрешения на женитьбу? - спросил Саша Савич и быстрыми, веселыми глазами оглядел общество, как будто проверяя, какой эффект произведет на новых родственников смелость его суждений.

- Затем, - рассудительно произнес старший брат, - что во всем должен быть порядок. Батюшка моей супруги, - Михаил засиял улыбкой, а Женя, будто не сразу сообразив, что речь идет о ней, вскинула глаза так удивленно, что все невольно рассмеялись, - Трофим Васильевич рассказывал, что в свое время даже на ношение очков прошение подавали. Показывал: в формуляре, в графе, где чины и награды, записано: «Разрешено носить очки».

Хотя и польщена была Мария Александровна, что молодой зять так деликатно вспомнил ее

покойного мужа, однако же споров не любила и тут же пригласила гостей к столу. Чай накрыли в саду.

Солнце садилось за дальними крышами и озаряло листву косыми лучами. Благодушно расстегнув сюртук, дремал в плетеном кресле Людвиг Федорович. Его утомили и ночь в дилижансе, курсирующем между Гомелем и Нежиным, и завтрак на скорую руку на неопрятном постоялом дворе, а по совести говоря, и само венчание, на котором надо было держать марку и не показывать сыну, как постарел и ослаб, похоронив жену, его отец. Время от времени старик вздрагивал, точно разбуженный ему одному слышным зовом, окидывал молодежь благосклонным взглядом и снова засыпал, склонив к плечу серебряную голову.

Павлик Магдебург, специально не снимавший мундир с золотыми эполетами, чтобы никто ни на секунду не упустил из вида, что перед ним – вновь произведенный подпоручик, ловкими, точными движениями выбирал из вазы самые яркие яблоки. Младшие братья с зелеными юнкерскими погонами на угловатых плечах пощипывали невидимые миру усы и наперебой развлекали Зину Савич историями из своей коротенькой биографии. Склонив вбок головку, увенчанную короной темно-золотых волос и юностью, сияющей на нежном белом лбу, – не напрасно билась на ее висках тонкой ниточкой голубая кровь благородных Савичей – Зиночка постукивала о траву черной туфелькой и насмешничала:

- А ведь скоро, господа юнкера, войн совсем не будет! Недавно Нобель, знаменитый шведский изобретатель, предложил новую взрывчатку, называется «баллистит». У нее такая сила ужасная, что придется от битв совсем отказаться, иначе все погибнет. Так сам изобретатель считает, я в «Новом времени» читала. Правда, Саша?

Ероша темный бобрик, Саша Савич бросился спорить с пунцовыми от возмущения юнкерами, а Александра Людвиговна, до которой доносились горячие восклицания про прогресс, семимильные шаги науки и женское образование, снисходительно удивлялась про себя, какие странные разговоры ведут нынешние барышни с молодыми людьми. Старшая сестра приехала на свадьбу с мужем. Капитан Флор Иванович Долинский слыл в полку бретером и большим любителем «разложить винток». Столько слухов, скандальных и романтических, ходило о его поединках, что Людвиг Федорович не сразу дал согласие на брак своей старшей дочери. И вовсе не увлечение Александры красавцем-гусаром смягчило отца, а намек Варвары Александровны на заметную – почти в двадцать лет – разницу в возрасте: остепенится капитан, пора уже.

Флор Иванович поднес папиросу к своим холеным усам и, оживившись, повернул к поручику Магдебургу сухощавое породистое лицо.

- А ведь я, Григорий Трофимович, с вашим батюшкой в Ярославском полку вместе служил. Он в турецкую кампанию был уже в чинах и воевал под началом героя Скобелева, а я тогда только начинал военную карьеру. Довелось принять участие во втором штурме Плевны ординарцем генерал-лейтенанта барона Криднера.

Придвинув графин, Григорий неторопливо наполнил граненые рюмки:

- Про вторую Плевну мы с братьями от батюшки много наслышаны, – он обернулся, подмигнул Владимиру, и они, точно сговорившись, согласно запели:

Аты-баты, в прошлую войну,
Аты-баты, с турком воевали.

Общий разговор распался. Капитан Долинский, воодушевленный жадным вниманием сыновей

своего сослуживца, рассказывал, как его, молодого портупей-юнкера, чуть не угораздило попасть в плен к самому Осман-паше, о канонаде на Шипкинском перевале, о шторме, который настиг корабль, на котором победители возвращались из Адрианополя в Одессу.

Лариса Дмитриевна, с трудом отцепив от отцовского кресла пятилетнего Женю Долинского, увела детей и племянников спать. Чуть позвякивая посудой, налила чай и присела, наконец, Мария Александровна, охваченная тихой счастливой усталостью.

Спустились сумерки. Михаил сходил в дом и принес из столовой керосиновую лампу с несгораемым фитилем. Темнота поглотила краски, и казалось, что силуэты его родных стали черно-белыми, как на дагерротипе. Огонек дрогнул, погас, и они исчезли...

Глава 2. «Голубые мечи»

1

Гранд Канал, Венеция

Облокотясь на теплый мраморный парапет, Женя следила, как свет играет на лакированных боках гондол. Жара, но с нежинской не сравнить! Непонятно и звонко пели гондольеры, тараторили хозяйки с черными платками на плечах, перебирая на лотках фрукты, – куда до нежинских! Ресторанные зазывалы хватали прохожих за рукав, быстро и гневно доказывая что-то на своем летучем языке. «Pesce», пещче, пескарь! – это рыба по-итальянски! – догадалась Женя и вздохнула: – Хорошо Мише – его латынь понимают даже продавцы устриц на рыбном рынке.

– Каналы, как громадные тропы,/ Манили в вечность; в переменах тени/ Казались дивны строгие столпы, – процитировал Михаил строчки модного поэта Брюсова из «Данте в Венеции», любясь на арочные опоры моста.

– А что нам говорит по этому поводу Бедекер? – из кармана белого парусинового пиджака он извлек путеводитель и открыл на загнутой странице. – Бедекер говорит, что мост Риальто перестраивался четыре раза, но на нем всегда сохранялись торговые лавочки. Женечка, а не хотела бы ты узнать, что предлагают венецианские купцы? Может, выберешь сувенир в память о нашем свадебном путешествии?

Свет лился сквозь разноцветное муранское стекло, в изобилии заполняющее полки тесной лавчонки: бокалы, вазы, танцующие фигурки.

– Прего, сеньора! – хозяин засиял и засуетился так радостно, словно ее приход означал счастливый поворот в его доселе нескладной судьбе. Женечка вдела в ушки коралловые серьги, и, изогнув голову, поймала свое веселое отражение в мгновенно подставленном хозяином зеркальце. – Белла сеньора, беллиссимо!

– Выбрала? – спросил Михаил, который ждал ее у входа, перелистывая Бедекер.

– Си, сеньор, – она засмеялась и протянула ему перламутровую раковину в серебряном ободке с искусно вырезанным образом Божией Матери.

2

Река Бык

Проклятый город Кишинев,
Его язык бранить устанет.

А. С. Пушкин, «Из письма к Вигелю»

Михаил Людвигович шел на службу по Пушкинской улице и удивлялся несправедливости классика: самому ему импонировал сонный знойный город, широкие улицы, пустеющие в послеобеденную сиесту, сады, белые столики летних кафе и крытый черепицей домик с палисадом в кривом переулке возле Дворянского собрания, их первое семейное жилье. Молодой паре нравилось гулять в городском парке, пить лимонад в ресторане «Кампари», любоваться курчавой головой с бакенбардами на гранитном постаменте – и пожимать плечами: за что же Александр Сергеевич так не любил Кишинев?

К мраморным колоннам, украшающим вход в гимназию, одна за другой подкатывали коляски. Из них, подобрав юбки, выскакивали пышные, румяные бессарабки, которых привозили в модное учебное заведение из окрестных имений. Вверх по широкой лестнице, пытаясь под тяжестью корзинок с завтраками, спешила за ними прислуга. Поток форменных платьиц бурлил, распадался на ручейки, сливался в кружочки и островки. Завидев молодого преподавателя, барышни прекращали шушукаться и приседали в книксене, растянув пальчиками края голубых юбок. Сквозь благонаравно опущенные ресницы блестели черные лукавые глазки. Михаил Людвигович, признаться, робел. Подстригся ежиком, отпустил усы и короткую чеховскую бородку. Подумав, добавил пенсне, – для пущей солидности.

Спас молодого преподавателя не камуфляж, а театр. В Кишинев с гастрольями прибыл знаменитый трагик Лирский-Муратов, который отвлек на себя внимание восторженных гимназисток.

Пьеса, которую ставили в зале Благородного собрания, касалась близкого барышням предмета – «Отметка по поведению». Столичная знаменитость блистала в роли гимназиста, который получил двойку и с горя кончил жизнь самоубийством. Гимназистки, которые приходили на спектакль полными классами, бурно сострадали герою, рыдали и падали в обморок. Классные дамы негодовали, тщетно пытались пресечь непристойное поведение.

– Миша, – воскликнула Евгения Трофимовна, которая сама не так давно рассталась с гимназией, – я надеюсь, ты не очень строг со своими ученицами!

– В следующий раз, – сухо ответил Михаил, – пойдем в оперетту. Туда гимназисток не пускают.

В магазине Фельдштейна, расположенном около второго полицейского участка, Евгения Трофимовна купила инкрустированную шкатулку для писем.

Красной тесьмой перевязаны послания из Нежина. Крупными круглыми буквами, без запятых и с одной точкой в конце письма перечисляла мама домашние новости: и сколько насолила огурцов, и какие в это году удались арбузы, и как разрослась малина, которую еще при Трофиме Васильевиче сажали, и кто теперь все это будет есть?

Зеленой тесьмой обернуты письма из Екатеринослава. Григорий рапортует, словно перед строем. В июле 1902 произведен в штабс-капитаны. Дочь Сашенька уже разговаривает. Александра здорова.

Под синей лентой сложены конверты со штампом Вильно, куда перевели полк капитана

Долинского. Второго декабря 1902 года, - извещал Флор Иванович, - Александра Людвиговна благополучно разрешилась сыном. Назвали, как принято в семье, Сашей.

Письмо от Александра Савича пришло не из Москвы, как ожидали, а из Петербурга. Окончив гимназию с золотой медалью и получив тем самым право поступать в любое высшее учебное заведение без экзаменов, младший брат Михаила подал прошение о зачислении его в Московский университет на историко-филологический факультет. И вот новость - поступил в Петербургский Политехнический институт. Михаил недоуменно перечитывал: «...по электромеханическому отделению. Жить буду в Сосновке, в общежитии».

- Саша - юноша талантливый, ему науки легко даются. Как бы его это с толку не сбило. Сдается мне, Женечка, - покачал головой Михаил, - его призвание все-таки лежит в области словесности.

На душистых розовых листках, исписанных изящным Зиночкиным подчерком, появилось и замелькало все чаще новое имя - Аркадий Нелюбов.

3

После третьего курса студентов Петербургского Лесного института отправляли в научную экспедицию: в леса Финляндского княжества, в поля Тверской губернии, в сибирскую тайгу.

Аркадию Нелюбову вместе с двумя его однокурсниками, Володей Никлевичем и Генрихом Грюнблатом указано было Носовичевское лесничество. В основном сосна, а также дуб, граб, клен, береза и ясень. Студенты поселились в местечке Носовичи на речке Ути, в шести верстах от станции Зебровичи Либаво-Роменской железной дороги, в домике у смотрителя. Руководитель экспедиции, заведующий кафедрой почвоведения, профессор Петр Самсонович Коссович, устроился в самом Гомеле, в гостинице «Золотой якорь», но лесничество инспектировал практически каждый день.

Большой, грузный, в простых сапогах и неизменном кепи, он, казалось, сам устали не ведал и другим не давал залеживаться. Кроме основной программы по изучению леса и почв Носовичевского участка, Петр Самсонович привлек студентов к собственным исследованиям; а занимался он тогда изучением азотного питания растений. Мало того, что дело новое, интересное, молодым людям было лестно и то, что результаты их, пусть скромных, но собственных изысканий планировалось опубликовать в «Журнале опытной агрономии», недавно основанном самим Коссовичем.

В выходной Аркадий Нелюбов дошагал до станции Зебровичи и в шатком вагончике отправился в Гомель. Он был наслышан о местной достопримечательности - дворце и парке князя Паскевича-Эриванского, хотел полюбоваться и бросить, как говорится, научный взгляд.

Заплатив 12 копеек за вход, Аркадий двинулся по тенистой аллее. У ажурного железного моста нагнал профессора Коссовича. Петр Самсонович встрече нелицемерно обрадовался:

- В воскресный день студента скорее на прогулке с барышней заметишь, чем на познавательной экскурсии! Шучу!

Они прогуливались по парку, мельком окидывая взглядом статуи и гроты и подолгу застревая у цветников и оранжерей. Петр Самсонович по преподавательской привычке не умолкал, а массивную трость использовал в качестве указки.

- Убедительный пример удачного паркостроения. Заметьте, как скомпонованы в общие группы

различные породы деревьев: привычные для здешних мест клен, ясень и каштан, а рядом – веймутова сосна, пирамидальный дуб и даже маньчжурский орех, бархат амурский, гинкго-билоба. Кстати, обратите внимание на каменную бабу – подлинное скифское изваяние. А эта часовенка – усыпальница князей Паскевичей.

За разговором не заметили, как подошли к фонтану. У круглого мраморного бассейна стояла девушка. словно нарочно подставляя под брызги белое нежное лицо, она смотрела, как сильная струя столбом поднималась вверх, разворачивалась пышным плюмажем и осыпалась, образуя сверкающую водяную завесу.

– Зинаида Людвиговна! – Коссович поклонился с грацией, довольно удивительной для его тяжеловесной фигуры. – Позвольте вам представить моего ученика, Аркадия Николаевича Нелюбова. Образцовый студент! Пани Савич,

– пояснил он слегка опешившему от такой рекомендации Аркадию, – дочь Людвиг Федоровича Савича, управляющего, которого я иногда консультирую. Помните, как-то упоминал? Прекрасное семейство!

Коссович вынул из жилетного кармана брегет, хлопнул крышкой и лукаво взглянул на Аркадия.

– Может, довольно на сегодня лекций?

Он сделал тростью неопределенно-прощальный жест и быстро зашагал по аллее. Зина с Аркадием остались вдвоем. Вскинув голову, девушка с любопытством наблюдала за неуклюжими стараниями столичного студента завязать разговор. Тот мялся, мучительно изобретая тему, беспрестанно одергивал и без того туго натянутый белый китель, сняв фуражку, взъерошил широкой ладонью густые волнистые волосы, снова надел и долго поправлял, выравнивая лакированный козырек. Наконец, он вынул из кожаных ножен охотничий нож с вороненой рукояткой в отчаянной попытке использовать оружие – гордость студентов Лесного института – как повод для беседы. Зиночка прикусила пухлую губку, чтобы не рассмеяться – еще порежется! – и сжалась.

– А знаете, Аркадий Николаевич, что в парке есть смотровая площадка? Оттуда весь Гомель виден.

Они поднялись на третий ярус дворцовой башни. Не находясь Аркадий в замешательстве, он бы оценил панораму, от которой при других, более спокойных обстоятельствах, захватывало дух. Над берегом нависал обрыв, весь покрытый садами; по нему карабкались вверх церкви и домики. Справа – белая громада собора во имя Петра и Павла. Слева – каштаны элегантного проспекта и Конный рынок, заваленный сеном, как поле после покоса, роскошные каменные дома и полуразвалившиеся хатки, парадные площади, скверы и тут же сырость и лужи с добродушными бурыми свиньями.

– Вон там, видите, – белая ручка потянулась вперед, открывая тонкое, детское запястье, – Миллионная улица. Здание с колоннами – это гимназия. Мне в ней еще год учиться. За ней – почта, казармы Абхазского полка, тюрьма. Кладбище, справа еврейское, а слева – христианское. Там город и кончается.

– А за городом речка Утя и местечко Носовичи, где мы изучаем флору и фауну, – завершил экскурс Аркадий и с его самого поразившей смелостью добавил: – Можно, я к вам буду приезжать вечерами после практики?

Золотая головка великодушно кивнула.

4

Река Бык

Из телеграммы генерал-губернатора Кишинева фон Раабена министру внутренних дел от 6 апреля 1903 года: «Погром начался разрушением всех еврейских лавок и квартир на Новом базаре и сопровождался грабежами. Далее беспорядок перешел в центральную часть города, где камнями выбиты многие окна, включительно до третьих этажей».

Толпа затопила сначала рынок и окраины, сплошь заселенные евреями, малосостоятельным людом и чернорабочими, затем расширилась и захватила весь город. Казалось, это туча саранчи снялась с места, и грозно гудя, кружит по обомлевшему Кишиневу, не находя пристанища и оставляя за собой обглоданные руины.

Впереди по горячим пыльным улицам бежали подростки и били стекла. Громилы, вооруженные ломом и дубинами, вырывали рамы и по битому стеклу лезли в лавки и питейные заведения, бесцеремонно хватая товары; ломались в дома. Зеваки охотно присоединялись к грабежу и хватали все, что хулиганы выкидывали из окон.

Глядя из-за ограды, укрывающей домик с палисадом, Михаил Людвигович с ужасом узнавал среди бесчинствующих погромщиков знакомые лица: чиновников, студентов, мещан, – словом, тех, кого в Кишиневе считали представителями высшего общества.

Из дома напротив выскочила тетка в расстегнутом халате. В ее руке трясся уполовник с манной кашей. Зачерпнув ладонью жидкое варево, она начертила на воротах огромный белый крест.

- Варфоломеевская ночь! – ахнул Михаил.

- Миша, прошу тебя, зайди в дом! – закричала из окна Женя. Она пыталась закрыть изнутри ставню, та не поддавалась неловким рукам молодой женщины. – Надо запереть двери на засов!

Магазин Фельдштейна, где Женя купила шкатулку, теперь представлял собой голый остов. Через зияющие окна и провал двери с выломанным косяком видны были ободранные стены и загаженный пол, – не спасло, что стоял прямо против окон второго полицейского участка.

За калиткой послышался не стук даже, а робкое царапанье.

- Не открывай, Миша, – взмолилась Евгения Трофимовна.

- Не бойся, Женечка, погромщики так не стучат, – он приоткрыл калитку, и во двор рухнула скрюченная фигура Эфроима Цимбала, чья лавчонка ютилась в подвале соседнего дома. Благообразного и степенного торговца жестяным товаром узнать было невозможно: косо насунутая кацавейка облеплена пухом, и обычно-то сморщенное лицо с жиденкой бородачкой от страха сжалось, как сухое яблоко.

- Господин учитель, простите великодушно, боюсь в лавке оставаться. Вот-вот нагрянут! – затравленно озираясь, пробормотал еврей.

- Успокойтесь, Цимбал, – решительно сказал Михаил Людвигович. Он старался не глядеть на жену, которая стояла на пороге дома, закрыв ладонью дрожащий подбородок. Быстрыми

шагами Михаил пересек двор, остановившись у водостока, снял крышку с огромной бочки и махнул рукой жестянщику:

- Залезайте! Здесь вас никто не найдет!

Только на следующий день, в половине пятого пополудни, исполняющий должность начальника Кишиневского военного гарнизона генерал-лейтенант Беман получил от губернатора письменное отношение за номером 3726 с распоряжением о прекращении беспорядков. Применять военную силу не пришлось: как только на улицы вышли вооруженные патрули, погромщики мгновенно исчезли из центра города.

Пух и перья кружили в теплом весеннем воздухе и садились на деревья, как снег. Михаил Людвигович брел по Пушкинской, переступая через баррикады сломанной мебели, осколки зеркал, изуродованные самовары и лампы, клочья белья. В бурой луже, - то ли выпущенное вино, то ли кровь, обломки кирпичей, известка, плавали обрывки бумаги.

Как жить дальше в этом городе? Как подавать руку соседям, встречаться на бульварах и болтать в театральных антрактах с теми, кого он своими глазами видел в этой безобразной, потерявшей человеческий облик толпе? Какая поразительная вялость власти, а главное, легкость, с которой слетела с обычных горожан христианская мораль!

«Проклятый город Кишинев»...

Материалы назначенного расследования свидетельствовали: «По собранным по участкам сведениям, более или менее повреждено 639 домов, в 296 выбиты стекла. Кроме того, повреждены 93 магазина, 318 лавок и 45 питейных заведений, а стекла выбиты в 116 лавках. Таким образом, всех поврежденных помещений 1507. Всех раненых 526. Убитых всего найдено 32. Кроме того, в больницах умерло 11 человек из раненых».

Убитых похоронили, закрыв черными покрывалами. Возобновили торговлю магазины и лавочки. Заколотили досками дверные проемы, вставили стекла. Губернатора фон Раабена отстранили от должности; торжественно встретили нового, князя Сергея Дмитриевича Урусова, слывшего либералом. Он ходил по городу без охраны, знакомился с местными жителями, посещал учебные заведения. Побывал, к восторгу гимназисток, и в Первой женской.

Душно пахла акация. Сидя в послеобеденный час у раскрытых окон, распаренные обывательницы с ленивым любопытством провожали глазами редкую фигуру прохожего, ели дульчецы и запивали холодной водой.

Век-волкодав показал зубы.

Михаил Людвигович подал рапорт в Министерство образования с просьбой перевести его из Кишинева в иную местность по личным причинам.

В начале августа поступило официальное письменное подтверждение: перемещен в город Бердянск Таврической губернии, преподавателем словесности и древних языков в мужской гимназии.

«Маленький порт и курорт у Азовского моря, - писал о Бердянске мемуарист, проведенный здесь детские годы. - Днем - солнце, много солнца. Вечером - ласкающая теплынь. Кругом - сады».

Не скупилась на похвальные слова и газета «Крым»: «Жизнь в Бердянске значительно

дешевле, чем на всех других курортах. Сам город, расположенный на берегу моря и утопающий в зелени, с образцовой распланировкой, хорошими мостовыми и тротуарами, производит чарующее впечатление. В центре города – роскошный сквер, где ежедневно играет оркестр военной музыки; два театра, два клуба; часто устраиваются танцевальные вечера, концерты и спектакли. На море роскошное катанье на лодках».

5

Река Большой Кемчук

За Уралом мелькнул серый каменный обелиск, поставленный у полотна дороги – граница Европы и Азии. Стоя часами у дрожащего окна, Зиночка смотрела, как тянутся мимо поезда бесконечные леса, изредка прерываемые темными деревеньками и редкими станциями. Челябинск, Томск, Красноярск. В Ачинске пересадка. Поезд, набрав скорость, умчался назад, в Петербург, в так и не случившуюся нарядную столичную жизнь. Аркадий грузил саквояжи и картонки со шляпами, хлопотал, боком пробираясь по узкому коридору, нес кулек станционных пирожков, выпирающих сквозь промасленную бумагу, шумно объяснялся с проводниками, заказывал чай, а Зиночка куталась в мех и никак не решалась переступить порог купе, словно именно это был последний шаг, отрывающий ее от юных надежд. Сыпя искрами, маленький паровозик дотащил их до станции Покровка. В станционной гостинице, как, со смелым допущением, можно было назвать большую нечистую избу, смыли угольную пыль. До места назначения им предстояло добираться по Сибирскому тракту на санях. «Как декабристка», – подумала про себя Зиночка, но вслух не произнесла ни слова. Не только мужу, себе не признавалась она, что совсем не так представляла свое свадебное путешествие.

Проехав пятнадцать верст по накатанной дороге, они остановились. Аркадий выпрыгнул из саней и подошел к замерзшей реке. На другом берегу, высоком, обледенелом, лежало село, где им предстояло начинать самостоятельную жизнь.

– Ты знаешь, Зиночка, – закричал Аркадий жене, – говорят, летом от берега до берега здесь бывает сажен пятьдесят. Можно плавать на лодках и даже небольших судах. Но лед сойдет только в мае.

Зиночка уткнула нос в муфточку, чтобы приглушить всхлип.

Приехав в октябре 1903 года в Петербург, Зина столкнулась с обстоятельством, о котором до сих пор не подозревала. Отец ее жениха, Николай Алексеевич Нелюбов, статский советник, заведующий Математическим отделением Первого Российского общества страхования, пребывал с сыном в натянутых отношениях. С детства он определил младшего отпрыска в неудачники. Не оправдывал Аркадий родительских надежд: не давалась ему математика. Словно наперекор отцу, тянуло мальчика к естественным наукам. Вечерами, спрятавшись со свечкой от взрослых, он поглощал Брема, летом собирал гербарии и накалывал булавочками бабочек-капустниц, которых ловил желтым марлевым сачком в отцовском парке, – вместо того, чтобы решать задачки. Бестолочь, – посчитал отец и принял суровые меры.

Приют принца Ольденбургского был основан «почившим в Бозе принцем Петром Григорьевичем с целью воспитания и образования детей обоого пола, преимущественно – сирот». У многих воспитанников приюта, однако, были родители: «дворяне, чиновники и даже принадлежащие к высшему кругу общества, которые отправляют в Приют своих детей единственно потому, что последние, вследствие дурного надзора, воспитания и других неблагоприятных условий, вышли неудачниками». Однако даже опытные преподаватели почтенного учебного заведения интерес к математике у мальчика пробудить не смогли.

Аркадий поступил в Лесной институт. Отец отказал в поддержке. Упорство у обоих Нелюбовых было закоренелое, наследственное.

Все годы учебы Аркадий прожил в общежитии, хотя, по институтским правилам, студентам «министр Государственных имуществ позволяет жить у родственников».

Брачным выбором сына Николай Алексеевич тоже оказался весьма недоволен: прочил ему иную жену, не гомельскую мещанку. Заявление о неимении препятствий к вступлению Аркадия Нелюбова в брак подписал, не поднимая на сына глаз. Появившись в церкви на венчание, Нелюбов-старший постоял у входа, и, не представившись новым родственникам, уехал. Свадьбу, довольно скромную, своим присутствием не почтил.

От села Большой Кемчук Ачинского округа Енисейской губернии, куда Аркадия назначили помощником лесничего, до участковой лечебницы - 70 верст. До волостного правления - 54 версты.

Вечерами Аркадий сидел за подготовкой «рассуждения». Научную работу необходимо было представить для получения звания перворазрядного лесоведа, с которым можно претендовать на перевод в теплые края. Нелюбова как раз ничего из Енисейской губернии не гнало, но не мог он не видеть, что Зиновкиного великодушия надолго не хватит. Ее натянутый тон только беременностью не объяснить, да, по правде говоря, мыслимо ли красавицу с белым лбом шляхтенки запереть в Богом забытом сибирском селе?

Из подготовительных записей А. Н. Нелюбова к рассуждению «Материалы по изучению климата и природы Ачинского округа в долине реки Кемчук Большой».

Общая часть.

Округ занимает срединное положение внутри Сибири. Значительная часть района не освоена человеком и занята лесами. Полезных ископаемых до сих пор не найдено, только в долинах вытекающих из Большого Кемчука речек обнаруживаются признаки золота.

Главные и второстепенные древесные породы.

На равнине - пихта с примесью ели, кедра и лиственницы.

На холмах - примесь сосны.

В горной тайге - то же самое, но чаще встречается кедр. Иногда - чистые кедровые насаждения.

Лиственные леса - осина и береза с примесью ольхи и ивы.

В подлеске находим рябину и черемуху; из кустарников - черную и красную смородину, таволгу, жимолость, боярышник, шиповник. Много клюквы, малины, земляники, брусники, черники и костяники.

Фенологический дневник (март 1903 - июль 1904 года).

Проталины на склонах гор, обращенных к югу, - 9 марта.

Прилет галок - 11 марта.

Прилет скворцов - 19 марта.

Первый дождь - 19 марта.

Затоковали тетерева - 20 марта.

Прилет гусей, журавлей и чаек - 13 апреля.

Зацвели подснежники - 20 апреля.

Заквакали лягушки - 26 апреля.

Зацвела верба на низменных местах, зазеленели береза и лиственница - 27 апреля.

Зацвела береза - 29 апреля.

Зацвели лютики - 30 апреля.

Вскрылся Большой Кемчук - 2 мая.

Закуковала кукушка - 10 мая.

Затоковали бекасы - 11 мая.

Зазеленела черемуха - 12 мая.

Поспела малина - 15 июля.

Поспела земляника - 20 июля».

Осторожно прикрыв за собой дверь - чтобы не скрипнула, Аркадий на цыпочках зашел в комнату. Следя расчетливо за движением своих крупных, неуклюжих рук, он опустил на стол лукошко со спелыми ягодами. Главное, не обеспокоить Зиночку, которая забылась в кресле, склонив золотую головку к плечу и не отнимая руки с края деревянной люльки. Малыш тоже спал, выпростав на одеяльце крепкие широкие ладошки.

6

«Личное дело студента Политехнического института Александра Савича за 1902-1903 годы». В начале второго семестра он подает прошение об освобождении от платы за обучение.

«Мой отец служит на частной службе и получает 40 рублей жалованья. При нем живет дочь. Кроме того, он вынужден помогать другим членам семьи. За первый семестр, как и за пользование общежитием, я платил из денег, заработанных уроками еще во время моего учения в гимназии. Отец мне совершенно не может выслать денег».

Ходатайство удовлетворено не было.

Тогда последовало прошение иного рода: об отчислении из Политехнического. Его украшает разрешающая резолюция и подпись директора института князя Гагарина.

Прощение о выдаче удостоверения о благонадежности для поступления в императорский Университет было получено. К «Личному делу» приобщен лекционный билет университета, который одновременно служил и пропуском в университет, и зачеткой.

О форме Александр мог не заботиться. Формально она была, как водится, высочайше

утверждена, даже двух видов. Парадная: мундир с золотым шитьем, треуголкой и шпагой. Повседневная: тужурка черного цвета с синим кантом и петлицами, пуговицы золотые с двуглавым орлом. Однако ношение форменной одежды в университете (в отличие от Политехнического или Лесного института) не считалось обязательным. Так что вполне можно было всего лишь спороть со старой политехнической формы «вензелевые изображения начальных букв Министерства финансов» и нашить синий кант. Петербургский университет той поры был заведением довольно либеральным.

7

Азовское море

Отзвуки Русско-японской войны докатывались до Бердянска не только с газетных страниц: по Азовскому морю, согласно «Временным правилам по охранению некоторых

Российских портов в военное время», стал курсировать крейсер.

Бердянцы по вечерам специально выходили на набережную посмотреть.

Первенца окрестили Борисом. Михаил Людвигович, поспешив поделиться радостью с родными, отправил семь телеграмм: в Нежин, в Гомель, в Глухов, в село Большой Кемчук, в Екатеринослав, в Вильно и в Петербург.

Шкатулка, оставшаяся у Евгении Трофимовны, как печальная память о Кишиневском погроме, наполнялась письмами.

Григорий извещал, что вплоть до окончания войны приказом Военного министра все отпуска отменены, так что навестить сестру и посмотреть на племянника пока не удастся. С военной точностью сообщал, что получил капитанские погоны и назначен начальником школы прапорщиков.

Лариса Владимировна подробно и с удовольствием расписывала, как с товарками по Дамскому комитету устраивала благотворительный музыкально-вокально-литературный вечер в Глуховском общественном собрании в пользу русских воинов на Дальнем Востоке. Владимир помог получить разрешение на собрание, перевезти рояль из местного театра, стулья. Успех полный! Стульев, кстати, не хватило. Боренька вместе с другими мальчиками читал патриотические стихи. Всего прихода в пользу воинов за вычетом расходов на чай и лимонад для детей поступило 304 руб. 71 коп.

Зинино послание по унылости напоминало научные отчеты ее мужа. Климат тяжелый, неустойчивый. Лето дождливое, нежаркое, короткое. Средняя температура с конца мая по октябрь 15,8 градуса по Цельсию. Для Николки нехорошо, то и дело простужается. Аркадий куксится, «Рассуждение» свое совсем забросил.

- Это кто же из них куксится? - думала Евгения Трофимовна, укладывая письмо в шкатулку.

Телеграммы редко приносят хорошие вести. Михаил Людвигович принял у курьера пакет с пометкой «срочно» и нехотя вскрыл. Так и есть. Флор Иванович Долинский 54-х лет от роду скоропостижно скончался. Александра Людвиговна осталась одна с двумя детьми: шестилетним Женей и двухлетним Сашей. Пенсия по утере кормильца скромная, хотя и вышел Флор Иванович в отставку подполковником, получив орден Святого Владимира 4-ой степени с бантом за 25 лет выслуги.

- Как я вовремя дополнительные уроки взял, - заметил Михаил Людвигович. - Сестре без помощи детей не поднять.

8

- Газеты стало страшно в руки брать! Кругом беспорядки! - Евгения Трофимовна беспокоилась за братьев, чьи полки были разбросаны по всей стране. - Володя, пожалуй, в самом безопасном месте, в своем глухом Глухове, и то, - чем черт не шутит...

...А черт уже начал шутить всюду.

О том, как события, вошедшие в историю под названием «Первой русской революции», затронули уездный городишко, оставил свидетельство Петр Ягудин, член социал-демократической организации «Искра». Осев в Глухове в начале 1905 года, он решил «всецело отдаться организационной работе». Ягудин устроился в столярную мастерскую Крикунова и первым делом «организовал своих товарищей-столяров. Оформился маленький кружок, и мы стали заниматься чтением брошюр революционного характера. Работа шла дружно, успешно, и в марте мы объявили забастовку у моего хозяина Крикунова». Столяры требовали уменьшения рабочего дня (он доходил до 16 часов) и увеличения заработной платы, которая «для среднего подмастерья-столяра равнялась всего 6 руб. в месяц на хозяйских харчах».

Хозяин был тверд и не уступал. Вечером члены кружка, намотав на кирпичи бумажки с требованиями, по команде бросили их во все окна Крикунова. Попало и в висячие лампы, и в людей. «Звон разбитых стекол, - пишет Ягудин в воспоминаниях «На Черниговщине», - вызвал в доме панику, истерики женщин и крики детей. Явилась полиция, но никто не был схвачен. Улик никаких против нас не было, ибо мы писали, как в прокламациях, печатными буквами».

Улики, видимо, все-таки обнаружались. На третий день забастовки Ягудин прогуливался с двумя приятелями-единомышленниками в скверике в центре города. «Вдруг из боковых калиток сквера появляются полицейский надзиратель и городской, берут меня под руки и говорят, что я арестован, и ведут меня в полицию, а моих спутников даже не тронули, до того неопытна была тогдашняя полиция. Для них я был первым нарушителем их политического покоя».

С Ягудина взяли подписку о выезде из города в 12-часовой срок и отпустили - к несказанному его удивлению: «Я был уверен, что меня станут хотя бы обыскивать. Но они были в этом деле неопытны, - повторяет мемуарист, - и не знали, видимо, с чего начать».

Не исключено, что полицейским надзирателем, с которым пришлось столкнуться в Глухове Петру Ягудину, был Владимир Трофимович Магдебург. Кроме него, полицейских чинов в городе было еще двое: Иосиф Константинович Рыбальский-Бутевич и Николай Николаевич Кульшов. Добавим к этому, что именно Магдебургу объявлена была 28 марта 1905 года «благодарность губернского начальства за энергию и распорядительность с занесением в формулярный список».

В Нежине взорвали полицейский участок, а черносотенцы разгромили еврейскую больницу.

«Даже в безбородковском институте, в таком, казалось бы, солидном учреждении, и то, - писала дочери Мария Александровна, - совсем учебу бросили и бастуют».

«В Гомеле беспокойно, - сообщал Людвиг Федорович, - 14 октября было совершено покушение на полицмейстера Чешко, 29 октября - на полицейского исправника Еленского и пристава

Каменского, да еще какие-то злоумышленники разграбили ночью усыпальницу в парке князя Паскевича, но тут, очевидно, политической подоплеки нет – унесли иконы с драгоценными окладами, украшенными бриллиантами».

9

Паровоз замедлял ход. На подножке, крепко держась за поручень, стоял Саша Савич и отчаянно махал рукой. Белый чесучовый костюм, длиннополый пиджак «пальмерстон», шевровые туфли, щегольской галстук «на машинке», чтобы самому узел не завязывать, – фронт! Не дожидаясь остановки, он спрыгнул на перрон. Быстро скинул саквояжи и, чуть склонившись, протянул руку молодой даме. Милое, улыбающееся лицо с ямочками, белые пальчики придерживают широкую шляпу с фиалками, пышный буф и нежные кружева на воротнике-стоечке.

- Позвольте представить, – радостно закричал Саша, – Александра Николаевна Савич.

- Шурочка! Дорогая, – засмеявшись, Михаил с Женей кинулись обнимать Александра и молодую невестку, которую любили и знали еще по Гомелю.

10

Река Сожа

Семейство Пржевалинских было многочисленным и шумным. Молодые Савичи подружились с детьми генерала – друга и соседа Людвиг Федоровича – еще гимназистами. Зиночка с Шурочкой, забравшись с ногами в гамак, секретничали, ели вишни и зачитывались модными романами. Братья Пржевалинские, Костя с Колей, как и Миша с Сашей, слетались на летние каникулы в родовое гомельское гнездо. Всей компанией купались в Соже, гуляли по Румянцевскому бульвару, стреляли в тире, пили сельтерскую. В жаркие дни обедали на веранде усадьбы Пржевалинских, а вечерами в саду у Савичей пили чай с пирогами, которые изумительно пекла Варвара Александровна. Генерал, страстный любитель лошадей, держал конюшню. Шурочке он подарил дамское седло, а младшей дочери Верочке – пони. Костя Пржевалинский, юнкер-кавалерист, демонстрировал барышням чудеса выездки. Нарядившись в белорусские рубахи и картузы, ездили на деревенских телегах косить, и были так молоды, что и не уставали от этого нисколько; пили холодное молоко из бидонов, играли в чехарду, а вернувшись в усадьбу, танцевали и пели любимые Мишины малороссийские песни. Шурочка подбирала мелодию на рояле, а Саша Савич переворачивал ноты.

- Помнишь, Шурочка?

- Конечно, Сашенька.

11

Азовское море

Столик в «Бристоле» с видом на лиман заказали заранее. Легкий бриз с моря смягчает жару, официанты с салфетками через локоть расставляют дышащую паром стерлядь, в серебряных икорницах отливает перламутром черная каспийская икра.

- Расскажи, Саша, как жилось тебе в столице? Надо думать, икрой осетровой не питался?

- Случалось и икрой. А было это так. Перебивался я в Петербурге, как многие студенты,

репетиторством. Иногда по три урока в день добыть случалось. Но концы с концами все равно не сводились. Не как у Раскольникова, конечно, а как, скажем, у Разумихина. Пальтецо дрянное, как говорится, на рыбьем меху. Бежишь иногда по Фонтанке какого-нибудь олуха репетировать, нос в воротник спрятал, картуз на уши натянул, а у Аничкого моста – живорыбный садок. Да вы, пожалуй, и не знаете, что это такое. Чисто петербургское явление: большая деревянная баржа с надстройками, а в них торговые помещения, складские и жилые, для приказчиков и рабочих. Стоят такие баржи и зимой, и летом всегда на одном месте, на приколе. Из кирпичной трубы валит дым. По сходням спускаешься в торговый зал. У входа застыли, как колонны, две замороженные белуги, аршина в два, а то и больше. В центре зала расставлены чаны с живой рыбой, а вокруг них на рогожах лежит навалом мороженая. В бочонках – икра всевозможных сортов. Подходишь к приказчику, подаешь ему кусок булки, просишь мазнуть паюсной – на пробу. Нет, солоновата. А если зернистой? Эта горьковата. Попробуем ястычной. Нет, уважаемый, сегодня брать не будем. Вот так и обедали. Вкусно и сытно.

- Помнишь, Шурочка?

- Конечно, Сашенька!

Александр подвинул поближе икорницу, щедро намазал булку черным блестящим перламутром и продолжил:

- В хорошие времена снимал на пару с приятелем конурку с пансионом: завтрак, обед, вечером – чай. Но тут уж дешевле, чем в двадцать рублей, не обойтись. По большей части обитал в общежитии. Кипяток – сколько влезет, булочник заходит с дешевым товаром, колбасник. Ну, и университетская столовая, конечно, выручала. Обед без мяса – восемь копеек, с мясом – двенадцать. стакан чаю – копейка, бутылка пива – девять копеек.

- К чему в студенческой столовой пиво? – удивился Михаил Савич.

- Так уж повелось, – ответил Александр. – Петербургский университет – вольница, не то, что гимназия или твой Нежинский бастион. Некоторые любители дешевого пива проводили в столовой больше времени, чем на лекциях.

- Но не ты?

- Но не я.

«СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Предъявитель сего Александр Людвигович Савич принят был в число студентов Императорского Санкт-Петербургского Университета в августе 1903 г. и зачислен на Историко-Филологический Факультет, на котором слушал курсы: по Греческому и Латинскому языкам, Греческой и Римской истории, Философии, Сравнительному Языковедению, Санскритскому языку, Русскому языку и Словесности, Славянской Философии, Истории Западно-Европейских Литератур, Всеобщей истории, Средней и Новой Русской истории, участвовал в установленных учебным планом практических занятиях, подвергался испытанию из Французского языка и, по выполнении всех условий, требуемых правилами о зачете полугодий, имеет восемь зачтенных полугодий».

Дамы пили кофе маленькими глотками, перекатывая, как гладкие морские камешки, семейные новости. Братья поднялись из-за стола и вышли на балкон. Вечерело.

- Я не только приискал, - перешел к главной теме Александр, - но и получил место в коммерческом училище Глаголевой. Первое, кстати, в России учебное заведение, где совместно обучаются мальчики и девочки.

- Еще неизвестно, хорошо ли это, - с сомнением обронил Михаил.

- Вот и ретрограды из Министерства народного просвещения сомневаются. Сопротивляются свежим веяниям. Потому-то и возникают коммерческие училища.

- В ваших коммерческих училищах даже древних языков не преподают!

- А зачем они нужны современному человеку?

- Дисциплинируют ум и развивают память. Латынь лежит в основе всех европейских языков. Жаль, что ты этого не понимаешь.

- Ладно, сдаюсь, - прервал его младший брат.

Он задумчиво поглядел на чистенькую набережную, на неправдоподобно голубое море, на теплую дорожку, которая бежала от предзакатного солнца прямо к их балкону, и нерешительно сказал:

- Послушай, Миша, может, и тебе подумать о переезде в столицу? Здесь, конечно, место райское, но представляю, какой у вас в гимназии все рутинной поросло! Ну, ну, не сердись, - он замахал руками, заметив, что брат нахмурился. - Я только хотел сказать, что в Петербурге сейчас такой взлет педагогической мысли! Я тебе брошюрку про наше училище привез. Посмотри на досуге, вдруг заинтересуешься.

12

Растревожив рассказами о столичной жизни семейство старшего брата, Александр Савич с молодой женой отбыли в Петербург. Словно специально им на смену, в Бердянск приехали Нелюбовы.

Сестру Михаил Людвигович не видел со своей свадьбы, но по письмам ее давно чуял неладное, и потому невеселый Зинович рассказ не удивил его, а только опечалил.

- Не складывается, Миша, у меня жизнь. Про Кемчук этот даже вспоминать не хочется. Думала, переедем в Бессарабию, оттаем, и что-то между нами по-другому сложится.

- Вот вы где! - из-за дюн появился Аркадий, ведя за руку маленького Николку, чье румяное личико было до смешного похоже на отцовское, да так, что невозможно было понять, то ли мальчик кажется излишне взрослым, то ли излишне по-детски выглядит добродушное лицо отца.

- Как, Аркадий, на новом месте служитесь? Как Кишинев? Я сбежал оттуда после погрома, - спросил зятя Михаил Людвигович.

- Мы не в столице живем, а в Бельцах, - Аркадий нехотя выпустил живую, как рыбка, детскую ручку. - Я очень рад, что мы выбрались из Сибири. Зиновке там уж очень надоело. Хотя, признаюсь, устроить все это было непросто. Помог профессор Коссович. Я написал ему и, представь себе, он сразу же откликнулся. Оказывается, его брат служит начальником Управления именными заграничными духовными установлениями Бессарабской губернии. Владения

обширные, почти двести тысяч десятин, много лесов. Им, на мою удачу, понадобился ученый лесовод. Вот так мы и оказались в Бельцах.

Нелюбов оживился. Нелюдимость, которая расстроила Михаила при первой встрече, куда-то исчезла. Он присел на скамейку рядом с женой, грузноватый для своих лет, и оперся широкими ладонями о колени:

- Льстит, конечно, и возможность работать с самим профессором. Когда Коссович приезжал в Бельцы, меня откомандировали к нему в экспедицию. Проехали всю Бессарабию в тарантасе.

Аркадий быстро и горячо рассказывал о морфологии почв, о рельефе, об обильном урожае фруктов, который случился в этом году в Бессарабии. В особо, как ему казалось, интересных местах он наклонялся и заглядывал собеседнику в лицо, словно ища одобрения. Зинаида чертила зонтиком какие-то линии на влажном песке, и всем, кроме ее мужа, было очевидно, как противна вся эта морфология молодой красивой женщине с темно-золотой короной над нежно-белым лбом.

13

27 января 1906 года у Евгении Трофимовны и Михаила Людвиговича Савича родилась дочь Тамара.

Последние месяцы беременности Шурочка переносила тяжело и просилась к маме, в Гомель. Да и Саше казалось спокойнее и надежнее, чтобы первые роды жена перенесла в родном гнезде.

Однако в любимом Гомеле Шурочка долго не засиделась. В Петербурге в кругу Сашиних друзей-педагогов она прониклась новыми идеями об образовании. Владимир Александрович Герд и его жена Юлия, с которой Шурочка особенно сошлась, часто и горячо критиковали реакционеров из Министерства просвещения, обсуждали передовые рабоче-вечерние школы, перспективы совместного обучения.

- Необходимо заставить мальчиков, а позднее взрослых молодых людей уважать девочек, как равных, а в девочках пробудить общечеловеческие интересы, - доказывал Владимир Александрович, сидя в небольшой квартирке Савичей на Васильевском острове. Юлия Герд, которая сама закончила Бестужевские женские курсы и вместе с мужем преподавала русский и историю в гимназии Стоюниной, увлекла подругу своим примером и даже проводила ее, когда та, уже ожидавшая ребенка, отправилась подавать документы в группу русской истории.

Однако к началу учебного года Александра Николаевна не попала: и оставить маленького Игорька на попечение мамы побоялась, и везти малыша в промозглый Петербург не рискнула. К следующему году она решилась. Устроив мужа и сына в теплом Гомеле, Шурочка поехала в Петербург получать образование.

«Дорогой Сашенька, не беспокойся, что не написала. Два дня бегала, искала комнату. Сняла без мебели на Вас. Остр.

Сейчас бегу в склад за вещами. Хоть бы глазочком взглянуть на тебя. Крепенько целую».

«Сейчас вернулась с экзамена, наконец, решилась пойти, получила «весьма». Завтра же засаживаюсь за другой. Скорей бы Рождество! Крепко всех целую. Мамочка».

Стопка открыток с виньетками, пасторальными младенцами и нравоучительными надписями.

Белокурый ангелочек строит из кубиков башенку: «Наш Мирошка строит себе понемножку, живет в добре, ест на серебре». Мальчишка в кепи поднимается на воздушном шаре: «Смелость города берет». Малыш в княжеской шапочке гусиным пером выводит буквы: «Хоть не складно, да ладно! Пиши, знай, кому надо разберут!». «Открытые письма» летели в Гомель Могилевской губернии из Санкт-Петербурга, из Гомеля в Санкт-Петербург. Игорь Савич, Горюнька, как называла его мама, еще неграмотный адресат этих посланий, сбережет открытки все до одной, и его правнуки будут перечитывать, с трудом разбирая полустертые строчки:

«Горюньке Савичу. Мамочка скоро, скоро приедет. Попроси папочку взять тебя на вокзал. Крепенько целую. Твоя мамочка. Осталось 2 дня 15 часов».

Проведя лето в Гомеле, молодая семья возвратилась в Петербург.

14

Путешествие с маленькими детьми – дело нелегкое. К тому моменту, когда Михаил Людвигович принял решение переселяться в столицу и со всеми, что называется, чадами и домочадцами двинулся с места, Бореньке исполнилось семь лет, а Томочке не было и трех. Горшки, пеленки, угольная сажа, которая налетает детям в глаза, книжки с картинками, пролитый чай, капризы, – в общем, Евгения Трофимовна совсем запыталась. С заметным облегчением смотрела она, прильнув к окну в узком вагонном коридоре, как близятся башенки Николаевского вокзала и медленно наплывает перрон.

– Миша, смотри! – воскликнула она. Раздвигая толпу встречающих с ловкостью столичного жителя и зорко высматривая нужный вагон, навстречу бердянскому поезду спешил ее брат. Павел всегда больше других сыновей Трофима Васильевича был похож на отца. До боли узнаваемы были в нем наследственные черты: и в голубоглазом бледном лице с густыми усами, и в кряжистой фигуре с широкими плечами, на которых сверкали золотые эполеты.

– Специально ведь пришел встречать в парадном мундире, – улыбнулась про себя сестра, – чтобы никто не упустил из виду, что он раньше старших братьев произведен в полковники.

– На первых порах расквартируем вас на даче, – определил Павел Трофимович. – Летом Лора с детьми живут в Саблино постоянно, а я приезжаю туда только на выходные.

Дача Магдебургов располагалась на берегу реки Тосно. Старый парк графа Кейзерлинга и шумный водопад служили для всего семейства местом для прогулок. Старшие дети дружно исследовали пещеры – главную достопримечательность парка, а младших Евгения Трофимовна и Лора, которые сдружились так же быстро, как их сыновья, степенно катали по прохладным аллеям. По воскресеньям, когда из города приезжали Павел и Михаил, купались в речке, а вечерами смотрели в Саблинском летнем театре модные пьесы.

К осени Михаил Людвигович подыскал подходящее жилье. Квартира уютная и недорогая, а главное – в двух шагах от училища: Петроградская сторона, Гатчинская улица, дом 27/29, квартира 38.

К этому времени вернулся из Гомеля Александр, и оба брата стали работать вместе в частной гимназии Штемберга.

Александр Савич нисколько не преувеличивал, когда рассказывал еще в Бердянске старшему брату о расцвете педагогических наук. Интерес и внимание к образованию в стране, и

особенно в столице, были так велики, что все новшества и изменения, происходящие в педагогике, широко обсуждались и находили немедленно отражение на страницах газет.

Газета «Петербургский листок» посвятила специальную корреспонденцию заграничной экскурсии гимназии Штемберга: «Пять недель путешествия по Западной Европе, видимо, нисколько не утомили молодежь, которая вернулась на родину бодрой и жизнерадостной.

Роскошная панорама всего виденного должна оставить неизгладимый след в душе каждого. Пребывание в Берлине, Рейнский водопад, бирюзовые озера Швейцарии, величественный Сен-Готтард, так много говорящий русской народной гордости, Милан, Флоренция, всемирная выставка искусства в Риме, дивное путешествие по Адриатическому морю в Черногорию, теплый, дружественный прием в ее столице, городе Цетинье...»

В Черногории Михаилу Людвиговичу Савичу вручили орден Независимости: «30.06.1911. Его Величеством Королем Черногорским пожалован орденом Князя Даниила Первого». Номер – 1426. Надпись на наградном листе: «Божией милостью Мы, Никола Первый, Король и Государь Черногории. Господину Михаилу Савичу, преп. гимназии и надвор. советнику. За особые услуги черногорскому народу и Нам нашли Мы возможным наградить Вас Орденом четвертой степени князя Данила I, учрежденным в честь независимости Черногории». Подпись министра иностранных дел.

...Осталось загадкой и для правнуков, и для исследователей, какие события повлекли за собой награждение королевским орденом. Кроме документов до нас донеслось эхо события – награда была предметом особенной семейной гордости, она лежала в бархатной коробочке, ее показывали друзьям. Орден изымут во время обыска в 1935 году...

Темой для репортажа в «Петербургском листке» 28 ноября 1911 года становится благотворительный бал в гимназии Штемберга, устроенный в пользу недостаточных учеников: «Концертное отделение было недолгим, и уже в начале двенадцатого раздалась звуки вальса. Пустились в пляс даже малыши первых классов с дамами соответствующего возраста и, отважно ныряя в толпу, ежеминутно рискуя быть задавленными, выплывали где-нибудь на другом конце залы мокрые, растрепанные, красные от натуги, но довольные и собою, и своими дамами.

В устроенных для сувениров и цветов киосках любезно торговали княгиня Кутнина (открытый туалет цвета морской волны), m-me Петриченко (в роскошном бальном туалете), m-lle Захарова (розовый бальный туалет) и m-me Рудовская (бальный белый туалет).

Среди присутствующих: директор Г.К. Штемберг с супругой (черный туалет), генерал-майор Петриченко с супругой (черный туалет) и дочерью (светло-голубой бальный туалет), г. Шустров с супругой (светлый бальный туалет), г. Смирнов с супругой (роскошный бальный туалет), г. Пеппке с супругой (розовый туалет), г. Комаровский с супругой (синий бархатный туалет), m-lle Васильева (роскошный серый туалет, отделанный кружевами и золотыми кисточками), преподаватель словесности и латинского языка Михаил Савич...»

О туалете Михаила Людвиговича в заметке ничего не сказано, но как именно он был одет, нетрудно установить по «Инструкции для служащих по ведомству народного просвещения»: «Для лиц, занимающих должности VII класса, парадную и праздничную форму составляют: открытый двубортный застегнутый на четыре пуговицы темно-синий сюртук с отложным воротником, темно-синие брюки без галуна и цветного канта, белый жилет. Ордена и знаки отличия по положению. Ношение белого галстука при двубортном сюртуке не допускается ни в каком случае».

В 1912 году, - сообщают газетные объявления, - «гимназия и реальное училище Штемберга переехали в новый, специально выстроенный по проекту архитектора С. А. Данини, дом по адресу Звенигородская ул. № 10. Для наглядности преподавания здесь устроен школьный научный кинематограф».

Это было первое в России учебное заведение, которое ввело кинопоказы в программу классных занятий и открыло двери своего «синема» для учащихся других школ. Отбоя от желающих не было - ведь приказом попечителя учебного округа посещение гимназистами и реалистами коммерческих кинематографов было строго запрещено.

15

Столичный ритм захватывает Михаила Савича. Он работает в Коммерческом училище 4-го товарищества преподавателей, у Штемберга на Звенигородской, в Ларинской гимназии на 6-ой линии и в гимназии Е. И. Песковской на Среднем проспекте Васильевского острова.

В этом сером угловом доме между Средним проспектом и Шестой линией еще в 1780-х располагалась съестная лавка, а в середине XIX века - винный погреб. На рубеже XIX и XX столетий его сменили чайный магазин, сливочная лавка и магазин фруктов. С ними соседствовали колбасная, мясная, зеленая и мелочная лавки, суровский и белошвейный магазины, мастерская белья и магазин дамских шляп, посудная и свечная лавки. Весной 1943 года большая фугасная бомба разрушила центральную часть фасада. Столовая, которая работала во время блокады, существует и сегодня. Торговые помещения угловой части занимает кондитерский магазин «Белочка».

«Белочка» - это любимые мамины конфеты. Не надо ломать голову над тем, что подарить ей - смело иди и покупай коробку с быстроглазым зверьком на ветке, тем более что и ходить далеко не надо: мимо этого угла я каждый день шла от метро до Первой линии, в Университет и обратно. Окна столовой, куда мы часто забегали с однокурсниками, украшали витражи с петухами. Я приехала сфотографировать здание, куда мой прадед приходил каждый день, чтобы учить гимназистов русской словесности, и на вывеске «Пирогофф» над входом в кафе увидела красный гребешок. Мне упаковали в картонный пакет пирог с брусникой. Дойти до угла, купить коробку «Белочки» - теперь можно и в аэропорт...

Осенью 1913 года в черной тужурке, стянутой лакированным ремнем с блестящей пряжкой, на которой выбит номер гимназии (четверка), в синей фуражке с белым кантом и посеребренным гербом из скрещенных листьев лавра с той же цифрой посередине, отправился девятилетний Борис Савич в школу. За спиной - новенький сверкающий ранец. Потом-то, дело известное, будет носить его под мышкой: ремни оборвутся, кожа потрется - ведь у гимназистов ранцы не только для книг и тетрадок, но и для катания по крутым ступеням лестницы. Уселся на ранец и с ветерком вниз, в шинельную!

16

- Поздравляю, Саша, - прямо с порога радостно закричал приятелю Владимир Герд, - педагогический совет одобрил твою кандидатуру! Гордись! В Выборгском училище случайных людей не бывает! По протекции тем более не возьмут. Не хуже, чем в царской охране, изучали твои документы, хотя тебя сам Петр Андреевич Герман рекомендовал.

Наступал малоизвестный ныне период бурного учительского движения. Педагогические общества, учительские съезды, конференции преподавателей физики и химии - то, что сейчас кажется рутинным и очевидным, в те годы было наполнено реальным поиском новых форм.

«Образование в том виде, в каком оно предусмотрено Министерством народного просвещения, не отвечает потребностям модернизации общества», – признавал министр финансов С. Ю. Витте. Университетская профессура осознавала потребность в средней школе нового типа, которая могла бы готовить учеников для поступления в высшую. Требовалось преодолеть многоступенчатость школы, дать ей автономность и самоуправление, ввести совместное обучение, усилить преподавание естественных и точных наук.

Выборгское коммерческое училище, совет которого утвердил кандидатуру нового преподавателя Александра Савича, было школой нового типа. Стать «коммерческим» решил сам педагогический коллектив, чтобы тем самым оказаться под началом Министерства торговли и промышленности, предоставляющего своим учебным заведениям больше свободы, чем «ретрограды от просвещения». Возглавил училище знаменитый педагог Петр Андреевич Герман.

Выпускником новой школы станет сын экономиста и политика Глеб Струве. Достигнув весьма почтенного возраста, он, знаменитый литературовед, профессор Калифорнийского университета, вспоминал: «Большую роль в моей жизни сыграла школа – в частности, в развитии литературных (а отчасти и художественных) интересов и увлечений. Моя мать была сторонницей всего «передового», потому и отдали меня в Выборгское коммерческое училище».

Никаких оценок: «Для воспитания в учащихся серьезности и сознательного отношения к занятиям формальные побуждения к учению – переводные экзамены и оценка успехов отметками – отменяются». Разумеется, внимание к мелочам: «Училище просит родителей снабдить детей по возможности удобной, легко снимающейся обувью, чтобы избежать траты времени на переодевание при пользовании площадкой для игр и гимнастики». Само собой, стремление к разносторонности: «В целях эстетического развития учащихся раз в три недели устраиваются литературно-музыкальные утра».

«В училище работал преподавателем литературы старших классов А. Л. Савич», – пишет Вера Романовна Лейкина-Свирская. «Вера Лейкина, – рекомендует ее Струве, – впоследствии стяжавшая себе некоторую известность в советской науке, была моей коллегой по редакции «Школьной газеты»»; позже она стала известным историком и источниковедом.

Из ее мемуаров мы узнаем, что Александр Савич был горячим сторонником реформы языка, отменяющей букву ять, десятеричное і, ижицу с фитою и в окончании слов мужского рода – твердый знак. «Запомнился он всем как скромнейший человек, – продолжает Лейкина-Свирская. – Александр Людвигович увлекательно и разносторонне дополнял разговор о произведении и писателе наблюдениями над реальной жизнью. Учебниками по истории литературы пользовался мало, поощрял работу над рефератами. Разбор этих сочинений в классе был настоящим праздником».

Слова Лейкиной-Свирской подхватывает Елена Александровна Павлова, выпускница 1914 года: «Долго я буду помнить своего самого любимого учителя Александра Людвиговича Савича. Уроки Савича я всегда посещала с особым удовольствием и интересом. Он настолько увлекал всех нас, что мы жалели, что звенит звонок и урок надо заканчивать».

17

Центробежная сила родства стягивала их всех в близкий круг. Новую квартиру Александр выбрал поближе к семье старшего брата, причем удалось найти прямо на Гатчинской, буквально через пару домов.

Павел Трофимович Магдебург, как свидетельствует справочник «Весь Петербург» за тот год, также перебрался на Петроградскую сторону – Колпинская, дом 8, и часто вечерами заходил к сестре на чай. Случалось, скучал полковник, слушая педагогические перепалки, которые вели братья Савичи.

- Мы с Германом водили жен посмотреть модную «босоножку» – Айседору Дункан, – принимая у Евгении Трофимовны чашечку из сервиза «Голубые мечи», сказал Александр, – Петр Андреевич так увлекся, что в училище теперь введены занятия пластикой. А наши дамы-преподавательницы ставят музыкальный спектакль.

- Босыми будут танцевать по классу? Подходящее занятие.

- Знаем-знаем твой скептицизм.

- Не строй из меня ретрограда. Женщина-мать должна быть образованна. Но женщина-преподавательница, прости, Шурочка. Видишь ли, мужчина выходит на кафедру к слушателям, встав из-за письменного стола. А женщина? От пеленок, от корыта.

- Михаил, я добросовестно к урокам готовлюсь и предмет свой знаю хорошо, – запальчиво возмутилась Шурочка. – А с Игорьком няня сидит!

- Непозволительно мало для учителя хорошо знать свой предмет. Он должен быть самостоятельным в своих суждениях. Не обижайся, Шурочка, я знаю, что ты при желании легко заменишь, но беда-то в том, что мы с Сашей тебя в твоём самом главном деле заменить никак не сможем, – он улыбнулся и слегка покосился на заметно располневшую талию невестки.

- На Путиловском заводе жена одного фабричного инженера открыла прямо у себя в квартире детский сад и начальную школу, – Александр поспешил перевести разговор на другую тему. – Сейчас собирают средства среди служащих завода, чтобы открыть училище. Герда приглашают взять на себя руководство. Он и меня зовет на начальные классы.

- И что ты думаешь?

- Согласился уже. Пока, правда, беру сверхштатно несколько уроков. Но мне крайне интересно. Герд собирается набирать детей рабочих Путиловского завода.

...Это легче сказать – набирать детей рабочих. Кому из них заводская зарплата позволяла отправить мальчишку в училище? В Ларинской гимназии, где учились, как известно, «купеческие» дети и стоимость обучения считалась довольно приемлемой, и то приходилось собирать на стипендии деньги и даже куртки на благотворительных танцевальных вечерах. Герд убедил руководство завода помочь школе и помещением для занятий, и полноценной годичной субсидией. Недействующую деревянную церквушку выделили под театр.

Традиционно об обучении девочек из фабричной среды никто и не помышлял, их уделом было либо домашнее хозяйство, либо работа по найму в прислугах или на той же фабрике. Введенное Гердом совместное обучение вырывало их из замкнутого круга между корытом и ткацким станком. Пожалуй, труднее всего было преодолеть многоступенчатость в образовании – Путиловское училище стало первым опытом слияния начальных классов и старших, прообразом «восьмилетки». Современная система образования, по существу, базируется на достижениях педагогической науки и опытах выдающихся педагогов «новых передовых школ»: Владимира Герда, Петра Германа, Александра Савича, Виктора Сороки-Росинского и многих других.

Горячо увлеченный социал-демократическими идеями, впоследствии член фракции меньшевиков РСДРП, Владимир Герд был активистом учительского движения, одним из создателей Учительского союза...

Евгения Трофимовна в спор не вступала. Она достоверно знала, что идея женского образования в их семье не приветствуется. Муж был категорически против ее желания поступить на акушерские курсы. Не помогла в дискуссии и история однокашника Михаила Людвиговича, Павла Королева, чей развод стал в Нежине притчей во языцех. По окончании института Павел Яковлевич получил назначение в Житомир, куда поехал с молодой женой Марией, дочерью известного торговца соленьями Москаленко, поставщика знаменитых нежинских огурцов. Мария Николаевна, хорошая, кстати, знакомая Евгении Трофимовны, с которой она училась вместе в гимназии Кушакевич, оставив мужа, уехала в Киев учиться на высших женских курсах. Сынишку, четырехлетнего Сережу Королева, бросила на руки родителям. Так старики и воспитывали его, пока дочь снова не вышла замуж. Водили на полеты Уточкина смотреть.

Впрочем, Тамару Савич сверх гимназической программы учили французскому и музыке. К музыке относились особенно серьезно, успехи девочка делала необыкновенные, и учитель поговаривал, что ее пора показывать в консерваторию.

Был Михаил Людвигович пунктуален и строг, в суждениях категоричен. Вся семья знала, когда у него заканчивается последний урок, сколько потребуется времени, чтобы дойти от гимназии до дома - шел он всегда пешком, для моциона. Когда в передней коротко и звучно звенел звонок, жена и дети чинно сидели в столовой у накрытого стола, из-под начищенных приборов топорщились крахмальные салфетки, а горничная отворяла дверь.

...Когда мы жили на Климове, Тамара Михайловна, высокомерно пренебрегая коммунальным убожеством, из всех потерь и осколков, уцелевших после конфискации и эвакуаций, пыталась удержать и воссоздать ритуал, который был принят в доме отца. Дети сидели за столом, не смея перебивать старших, около приборов лежали вышитые салфетки, суп из кастрюли с облупленной эмалью переливали в фарфоровую супницу...

...В коммунальных квартирах долго доживали растерявшие своих мужчин по баталиям века питерские старушки. Неуверенными шагами они брели по длинным, как трамваи, коридорам в ботиках с галошами и в маленьких фетровых шляпках. В комнатухах, отрезанных от барских квартир, заставленных мебелью красного дерева с подвязанными ножками, под высокими картинами в тяжелых бронзовых рамах, они серебряными щипчиками клали в японские чашки сахар из хрустальных сахарниц и размешивали, придерживая фарфор белыми птичьими лапками. Кружевные вязаные шали, желтые полуслепые фотографии, книжные полки, уходящие в потолок, и низенькие складные лесенки к ним. Даже не «осколки разбитого вдребезги» - истертые в пыль крошки; мучительные потуги что-то удержать - подшивки журналов «Столица и усадьба», правильная петербургская речь, прямые спины.

Мы протискивались мимо шкафчика, в котором плотно прижимались друг к другу томики «Тысяча и одна ночь» и чашки с таинственным названием «Голубые мечи», мимо резного буфета с вырванными при обыске замками. Полкомнаты занимал рояль. Под ним на раскладушке спал мой младший брат.

Когда мы перебрались в Москву и привезли в новую квартиру «икеевскую» мебель, Аня, расставляя керамические кружки, взмолилась: «Мама, только ради Бога, не везите из Петербурга картины. Я этой нищеты больше видеть не могу»...

19 апреля 1913 года у Александра Савича родилась дочь Галина. Единственная женщина в «мужской» породе Александра Людвиговича, она станет военным врачом; всю войну, от Москвы до Манчжурии, будет оперировать в санитарном поезде. Так и не выйдет замуж.

Боря Савич, выпускник первого класса, принес похвальную грамоту – богатую, с репродукциями, посвященными 300-летию дома Романовых: портреты Михаила Федоровича, Александра Павловича, Николая Александровича, Александры Федоровны и царевича Алексея, все в золотых округлых рамках.

18

- Тома, Томочка, Боря! – позвала детей Евгения Трофимовна. – Бегите скорее, посмотрите, что вам дядя Володя прислал.

Маленькие ручки проворно развязывают узелки на крученой бечевке, разворачивают коричневую бумагу, разбирают серые комки ваты и извлекают из коробки – о, чудо! – резную деревянную лошадку с взаправдашней тележкой и две куклы-закрутки. Такие игрушки делают только в Тотье: невеста в клетчатом платье, туго повязанная платком и жених в красной шелковой рубашке, подпоясанной желтым шнурком, в черной шапке – оба с белыми тряпочными личиками.

- Ой-ой-ой, – верещит Тамара, – мама, можно я их завтра в гимназию возьму?

Владимира Магдебурга перевели из Глухова в Тотемский уезд Вологодской губернии становым приставом.

- Вот бы собраться и съездить к Володе! – размечталась Евгения Трофимовна, любясь подарками: берестяной шкатулкой и зеркальцем с расписной ручкой, – племянников даже ни разу не видела.

- Съездим, – рассеянно пообещал Михаил Людвигович.

...Он вспомнит свое обещание, вспомнит, глядя из крохотного мутного оконца на студеную дорогу – всего несколько верст – ведущую в Тотемский уезд. Как непреодолимы они будут, как невозможны.

Во второй половине 18 века двадцать экспедиций на Аляску снарядили на свои средства тотемские купцы – и это ни много, ни мало, а пятая часть всех экспедиций в Русскую Америку. Один из галиотов, совершающих плавание на Аляску, так и назывался: «Тотьма». Два других, известных современному читателю по опере, поставленной в прославленном «Ленкоме», носили имена «Юнона» и «Авось». Капитаном на «Юноне» шел выдающийся русский мореход Иван Кусков, уроженец Тотьмы.

В 1789 году вместе со своей командой, состоящей из восьмидесяти алеутов и двадцати русских мореходов, (среди которых и был капитан Рязанов, вошедший в русскую литературу трогательным романом с дочкой калифорнийского губернатора), Кусков достиг берегов Америки, а в 1812 году вблизи Сан-Франциско основал крепость. Форт Росс – самое знаменитое русское поселение в Калифорнии и поныне охраняется как памятник истории, а в России нет человека, у которого не захолят сердце, когда он слышит сорванный голос Николая Караченцова: «Я тебя никогда не забуду, ты меня никогда не увидишь». Иван Кусков похоронен в Тотье на территории Спасо-Суморина монастыря.

Разбогатели тотемские купцы, да и сам город после того, как на берегу реки Ковды в XV веке

были найдены соляные источники. Русские цари наделяли северные монастыри правом беспошлинного производства соли и торговли ею. Иоанн IV Васильевич особой грамотой «пожаловал старца Феодосия Суморина, инока Спасо-Прилуцкого монастыря, освободил ему церковь воздвигнути Преображения Господа Бога и строити на Тотьме меж речками Ковды и Песьи Денги».

Преподобный Феодосий основал Спасо-Суморинскую обитель, наладил монастырское хозяйство: мельницы, амбары, кирпичные печи, четыре соляные варницы с одиннадцатью трубами, торговые лавки в городе, речные суда для перевозки соли. Закрепилось за поселением название Соль Тотемская.

Оживленный торговый путь вел из реки Сухоны по Северной Двине к Белому морю. По нему московское государство посылало корабли, груженные пушниной, медом, пенькой и льном, в заморские страны.

Поморы, жители русского Севера, не знавшие ни татарского ига, ни крепостничества, ни чиновного засилья, говорили на своем диалекте, цокая и напирая на букву «о»; охотились на зверя - черную лисицу, медведя и волка; строили в хвойных лесах шестистенные избы с цветными наличниками; ловили в быстрых реках мелкий жемчуг для своих красавиц; на крутых берегах Сухоны возводили голубые храмы, - тотемское барокко - которые парили в ледяном тумане над замерзшей рекой; вырезали из сосны игрушечных лошадок и прятали в дремучих чащах раскольничьи скиты.

Навел на них порядок Великий государь Петр Алексеевич. «То не город, то тьма», - говаривал он, однако со свойственной ему пытливостью изучал работу соляных варниц, собственноручно поднимая бадьи с рассолом; ссылал в соляной уезд опальных бояр, воеводой же назначил отца первой жены - Федора Лопухина и пил чай в походном шатре на розовом береговом граните.

Полицейские в северных волостях появились сразу после земельных реформ Царя-Освободителя. Тогда была основана уездная полиция во главе с исправником и полицейские станы, каждый из которых объединял по 5-6 волостей. После постройки железной дороги из Петербурга в Вологду на каждой станции, даже таких небольших, как Кадуш, Уйта и Сеуч, появились служащие железнодорожной охраны.

Пристав третьего стана Тотемского уезда коллежский асессор Владимир Магдебург прибыл к месту службы с женой и тремя сыновьями в середине февраля 1914 года и поселился в казенной квартире.

«На становом приставе лежат дела исполнительные, следственные, судебнополицейские и хозяйственно-распорядительные. Он - местный исполнитель предписаний уездного полицейского управления и непосредственный блюститель общественной безопасности, спокойствия и порядка в стане».

Погляди-ка, мать, в окошко —
С посиделок сын идет:
Весь побитый он немножко,
А из морды кровь идет!

Эту и следующие частушки мы извлекли из сборника, вышедшего из печати в 1914 году и посвященного народному творчеству Вологодской губернии.

Я гуляю, как мазурик,
И умру, как сукин сын,

Похоронят как собаку,
Девки скажут: «Леший с ним!»

Как сказали бы в наши дни, обстановка в молодежной среде была криминогенной. Подтверждение тому можно найти в незаурядном документе, хранящимся в Тотемском краеведческом музее – дневнике крестьянина А. А. Замораева. Это несколько толстых переплетенных тетрадей, в которые он из года в год чуть ли не каждый день спокойно и рассудительно записывал внятными и даже красивым почерком, почти не делая ошибок, свои впечатления.

«22 февраля, четверг. Память праведного Никифора. Народа у обедни много. Потом игрище у Петрухи, но дрянь. Ребята все хулиганы, одни матюки только и есть».

«15 марта. Был по делу о перерасходе средств бывшим старшиной Кокшаровым в правлении у станового».

«Кокшаров согласился уплатить добровольно 41 руб. Потом ездили в город. На ярмарке купили диван – 1 р. 35 коп., полотно 5 аршин – 75 коп., гороху полпуда – 60 коп. и кой-какой мелочи. Ходили в кинематограф. Очень хорошо!»

«20 апреля. С 13 по 19 все время провел на свадьбе. Дурацкая мода такие свадьбы, одно разорение. Денег издержали уйму, а после свадьбы скотину кормить нечем».

«16 мая. В Голодайке нашли какого-то мертвеца. Говорят, что умер там еще осенью».

«20 и 21 мая. Небывалое здесь явление – летело много саранчи».

«29 мая. Дождев все нет и нет. Ходу ничему нет, ни траве, ни яровым, везде черно, все иссохло».

Чем дальше, тем тревожнее становится тон автора дневника: «9 и 10 июня. Оба дня жары, ночи же очень холодные. Кажется, приходит черный год. Оводу много. Днем нельзя работать. Леса горят».

«28 июня. Убили австрийского наследника Фердинанда с женой, в городе Сараево».

«19 июля. Как громом ударило вестью о мобилизации всего запаса сил. Предвидится война с коварной Австрией. В разгар самого сенокоса увели с пожней всех солдат: Серова, Кутова, Макарова. Эти сено косили близко от нас».

Ухожу я во солдаты.
Куда милую девать?
 Попрошу я станового:
– Разрешу с собою взять!

«25 июля. Верно, большая выйдет война. Кажется, вся Европа сошла с ума, все лезут друг на друга».

26 июля в Петербурге, в Зимнем дворце, собрались члены Государственной думы и Государственного совета. Обращаясь к ним, император Николай Александрович сказал:

«Германия, а затем Австрия коварно объявили России войну.

Тот огромный подъем патриотических чувств, который, как ураган, пронесся по всей земле Нашей, служит ручательством в том, что Наша великая Матушка-Россия доведет ниспосланную Господом Богом войну до победного конца. В этом же единомышленном народном порыве любви и готовности на любые жертвы, вплоть до жизни, Я черпаю возможность поддержать свои силы и спокойно и бодро взирать на будущее.

Я уверен, что вы все, каждый на своем месте, поможете Мне перенести ниспосланные испытания и что все, начиная с Меня, исполнят свой долг до конца. В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение царя с его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага!

Велик Бог Земли Русской!»

Глава 3. Золотопогонники

1

Река Нева, август 1914

Угнездившись чесучевыми костюмами на кожаных трамвайных сидениях, два интеллигента, разнящиеся самым пустяком: толстый в круглых очках, а тонкий – в пенсе на длинном крючковатом носе, печалились о судьбах родины.

- Я, милостивый государь, никак не могу в толк взять – немцы, цивилизованная, культурная нация.

- Шпионы! Господа, у нас в трамвае шпионы, – завизжала дама с соседнего кресла и вцепилась в чесучевый воротник.

- Вожатый! Остановите вагон!

- Хватайте их!

- В участок!

Пассажиры повскакивали со своих мест. Растопырив, как при ловле курицы, руки, они двинулись к болтунам и навалились на них дружной толпой.

- Не мните пиджак, господа, – отмахиваясь тростью, верещал столп культуры.

Объятые национальным подъемом, пассажиры отконвоировали «шпионов» в ближайший участок для установления личности. Дамы всю дорогу патриотично тыкали «задержанных» зонтиками.

Михаил Людвигович с Евгенией Трофимовной, проехав в опустевшем вагоне еще остановку, сошли у Манежной.

Над Исаакиевской площадью подымался клуб дыма, искры сверкали в нем, будто над собором пускали фейерверк. С набережной, с Малой Морской, из-под арки Сената сбегался разношерстый люд. Рядом с Савичами придержал лошадь извозчик.

- Будем ехать, барин?

- А что там за шум?

Мужичок почесал кнутом спину и кивнул равнодушно:

- Свержение статуев.

- Поехали домой, Женечка, - поморщился Михаил Людвигович. - Мы это представление уже в Кишиневе видели.

Евгения Трофимовна, урожденная Магдебург, покрепче ухватила мужа за локоть.

Гигантские бронзовые статуи тевтонов, удерживающих коней, долго сопротивлялись ударам топоров и кольев. Скульптуры раскачивались и, наконец, рухнули на площадь, распавшись на копыта, хвосты, головы. Голого тевтона с отбитым носом поволокли к Мойке с криками «долой швабов!». Эскадрон конных жандармов гарцевал на тротуаре перед входом в германское посольство, не делая попытки остановить возбужденную толпу, которая прорвалась уже на первый этаж. Веером летели из окон бумаги, хрустальная посуда, стулья.

Из пылающей парадной залы вынесли портреты Николая II и Александры Федоровны и с пением гимна направились в сторону Австрийского посольства.

Заглянув в Публичную библиотеку - эта дурная привычка еще отзовется в его судьбе - Михаил Людвигович взял полистать новый толковый словарь французского языка. После «rognon - звонкая монета, металлические деньги, обычно высокого достоинства» и перед «roids - тяжесть, большойотягчающий груз» повисло знакомое слово: «rogrom». Пометка - rus.

Разгромили редакцию газеты «St. Peterburger Zeitung». Побили стекла в кафе Рейтера на углу Невского и Садовой. Не пропустили и другие немецкие кофейни. Заведения с «неправильными» вывесками срочно поменяли названия. Знаменитая на весь город «Вена» превратилась в «Ресторан общества официантов».

18 августа появился высочайший указ о переименовании Санкт-Петербурга. Всеобщий восторг.

- «Чуждая кличка спала, как чешуя, с российской столицы, и возник перед нами исконно русский славянский город - Петроград», - прочитал Михаил Людвигович вслух за завтраком. - Послушай, Женечка, что пишет Борис Садовский, известный, кстати, поэт и критик. «Петербург (особенно Санкт-Петербург!) не укладывается в стих и не имеет никакой рифмы. Иное дело - Петроград».

Михаил Людвигович сложил газету и задумчиво помешал ложечкой сахар в чашке:

- То-то теперь рифмовать примутся. А ведь немцы здесь ни при чем! Петр Великий назвал столицу на голландский манер - Санкт-Петербурхъ, и если уж переводить, то по-русски наш город должен называться Святопетровск.

Газеты 1914 года полны проектами топонимических новаций. Возвратить Шлиссельбургу старинное новгородское название Орешек, даровать Ораниенбауму народное имя Рамбов, а Ревель пусть зовется, как когда-то, Колывань...

2

В июне 134-ый Феодосийский полк вышел из Екатеринослава. До первых выстрелов у реки Збруч, по которой проходила государственная граница, оставался месяц.

Император Всероссийский Николай II Александрович, всеми силами старавшийся остановить грядущую европейскую бойню, был вынужден ввести «предмобилизационное положение», а 8 июля подписать указ о всеобщей мобилизации. Офицеры возвращались из отпусков в свои части, войска стягивались из лагерей на стоянки – к 24 июля армия стояла по всему фронту развертывания.

Границы от Балтийского моря до Румынии оцетинились русскими штыками. Эта подвижная, колючая дуга будет упруго сгибаться внутрь, и, пружинясь, выбрасывать пришельцев, выпячиваться и отступать; ни разу не разорвется. Не сдвинется таинственная, налитая царской волей, офицерским долгом и солдатской верой, линия – и через три года растворится, словно стертая резинкой с контурной карты, исчезнет вместе с Империей.

...Ставка прибыла в Барановичи; два фронта – Северо-Западный и Юго-Западный – заняли свои позиции.

Командующим 8-ой армией, куда входил 134-ый Феодосийский полк, был назначен Алексей Алексеевич Брусилов, генерал от кавалерии, отличившийся при взятии крепостей в последнюю Турецкую кампанию, военный педагог, обучавший будущего маршала Маннергейма. Генерал Брусилов освободит Галицию, выиграет Карпатскую битву, будучи назначен главкомом Юго-Западного фронта, развернет отступление, вытащит армию из ковельских болот; после позора самсоновского поражения восстановит славу русского оружия, отобьет Балканы, Литву, Буковину; к 1917 году Русская Армия будет стоять в 50 верстах от Вены. Прорвав позиционный фронт одновременным наступлением всех армий, Брусилов вырвет из немецкой пасти победу, которая будет уже никому не нужна...

Российское законодательство, начиная с милютинского устава 1874 года, фактически избавило образованные классы от долга защищать Отечество. Патриотический подъем первых дней войны осел в кабинетах загородных ресторанов пеной шампанского и исполнением гимна стоя. Впрочем, не будем сбрасывать со счетов и щедрые посылки кисетов с табаком для «окопных героев».

Феномен Большой войны, как называли Первую мировую современники, заключался в том, что правительству никак не удавалось вызвать «атмосферу 1812 года». Эх, не были потомки Рюрика эффективными менеджерами! Пустил бы Император немцев, ладно до Волги – хотя бы до Москвы, позволил бы обложить Санкт-Петербург (а! – уже Петроград) блокадой, сжечь белорусские деревни – и народная война (что там 1812, даже 1943!) – была бы обеспечена. Может, и скипетр бы удержал. Увы, Император и Русская Армия берегли не власть, а страну, защищая русскую территорию и мирных жителей. А мирные жители обворовывали свою армию, по три раза перепродавая одни и те же партии сапог, сшитые для солдат, которые стояли цепью по пояс в карпатском снегу.

3

Королева Мария Английская говорила, потеряв континентальные владения, что после смерти найдут начертанным на её сердце слово «Кале». На скольких русских сердцах высечена карта Галиции?

Река Стрыпа, 8 августа 1914

Розовый рассвет расточил туман над холмами, откатил его по пологим скатам в лощины, в болотистую пойму Стрыпы. Генерал от инфантерии, граф Федор Артурович Келлер отчетливо различил белый георгиевский крест на груди есаула, несущегося к нему впереди казачьего

разъезда. Спешит офицер-разведчик, хлещет коня нагайкой, но, опережая его, оповещают о подходе австрийских войск орудийные выстрелы со стороны деревни Ярославце...

Генерал Келлер отдает приказания:

- Первому Оренбургскому казачьему полку - немедленно атаковать наступающие цепи австрийской пехоты!
- Восьмому Донскому артиллерийскому дивизиону - поддержать атаку оренбургцев!
- Главным силам дивизии - спешно подтягиваться!

Вершину за вершиной румянит ползущее из-за хребта солнце. Длинная колонна 10-ой дивизии вздрогнула, как будто по ней пропустили электрический ток: полки начали выстраивать фронт и галопом выходить на одну линию. Грозно и торжественно сверкают в утренних лучах генеральские эполеты, движутся Драгунский и Уланский полки, летят рысью гусары-ингерманландцы.

Трубят «к бою».

«Голосом» дает генерал команду ротмистру Барбовичу: «Атакуй с левого фланга!», и серые ингерманландские всадники наклоняют пики.

Зашевелилась, перестраиваясь, и дотоле неподвижная австрийская линия. Черная полоса строя, прорезанная красной линией чакчир, с волной белых султанов и голубых развевающихся ментиков, сомкнутая и выровненная, появилась на гребне.

Медный полуденный диск очертил светом черный силуэт всадника, замершего на вершине холма. СлилсЯ генерал Келлер с конем, камнем и солнцем, ища взглядом, нащупывая и уже чувствуя невидимую никому иному линию, грань, место, где войска сойдутся, схлестнутся и ударятся друг о друга.

Волны «ура!» прокатились по всему фронту и смешались в глухом, протяжном, тяжелом ударе двух столкнувшихся армий. Первая шеренга австрийского строя на мгновение замерла и как бы поднялась в воздух, нанизанная на русские пики. Раскатами барабанной дроби посыпались шашечные и сабельные удары, серые защитные рубашки кавалеристов просачивались между австрийскими голубыми ментиками. Всадник рубил, колол всадника, слышались лязг железа, револьверные выстрелы, трескотня пулеметов.

К командиру дивизии, запыхавшись, на взмыленном коне подлетает вахмистр Архипов:

- Ваше сиятельство! Рублю, рублю этих с. по голове, но никак не могу разрубить ихние шапки!
- Бей их в морду и по шее, - советует граф Келлер.

Всадник осаживает коня, взмахивает шашкой и снова тонет в kloкочущей лавине.

Как рой пчел, как взбудораженный муравейник, жужжит и кружится бой.

Удар второй австрийской линии, затем третьей - свежих шести эскадронов по расстроенной, поредевшей уже массе серых гимнастеров настолько силен, что она колеблется широкими волнами, зигзагами поддается и отходит, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее.

Стройная колонна австрийского эскадрона безудержно гонит отступающие русские полки.

«Штаб и конвой - в атаку!» - Генерал Келлер бросает в бой единственные силы, которые остались в его распоряжении.

С места понеслись они во фланг проходившему уже мимо эскадрону. Начальник конвоя выхватил из кобуры револьвер, прицелился и выстрелил. Несшийся впереди австрийского эскадрона командир замертво свалился с лошади. Австрияки дрогнули и, рассыпавшись, стали уходить с поля боя.

Вокруг уральских штандартов собирал генерал Бегельдеев казачьи полки на усталых, в пене, конях. Гусары ротмистра Барбовича гнали неприятеля к болотистым берегам Стрыпы. Австрийцы бежали, оставляя завязших по колено, запутавшихся в тине лошадей.

Желтая мгла спустилась и закрыла, как занавес, поле самой большой конной битвы за всю Мировую войну. Темная серебряная тень медленно напознала на солнечный круг, пока не заслонила его полностью.

Ах, никогда не приносило удачи русскому войску солнечное затмение!

В бою - в руке Божьей. Все были верны.
Ты помнишь начало Великой войны?
И труд, и тревога - и радость, и свет
Тех конных атак и крылатых побед.
Врезаемся в гущу, проходим насквозь!
Но солнце над битвой во мглу облеклось.
Так было когда-то - и так при конце:
Черное солнце в горящем венце. [3]

4

Галицийскими кампаниями назовут потом в учебниках истории растянувшиеся от Вислы до румынской границы, от августа до ноября сражения четырех русских армий Юго-Западного фронта против четырех Австро-Венгерских. По старым представлениям - целая война: два миллиона человек.

Река Гнилая Липа

В ночь на 15 августа Брусилов, снявшись с биваков, повел Восьмую армию форсированным маршем в львовском направлении, и она встала фронтом от Рогатина до Галича.

Здесь, у Рогатина, близ местечка Янчин, 7-ой корпус Брусиловской армии под командованием генерала Экка принял свой первый бой.

Он вошел в военную науку как «бой генералов», в историю Мировой войны - как блестящее поражение, которое 34-ая дивизия нанесла войскам генерала Бем Ермоли, в летопись Симферопольского и Феодосийского полков - как первая победа; в личной биографии офицеров 17 августа стало началом долгого пути от Янчина до черноморской волны.

Как мог выглядеть Янчин? Аккуратненький австрийский фольварк. Кирпичные, вырезанные с не нашей опрятностью домики. Крепко-накрепко закрытые ставни. Лучи солнца падают отвесно на красные черепичные крыши. Серое марево пыли, взбитое солдатскими сапогами, подымается чуть ли не до шпиля маленькой кирхи. От болотистой речной поймы с бесконечными гатями тянет гнилью. На том краю залитой полуденным зноем равнины у

кромки леса уже видны чужие мундиры.

Бой генералов. Командиры 34-ой дивизии пойдут в атаку впереди полков, увлекая за собой солдат.

Тихо-тихо; замерли люди в военных формах, словно прислушиваясь, словно ища в себе – силы, уверенность, правду? – в последние минуты перед тем как поднять оружие. Стоят перед выровненными рядами офицеры в летних защитных фуражках и легких кителях. Запоют серебряные трубы, и они сделают первый шаг по невидимой еще дороге, по которой шесть лет идти им впереди своих полков. Штурмовать Карпаты. Через хаос и развал 1918 года привести феодосийцев и симферопольцев из Румынии в Екатеринославские казармы. Сквозь метель и петлюровские банды совершить знаменитый Зимний поход на Дон. Принять последний бой на Перекопе. Сбереечь, сохранить Армию на Голом Поле у вод Дарданелл.

Их предадут солдаты, бросит Ставка, кинут союзники, от них отречется Император, но они не изменят присяге, долгу, Отечеству. Если не нашлось бы этих людей, как находится всегда хотя бы один праведник, без которого не стоит село на Руси, каким бы мы умылись позором.

Нешадно жжет августовское солнце 1914 года. Стоят перед дивизией командир корпуса генерал Экк, начальник дивизии генерал Баташев, командир Симферопольского полка генерал Кортацци, командир Феодосийского полка полковник Кусонский, командир 2-го батальона полковник Люткевич, командир 4-го батальона подполковник Магдебург.

5

В ходе упорных боев Третья Армия генерала Рузовского 20 августа берет Львов, 22 августа 8-ая Армия генерала Брусилова занимает хорошо укрепленную крепость Галич. Юго-Западный фронт переходит в наступление и к 13 сентября завершает победную битву за Восточную Галицию. Австрийцы оставляют на полях сражений почти половину армии.

Русская Армия отстояла Червонную Русь и вышла к Карпатам.

Фактически наступлением в Галиции были сорваны планы немецкого командования на молниеносную и победоносную войну.

Река Сан, осень 1914

Поезд прибыл на станцию поздно вечером и встал на запасной путь. Австрийцев вытеснили три недели назад, но не выветрился запах гари, осевший на закопченных дымом стенах вокзала, на обугленных оконных рамах, забитых досками. На платформе, у сооруженных из кольев и полотна палаток, случайные пассажиры: священник, несколько офицеров, чиновники – торгуют у крикливых баб баранки, пряники, пирожки с капустой. За столиком у самовара, прислонив к стулу костыли, пьет чай дама в солдатской форме и папахе.

Рота Феодосийского полка выстроилась вдоль состава. Унтер-офицер Москаленко, немолодой крепкий малоросс с короткой седоватой бородой и казацкими усами, командует:

- Мыться по отделениям в порядке номеров! Остальным – вольно. Михалыч, размести роту на станции и организуй чай. Я прохожу с первой группой – офицер должен идти впереди взвода, и с шашкой, и с шайкой.

В предбаннике солдаты стаскивают залепленные ошметками глины сапоги, раздеваются. Одежда и белье так запачканы, что кажутся просмоленными.

- И откуда у вас столько грязи и земли? - подшучивает банщик.
- Ты лежи с наше на брюхе в трясине. Пристроился тут шайки стеречь, - огрызается молодой солдат.
- Две недели по болотам таскались, - добавляет другой, постарше.
- Что вы с ним завязались? - Москаленко высовывается из двери; оттуда пышет жаром и березовым банным духом. - Заходи, получай мочалки.

Солдаты радостной гурьбой вваливают в банное отделение, расхватывают куски мыла, окатывают друг друга горячей водой, ожесточенно трут спины.

- Ложись, братцы, на лавки, кого веником обойти?

Распаренные, с красными, довольными лицами переходят в бельевую, натягивают чистое исподнее. И только черный ободок въевшейся под ногти окопной грязи мелькает на белом полотне.

- Следующая станция - парикмахерская! - Щелкает ножницами цирюльник с рыжими закрученными усами.

Разомлевший, растаявший, Москаленко степенно хлебал из блюдечка горячий чай, закусывая московскими конфетами, и неторопливо вел с комендантом поезда уважительный разговор.

- Грязное белье, стало быть, выкидываете?

- Поезд, - веско отвечал комендант, теребя реденькую бородку, - работает по полному циклу. Поступает к нам окопник грязный, заросший, а на свет Божий выходит чистый, опрятный, словно новобранец. К вагону-бане прицеплен вагон-прачечная. Пойдемте, Геннадий Борисович, покажу нашу гордость - немецкие стиральные машины: сами моют, выжимают и даже сушат.

- Склад белья, - комендант указал на полки с аккуратными белыми стопками, - а здесь - он приоткрыл дверцу большого металлического шкафа, - дезинсекционная камера. В ней мы уничтожаем друзей Вильгельма.

- Кого-кого? - удивился Геннадий Борисович.

- Насекомых. Бич армии, разносчик сыпняка, а значит - друг Вильгельма. В это отверстие закладывают шинели, одежду. Вша больше шестидесяти-семидесяти градусов не выносит, при восьмидесяти - скрипит, а при девяноста -дохнет.

- Самого бы Вильгельма в эту дырку запихать! - брякнул Москаленко, и офицеры рассмеялись.

С началом Первой мировой вспомнили про банно-прачечные дезинфекционные поезда, которые были изобретены и введены в практику во время русско-японской войны.

Шефство над постройкой взяла на себя императрица Александра Федоровна. Ее инициатива получила полное одобрение и искреннюю поддержку армии. Генерал Брусилов вспоминал, как во время встречи с Александрой Федоровной она поинтересовалась, довольны ли на фронте ее поездами. «Я ей по совести ответил, что эти поезда приносят громадную пользу», - признавался генерал.

Река Нева

«В ответ на циркулярное отношение Учебного Отдела Министерства Торговли и промышленности от 24 октября 1914 года за № 9897 имею честь сообщить, что из служащих вверенного мне учебного заведения призван на войну Александр Людвигович Савич.

Жена прапорщика, Александра Николаевна Савич, получает за даваемые ею взамен мужа 10 уроков 750 рублей, остальные 10 уроков переданы другому преподавателю русского языка. Кроме того, Путиловское Общество Содействия Коммерческому Образованию уплачивает семье призванного вспомоществование в размере 92 рубл. 25 коп. в месяц».

...Началось хождение по мукам женщин нашей семьи. Сколько впереди окошечек, к которым они будут приходить, наводя справки о своих мужчинах, заполняя строчки анкет, передавая посылки, письма, плача, упрашивая, в 1915, в 1918, в 1921, в 1935, в 1942, в 1961, получая документы о реабилитации. Они будут стоять в очередях на узких лестницах, перед ними будут захлопывать двери, на них будут рывкать: «Вам сообщат.»; небрежно швырять записки, написанные на клочках оберточной бумаги, возвращать не принятые передачи. И не будет Императора, чтобы остановить хаос: «До сведения моего дошло, что некоторые воинские начальники позволяют обращаться грубо с женами и родственниками г.г. офицеров и прапорщиков, находящихся на театре военных действий, при наведении ими справок. Приказываю, чтобы впредь подобное не повторялось, и чтобы все чины военного ведомства оказывали бы семействам г.г. офицеров и прапорщиков, находящихся на театре военных действий, полное внимание во всем и обращались бы вежливо».

Семейство господина прапорщика Савича, а точнее, Шурочка с маленьким Игорьком чуть не каждый день приходили к дому № 1 на Караванной улице, где в Особом отделении для наведения справок о военнослужащих в марте 1915 года и сообщили им, что Александр Людвигович ранен в бою вблизи Залещиков, неподалеку от Тернополя.

Газета «Новое время», раздел «Вести с фронтов»: «В районе Залещиков в бою в ночь на 27 марта австрийцы после жестокого обстрела наших укреплений тяжелыми орудиями, перебив огнем почти всех защитников одного из них, стремительно ворвались в него. Но почти тотчас были выбиты контратакой подошедшей роты. Немногочисленные защитники укрепления, оказавшиеся невредимыми, остались в строю; раненные переданы в санитарный поезд».

Река Днестр, март 1915

Санитарные поезда старались подгонять как можно ближе к боевым позициям. Залещики в этом отношении – место удобное: узловая станция, через которую проходит стратегическая железная дорога Брест-Одесса.

На горизонте вспыхивал беловато-красный огонь, как будто каждую минуту всходило и тут же садилось солнце; небо загоралось, освещая пространство; вверх серебряными нитями взмывали ракеты; взрывы, грохот пушек заглушали свист локомотива. Поезд остановился. Врачи и фельдшеры по приставным лестницам сбегали с вагонных подножек к краю покореженного леса: воронки, упавшие друг на друга деревья, разорванные снарядами стволы. Из темноты, из черного оцепенения навстречу им со всех сторон двинулись огоньки, точно светлячки – это санитары с фонариками несли раненых к поезду.

Александр в окровавленной шинели, со вспоротым осколком рукавом, бессильно опустился у костра, где, прислонившись друг к другу, полулежали солдаты с перевязанными руками и головами.

- Вы сильно ранены? - склонилась над ним фельдшерица.

- Ничего, сестрица. Потерплю.

Она быстро подняла край рубахи. Бинты, которые неловко опоясывали спину и бедро, промокли от крови.

- Носилки!

Состав из 20 вагонов двинулся в сторону Петрограда. Посреди каждой теплушки - печь. Вдоль стен в три этажа установлено по двенадцать пружинных коек. Тяжелораненые лежат на них прямо на носилках; кислый запах карболки, гниющих ран и йодоформа. Врач обходит койки, сестрица светит ему свечкой, бледные капли стеарина капаят на подрагивающие пальцы. Поправляют повязки, впрыскивают камфару, морфий.

В небе вспыхнул гигантский столб красного света - горят Залещики.

- Сестричка, мы отступаем?

- Нет, братец, нет, - утешает ласковый голосок. - Смотри, сколько вас, тяжелораненых - семь теплушек прицепили к нашему составу, и все полны. А при отступлении до поезда только те доберутся, кто сам ходить может, тяжелых с поля боя не вынести.

Александр закрыл глаза и представил себе леса, поля, дороги, по которым валяются солдаты без помощи и без ухода.

На остановке в поезд подсадили раненых австрийцев, в изодранных осколками синих шинелях и выгоревших кепи с оловянными кокардами и буквами «F» и «I» - инициалами Франца-Иосифа.

В перевязочной собрались «ходячие». Сестры милосердия осторожно накладывают повязки, шутят, чтобы отвлечь солдат от болезненных процедур. Солдаты терпеливо и дружелюбно отшучиваются.

- Ну, а теперь пусть враги идут на перевязку, - говорит сестра.

- Какие они враги, ведь они без оружия, - с упреком возражают солдаты.

Раненые обступили смущенных, испуганных, тяжело покалеченных австрийцев:

- Александр Людвигович, а расспроси, откуда они!

- А жены у них есть?

- Дети?

- Пусть расскажет, жена плакала, когда провожала?

- Та-ак, и мать у него есть, и трое ребятишек, и плакала жена, - все как у нас, - с умилением говорит солдат.

- А как же иначе, - соглашается другой. - Не по своей ведь охоте, их тоже начальство на фронт послало.

Солдаты угощают австрийцев табаком, крутят им папиросы. Австриец мнется и, склонившись к Александру Людвиговичу, шепчет еле слышно:

- Нас, наверное, в Сибирь отправят? Там же холодно, мы все умрем.

Александр смеется:

- Мы, русские, живем в Сибири, и вот, смотри, здоровые, крепкие и вас бьем.

Через девять дней поезд прибыл в Петроград.

46 военно-санитарных поездов было сформировано еще в период мобилизации. К середине 1915 года на русском фронте курсировало около 300 подвижных составов. Патронировала их формирование и работу Императрица. Вместе со старшими Великими княжнами Александра Федоровна прошла курс сестер милосердия военного времени. Они поступили рядовыми хирургическими сестрами в лазарет при Дворцовом госпитале. Стоя за хирургом, Государыня подавала стерилизованные инструменты, вату и бинты, уносила ампутированные ноги и руки, перевязывала гангренозные раны, научилась быстро менять застилку постели, не беспокоя больных, и делать перевязки посложнее.

В сентябре 1914 года было учреждено Управление верховного начальника санитарной и эвакуационной части во главе с членом Государственного совета генерал-адъютантом принцем Ольденбургским. В начале войны в стране стал ощущаться недостаток в медикаментах и хирургическом инструментарии, большая часть которых обычно ввозилась из-за границы, в том числе из Германии и Австро-Венгрии. По приказу Ольденбургского Петроградский завод военно-врачебных заготовлений стал работать в три смены, Институт экспериментальной медицины обеспечил бесперебойный выпуск вакцин и сывороток, Земский союз приступил к строительству фабрик для изготовления лекарств из местного сырья, запустив в Керчи, например, йодный завод. Все эти меры помогли стабилизировать ситуацию с медицинским снабжением действующей армии и лечебных заведений тыла страны.

8

Северо-Западный фронт, река Бзура, июнь 1915

Водянистая слизистая жидкость постепенно заполняет все легкие, и происходит удушье, вследствие чего люди умирают в течение одного или двух дней. Те, кому «посчастливилось» выжить, превращаются в слепых калек с сожженными легкими.

Профессор Фриц Хабер был удостоен в 1918 году звания лауреата Нобелевской премии по химии за синтез (десятью годами ранее) жидкого аммиака из азота и водорода на осмиевом катализаторе. Во время Первой мировой войны руководил химической службой немецких войск и первым начал использовать душающие газы - смесь фосгена с хлором.

Саперная рота 24-го Сибирского стрелкового полка разместились в землянках у города Сохачев Варшавской губернии и приступила к занятиям. На большом ровном лугу, с шанцевым инструментом в руках, стрелки тут же, на земле, добросовестно старались выполнить все, что объяснял руководитель учебной команды. Начали с простого стрелкового окопа для стрельбы лежа, а затем, в порядке постепенности докопались, в прямом смысле этого слова, и до укрепления профиля полной, выше роста человека.

Стрелкам, большинство из которых провели не один бой, не надо было объяснять значение саперного дела, они на собственной шкуре убедились, что без работы лопатой немислимо при губительном огне ни наступать, ни обороняться. Бережно чертили в тетрадках планы окопов, обстоятельно изучали «Полевые фортификационные постройки и применение их к местности».

Дымится полевая кухня, несется к свежерырытым окопам домашний аромат щей.

- Ребята, налетай! - зовет артельщик.

Вытирая ладони о шаровары, саперы собираются вокруг котлов, подставляют бойкому кашевару котелки, торбы, кружки. Оголодавшие, усталые, едят скоро, без разговоров, слышно только, как гремят ложки. Опорожнив по второму котелку густой гречневой каши, стрелки прилегли на шинелях, на истоптанную, всю в бурых комьях земли, траву, закурили. Кто-то сразу и захрапел, посвистывая носом. Кашевар, помешивая черпаком жирные щи, выкликает:

- Кому плеснуть? Неси котелки, инвалидная команда!

Пожилой плотный сапер Кузьма Егоров, стряхнув кашу с седоватых усов, басовито отозвался:

- А чего это ты нас в инвалиды записал?

- Я не в обиду, братцы. Все знают, что в саперной команде половина раненых да контуженных.

Залез Кузьма в карман замаранных влажной землей шаровар, достал кiset, высыпал в ковшичек ладони махорку; небыстро свернул сигарку из газетного, прибереженного в другом уже кармане обрывка и прикурил от спички, которую протянул ему сосед.

- Правда твоя, кашевар, потрепал немец сибирские полки под Боржимовом. Страшное было дело. Как чумных сурков, травили нас газом. Я, браток, не первую войну воюю, но такого не видал. Зеленые лица с вытекшими глазами, черные распухшие языки. - Кузьма закашлялся.

Первая немецкая газовая атака была применена у города Боржимова 10 мая 1915 года против 5-го Сибирского корпуса 2-ой армии (на Западном фронте немцы использовали газы в конце апреля под Ипром). Газы выпустил 3-ий германский резервный корпус генерала фон Безелера. Было отравлено смертельно 10000 человек, 14-ая Сибирская дивизия погибла почти целиком...

- На рассвете сидел я в сторожевом окопе. Вдруг слышу: со стороны германского расположения взрывы. Смотрю - перед их окопами пламя, а над ним поднимается желтовато-зеленоватый дым. Поначалу любопытство даже разобрало. А как ветер подул в нашу сторону, чуем запах смрадный, и все сильнее, сильнее. Офицеры принялись костры запаливать, думали, что дым будет подымать газ вверх, но ничего не помогало. Ужас, паника охватила всех. Солдаты из окопов карабкаются, хрипят, задыхаются в кровавой пене. Винтовки побросали, бежим, падаем, а облако плывет вслед за нами, накрывает батареи, укрепления, лошадей. Добежал я, уж не помню как, до сарая, где был перевязочный пункт, и упал, и корчился, и траву руками рвал. Врачи за голову хватались: нет у них от этой отравы лекарств! Прямо у лазаретов стрелки, кто доползал, и умирали, раздирая ногтями шею. Но и это еще не все, братцы. Наутро приказали занять оставленные окопы. Я пошел с санитарями, чтобы подобрать, если кто живой остался. Какой там живой. - Кузьма оглядел саперов, которые, бросив ложки, слушали его угрюмо. - В окопах вповалку лежали мертвые тела - мы глазам своим не верили, - искалеченные, с раздробленными черепами, распоротыми животами. Наш унтер, Пирог по фамилии, нашел одного стрелка в сознании, и тот успел сказать, что германские солдаты забрались в окоп и надругались над ранеными. И как надругались! карманы всем повыворотили, обувь сняли, патроны в глаза забивали, в грудь. Зверь такого не делает! Земляк

мой, с Хабаровска, лежал со спущенной верхней одеждой и бельем, и штык загнан между ягодиц и там оставлен.

ИЗ ПРИКАЗА № 32 ОТ 16 ОКТЯБРЯ 1914 Г.

ПО 2-ОЙ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ

§ 4. Выбрасыватели огня или жидкости, выделяющей газы. Эти способы будут предоставлены в распоряжение отдельных частей армии главнокомандующим по мере надобности. В то же время части получают осведомленных лиц весьма необходимых для обращения с этими приборами...

Приборы эти, выбрасывающие моментально воспламеняющуюся жидкость, похожи на огнетушители. Огненные волны применимы на расстоянии 20 метров. Действие их моментально и смертельно, они отбрасывают врага на большое расстояние в силу распространяющегося жара. Желательно выбрасывать пламя короткими вспышками, чтобы иметь возможность сразить одной дозой содержимого несколько объектов. Выбрасыватели огня будут преимущественно употребляемы при сражениях на улицах и в домах, и будут храниться готовыми к применению в таких местах, откуда начнется атака...

От командного блиндажа быстрыми шагами двигается невысокий худощавый поручик с жесткими, чуть запавшими глазами.

- Поели? Бегом на склад! Сапоги, шаровары, гимнастерки новые подвезли. Через час выдвигаемся: приказано вырыть окопы фронтом к 23-му Сибирскому стрелковому, ввиду того, что неприятель большое желание имеет прорваться через их позиции. - Офицер криво усмехнулся и добавил: «У каптенармуса получите респираторы и очки-противогазы. Под фольварком Козловискупи пускают удушливый газ».

При мысли о противогазах поручик машинально потянул носом и поймал запах кухни. Он проворно нагнулся и приподнял крышку котла: - Наваристые у тебя, брат, щи! Плесни-ка и мне черпачок.

Слово «отступление» уже носилось в воздухе. Вторая армия оставляла Царство Польское. Через два дня саперная команда забрала свои вещи и инструменты, сдала в обоз котлы и двинулась в штаб корпуса. У деревни Кожушки натолкнулись на арьергард Сибирского полка, и дальше шли уже вместе, выбираясь из «польского мешка». Сибиряки отстреливались, а саперная команда устраивала на дорогах завалы, затрудняя немцам продвижение. Деревья сносили быстро, однако слишком толстые стволы приходилось «брать» взрывными устройствами. Две бомбы, привязанные к дереву, буквально бросали его на дорогу.

Переправившись через Бзуру, стрелки зажигают за собой мост, но огонь гаснет, снесенный ветром. Поручик с двумя подрывниками возвращается, деревянные перекладины снова горят, но они не уходят, ждут, пока не взорвутся все заряды, пока не затрещит, рассыплется искрами и рухнет в тихую Бзуру огненный шар.

Пятый Сибирский корпус занял Варшавские позиции. Несколько рядов скрытого и видимого проволочного ограждения, словно развешенные для просушки морские сети, накрывали мощные блиндажи и укрытия от газов. Поручик спрыгнул в окоп, ловко пощелкал лопаткой по козырьку, заглянул в бойницу, обследовал пулеметные гнезда; проволоку трогать не стал, осмотрел только, покивал одобрительно и, высунув наружу голову в съехавшей на затылок фуражке, махнул, наконец, рукой: - Заходим, стрелки, отсюда нас немец не выкурит!

Командир саперной роты, поручик, который раздает солдатам респираторы, руководит взрывными работами и валит деревья, загораживая дорогу неприятелю – не кто иной, как Борис Владимирович Магдебург, сын станового пристава Тотьменского уезда Владимира Трофимовича, племянник Григория Трофимовича, который, упомянем к случаю, тоже понюхает желтого удушливого газа, штурмуя Карпаты.

...По всему театру боевых действий воюют два поколения Магдебургов: дети Трофима – Василий, Константин, Яков, Павел, Григорий, его внуки, про старшего из которых, Бориса, написал в своих воспоминаниях однополчанин, стрелок 24-ой Сибирской роты, и записки эти обрываются на Варшавских позициях.

9

Река Нева, октябрь 1915

Из кухни новой квартиры на Канонерке виден был двор-колодец, узкий, гулкий, униженный изнутри рядами мутных окон, за которыми внимательный наблюдатель мог различить горшки, кастрюли, бледные пятна женских лиц. Если стоять у самой арки, перекрытой воротами с кованным узором, задрать голову и придерживая рукой картуз – или шляпку, – то кажется, что этих окон и этих лиц так много, и что они обступают тебя, кружатся над тобой, как морок. Газовый рожок бросал конус зеленоватого света, выхватывая из сизых петербургских сумерек двери черного хода, каменные ступеньки и мощный булыжником двор. Ни деревца, ни куста. Только пятна грязновато-желтого мха по краю гранитного цоколя и малокровные росточки, пробившиеся у подножия дома. Над мансардой шестого этажа, над скошенной жестяной крышей парит шпиль многоярусной колокольни Покровской церкви.

Шурочка вынула из холодной кладовки бутылку шампанского, которую хранила еще с лучших, до запрета на продажу алкоголя, времен и берегла для особого случая. Вот и дождалась – мужа выписали из госпиталя. Прихрамывает, опирается – и как элегантно! – на трость с набалдашником из слоновой кости, невредимый, веселый, родной. Шурочка суетится, вместе с кудлатой Марфушей расставляет на кружевной – сама вязала! – скатерти нехитрые угощения. Никаких особых разносолов достать не удалось: перебои с продуктами в Петрограде начались еще с зимы, даже хлеб не каждый день купишь без долгих очередей – «хвостов», как окрестили их питерские остроумцы. К нечастой теперь семейной встрече что-то наскребли по сусекам, что-то выменяли, что-то выстояли. Апельсины и виноград из Елисеевского – Саше поправляться надо – принесли Женя с Мишей. Пирожные и печенье к чаю – Шурочке ломать голову нужды нет: Александра Людвиговна – известная мастерица, и меренги печет, и шарлотки, и мазурки с изюмом и миндалем – пальчики оближешь.

Александра Людвиговна Долинская вместе с младшим сыном Сашей уже месяц как поселилась у брата Михаила, на Гатчинской.

10

Северо-Западный фронт, река Вилья, август 1915

Начальство пресекало слухи, что город скоро сдадут. Так уж у нас повелось, однако – чем увереннее начальство отрицает, тем шире ползут тревожные разговоры.

Один за другим закрывались в Вильно банки, казенные учреждения, телеграф. Частным лицам билеты на вокзале не выдавали. Те, у кого были деньги, нанимали подводы и ехали до ближайшей станции, верстах в 60-70 от города, там билеты можно было купить свободно.

Александре Людвиговне, вдове полковника Долинского, удалось в эвакуационном пункте достать пропуска на выезд для себя и сына.

Извозчик с трудом пробирался по улицам, усеянным соломенной трухой, наталкиваясь на обозы, груженные мебелью, покрытые брезентом двуколки с флагом Красного Креста, подолгу замирал на перекрестках, пропуская отряды солдат,двигающиеся к линии фронта. Коляска то резко останавливалась, то снова срывалась с места, и Саша брякался затылком об обитую подранной кожей стенку. У Соборной площади стали намертво: толпа народа окружила церковь, с которой через пролом, пробитый в стене, снимали колокол. Александра Людвиговна всхлипнула и перекрестилась: Матка Бозка Ченстоховска, да что же это делается! Повернули на соседнюю улицу, там грузили на подводы обмотанный мешками и веревками памятник Муравьеву. Ухватившись за узел с зимним пальто и валенками, Саша изо всех сил вытягивал шею, чтобы из-за широкой спины извозчика видеть, как мечется, бежит куда-то, прячется перепуганный город. Самому-то ему совсем не было страшно: они едут в Петербург, там живет его старший брат Женя! Женя Долинский - моряк, он плавает на большом корабле с красивыми белыми парусами, у него есть настоящий кортик, и он никому не даст Сашу в обиду!

- Саша, не отставай, не отставай! - кричала Александра Людвиговна, протискиваясь сквозь вокзальное коловращение, и мальчик бежал за ней, неуклюже волоча узел и не выпуская ни на секунду из виду мамино пальто, сбившийся платок и старые дерматиновые чемоданы в ее тонких руках. На дальней, тускло освещенной платформе нашли свой состав, зажатый между военными и санитарными поездами. Трое суток в забитых беженцами товарных вагонах ждали отправки. Саша спал на верхних нарах, в щели между деревянной вагонной стенкой и маминой спиной, вдыхая шерстяной запах пальто.

- Чего только за это время ни насмотрелись! - рассказывала Александра Людвиговна притихшим родственникам. - Утром в нашем вагоне умер годовалый ребенок. Отец от состава отойти боится, отправить могут в любую минуту, а у него в вагоне еще двое детей остались. Так и бродил по платформе с трупиком на руках, пока жандарм не сжалился и не унес его сынишку.

Она заплакала. Шурочка обняла невестку за плечи и долго шептала ей на ухо, успокаивая, поглаживая все реже и реже вздрагивающую спину. Саша вздохнул. Он жалел маму, но к слезам ее привык.

После смерти мужа Александра Людвиговна сильно сдала. Стала убирать прежде поднятые в замысловатой прическе волосы в простой узел и не покупала красивых шелковых платьев, - да и не на что было: денег, несмотря на дядимишины переводы, вечно не хватало, и Саша по утрам, до уроков, натянув на уши гимназическую фуражку с серебряным гербом и стараясь не попадаться на глаза одноклассникам, разносил по кривым виленским улочкам почту. Мама пересчитывала рублишки, которые сын с достоинством выкладывал перед ней каждую пятницу, вытаскивала из бисерного ридикюля кружевной платочек и прижимала к покрасневшим глазам.

Здесь, в Петрограде, ободренный небывалым в его жизни присутствием мужчин - дядя Миша и дядя Саша, незнакомые прежде дядья Пржевалинские, ровесник его Боренька Савич, а главное, брат Женя с золотыми якорьками на плечах - мальчик считал, что все невзгоды остались позади, и немного досадовал на маму, которая никак не могла успокоиться.

Евгения Трофимовна все подкладывала взъерошенному ребенку куски пирога, словно стараясь накормить его впрок.

Ах, если бы она могла накормить его впрок, если б могла.

11

Сашу Долинского определили в Путиловское училище, в класс, где ни дядя, ни тетя уроков не вели.

- Дурно, если ребенок обучается у педагогов-родственников, - сказал дядя Саша, подняв вверх указательный палец, весомо и внушительно, этим же пальцем прищемил вдруг Сашин нос и рассмеялся, - трудно сохранить объективность.

Боря Савич принес из гимназии очередной похвальный лист. Грамота поскромнее, чем довоенная, и размером поменьше. Ни портретов, ни репродукций. В середине, как обычно: «Награждается.», а справа надпись «Всё для войны, всё для победы».

12

Пройдя за 14 дней 20 верст непрерывным штурмом, геройские корпуса 3-ей и 8-ой армии 30 марта 1915 года победно спустились с Карпат. Встали на территории Венгрии, на древней земле Карпатской Руси.

Потери неприятеля были огромны - 400 тысяч человек, но и наш урон, 200 тысяч человек, был ощутим. Сознавая недостаточность сил и большие потери, штаб Юго-Западного фронта отдал директиву 3-ей и 8-ой армиям прекратить наступление и прочно укрепиться на западных склонах Карпат.

Германское командование, понимая, что его союзник - Австро-Венгрия - находится в критическом положении, снимает с французского фронта 11-ую армию генерала фон Макензена и перебрасывает в Карпаты, которые, по расчетам Кайзера, должны были стать могилой Русской Армии. Россия же, предполагая немцы, лишившись вооруженной силы, вынуждена будет заключить мир любой ценой. Ключом к осуществлению этих планов было овладение Лесистыми Карпатами.

Наши войска выдержали основной удар германо-австрийцев, понеся потери и отказавшись от завоеванных земель. В июне 1915 года немцы овладели Львовом и Перемышлем, и Русские войска оставили Галицию. При отступлении 1915 года, которое называли тогда великим отходом, были потеряны подготовленные кадры Русской Армии. «С этого времени регулярный характер войск был утрачен, и наша армия стала все больше и больше походить на плохо обученное милиционное войско», - писал генерал Брусиллов в своих воспоминаниях.

22 августа 1915 года Ставка переводится из Барановичей в Могилев. Император принимает на себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами.

К середине сентября удастся остановить немецкое наступление вглубь страны.

Я ранен, товарищ, шинель расстегни.
Ты крест, что жена повязала,ними,
И, если не ляжешь со мною ты рядом,
Смотри, повидайся с детьми.

Скажи им: отец на далеких Карпатах
Засеял немало земли —
И севом богатым в Карпатскую землю

Солдатские кости легли.

А. С. Пушкин, «Полтава»

Река Горынь, октябрь 1915 года

Всхолмленная местность между реками Иква и Горынь служила с конца лета местом действия 34-ой дивизии; водораздел этот, на склоне хвойного леса Верещак, прочно закрывал от австрийских полков правый фланг русского Юго-Западного фронта.

Австрийцы укрепились между деревнями Лопушно и Волица, выкопав три линии сплошных окопов, обмотанных проволочными заграждениями. Верещак с трех сторон окружали десять рядов колючей проволоки.

Сломать, разбить эти линии обороны можно было только длительной артиллерийской подготовкой, но и на короткую, с тем, чтобы разрушить проволоку и окопы хотя бы в районе прорыва, не было достаточного числа тяжелых орудий. «О систематической борьбе с артиллерией противника тогда не было и речи», – писал впоследствии командир 34-ой дивизии генерал Гутор. Между полуднем и сумерками 20 октября удалось разрушить только один австрийский блиндаж.

Корявы стволы реденькой роци осеннего буро-грязного цвета, несет сыростью с болотистых берегов Горыни. Темнеет. По ожившему в сумерках полю тянутся раненые, повозки, обозы, автомобили с притушенными фарами, походные кухни с горячей пищей. Подмораживает.

Подполковник Магдебург спрыгнул в окоп – обжитой земляной город с улицами и переулками, навесами и противостурмовыми лестницами, – и привычно окунулся в смешанный запах заношенных шинелей, крепкой махорки, испарений грязных человеческих тел. Спотыкаясь о спящих, осторожно пробрался к себе, отодвинув доски, зашел в командный пункт. Огонек свечки, покосившейся в заплывшей воском консервной банке, не освещал ничего, кроме безусого лица прапорщика Соловьева, пары земляных постелей и перевернутого ящика. Соловьева назначили ротным на опустевшее вчера место. Скрючившись на обрубке дерева и задрав свои долговязые колени чуть ли не до ушей, он добросовестно ставил галочки против фамилий уцелевших после боя солдат только что принятой роты.

– Ложился бы ты, что ли, – пробормотал Григорий, скинул сапоги, и, пристроив вместо подушки свой превосходный английский бинокль, рухнул на кровать.

Едва серый свет разжижил ночную тьму, денщик, поеживаясь от сырого, застоявшегося воздуха и ловко лавируя по темному узкому коридору окопа, принес мутный чай в жестяной кружке и сухари. Григорий Трофимович вынул из полевой сумки, разбухшей от бумаг, конверт с полученным накануне жалованием и письмо:

– Сбегай, Федя, в деревню, на почту, отправь Александре Семеновне.

В предрассветном сумраке прорисовывается колючая кромка леса. По полю стелется густой слой тумана и порохового дыма, белеют побитые осколками березовые столбики. Солдаты одеваются молча и сосредоточенно, избегая шума и лязга. Собираются вокруг батальонного командира младшие офицеры, раскладывают на ящике карту местности и освещают ее фонариками, закрывая электрический свет фуражками.

Подполковник Магдебург повесил на шею бинокль, затянул покрепче ремни и зарядил револьвер.

Атака началась дружным ударом подразделений 134-го и 135-го полков. Феодосийцы стремительно бросились на штурм леса Верещак, преодолевая проволочные заграждения. Обстрел со стороны австрийцев, вначале редкий, убыстрялся, все чаще и чаще понеслись снаряды, и, наконец, начался ураганный огонь. Огромные столбы дыма и пыли рядами вздымались к небу и образовывали почти непрерывную завесу. Нельзя было отличить отдельные разрывы – стоял непрерывный стон.

У штаба дивизии на окраине деревни Иваньи – суета: дым, смрад, свист, гул телефона. Мечутся ординарцы, пылят мотоциклетки. Командующий 34-ой дивизией генерал Гутор и командир 134-го Феодосийского полка полковник Люткевич в полевые бинокли просматривают местность, лежащую перед ними, от круглых очертаний леса Верещак до укрепленных окопов русских полков.

Английским джентльменом смотрелся полковник Люткевич в своем щегольском френче на черноусом фоне потомственных казаков. Всегда выбрит, жесткие рыжеватые волосы стрижены коротким ежиком, узкое длинное лицо, лиловые мешки под бледно-голубыми глазами и stiff upper lip – абсолютная невозмутимость при любых обстоятельствах.

В дверь вбежал запыхавшийся ординарец:

- Ваше превосходительство, разрешите!
- Что у тебя?
- Срочное сообщение от главнокомандующего.

Генерал, не поворачивая головы, нетерпеливо протянул руку за пакетом, рванул сургуч и вынул бумагу. Внезапно глаза его под набухшими веками налились кровью, он сорвал фуражку, обнаружив всклокоченные седые волосы, и издал странный звук, не то всхлип, не то рык.

- Что с вами, генерал?
- Читайте сами, – Гутор протянул полковнику голубоватый лист.

В секретном распоряжении сообщалось, что запас снарядов в России кончился, работа артиллерийских заводов не может удовлетворить потребности армии. Предписывалось сократить до minimum'a артиллерийский огонь, так, чтобы в среднем каждая батарея производила не более одного выстрела в сутки.

- Одного выстрела?! – вспыхнул Люткевич. – Да мы и так с весны в полку расходует не более, чем по двести снарядов за бой.
- Воевать впредь придется без артиллерии.
- Даже винтовок не хватает. На перевязочном пункте премии даем, если солдат с винтовкой добрался; за каждую трофейную чуть не рублем награждаем... Восемь лет про войну болтали, а оружие не заготовили.
- Не немец Россию погубит, – злобно погрозил кулаком генерал то ли австрийцам, то ли невидимой из Полесья, даже при помощи бинокля, Ставке, – а «он», наш солдат, нам этого не простит!

Левифланговый батальон подполковника Магдебурга, несмотря на слабую поддержку родной батареи, двигается вперед. Из штаба в Иваньи видно, как масса черных точек высыпала из австрийских окопов и потянулась в сторону русских – пленные. Батальон ворвался в первую линию укреплений противника.

Слышно, как в телефонной палатке гневно кричит в трубку унтер-офицер, связист, бывший преподаватель физики в женской гимназии:

- Слушаю, слушаю! Ваше высокоблагородие! Командир батальона Магдебург на проводе.

Люткевич нетерпеливо выхватил трубку.

- Докладываю. Первая линия неприятеля захвачена, – сквозь хрипы прорвался к командиру полка голос Григория Трофимовича.

- Продолжайте наступление!

- Я жду артиллерийскую подготовку!

- Подполковник, артиллерии не будет. Гаубицы направили в сторону деревни Волица, в поддержку симферопольцам.

- Михаил, – несколько секунд Люткевич слышал только треск в трубке, – там полкилометра открытой местности. Ты приказываешь мне вести людей по чистому полю на пушки?

...Может быть и хорошо, что разговаривали старые боевые друзья по телефону. Может быть и хорошо, что не видел Григорий, как осунулось и вмиг постарело лицо полкового командира, как судорогой свело невозмутимый рот и жилистая рука сжала комок голубоватой бумаги, так, что казалось, из него сейчас, как в сказке из камня, брызнет вода – или кровь.

- Григорий, ты должен взять этот чертов Верещак.

Снаряды рвались совсем близко, защищая вторую линию обороны австрийцев; комья земли, гари и мелких осколков сыпалась прямо в окопы. Григорий хмуро оглядел только что захваченные, устланные соломой австрийские укрепления. Солдаты крутили сигарки, кто-то перетягивал бинтом поцарапанную проволокой руку, кто-то жевал сухарь. Лица были бледны, утомлены и озлоблены. Ротный Соловьев в расстегнутом кителе дремал, вытянув ноги почти до другой стены окопа.

Григорий расстегнул кобуру, легко взбежал вверх, глотнул холодный, с горьковатым привкусом гари воздух и крикнул:

- Батальон! Слушать мою команду.

Из крупновских прицелов, спрятанных в кустарниках на склоне леса, была смутно видна фигура офицера, еще минуту одинокая. Повернувшись к ним лицом, он побежал, не оглядываясь, не слыша, но – чувствуя всей своей тренированной волей, как, уцепившись за край, карабкаются из окопа солдаты и, выстраиваясь на ходу в нестройную жидкую цепь, топают за ним.

К 13 часам левифланговый батальон вышел на западную опушку леса Верещак, опрокинув штыками контратаку подразделений 41-го Имперского полка.

Раздвигая стеком густой навес хвойных ветвей, низко опустившихся над пешеходной тропкой, едва различимой при свете луны, Михаил Григорьевич Люткевич шел на огонек, мелькавший среди деревьев. На опушке леса, на сухом мягком мху сидели солдаты. Над костром на штыке качался закопченный котелок с чаем. Люткевич шагнул в их сторону и остановился. Перед ним на земле сомкнулась шеренга мертвецов, аккуратно выложенных в ряд, один к одному, и лунный свет падал на отрешенные, заострившиеся лица. С левого фланга, впереди своей роты лежал прапорщик Соловьев с развороченной грудью, далеко выставив длинные ноги.

У входа в австрийский блиндаж, прислонившись к высокой сосне с обгорелым стволом, мертвым сном спал часовой. Полковник Люткевич постоял с минуту, покачиваясь на носках, постучал парнишке по плечу стеком и, нагнувшись, нырнул в блиндаж, не обернувшись на встрепенувшееся бледное лицо ничего со сна не понимающего, измученного солдата.

На столе, врытом в землю, горела керосиновая лампа с отбитым наполовину стеклом. Денщик торопливо убирал остатки ужина.

- Садись, - Григорий Трофимович хлопнул рукой по обрубку дерева, - венской мебели не подвезли.

Люткевич сел, заложив ногу на ногу, и достал из кармана походную флягу. - Федька! Неси стаканы!

Григорий, непривычно ссутулившись, подтянул сползшую с плеча шинель и поднял воспаленные глаза:

- Виски?

Михаил молча налил полный стакан и подтолкнул к другому краю стола:

- Нет. Трофейная. До утра беспокоиться нечего, немец по ночам спит.

Люткевич выпил залпом, вяло поморщился и негромко сказал:

- Конница вернулась ни с чем. Гутор отправил шестой Заамурский гнать австрияков вдоль Горыни, но они даже до ближайшей деревни не доскакали - не смогли пройти сквозь проволочные заграждения тыловой линии. А саперов с ними послать не догадались.

Григорий машинально потер ломившее от усталости плечо:

- Мы сегодня взяли Волицу и лес Верещак. Прорвали их расположение на пять километров. Резервов у австрийцев нет. Если бы полку дали артиллерию, мы бы очистили всю линию Иквы к утру. Но поскольку ни черта нам не дадут, и ты это знаешь лучше меня, можно предположить, что мы застрянем на этой опушке недели на две. Пока не положим весь личный состав.

- По моим предположениям, атаковать они начнут завтра на рассвете, - сказал Люткевич. - Вызови младших офицеров.

Григорий взял флягу, покрутил в руках, словно рассматривая изящное червление, неторопливо отвинтил крышку и сделал долгий глоток. Аккуратно закрыл серебряное горлышко, прихлопнул для верности ладонью и засунул фляжку в нагрудный карман оцепеневшего

полковника.

- Сейчас, - сказал он тихо. - Вызову. С того света.

14

Усердно клюя пером в походную чернильницу, Тимофей Сиволап, подслеповатый полковой писарь в съехавших на самый кончик носа роговых очках, вывел кружевным почерком:

«Всепресветлейший Державнейший Великий Государь Императоръ Николай Александровичъ Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемиловитивейшій

Просит Подполковникъ

134 пехотнаго Феодосійскаго

полка Григорий Трофимовичъ

Магдебургъ

Будучи по происхожденію совершенно русским и не желая носить фамилію, напоминающую немецкую націю, всеподданнейше прошу:

Къ сему

Дабы повелено было мою настоящую фамилію изменить на фамилію Маградовъ.

Действующая армия».

Григорий Трофимович принял у Сиволапа перо и неохотно подписал:

«Подполковникъ Магдебургъ руку приложилъ».

- Не нравится мне вся эта история, Михаил, - буркнул он, не глядя на командира полка, который, подвинув стул к окну, ближе к тающему дневному свету, быстро просматривал служебные бумаги.

- А кому нравится, Гриша? - Люткевич выругался. - Думаешь, кому-нибудь в полку нравится, что наших солдат посылают выселять немцев-колонистов? За последние три дня двадцать тысяч человек из Полесья депортировали! Брусилов утверждает, что эта команда из стариков, вдов, детей и калек портит нам телефонные провода. Даже если так, мы - офицеры, а не жандармы.

- Германца остановить не можем, вот и отыгрываемся на шпиономании, - пожал плечами Григорий.

- Нравится - не нравится, - проворчал Михаил Григорьевич, - ты, Григорий, год водишь батальон, а все еще подполковник. Орденов - рождественскую елку обвесить хватит, а представление на повышение дважды без ответа возвращалось. Брусилов нашему корпусному в лицо признался, что не может назначить его командующим армией ввиду немецкой фамилии и вероисповедания. Генерал Экк и вправду лютеранин, и изменить этого не может, но ты-то православный, тебе всего лишь нужно окончание у фамилии исправить на русский манер, как Петербургу.

- Да хватит меня уговаривать, я уже подписал. Только волокиты теперь будет.

...В дневнике барона Врангеля вклеена газетная вырезка: «Уничтожение котелков».

«В Москве было несколько случаев демонстративного уничтожения некоторыми москвичами своих собственных шляп-котелков, являющихся, по мнению протестантов, прототипом германской каски и немецкой выдумкой».

Отступление в Галиции и слухи о больших потерях породили новую волну антинемецкой кампании. Массовый характер приняли доносы; обитатели русских городов, торговцы, ремесленники, литераторы, уважаемые люди превратились внезапно в опасных врагов государства. Германофобия стала чуть ли не государственной политикой.

«Весной 1915 года, когда после блестящих побед в Галиции и на Карпатах российские армии вступили в период великого отступления, - вспоминал генерал Деникин, - русское общество волновалось и искало виновников, пятую колонну... По стране пронеслась волна злобы против своих немцев, большей частью давным-давно обруселых, сохранивших только свои немецкие фамилии. Во многих местах это вылилось в демонстрации, оскорбления лиц немецкого происхождения и погромы. Особенно серьезные беспорядки произошли в Москве, где, между прочим, толпа забросала камнями карету сестры Царицы, Великой Княгини Елизаветы Федоровны».

Во второй половине июня командующий армией Юго-Западного фронта Брусилов дал распоряжение взять из числа немцев-колонистов заложников, большей частью учителей и пасторов, посадить в тюрьму до конца войны из соотношения 1 заложник на 1000 человек. Также предписывалось реквизировать у населения все продовольствие. Первый раз в истории заложников брали из числа собственного населения (после октября 1917 этот уникальный пример распространился на всех коренных жителей).

Грабежи, реквизиции, доносы - население, которое уже умело кидать бомбы, начали приучать к тому, что, оказывается, можно законно конфисковать частное предприятие...

Волокиты, на радость исследователям, оказалось значительно больше, чем предполагал Григорий Трофимович. Пухлое дело под названием «Переписка Собственной Его Императорского Величества Канцелярии по принятию прошений о рассмотрении ходатайства подполковника Г.Т. Магдебурга о перемене фамилии 1915-1916» добросовестно сохранилось в военно-историческом архиве, спасибо ему.

Собственноручно написанное Григорием Трофимовичем прошение: мелкий, упорный почерк с завитком вверх в букве «д», который потом будем узнавать в сохранившихся письмах Евгении Трофимовны, в рецептах, которые записывала в свою кулинарную тетрадку ее дочь, моя бабушка... В верхнем правом углу дата - 24 октября 1915 года; место отправления - лес Верещак.

Перелистываем истончившиеся пожелтелые листы ходатайств, справок, приложений; мелькают торжественные, давно ушедшие из жизни слова: «всепопданнейше прошу», «имею честь уведомить», размашистые и нечитаемые подписи генералов, чьи имена составили честь русской воинской истории - командиры 134-го Феодосийского полка, генерал-майор Павел Михайлович Кусонский, полковник Михаил Григорьевич Люткевич, командир 7-го армейского корпуса, генерал от инфантерии Эдуард Владимирович Экк, начальник 34-ой пехотной дивизии генерал-лейтенант Алексей Евгеньевич Гутор.

Надвинув низко капюшон плащ-накидки, пишет, пристроив на планшет бланк с печатью полка,

Михаил Григорьевич Люткевич заключение на рапорт:

«Подполковник Магдебург по своим личным качествам является типичным русским, со всеми его особенностями и горячей преданностью Родине, что вероятно объясняется слишком большим отдалением в прошлое того предка, который был последним немцем. Все родные и близкие подполковника Магдебурга русские и сама память о предках нерусских уже исчезла из рода Магдебург. Считаю весьма понятным и заслуживающим ходатайства желание подполковника Магдебурга о перемене его фамилии на русскую».

В мае 1916 года военный министр направляет ходатайство в Собственную его императорского Величества Канцелярию. Подполковнику Магдебургу остается приложить еще несколько документов – согласие жены и метрическую выписку.

Григорий Трофимович не сделал этого. Надоела ли ему волокита, остыл ли накал антинемецких страстей? Весной 1916 года 11-ая армия, в которую к тому времени был переведен Феодосийский полк, стала участником знаменитого наступления Русской Армии, которое вошло в историю как Брусилловский, или Луцкий, прорыв. Григорий Трофимович сохранил фамилию рода Магдебургов – рода, который несколько поколений, начиная с присоединения к Российской Империи Запорожской Сечи, пополнял офицерами Русскую Армию; фамилию, с которой черниговский казак Василий Магдебург со своим взводом гнал Наполеона от русского города Малоярославца, майор Трофим Магдебург брал Плевну и Шипкинский перевал; фамилию, с которой Григорий вел свой батальон на Луцк.

Звание полковника Григорий Трофимович Магдебург получил за боевые отличия 7 мая 1915 года.

15

Прапорщик Александр Савич получил предписание: направляется в Псков преподавателем в учебную команду нижних чинов.

- Совершенно нечего волноваться. Псков – не передовая, глубокий и безопасный тыл, – успокаивал своих дам Александр Людвигович.

Елена Александровна Павлова, ученица Александра Савича, писала в мемуарах о любимом педагоге: «Во время Первой мировой войны я была с ним в дружеской переписке. Все его письма ко мне из армии дышали глубокой верой в жизнь и большим оптимизмом. Из них я почерпнула много хороших жизненных советов, которые впоследствии мне очень пригодились. Эти письма я хранила долго, но во время Великой Отечественной войны, в мое отсутствие, мой отчим в Москве, полагая, что меня нет в живых, сжег, согреваясь, всю мою переписку».

Одно армейское письмо Александра Людвиговича сохранилось. Оно адресовано Петру Андреевичу Герману, другу, единомышленнику, директору Выборгского коммерческого училища.

«22 сентября 1916 г.

Дорогой Петр Андреевич!

Возвращаясь с занятий со своей учебной командой в грязный покинутый своими хозяевами домишко, получил посланное Вами приветствие от собравшихся на школьном празднике. Оно сразу отвлекло меня от не совсем приятной действительности, и перенесло мои мысли к хорошему прошлому. С самыми светлыми, лучшими чувствами вспоминаю я свою работу в

Выборгском училище...

Петр Андреевич! Я уверен, что скоро окончится разрушительная работа и начнется снова созидательная, и можно будет вернуться к мирной деятельности. Без такой веры здесь жить было бы много труднее. Продолжая пока заниматься в своей учебной команде «словесностью», я буду вспоминать еще чаще, еще больше о той другой словесности, над которой когда-то работал вместе с учащимися Выборгского училища. Впрочем, мне еще остается вполне приятное утешение, что и здесь я близок к своей специальности: все же занятия с нижними чинами для подготовки из них начальников, будущих унтер-офицеров, тоже в некотором роде педагогическая работа.

Еще раз спасибо Вам и всей нашей школьной семье за память. Большое спасибо.

Глубокоуважающий Вас Ал. Савич».

16

Река Стоход, август 1916

Летом 1916 года срочно открыли Румынский фронт, куда, в составе 4-ой армии, был переброшен 7-ой корпус генерала Экка, вместе с которым уходили из Полесья симферопольцы и феодосийцы.

Нехолодным дождливым утром полковника Магдебурга вызвали в штаб полка. Люткевич ждал его на крыльце разбитого снарядом домика. Собственно, он не встречал своего батальонного – вышел проводить начальника дивизии после совещания о переброске полков в Румынию.

Автомобиль Гутора еще был виден у поворота дороги на Броды. Постукивая стеком по блестящему голенищу, Люткевич сбежал с крыльца; его и без того длинное лицо было вытянуто и угрюмо.

- У меня новости, Григорий. Полк перебрасывают в Марашешты.

- А в столицу по пути не заглянем? – усмехнулся Магдебург. – Отец любил вспоминать, как они в турецкую кампанию стояли в Бухаресте: фаэтоны на Каля Викторией, вино Старомонастырское, цыгане. Будешь фланировать, как Скобелев, в белом кителе, барышень в кондитерской Фраскатти шампанским поить.

- Шампанское нам Крупп в окопы поднесет, – отмахнулся Люткевич. – Пришло распоряжение из штаба армии – кадровых офицеров распределить преподавателями на ускоренные курсы военных училищ. В нашем полку осталось пятеро с военным образованием, сравнительно с другими – непозволительная роскошь. По всей армии в командном составе – прапорщики и вольноперы... – грустно заметил Михаил, вздохнул и перешел к делу. – Гутор при мне твой послужной список листал. У тебя преподавательского стажа не меньше, чем фронтового: обучал ратников, заведовал школой прапорщиков. Короче, посылают тебя командиром батальона в Чугуевское училище.

- Я как-то стоял в чугуевских лагерях, – задумчиво произнес Григорий. – Это совсем близко от Екатеринослава.

- А ты когда последний раз был дома?

- Тогда же, когда и ты. Последний раз видел Александру с детьми, когда они на платформе

вслед нашим эшелонам белыми платочками махали. В июле 1914.

- У тебя час на сборы. Прощайся с полком.

С привычной сдержанностью они пожали друг другу руки, помолчали. Поколебавшись, Григорий неловко обнял Люткевича, повернулся и зашагал к полку.

17

134-ый Феодосийский полк, о котором в военной истории пишут, используя эпитеты «блестящая атака», «неотразимый натиск», «особо отличился», начал войну в составе 34-ой дивизии 7-го армейского корпуса 8-ой армии Юго-Западного фронта в августе 1914 года. Последней битвой 34-ой дивизии стало отражение немецкого наступления под Марашештами в июне 1917 года. В этот день его потери составили 65 % личного состава. Вся страна митинговала, а последние солдаты Империи обороняли берег реки Серет, задыхаясь в облаках фосгена. Семь составов поменял Феодосийский полк за три года войны. Первый, кадровый, как его называли тогда - Императорская пехота, погиб в кровавых боях от Хырова до Стрыя. Второй, в лютую стужу, не дождавшись от своих штабов теплой формы, по пояс в снегу штурмовал Карпатские перевалы в первую зимнюю кампанию. Третий состав полег в Полесье во время великого отхода 1915 года. Полностью новый четвертый состав был уничтожен во вторую зимнюю кампанию. Пятый положили в Ковельские болота в 1916 году. Шестой состав 34-ой дивизии четыре дня отражал четыре германские дивизии на Румынском фронте.

Известный военный историк Керсновский в заключительной главе своей книги писал о 7-ом корпусе старого ветерана, генерала Экка: «Их присутствие неизменно служило залогом верного успеха. Неудач эти дивизии не знали, в худшем случае - сводя бои вничью».

С развалом Русской Армии боевой путь 34-ой дивизии и ее полков не закончился, он продолжался в рядах Белого движения: Екатеринославский поход в 1918 году, защита Крыма под командованием Слащева в 1919, десант в Северной Таврии в 1920, служба в Галлиполи под командованием генерала Экка - в 1921 году.

18

Им оставалось жить пару месяцев: стране, монархии, Русской Армии, театру военных действий, классическим гимназиям, благотворительным комитетам, чистым парадным. Наступал январь 1917 года.

Тектонические пласты под Среднерусской возвышенностью пришли в движение, но мало кто слышал гул надвигающегося землетрясения.

9 февраля 1917 года статский советник Михаил Савич был освобожден от обязанностей присяжного заседателя по ходатайству директора Ларинской гимназии господина Мухина: «Г. Савич является организатором и руководителем ученического литературно-музыкального вечера, устраиваемого в гимназии учениками с благотворительной целью: пожертвования пойдут на подарки воинам в действующую армию. Присутствие г. Савича в гимназии в течение всего этого дня необходимо для успеха названного благотворительного дела».

Меньше чем через две недели на гимназической доске объявлений появилось распоряжение управляющего Петроградским учебным округом.

«26 февраля 1917 года.

Уведомляю г.г. начальников учебных заведений, что в понедельник, вторник и среду (27, 28 февраля и 1 марта) занятий в учебных заведениях не будет. В эти дни учащиеся должны находиться дома и никуда не выходить.

Управляющий округом А. Остроумов».

Земные пласты вздыбились и столкнулись. В Петербурге начались беспорядки, получившие в истории название Февральской революции.

Государь отрёкся от престола. К власти пришло Временное правительство.

Горожане митинговали, готовились к выборам в Учредительное собрание, томились в бесконечных продуктовых хвостах. Не хватало топлива – не только для предприятий, но и для жилых помещений. Например, в спальнях Морского кадетского корпуса термометр показывал всего 8 градусов тепла.

19

Последний выпуск Морского корпуса, историей своей уходящего к первой «навигацкой» школе, созданной волей Петра Великого, получал аттестаты скромно, не так, как в былые годы, когда для торжества распахивала двери парадная зала Морского министерства. Выпускников произвели в корабельные гардемарины, им предстояло многомесячное учебное плавание на боевых судах, а потом экзамен на мичмана. Обычно «учебка» начиналась в Балтийском море, но на этот раз из-за военных действий, возможных в его водах, было принято иное решение: специальным поездом гардемаринотправили во Владивосток и уже там распределили по судам.

«Первая смена, – писал участник того похода, – плавала на транспорте «Ксения», вторая – на заградителе «Монгучай» и четырех миноносцах. Через месяц смены поменялись».

В конце второго месяца гардемарины были собраны на «Ксении». По пути в Японию попали в шторм. «Ксения» была мало загружена и, когда судно попало в «глаз тайфуна», его стало сильно бить и бросать на волнах. Лопнул штуртрос, гардемарины с лейтенантом-механиком несколько часов ловили обрывки цепи, чтобы ее склепать.

Осиротел Женя Долинский совсем маленьким, в шесть лет, но отцовские рассказы врезались в цепкую детскую память. Сейчас, когда волны заливали палубу, ой как вспомнились корабельному гардемарину истории портупей-юнкера Флора Долинского о страшном шторме на Черном море, когда флот-победитель возвращался в Россию из Адрианополя после русско-турецкой войны!

Выбравшись из тайфуна, взяли курс на Котэ – ближайший большой порт в Японском море. Население встретило приветливо, и его любезность удвоилась, когда японцы узнали, что моряки не «американ», а «рус»...»

Поездом возвращались в Петроград последние гардемарины. Подолгу стояли они у окон, широко расставив ноги и глядя на летящую мимо страну, осеннюю, несытую, штормящую. Удастся ли собрать обрывки цепи, вырвется ли тонущий российский корабль из «глаза тайфуна»...

Глава 4. Конь блед

1

Река Донец

Массивное, построенное «покоем» еще в аракчеевские времена для штаба военных поселений, здание Чугуевского училища крепостью возвышалось над тихим заштатным городком, речкой Донцом и обильными яблоневыми садами. В «вечногарнизонном» Чугуеве, расположенном в 10 верстах от Харькова, кроме знаменитого юнкерского училища, стоял Ингерманландский гусарский полк и две конные батареи, входящие в состав 10-ой Кавалерийской дивизии. Все достопримечательности пыльного городка составляли три мощные улицы, каменный Покровский собор, манеж, гостинный двор в несколько арок, двухэтажное офицерское собрание и Царский Путевой дворец, построенный специально для императора Александра I, любившего приезжать в Чугуев на смотры войск. Крышу училища венчала башенка со старинными часами и звоном: в 12 часов пополудни в них открывалась дверь с одной стороны, и выходили фигуры, изображавшие кирасира, гусара, улана, драгуна и других родов войск солдат, маршировавших и уходивших в другую дверь. Однако об этом представлении чугуевцы слышали только от старожилов: с замиранием жизни аракчеевского поселения заглохли и часы, на памяти юнкеров последних выпусков неизменно показывали половину первого.

Григорий Трофимович Магдебург поселился в трехкоконном белом домике, в котором, впрочем, бывал редко.

Тактика и фортификация, теория стрельбы, изучение уставов, практика пулеметного дела, инструментальной и глазомерной съемок, строевые занятия, экзамены. «Так происходила подготовка будущих офицеров, пока революционные силы не стали разлагать русскую армию», – вспоминал капитан Борис Сырцов, курсовой командир училища, попавший в Чугуев тем же порядком, что и Магдебург.

Приказом № 1 от 1 марта 1917 года Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов ломает структуру армии: солдаты выводятся из подчинения офицерам, оружие передается в распоряжение солдатских комитетов, «вставание во фронт и обязательное отдание чести отменяются». Армия фактически превращена в ополчение. 10 марта 1917 года Временное правительство законодательно упраздняет политическую и криминальную полицию. Городскую милицию наполняют студентами, присяжными поверенными, социалистами.

Две железные скобы, которые, по-существу, скрепляют общественный порядок, сняты, и остановить катастрофу некому.

На грунтовом плацу перед Чугуевским училищем на перевернутый ящик взгромоздился студент в линялой тужурке учительского института. Тряся зажатой в кулачок фуражкой с отрезанной кокардой, он кричал, надсаживаясь, кашляя и хватаясь поминутно за впалую грудь: «Вся власть советам!». Сгрудившиеся вокруг него чугуевские обыватели – рябая тетка в калошах на босу ногу, фабричные, круглые веснушчатые гимназистки, солдат в длинной шинели с разрезом назади – безучастно лузгали семечки и плевали на сухую траву. Из дверей училища, придерживая на ходу шашку, выскочил фельдфебель. Он бежал, слегка припадая на левую ногу, и кричал еще издали срывающимся от натуги голосом: «Кто на плац допустил? Марш все живо отсюда! Дежурны-ы-ый!» Заметив внимание к своей персоне, худосочный агитатор широко откинул правую руку с драной фуражкой и воззвал к бегущему через поле разъяренному фельдфебелю:

- Товарищ, сбрось буржуазные оковы! Долой войну! Углубляй революцию!

- Я тебе сейчас углублю, - завопил фельдфебель, багровея до самой шеи, - мать родную не узнаешь!

Обыватели, довольные бесплатным развлечением, отступили, однако, ближе к дороге. На крыльце училища появились юнкера в наброшенных шинелях и дежурный офицер. Студент, продолжая выкрикивать лозунги, ретировался в сторону железнодорожной станции.

- Что за шум, Геннадий Борисович?

- Да опять агитаторы, Ваше благородие. Каждый день повадились! То какие-то дашнаки, то анархисты, то металлисты... дьявол их разбери. Третьего дня, не поверите, Григорий Трофимович, баба агитировать притащилась: «Я, - мол, - от Союза домашних работниц». Подол, говорю, подбери, дура, да дуй отсюда.

Москаленко перевел дух и проворчал:

- У них революция, у нас - фортификация.

- Ты, брат, все-таки аккуратней с мирным населением, - заметил полковник.

- Какое же оно, Ваше благородие, мирное? - жидовня одна! - проворчал унтер-офицер. - Пovýлезали из всех углов! Кому теперь разгонять? - ни городского, ни квартального. Милиция у них теперь - студенточки, повязки нацепили и ходят, как на танцы. Шашки у городских отобрали - да они не знают, за какой конец ее взять-то, шашку!

Фельдфебель поморщился и растер тыльной стороной ладони спину - осталась у него такая привычка после привалов в Карпатских горах, где им с полковником случалось ночевать на промерзшей земле, завернувшись в шинели. Помявшись, Москаленко отвел глаза и спросил неровным, неуверенным голосом:

- Григорий Трофимыч, вчера с Харькова солдаты приезжали. Правду говорят, что теперь офицерам честь отдавать не требуется?

Полковник поднял подбородок, повернулся в сторону училища и внимательно посмотрел, изучающе, долго, как будто искал ответ в окнах старой аракчеевской крепости:

- Не хотят отдавать честь русским офицерам, будут отдавать немецким.

Не помолодел Григорий к сорока пяти годам. Высокими залысинами поднялся лоб. Похудел. Напрягся. Стал жёсток и неразговорчив. Всякий, кто смотрел в его и всегда-то глубоко посаженные, а теперь и вовсе ввалившиеся светлые глаза, понимал, что если скажет что-нибудь полковник, скупно разжав рот, укрытый широкими казацкими усами, то иначе быть не только не может, но и не должно.

Кабинет генерала Враского чист и лаконичен. Под обширной картой Российской империи, на дубовом столе, на безукоризненном зеленом сукне, растянутом между рядами бронзовых заклепок, под стеклянным куполом лампы аккуратно, как на плацу, стоял малахитовый чернильный прибор с витиеватой надписью «Генерал-майору от сослуживцев», подаренный при отбытии из Владивостока. На книжных полках, под Святым Георгием в резном ореховом окладе, газеты: «Новое время», «Русский инвалид», журналы «Разведчик» и «Нива», книги, учебники, уставы, расставленные по ранжиру с немецкой педантичностью. С этой же

педантичностью вел Враский и училищное хозяйство. В 1914 году, будучи только назначен командовать одним из старейших военных заведений, незамедлительно же взял на заметку все военные здания, казармы в городе и быстро наполнил их юнкерами, вчетверо увеличив набор. Понял сразу, раньше многих, что военная необходимость потребует большего и скорейшего обучения молодых офицеров.

Немецких кровей был генерал, предки его переселились на юг Украины при матушке Екатерине. Потомственный военный, Враский с малых чинов служил на Дальнем Востоке, воевал в японскую. При начале военных действий с Германией поддался общепатриотическому настрою и подал прошение о перемене своей родовой фамилии Фенстер на старинное русское имя матери, графини Враской.

Григорий Магдебург, вместе с другими фронтовиками направленный с театра военных действий под начало Враского, кроме общих немецких корней и фронтовой горечи разделял с генералом его взгляды, взвешенный дипломатический подход, его тревогу за будущность армии и страны. Поддержал он генерала, когда тот предложил переименовать вверенное ему заведение в «Военное Ордена Св. Георгия Победоносца училище» и сформировать георгиевские полки; поддержал, когда Иеремия Яковлевич перевел чугуевцев в подчинение Украинской Народной Республике, в которой генерал и старшие офицеры видели зачатки хоть какой-то государственности; будет поддерживать и воевать с ним и дальше, до последнего дня своей службы.

Враский стоял у раскрытого окна, заложив руки за спину и слегка ссутулив могучие плечи, туго обтянутые тонким генеральским сукном. Был генерал лыс, бородой окладист. Тяжелые, чуть кавказские и потому чуть трагические, глаза. Статен, с породной потомственной армейской выучкой. Иеремия Яковлевич наблюдал, как на плацу бравый, бронзовый от загара фельдфебель зычно командовал: «Левое плечо вперед. Ша-гом-а-арш!» Роты двигались по плацу развернутым строем. Самый большой выпуск в этом году – 1600 человек, еще четыре месяца назад – беспорядочная толпа вчерашних гимназистов, студентов, семинаристов, поступивших на ускоренные курсы, а сегодня под команды командира перед окном начальника проходила последняя боеспособная часть распадающейся на всем юге армии.

- Иеремия Яковлевич, - позвал, просунув голову в дверь, адъютант училища, штабс-капитан Любарский, - из штаба округа звонят.

Генерал принял трубку и процедил: «Здравия желаю». Связь на удивление работала бесперебойно, и голос командующего военным округом, который захлебывался, заикался и путался в словах, был слышен так, как будто тот орал, сидя на соседнем стуле.

- В Бахмуте запасный пехотный полк взбунтовался! Третий день бесчинствуют! Винный завод разгромили! Посылали учебные команды, два отряда красной гвардии – все спились! Поезда проходящие останавливаются: от пассажира до машиниста – все пьяные! Ради Бога, выручайте, Иеремия Яковлевич. По всей губернии магазины громят, кондитерские, аптеки! Только на вас надежда.

Враский слушал, отведя орущую трубку подальше от уха – брезгливо. Неотрывно смотрел, как шагают по плацу ровные шеренги пыльно-коричневых гимнастеров. Положив трубку, постоял с минуту, размышляя, и, не поворачиваясь, по-прежнему стоя спиной к Любарскому, коротко произнес:

- Полковника Магдебурга ко мне.

...Охваченные революционным пылом солдаты выносили со склада 10-литровые бутылки водки, так называемых «гусей», и тут же их распивали. Вслед за военными к заводу потянулись обыватели: весть о даровом алкоголе облетела окрестности быстрее телеграфа. Город представлял собою жуткую картину разгула.

Первый батальон полковника Магдебурга отправился поездом в Екатеринославскую губернию с приказом военного министра разоружить запасный полк, в котором насчитывалось около пяти тысяч солдат, и в случае неповиновения открыть огонь. Имея многократное превосходство в силе, бунтовщики оружие сдавать не пожелали. Юнкера взяли под охрану винный завод, казармы запасного полка, городскую администрацию. Капитан Сырцов вспоминает: «Еще чуть-чуть, и братья по оружию могли броситься друг на друга». Крепко держа под контролем город, генерал Враский, прибывший следом за батальоном, убедил комитет запасного полка, вернее, тех из них, кто еще был в состоянии связать два слова, подчиниться приказу и сдать оружие.

Начальником гарнизона города Бахмута был назначен полковник Магдебург.

Через две недели Временное правительство вернуло оружие протрезвившим бунтовщикам, а большевикам стало ясно, что чугуевский «очаг контрреволюции» является реальной угрозой.

Осенью 1917 года на юге бушует гуманитарная катастрофа. Забастовки. Остановка железнодорожного транспорта. Войска нестройным потоком возвращаются с фронта, города забиты людьми, которым нечем заняться. Оружие не сдают, бродят по загаженным площадям, слушают многочисленных агитаторов конкурирующих, враждующих друг с другом партий, ненавидящих всех, кто пытается сохранить порядок и общий ход жизни. Беспорядки в Украине, Новороссии, на Северном Кавказе приобретают особенный характер – повальное пьянство. Толпа захватывает винные склады в Луганске, в Харькове крушат еврейские магазины, в Херсонской губернии в пьяных бунтах участвует милиция и казаки. В Феодосии разъяренные толпы врываются в дома в поисках укрытого продовольствия. Вялотекущая пьянка перерастает в пьяный солдатский бунт. Марина Цветаева пишет в письме Сергею Эфрону из Феодосии: «Город насквозь пропах. Все дни выпускают вино».

2

Река Нева

За спиной гудел Николаевский вокзал. 26 октября 1917 года гардемарин Евгений Долинский прибыл в Петроград; протолкался сквозь толпу и вышел на Невский. Знакомый, непохожий на сухие сибирские вьюги, влажный, солоноватый балтийский ветер мел по безлюдному проспекту, трепал полосатые парусиновые тенты над закрытыми магазинами, надувал парусом привязанный к балконной решетке плакат, на котором можно было прочесть только одно слово: «Долой!»

Евгений с тщательной морской аккуратностью одернул помятый бушлат и ребром ладони проверил, ровно ли легла кокарда. Блестят якорьки на погонах, золотые букочки на ленточках, в треугольнике ворота рябят полоски тельняшки. Кортик. Маленький кожаный рундучок – предмет особой гордости гардемарина.

Походка чуть вразвалочку – привычка еще не сложилась, но уже не терпится идти, как морскому волку – покачиваясь, словно по палубе. Юношеская угловатость, узкие плечи, тонкое, сухощавое лицо. Порода.

В переулках жмутся редкие прохожие, гулко топоча, пробегают и исчезают во дворах-колодцах солдаты; у Мойки проспект пересек казачий разъезд. На тротуаре валяются ручные ящики из-под патронов, брошенные пулеметные щиты блестят, покрытые утренней изморозью, на боку сваленной тумбы бьется обрывок газеты.

Распахнутые, зияют ворота Зимнего; словно вынесенные девятым валом обломки кораблекрушения, разбросаны перед ним пустые бутылки, матросы, безобразно раскинувшие руки - то ли мертвые, то ли пьяные; деревянные брусья, как сломанные мачты; юнкерские фуражки, гильзы. Мелькают странные, не виданные прежде у дворца лица - наглые, развязные, вороватые; суетятся, волокут канделябры, вырванные из рам картины, козетку с изогнутыми ножками и в серых габардиновых розах.

Нева поднялась, серая волна бьется выше ординара, у самых ступенек, спускающихся с парапета к воде, заливаает щербатый гранит. Мутная, с желтоватыми подтеками пена выкидывает и снова уносит банки, окурки, мокрую шапку, клочки афиш, опутанные тиной красные банты.

«Разрушайте, разрушайте до основания...»

3

27 октября вечерние газеты вышли без раздела «По телеграфу», чему дано было разъяснение на первых полосах: «Петроградское телеграфное агентство уведомляет, что, будучи занято комиссаром военно-революционного комитета, оно лишено возможности передавать сведения о происходящих событиях».

Были, видно, в Тотемском уезде Вологодской губернии свои источники информации, помимо занятого под революционные нужды телеграфа - уже 28 октября крестьянин Замораев демонстрирует полную осведомленность: «В Петрограде было выступление большевиков. Керенский идет на усмирение разных советов. Чья возьмет, неизвестно. Жалко России, вся истерзана, разорена. Кругом смута и анархия».

«12 ноября. В Петрограде, говорят, беспокойно. Большевики сгубили все дело. Везде бунты и голод».

4

Денщик толкнул плечом дверь и, ловко балансируя подносом с подстаканниками, вошел в зал. Офицеры сидели, сдвинув кресла к столу, за которым начальник училища хмуро перебирал бумаги. Генерал Зыбин, седой, тяжелый, с широкой, полгруды закрывающей бородой, задумчиво стучал по краю пепельницы вишневой трубкой, выбивая табак, который уже давно лежал коричнево-сизой горкой на сером мраморе. Сырцов ходил по залу, поминутно выглядывая в окно; опираясь на спинку кресла, склонялся, взволнованно и горячо шептал что-то Шмидту.

- Расставляй, - скомандовал Магдебург, расположившийся, по фронтовой привычке, лицом ко входу, и принял в ладонь горячее обжигающее серебро.

- Капитан, - приказал Враский, повернувшись к Любарскому, - доложите собранию последние телефонограммы.

- Вчера, 29-го октября, в Москве полковник Рябцев захватил Кремль. Юнкера разоружили

большевицких солдат и удерживают практически весь центр города. Укрепились в Александровском, Алексеевском военных училищах, штабе Московского военного округа, в Лефортове, в здании Лицея и продовольственных складах на углу Крымской площади и Остоженки, в 5-ой школе прапорщиков в Смоленском переулке и в 6-ой школе прапорщиков в Крутицких казармах. Большевики отрезаны от всех районов города. – Любарский прервался, прокашлялся, словно ища новый голос, убедительный и злой. – К Москве подтягиваются красногвардейские части. Железнодорожный Военно-революционный комитет организовал охрану железных дорог Московского узла. Пропускают только те поезда, которые везут подкрепление бунтовщикам. Вокруг Кремля идут ожесточенные бои.

– Если немедленно погрузимся, к утру будем в Москве. Генерал, это исторический шанс! Мы должны переломить шею большевицкой гадине! – Сырцов резал воздух ладонью прямо перед носом начальника.

– Капитан, извольте присесть. Я не меньше вашего понимаю, что без нашей поддержки московские юнкера захлебнутся в крови, – отодвигаясь, сказал Враский. – Тарас Михайлович, – обратился он к капитану Протозанову, – какова обстановка в Харькове?

– Беспорядки. Самое дурное, что железнодорожные рабочие поддержали большевистский путч в Петрограде. Полагаю, главная трудность возникнет с отправкой эшелонов из Харькова.

– Как настроение в училище?

– Жалеют, что танцкласс отменили, – усмехнулся капитан Шмидт, кивнув в сторону Любарского, который вел уроки танцев и традиционно назначался распорядителем знаменитых георгиевских балов.

Любарский страдальчески изогнул бровь.

– А ты, Григорий Трофимович, что скажешь? – обратился Иеремия Яковлевич к полковнику, который, пристроив на колене блокнот, что-то писал, подчеркивал остро отточенным карандашом.

– Специальный поезд надо требовать. В арсенале у нас полторы тысячи винтовок, шесть ящиков гранат, четыре станковых пулемета.

Враский пожевал губами, что-то считая про себя, опершись руками на стол, грузно поднялся и скомандовал:

– Адъютант, юнкеров в сборный зал на митинг.

Желтый походный саквояж вмещал немного: бритвенный прибор, кое-какой запас белья, полевой бинокль в чехле, пару книг, документы и шершавый почтовый пакет с фотографиями. Дети играют в серсо. Женечка в свадебной фате с круглыми изумленными глазами. В парадном мундире выпрямился на стуле, уперев руки в колени, отец, за его несогнутой мощной спиной шестеро сыновей: золотые эполеты, витые шнуры аксельбантов, саперные серебряные галуны, зеленые юнкерские погоны. Александра. Бело-молочный силуэт в широкой шелковой шляпе, кофейная коляска у низкого крыльца. Не было на самом деле платье белым; многоцветье мелькало и кружилось перед глазами, когда он вспоминал, как первый раз привез семью в нежинское гнездо: неяркое, чуть насмешливое, нежное лицо жены, надменная посадка головы, отягощенной узлом каштановых волос, пятнистые тени под яблонями, невесомая рука в длинной перчатке с неровными жемчужными пуговками на его локте и сладостный запах вербены.

Два часа спустя Магдебург и Враский в походных шинелях поднялись на смотровую площадку училища. Облокотившись на балюстраду, они смотрели на высокий обрыв Донца, гостинные ряды на Никитской, кишачие торговым людом, Царский сад с походными палатками, паперть Покровского собора с облепившими ее инвалидами и попрошайкам. Перед входом в училище сновали юнкера, ловко и сноровисто, ухватывая по двое ящики с патронами, закидывали оружие в подводу.

- Посмотрите, генерал, на наших молодцов, - Григорий показал биноклем на белые платки, продетые под красные юнкерские погоны.

- Что это обозначает? - удивился Враский.

- Псковские кадеты обычай новый ввели. Так они демонстрируют преданность монархии.

Два батальона всю ночь простояли на перроне с винтовками за плечами и патронами в под сумках, готовые к бою. Харьковский совет отправил рабочие отряды разобрать железнодорожные рельсы, ведущие к Чугуеву. Специальный поезд не прибыл. Вместо него появились парламентарии. В переговоры вступил командующий войсками Харьковского района, которому формально подчинялось училище. Дискуссия между представителем уже несуществующего Временного правительства и харьковскими большевиками быстро переросла в сговор. Офицеры яростно требовали немедленно выступить походом на Харьков, захватить вокзал и вместе с бронеавтомобильными частями харьковского гарнизона идти на Москву. Уже потом, много лет спустя, в эмиграции, в Белграде, Париже и Буэнос-Айресе они будут перебирать каждый час этого дня и ужасаться, как военная привычка к подчинению не позволила им арестовать предателя, сознательно тянувшего время и бежавшего к красногвардейцам, как только стало известно о поражении московских юнкеров...

5

Лето 1918

В окно деревянной ротонды Офицерского собрания было видно, как над плавным изгибом Донца клубится пар и охристой громадой лежит Печенежский лес.

- Что Репин находил в этих ландшафтах? - серо, мрачно, скучно, - раздраженно сказал Барбович и заткнул за ворот салфетку. В центре круглого стола стояло огромное керамическое блюдо, на котором сверкали красными блестящими панцирями горячие раки.

- Еле доехал, - продолжал он, ловко вытаскивая из этой груды самую крупную особь, - дорогу от Харькова совершенно развезло, грязь непроходимая.

- Чего из напитков изволите, ваши высокоблагородия? - склонился над столиком официант.

- Подай пива. Иван Гаврилович, удалось с командиром дивизии встретиться? - спросил Григорий, разрезая щипчиками податливую клешню.

- С Федором Артуровичем Келлером виделись. Мы с Федором Артуровичем, - язвительно подчеркнул второй раз Барбович, - теперь частные лица. ^[4]

...В мае 1917 года развращенный тыловыми агитаторами полковой комитет выразил «недоверие» своему командиру, полковнику Барбовичу. В феврале 1918 года после демобилизации 10-го гусарского Ингерманландского полка, «бывший командир» был

направлен в распоряжение Харьковского военного округа. Генерал Келлер, командир 10-ой Кавалерийской дивизии, в состав которой входили ингерманландцы, отказался присягать Временному Правительству и с апреля 1917 года, находясь в резерве чинов Киевского военного округа, жил в Харькове.

В дверях собрания появился полковник Васецкий. Швырнул гардеробщику фуражку, стряхивая дождевую пыль с плеч, нашел глазами столик, сел и подвинул к себе тарелку с раками.

Официант, не спрашивая, поставил перед ним кружку с пивом. Сеточка пены пузырилась и лопалась, тоненькими ручейками стекая по запотевшему стеклу.

Барбович неторопливо и тщательно вытер пальцы салфеткой, вынул из кармана кителя сложенный вчетверо лист бумаги и протянул Васецкому:

- Читай.

«Прикажи Царь, придем и защитим Тебя».^[5]

- Понятно, - сказал Васецкий.

- Что тебе понятно? - рассердился Барбович.

- Понятно, какой ответ ты привез от Келлера. Корнилов для него - предатель и отступник. К Добровольческой Армии граф не примкнет и на Дон не поедет.^[6]

- Отказ генерала Келлера повлияет на ваше решение? - поинтересовался Григорий.

- На рассвете мы поднимаем полковой штандарт.

Дождь усилился, крупные круглые градины застучали о стекло, как пулеметная дробь.

- А ты чего в Чугуеве дожидаясь, Григорий? - спросил Васецкий.

- Я - не частное лицо. Меня никто не демобилизовывал. Я обязан воевать в рядах Русской Армии.

- Русская Армия - на Юге, - сказал «бывший командир».^[7]

...Конный отряд из 74 гусар выступил походным порядком из Чугуева в Добровольческую армию, ведя по пути бои с махновцами, постоянно увеличиваясь за счет новых добровольцев. Достигнув Мариуполя, отряд соединился с покинувшими Чугуев несколько ранее однополчанами. Вновь сформированный Ингерманландский гусарский дивизион Добровольческой Армии во главе с генералом Барбовичем был переброшен с Кубани в Таврическую губернию.^[8]

6

«Боевым сидением» назовет генерал Враский полтора месяца, когда училище, находясь в полной изоляции, искало союзников. Положение было невероятным: боеспособное, вооруженное, полностью укомплектованное военное подразделение оказалось никому не нужным.

В ноябре ударные отряды, сформированные ставкой верховного командования, покинули Могилев. Главкомверх генерал Духонин, оставшийся даже без конвоя, был арестован и растерзан красногвардейцами. Русской армии больше не существовало.

После жарких обсуждений чугуевские офицеры посылают гонца к атаману Донского войска Каледину. Капитан Шмидт вернулся через неделю, измотанный, осунувшийся, посеревший:

- Отказал атаман. Училище, говорит, морально поддерживает Харьковский район, и как только оно двинется с места, коммунистическая волна захлестнет весь край. Каледин, - горько пересказывал Шмидт офицерам, собравшимся в кабинете Враского, - благороднейший человек, но не только я, никто не может понять, какую Россию он собирается защищать. А самое главное, казаки за пределами своих станиц воевать не хотят, так что поддержки у него никакой от казачества нет, а даже, я вам скажу, враждебность. Многим, конечно, соблазнительно большевистское вранье про счастливую жизнь с общими бабами. Я даже не разочарован, - закончил капитан, - что мы с ним не воссоединились.

- Неужели казаки на большевицкую ерунду клюнут?

- На ерунду не клюнут, а воевать не пойдут.

Враский невесело улыбнулся, вздохнул, достал из шкапчика узкую янтарную бутылку, низенький граненый стаканчик. Налил, подвинул Шмидту.

- С дороги, капитан.

Подумал, вынул второй. Выпил, вытер ладонью усы.

- Со штабными поговорил, обстановку прозондировал? - спросил Зыбин.

Шмидт стукнул стаканом о столешницу.

- На Дон уходить надо. В Ростове Корнилов добровольцев собирает. К нему со всего юга офицеры стягиваются.

- Уходить? - побагровев, рявкнул генерал. - А Чугуев мы на кого оставим? На Аракчеева? Правду сказал Каледин - кроме нас, здесь других сил нет и не предвидится. На кирпичном заводе большевички рабочих распропагандировали, черт знает что в городе происходит. Рано нам еще отступить. К тому же, господа, мы получили положительный ответ из Киева. Грушевский заверяет, что Центральная Рада готова не только принять училище под свою власть, но и в случае необходимости оказать вооруженную поддержку.

- Воля ваша, Иеремия Яковлевич, но я русский офицер и воевать под флагом иностранного государства не намерен, - капитан Шмидт щелкнул каблуками, демонстративно взял под козырек и вышел, почти выбежал из кабинета.

Враский побелевшей рукой оттянул край тугого воротничка, как будто ему вдруг стало тяжело дышать. Обвел взглядом напряженные лица своих офицеров и прервал тягостное молчание дрогнувшим, негенеральским голосом:

- Господа! Предлагаю каждому принять решение в добровольном порядке.

До тусклой осенней зари 2-ой батальон полковника Кравченко в полной боевой выкладке покинул училище и двинулся к Дону.

Защищать Чугуев и весь харьковский район «от коммунистической волны» осталось 600 штыков.

7

На подступах к Чугуеву ранним утром 15 декабря 1917 года конными дозорными юнкерами были замечены три эшелона. Впереди шел локомотив с прожекторами и пулеметами, на платформах громоздилось два броневика и батарея трехдюймовых орудий. В вагонах – около тысячи балтийских матросов, рабочие харьковских заводов и энтузиасты-доброхоты с берданками. Возглавляли банду кронштадтский матрос Николай Ховрин, уже прославившийся к тому времени зверской расправой над офицерами крейсера «Алмаз», и Анатолий Железняков, вошедший позже в советскую пропаганду как «матрос Железняк». Чугуевцы были подняты по тревоге. Роты вышли на окраины и заняли позиции, за ними залегли пулеметные команды.

Батальон полковника Магдебурга принял бой у железнодорожного вокзала. Цепи молча поднимались, наклонившись, уворачиваясь от бьющей в глаза метели, бежали по насыпи, падали навзничь в сугробы, отстреливались. Убитых оттаскивали к семафорному столбу, и снег белым крылом заносил ставшие колом обледенелые полы шинелей и тихие розовые лица. Полковник по короткой чердачной лестнице взобрался на крышу станционного сарая, приспособленного под командный пункт. Вглядываясь сквозь снежную пыль в полевой бинокль, увидел, как обмотанные пулеметными лентами матросы сгружают с платформы трехдюймовку.

Обойдя с фланга растянувшийся на пять верст фронт чугуевцев, большевики вкатили орудия в город. На прямых, вычерченных петербургскими архитекторами улицах военного поселения загремела канонада. Один из снарядов ударил по фасаду училища и, отскочив от крепостной стены, как горох, взорвался в Царском саду. Другие беспорядочно ложились близ домов мирных обывателей.

В зале собраний Чугуевской городской думы непрерывно идет экстренное заседание. Большевики взяли в заложники депутатов и угрожают сравнять город с землей. Чиновники, думцы, земские, купечество – вся городская общественность, сбившаяся в белоколонном особнячке, растерянная, испуганная обстрелом, умоляет генерала Враского прекратить сопротивление. Иеремия Яковлевич соглашается сложить оружие при условии, что офицеры и юнкера смогут беспрепятственно разъехаться по домам. «Но обещанная большевиками свобода личности, – свидетельствует капитан Сырцов, – продолжалась недолго: оставшиеся в городе офицеры были арестованы и отправлены под конвоем: часть – в Харьков, часть – в Москву».

Анатолий Железняков вернется в Петроград, где через двадцать дней навсегда прекратит работу Всероссийского Учредительного, прервав первое же его заседание словами: «Караул устал. Очистить помещение!»

Москаленко шел впереди, прихрамывая больше обычного. Он держался вместе с полковником с той минуты, когда Григорий Трофимович принял решение ехать в Екатеринослав: иного пути, как вернуться в свой полк, к феодосийцам, оба не видели. Принес со склада две неновые солдатские шинели, набил провиантом вещевые мешки и на самые уши натянул фуражку с картинно сломанным козырьком.

Снежный ветер студил спину. Геннадий Борисович на ходу раскурил сигарку и покосился на полковника. Сколь бы ни был близок фельдфебель к офицеру, но разделявшую их дистанцию прекрасно понимал. Магдебург резко мотнул головой. Позади, над Донцом, на крутом обрыве,

башенные часы белой аракчеевской крепости ударили полночь.

В проходящий харьковский втиснулись с боем. В купе лежали, сидели, кутаясь в башлыки, выбегали на станциях за кипятком с десятков солдат, возвращающихся с фронта. Григорий, бегло взглянув на сосредоточенные молчаливые лица соседей, узнал своих, фронтовых офицеров, прибегнувших к такому же спасительному маскараду, и только коротко кивнул, когда Москаленко, вдруг охнув, зашептал ему в ухо:

- Смотрите, Ваше благородие, они же все белая кость.

Железнодорожная ЧК обыскивала дважды и дважды не заметила револьвер, который полковник, не таясь соседей по купе, сунул на спину за ремень.

На третьи сутки добрались к Екатеринославу. Спрыгнули с подножки, не доезжая до города, на железнодорожном переезде; окраинами, не заворачивая на пустые неосвещенные улицы, двинулись к дому. Свернули на Жуковского, к голому, остекленному морозом вишневому палисаднику. Москаленко, перегнувшись через изгородь, открыл скрипнувшую калитку. Григорий подошел к окну, рукавом шинели протер изморозь и заглянул внутрь.

Александра с дочерью сидели за маленьким столиком, склонившись над шитьем. Две одинаковые каштановые головки сближались, что-то высматривая на бледно-желтых в неверном электрическом свете лоскутах, губы беззвучно шевелились, улыбались, смешно вытягиваясь уточкой, влажнили нитку; под розовой бахромой абажура, забравшись на стул с ногами и высунув от усердия язык, Валера оборачивал в фольгу грецкий орех. Маленькая серебряная горка уже лежала, как пушечные ядра, под хвойной веткой, угнездившейся в низкой фаянсовой вазе. В глубине дома хлопнула дверь. Александра ладонью подхватила ослабевший, распадающийся узел, ловко вставила гребень и подняла лицо.

8

Казначей уронив рукой сложенные рядами пачки денег и опустил крышку саквояжа. Из банки, заплывшей твердыми шоколадными полосками, вылил сургуч и с силой вдавил училищную печать. Зыбин, Колпаков и Враский поочередно расписались под актом.

- Спасибо, Николай Николаевич, можете идти.

Быстрыми убористыми движениями казначей прибрал бумаги в портфель, подхватил шинель и исчез за дверью.

- Иннокентий Андреевич, вы твердо решили остаться? Повторяю, у меня в коляске два свободных места.

- Екатерина Дормидонтовна не согласится дом без присмотра оставить. А кто будет моего пони выезжать?

- Неподходящий момент для шуток, Зыбин.

- Не шучу. Пока эта банда занята грабежами, им не до нас. Чугуев городок богатый, сытый - меньше, чем за три дня, не управятся. Я за это время успею приготовить для всех документы, отпускные свидетельства и уничтожить архив.

Враский угрюмо поднялся, и резким, устраняющим движением махнул рукой, словно отталкивая от себя неизбежность:

- Училищную кассу я оставляю на ваше усмотрение, генерал Зыбин. Укроете, где сочтете возможным.

- Я могу идти, Иеремия Яковлевич? - спросил Колпаков и потянулся за брошенной на стул шинелью.

- Погодите, капитан. Есть еще одно дело. - Враский протянул руку и скользнул ладонью по гладкому древку укрепленного у стены знамени. - У вас в роте есть доверенный юнкер из местных, чугуевских?

Когда капитан Колпаков вернулся со стриженным «под ноль» высоким юнкером с ясным малороссийским лицом, белое шелковое полотнище, уже свернутое, лежало в железном ящике из-под денежной кассы.

- Господа, - Враский обратился к стоящим вокруг него усталым мужчинам в шинелях со споротыми погонами. - Обстоятельства, вам известные, вынуждают нас покинуть училище, но наше знамя не должно попасть в руки противника, - он опустил крышку и плотно завинтил замки. - Юнкер Левченко, ты один будешь знать, где находится знамя. Храни тебя Святой Георгий.

Юнкер негнушима руками поднял холодный металлический ящик, медленно, глядя неотрывно в глаза генералу, стал отступать к двери. Правой рукой упирая в себя острый край, левой он нащупал холодную латунь ручки, нажал. Их разделил порог; дверь пружинно закрылась сама, нарушив почти осязаемую связанность взглядов.

Левченко бежал мимо сложенных костром винтовок, груды сломанных штыков и развороченных пулеметов, по заледенелому скользкому плацу к Царскому саду. Стрельба, визг, звуки какой-то гнусной возни неслись со стороны Никитской - видно, грабили торговые ряды. Он вышел к обрыву. Голый мерзлый кустарник террасами спускался к реке. Туман висел над Донцом, и только справа черным неровным контуром виднелась Майорская гора.

«Знамя есть священная хоругвь, под которой собираются все верные своему долгу воины и с которою они следуют в бой с врагом. Знамя должно напоминать солдату, что он присягал служить Государю и Родине до потери самой жизни...»

Так холодно ему не было никогда. Небо побелело и выпрямилось перед ним, узкие снежные облака нависли низко и грузно, как шелковые складки. Линия, разделяющая небо и гору, напряглась, сдвинулась, обрела форму, наполнилась снегом, светом и темнотой. Сверкающий конь с всадником оттолкнулся копытом и по ровной дуге взлетел над замерзшим Донцом. Левченко стащил фуражку со стриженной головы, стиснул в кулаке и до боли вдавил ее в грудь.

«Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием, в том: от команды и знамя, где принадлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, следовать буду...»

9

Генерал Зыбин, автор классического учебника по военной топографии, руководитель союза чугуевских офицеров в эмиграции, оказался прав в своих расчетах: три дня понадобилось красным, чтобы растащить все, что было накоплено за полувековую историю училища. Особенно налегали они на огромные склады с оружием, обмундированием, провиантом. Вместе с местными борцами за светлое будущее тащили мебель из классов, кровати, подушки из

госпиталя, посуду из столовой, разворовали даже книги из библиотеки - вероятно, на растопку. Отправив в Харьков 62 подводы с добычей, принялись за сытый городок Чугуев - островок благополучия в дочиста ограбленной округе. Угоревшая от безнаказанности, даровой жратвы и выпивки толпа, наскучив мародерством, требовала «пустить буржуям кровь».

Несколько десятков офицеров-чугуевцев, избежав первых арестов, задержались в городе. Юнкера из местных, особенно те, у кого в Чугуеве оставались семьи, похоронив убитых и замерзших в ночь после боя, прятались по крестьянским избам в окрестных селах.

...Город замер, притаился за ставнями. По Никитинской в широченных клешах и женской донской шубе бежал, спотыкаясь, матрос и истошно орал: «Казачи! Драпай, братва!»

Из леса на противоположном берегу Донца высыпала казачья лава и с пиками «к бою» ринулась в атаку на город.

Драпали, роняя на мостовые мешки, меховые шапки, свернутые в трубочку ковры, драпали, даже не отстреливаясь, драпали к вокзалу, к эшелону, запрыгивали в вагоны, по-товарищески расталкивая друг друга локтями. Лязгнули буфера. Влетев на перрон, казаки проводили уходящий поезд винтовочными выстрелами.

Их было всего двадцать два. Неоседланные крестьянские лошадки, вырубленное в утреннем лесу «оружие», а под полшубками - пыльно-коричневые гимнастерки с ввинченными на смерть чугуевскими значками: на белом фоне всадник в красном плаще и с черной, огненной пикой.

Маленький отряд развернулся и рысью, как на параде, поскакал к училищу. Левченко спрыгнул с коня, обмотал поводья за перила и взбежал по каменным ступенькам.

Сжигаемые стыдом, шли офицеры по оскверненному дому.

10

Совет Народных Комиссаров принимает декрет «О введении в Российской республике западноевропейского календаря». Согласно ему, после 31 января 1918 года следует считать не 1 февраля, а 14-е. Во избежание путаницы предписывается после числа каждого дня, указанного по новому стилю, в скобках писать число по старому. Население, ошеломленное беспощадной действительностью и райскими коммунистическими перспективами, сбито с толку и теряет счет времени.

Река Днестр

Развал русских вооруженных сил отдал в руки румын Бессарабию. Расширяя оккупационную зону, пехота Королевы Марии неуклонно приближалась к Днестру. Кишинев, кроме небольших частей старой армии, прорвавшихся из Румынии и осевших в районе Бендер, защищать было некому.

Оставаться под румынами Зинаида Людвиговна боялась. Она, надо сказать, совсем растерялась: наскоро заколов пушистые волосы, лихорадочно ездилась с визитами, пытаясь уловить смысл из разноголосицы слухов и ахов таких же перепуганных знакомых; зашивала в подол небогатые колечки; рассчитала прислугу - белолицая толстая гагаузка Матрена, забрав жалованье за месяц вперед и набив зиночкиным батистовым бельем фанерный чемодан, растворилась в сыром январском утре; поминутно честила дворничиху, нанимаемую теперь на черные работы, а вечерами, прижав к вискам тонкими длинными пальцами смоченный уксусом

платок, падала в кресла и сердилась на мужа:

- Надо перебираться, Аркадий! Как мы будем жить в иностранном государстве? Какое образование Коля получит, румынское?

Аркадий Нелюбов сам неважно понимал, как уберечь семью, когда рушился, уходил из-под ног привычный мир, и от этого раздражался еще больше.

- Куда же прикажешь перебираться?

- Как куда? В Петербург. У меня там братья, у тебя - семья, отец, в конце концов.

- Большевики в Петербурге, Зина.

- Большевики ненадолго. Ну, на неделю-другую. Может быть, на месяц.

- Зина! Что ты несешь?! - Аркадий, обхватив голову руками так, что жесткие волосы торчали между пальцами как щетки, вскакивал из-за стола и длинными шагами мерил комнату от окна к креслу, где, надув губы, ежилась жена. - Я - потомственный дворянин, в Петербурге мне дорога от вокзала до первой стенки!

- Тогда я сама с детьми поеду.

- Что, Зиночка, отыгрываешься? Детей меня лишить хочешь?

Зинаида рыдала. Мучительные разговоры с упреками, нюхательными солями и реминисценциями о пропавшей в сибирских снегах молодости, после которых Зина, истощив обидный запас, укрывалась в детской, а Аркадий досиживал ночь в опустевшем кресле, до рези в глазах вчитываясь в потерявшие смысл и значение бумаги - этот, давно выматывающий их обоих надрыв, завершился неожиданно быстро.

Зинаида Людвиговна с сыном отправились в столицу, а Аркадий с десятилетней Женечкой остались в Бессарабии. Расстались горько. Зина плакала не скрываясь. Дети, насупленные, оглушенные невиданной круговертью, жались друг к другу, а отец гладил Колю по голове, как маленького, и сам, как маленький, жмурил глаза и бормотал: «Все образуется, все образуется».

...Не образуется. Зинаида, милая и своевольная красавица Зинаида, как и предсказывал муж, едет на смерть: она погибнет в 1919 году от сыпного тифа. Блокадной зимой 1942 их сын, Николай Нелюбов, истощенный голодом, не удержится - выпьет олифу и умрет в цехе завода «Электросила».

Аркадий Нелюбов с дочерью исчезнут, растворятся в боярской Румынии.

11

3 марта (16 февраля) в Бресте большевики заключили мир со странами Четверного союза: Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. По договору Советская Россия уступала территории с населением 50 миллионов человек. Отторгнуты Польша, Прибалтика, Финляндия, Украина, часть Белоруссии, кроме того, Турция аннексировала часть земель в Закавказье.

Река Нева

Вернулся из Пскова Александр. Явился домой в шинели с красным бантом, обнял Шурочку:

- Революция! Начинается счастливая жизнь!

- Подожди, еще покажут тебе большевички. - Шурочка опустила на крутящийся стулик у рояля и отвела взгляд. - Ты друга своего, Володю Герда, уже навестил?

Учителя, студенты педагогических семинарий и институтов, гимназисты-старшеклассники, политизированные и энергичные, втягивались во все модные революционные преобразования: записывались в отряды милиции (боялись, правда, темноты и циркулировали только по центральным улицам), разъезжали пропагандистами по фронтовым частям и деревням, руководили бесчисленными комитетами и ячейками. Но даже они, с их идеалистической широтой и горячим энтузиазмом, были отрезвлены Октябрьским переворотом. Учительский Союз, где одним из главных идеологов состоял Владимир Герд, влился в разношерстную антибольшевистскую демонстрацию сторонников Учредительного собрания. Пестрая лента, извиваясь, тянулась по Невскому проспекту к Смольному; взлохмаченная голова Герда виднелась в первых рядах; ни на минуту не ослабев рукой, он нес знамя Учительского союза, не выпустил его и когда застрекотали пулеметы, когда толпа, содрогнувшись, как единый человек, отхлынула и брызнула в переулки.

На залитом липкими пятнами тротуаре, из-под бегущих ног вырывая раненых, покалеченных учителей, оттаскивая их по одному, по два в подворотню, заслоня плечом от напирющей толпы; опускаясь на колени над белым до синевы личиком курсистки, преподавательницы французского языка, которую он сам утром привел на это чертово шествие и которая лежала теперь перед ним в безобразно разорванной блузке, с неестественно вывернутой шеей, Герд понял: все кончилось, навсегда, бесповоротно.

Весной 1918 года Учительский Союз объявляет забастовку по всей стране. Школы закрыты, дети от души радуются наступившим раньше летних дней каникулам. Школьная система и без того дышит на ладан. Герд ездит из Петербурга в Москву, в другие города с тем, чтобы, пользуясь своим безусловным профессиональным авторитетом, убедить учителей возобновить занятия. Руководить Путиловским училищем он оставляет своего коллегу и друга Александра Савича.

По школам разослали правительственное постановление: «В целях облегчения широким массам усвоения русской грамоты и освобождения школы от непроизводительного труда при изучении правописания, Совет Народных Комиссаров постановляет: все издания, документы и бумаги должны с 15 октября 1918 года печататься по новому правописанию».

- Реформа назрела давно. Пришли решительные люди и претворили ее в жизнь. Расставили точки над і! - обрадовался Александр.

- Над чем, Саша? - усмехнулся старший брат. - Нет больше «і с точкой». Пять букв из кириллицы изъяли. Что следующее? - Кирилла с Мефодием отменить?

- Ты напрасно преувеличиваешь, Миша. Кроме того, ясно сказано: «При проведении реформы не допускается принудительное переучивание тех, кто уже усвоил прежние правила».

- Они какие-нибудь другие меры, кроме принудительных, знают? - пожал плечами Михаил.

На следующий день силами матросских патрулей в столичных типографиях из наборных касс

были изъяты приговоренные буквы. Типографы в нужных местах, даже в столь любимом реформаторами слове «съезд», вместо разделительного твердого знака начали ставить апостроф. Так и писали: «об’явление».

«ОБ’ЯВЛЕНИЕ. Учебное заведение именуется Единой трудовой школой 2-х ступеней», - прочел декабрьским утром 1918 года Михаил Людвигович на листке, вывешенном на дверях 3-ей гимназии.

Теперь он добирался в школу на Гагаринской пешком: по Каменноостровскому, через Троицкий мост, Марсово поле, мимо Летнего сада - трамвайное движение исчезло еще раньше буквы «ять».

Зима, как нарочно, как всегда случается при больших российских бедах, выдалась морозной.

Ученики ломали брошенные и опустевшие деревянные дома, тащили на плечах обломки и доски на Гагаринскую, чтобы немного согреть холодные классы.

Мор, голод, террор.

С декабря 1917 года по август 1920 общая численность населения в Петрограде сократилась с 1 миллиона 900 тысяч человек до 722 тысяч. Топливный кризис, закрытые заводы, неосвещенные улицы, брошенные дома. Петроград совсем обезлюдел.

Печальные спутники социальных катаклизмов: эпидемии тифа, дизентерии, холеры - навалились на город: с ними не справлялись ни больницы, ни кладбища.

Заболела и умерла Зинаида Людвиговна, Зиночка. Никакие старания Евгении Трофимовны удержать детей в чистоте не уберегли Тамару от заражения тифом. В больницу девочку везти отказались: тифозные бараки были так переполнены, что больных укладывали прямо на пол, да и лекарств все равно не было. Михаил Людвигович сутками сидел у Томиной кровати, меняя на ее разгоряченном лбу мокрое полотенце, а Евгения Трофимовна жгла в буржуйке завшивленное белье.

Эпидемия захватила Путиловское училище, ученики выбывали из классных журналов, как будто их имена стирались с доски нетерпеливой рукой дежурного; состояние Юлии Герд, которая несколько дней металась в жесточайшем жару и бредила, вынудило Александра Людвиговича вызвать ее мужа из Москвы.

По городу шлялись вооруженные солдаты и матросы с расширенными от кокаина зрачками; уголовники, выпущенные новой властью навстречу светлым идеалам, вламывались в квартиры, даже не прикрывая бубнового туза на арестантских куртках: «Конфискуем в пользу революции!», и рассовывали по карманам серебряные ложки. Каждый день в ГОП (Городское общество призрения) свозили тысячи беспризорников - ничтожную частицу чумазных стай, облепивших ночные костры на знаменитых питерских проспектах.

«В самые тяжелые моменты голодного существования учительство не ушло из школы, вывезло ее», - напишет позже Александр Савич. В 20-е годы в Петрограде педагогам не до новых идей. Не оставляя занятий в обычных гимназиях, теперь переименованных в школы, они спасают беспризорников - собирают их в детские дома, трудовые колонии, сельскохозяйственные школы. Александр Савич при Путиловском открывает детскую колонию, детский сад, теперь училище принимает детей от 3 до 18 лет. Петр Герман создает трудовую колонию «Новь» и при ней школу с сельскохозяйственным уклоном. Его дочь, Вера Герман, отмывает сирот в детском приемнике-распределителе. Виктор Сорока-Росинский формирует ставшую впоследствии

знаменитой благодаря ее талантливому выпускнику «Республику ШКИД». Михаил Савич преподает в детском доме для дефективных детей.

В опустелом, пропахшем воблю Петербурге, исхудалые, в истрепанных пиджаках и дырявых штиблетах, они приходили в класс, брали в руки указку, раскрывали классные журналы, читали с выражением басни Крылова, делали гимнастику, искали на глобусе Канин нос, растолковывали правило буравчика озябшим питерским ребятишкам.

12

Ранним вечером Евгения Трофимовна копошилась на кухне, разжигая острой, занозистой щепой буржуйку. Горело плохо, обмороженные дрова шипели, едкий дым ел глаза. Насторожившись, она подняла голову и различила слабый, осторожный стук в дверь черного хода.

Павел! Ни следа былого лоска. Засаленный, перевязанный кушаком, как у извозчика, тулуп, обвислый шарф обмотан вокруг поднятого воротника, низко надвинута на лоб войлочная шапка. Осунувшийся, беспокойный.

- Женечка, пришел прощаться: полковник Магдебург отбывает из Петрограда.

- Господи, Павел! Куда же ты собрался? На Украину, к братьям?

- Я слышал, Чугуевское училище разгромлено. Бог весть, жив ли Григорий.

- Ни от кого из родных вестей нет. Последнее письмо от Володи получила в ноябре, сразу после переворота. Сядь, Паша, поешь горячего кулеша - помнишь, мама варила.

Евгения Трофимовна открывала дверцы буфета, искала там, шаря рукой по полупустым полкам, заворачивала в платок и совала в карман затрапезного тулупа какую-то снедь; достала и снова засунула в жестяную банку никому теперь не нужные керенки, принесла вязаные варежки и опустила, наконец, на стул рядом с братом, положив ласковую ладонь на его спину с острой, выпирающей сквозь гимнастерку дугой позвонков.

- Паша, где Лора?

- Не спрашивай, Женя, не спрашивай. - Павел вздрогнул всем телом и ткнул лбом в теплое плечо сестры. - Нет больше Лоры.

...Павлу Трофимовичу рассказала дворничиха, сбивчиво и боязливо шепча через цепочку в едва приотворенную дверь, когда он добрался до Петрограда с остатками своего полка. Мне - моя бабушка. Я, молодая вертихвостка, ничего из ее рассказов не записывала, но сейчас, перебирая бумаги со стертыми краями и крестами сгибов посередине, вижу, как бывшие со мной, ясные, проявленные памятью картины.

...Спотыкаясь, скользя по мокрой булыжной мостовой, по бурым, набухшим дождевой водой и слякотью листьям, бежит Лора; золотые волосы сыпятся из-под сползшего платка, липнут ко лбу, лезут в глаза; бежит, вжав в себя розовый плачущий кулек, обхватив его окоченевшими руками, закрывая плечами, ключицами, онемевшим лицом. Пьяная матросня улюлюкает и палит ей в спину.

- Куда же ты теперь, Павел?

- На Дон, к Корнилову.

На приграничных с Донской областью станциях с декабря были установлены прочные заслоны, бдительный контроль. Офицеров-добровольцев, которые со всей России стеклись к Ростову и Новочеркаску, задерживали, арестовывали, убивали. Выправленные правдами и неправдами фальшивые документы не помогали: осанка, жесткий взгляд, образованная речь – все это резко отличало их от тех, кто заполнял в то сумбурное время вагоны, теплушки, железнодорожные станции. Патрули, бегущие с фронта солдаты, красногвардейцы, классовым чутьем безошибочно выделив «золотопогонника», выкидывали его с поезда на полном ходу. Тысячи и тысячи офицеров, растерзанные толпой на полустанках, изувеченные, с выколотыми на плечах погонами, погибали, не доехав до своих, до Дона...

Нам неизвестна судьба Павла Трофимовича Магдебурга. Не знаем и о его старших братьях – Василии, Якове и Константине. Их имен нет среди галлиополийцев, не встретили мы фамилию Магдебургов и среди многочисленных союзов русских офицеров в эмиграции, нет их и в тех списках, в которых обнаружили мы имя Григория Трофимовича...

13

Украина казалась оазисом, убежищем, неиссякаемым рогом изобилия. Кругом хлопотали о выезде. Затравленные петербуржцы неожиданно находили в себе украинскую кровь, нити, связи. Савичам искать не приходилось. Связи, нити, кровь, живые и теплые, не прерывались никогда.

Глядя на заострившиеся личики детей, усталую, померкшую жену, Михаил Савич решил отправить семейство в Белую Церковь – небольшой городок на берегу реки Рось, от Киева примерно в 80 километрах, где когда-то служил его отец, Людвиг Федорович. О столичном образовании для детей сожалеть уже не приходилось: «Трудовая школа (б. Ларинская гимназия) удостоверяет, что ученик Савич Борис занимался трудом по переноске и установке парт, столов и проч. предметов школы.

Временно заведующий Трудовой школой Н. Добычин».

На стол временного Добычина легло прошение «от преподавателя Трудовой школы, б. 3-ей гимназии М. Л. Савича»: «Ввиду семейных обстоятельств и болезни прошу дать отпуск сыну моему Борису для оздоровления».

Собирались впопыхах, спешили. Особенно ничего и не нажили на Гатчинской, но все, что Женечка привезла из родительского дома, вышитые красными петухами полотенца и даже кишиневскую шкатулку, пришлось бросить. В чемодан, который Женя могла поднять без мужниной помощи, едва уместились детские вещи. Евгения Трофимовна начала было перекладывать в саквояж пачки с письмами.

- Женечка, подумай, куда тебе лишняя тяжесть?

- Лишняя? - Женечка подавила вздох, и, перебрав по одной, переложив фотографии из шкатулки в жестяную коробку от конфет «Жорж Борман».

Муж промолчал.

Билет удалось достать, дежуря несколько дней у касс Николаевского вокзала, в вагон второго класса. Едва выехали за пределы Петербургской губернии, как поезд остановился. Пассажиры со всем скарбом высыпали на платформу. К вечеру подогнали другой поезд, набитый народом

до отказа. Евгения Трофимовна затолкнула детей на верхнюю полку, сама же так и просидела, стиснутая между теткой-мешочницей, ни разу не размотавшей пухового козьего платка, и приличного вида господином в пальто с потертым бархатным воротником и новых, даже щеголеватых, валенках. Выбегала на остановках, суетливо оглядывалась, тревожась, что поезд отправят без объявления, металась по вокзальным буфетам, вымогая, выпрашивая, выменивая то кусок булки, то сушеную рыбу, то битые яблоки.

На украинской границе трясли и требовали каких-то бумаг. Она снова бегала по станции, хлопотала, плакала, уговаривала, отчаянно тыча рукой в окно, где на перроне, нахохлившись, караулили чемоданы стриженные наголо дети.

Наконец, забились в товарный вагон. Устроившись на чемоданах, вместе с невеселым «табором» петербургских актеров, тоже бежавших в Киев, смотрели в полуоткрытую дверь вагона на мелькающие мимо пустые станции с наскоро приколоченными украинскими надписями.

14

Река Рось

Ничего не скажешь, тихое местечко выбрал Михаил Людвигович для своей семьи, чтобы пересидеть гражданскую войну: власть в Белой Церкви переходила из рук в руки 16 раз.

Телеграмма начальника оперативного управления Украинского фронта: «Нами 21 февраля 1919 года занята Белая Церковь» означает, что Красная армия выбила из города петлюровцев.

Из сводок губернского комитета КП(б)У: «16 мая. В Белой Церкви при исполнении открылись курсы инструкторов-организаторов Советской власти на местах».

«31 июля. Список предприятий, национализированных на сегодняшний день в Белой Церкви:

1. Завод Менцеля
2. Мельница Ниренштейна
3. Мельница Айзенштейна».

Инструкторы-организаторы продержались не особенно длительное время: 30 августа в Белую Церковь вошли подразделения Добровольческой армии Деникина. 15 октября вернулись красные. 20 ноября – снова добровольцы.

Из сводок губернского комитета КП(б)У: «25 декабря. В районе Белой Церкви восставшие крестьяне образовали революционный отряд численностью до 3000 чел. при большом количестве орудий и пулеметов. В связи с этим белые очищают Белую Церковь».

Следующая сводка: «В ночь на 26 декабря красными войсками взята Белая Церковь. Захвачено 11 паровозов, около 1000 груженных вагонов и масса других трофеев, не поддающихся пока учету».

Учет и прочие мероприятия большевики смогли проводить только четыре с небольшим месяца: 6 мая 1920 года им пришлось уступить Белую Церковь польским легионерам. Июньская сводка губернского комитета уже гласит: «В Белой Церкви производится перерегистрация членов профсоюзов. Началась работа среди женщин и молодежи. Польская оккупация подготовила

хорошую почву для агитации, и везде царит воодушевление».

«Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет...»

А. С. Пушкин, «Полтава»

15

Маркизова лужа

Кронштадт – больше символ флота, чем даже Санкт-Петербург, твердыня и оплот Империи на северных морях. Не яхты и лодочки качались на рейдах, а миноносцы и крейсера в серо-голубой броне. По обманчивой глади сновали к гранитной пристани катера линейных кораблей. Морской собор, купол которого был виден в ясную погоду чуть ли не с Невского, и утром и вечером наполняли щегольские кители, голубые гюйсы, фуражки на сгибе локтя и белые перчатки на золотом эфесе кортика.

...Отсюда, из тяжелой броневой скорлупы, из тесного пространства башен, адских кочегарок, сырых и скученных кубриков, отсеков, заставленных тысячами стальных приборов, – сойдут на берег, как пираты с захваченных у испанцев галионов на безмятежный остров в Карибском море, балтийские матросы. «Мы из Кронштадта» – ошалевшие от долгих сидений в дрейфе, от гнусной мужской жизни, от муштровки и боцманских свистков, обученные убивать и полуграмотные. С сигаркой в зубах: «нас мало, но мы в тельняшках» – они будут выкидывать за борт офицеров, перед которыми вытягивались во фронт и драили палубу, врываются в лазареты и колоть штыками раненых, глумиться над сестрами милосердия – станут убойной силой революции, ее олицетворением. Они даже не обольщались – пиратам не нужны были обещанные большевиками мир и земля. Вседозволенности хватало выше головы.

Земли и мира, которые сулили красные «посульщики», ждали крестьяне. Ради этих тщетных надежд они бросили фронт, жгли помещичьи усадьбы, избегали мобилизации в Белую Армию. К 1921 году деревня вместо «вечной крестьянской мечты» о собственной земле и мире без начальства получила военный коммунизм, продразверстку и комиссаров с их фирменными приемами: маузером и голодом.

Кронштадтский гарнизон, который к этому времени состоял из вновь мобилизованных крестьян, подымает восстание. С фронта снимают карательные войска, которые берут штурмом мятежную крепость. Оставшиеся в живых моряки и горожане ночью, волоча на себе детей и тележки с жалким скарбом, по льду уходят в Финляндию, в Терийоки.

В каменные казематы Петропавловской крепости с маленькими, на уровне невиской воды, оконцами запикивают всех, кто имеет призрачное отношение к восстанию; Терийоки пока далеко – приходится хватать родственников, крестьян со схожими фамилиями, моряков, флотских офицеров, гардемарин.

...Евгений Долинский, освобожденный в конце 1922 года, подняв до ушей воротник побуревшего, провонявшего нечистотой и нечистотами бушлата, брел по заплыванной брусчатке Петропавловки; тяжелые ворота с неровным пятном на месте сорванного герба закрылись за ним, оставив позади Трубецкой бастион и год жизни в камере, забитой измученными людьми.

Беспощадно подавив мятеж кронштадтцев, большевики объявили новую экономическую

политику - после расстрела оставшихся в живых участников восстания, после массового выселения из города жителей и арестов «зачинщиков», непременно с позиции силы: ни в коем случае не могли они продемонстрировать, что отказались от террора под влиянием народных восстаний.

21 марта газеты опубликовали решение X съезда ВКП(б). Крестьянам позволили торговать, разрешили мелкое частное предпринимательство.

16

- Миша, ты знаешь, я сам - сторонник прогрессивных идей. До переворота с Министерством просвещения бесконечно спорили. Сейчас, смотри, в наборе этого года во всех ступенях одни только дети рабочих. Казалось бы, «свобода, равенство, братство» - почему нам работать не дают? За что Герда травят? Володя спас училище! Если бы не он, просто померли бы все за эти годы. Питательные пункты, учебники бесплатные, дрова для учителей - это же все его заслуга. Учебный процесс ни на день не остановили! Да что там говорить! - Александр махнул в расстройстве рукой и полез в карман за папиросой.

- Меня, Саша, убеждать не надо, я Владимира Александровича знаю и ценю много лет. Успокойся и расскажи толком, что в училище происходит.

- Началось с того, что уволили алкоголика-коммуниста. Помнишь, я упоминал как-то - пьянствовал, дебоширил в учительской. РОНО, конечно, приняло его сторону.

- У вас, насколько я знаю, хорошие отношения в Наркомпросе - Лялина, Крупская, сам Луначарский вас поддерживает.

- Жалует царь, да не балует псарь, - вздохнул Александр. - Наше РОНО, я уж не говорю про ГПУ, оказалось посильнее, чем московские «гуманисты». Ко всему прочему, ты знаешь, повсеместно организуются комсомольские ячейки.

- Знаю, конечно, - кивнул старший брат. - К вам тоже кого-то прислали?

- Два активиста из старшекласников сами вызвались. Двоечники, прогульщики, мутят коллектив, отвлекают от учебы. Самогон приволокли на занятия, младшекласников втянули. Все им с рук сходит. На свои комсомольские собрания учителей не пускают. Герд заявил на заседании РОНО, что не позволит выделять кого-то из учеников, что даже в царские времена в Путиловском училище соблюдался принцип равенства.

- Они уверены в полной безнаказанности, у них за спиной РОНО, ГПУ, Смольный. А что педсовет решил?

- Отстранил от учебы, как по уставу. Эти двое попытались подбить учеников на забастовку: листовки рассовывали по партам, двери школьные заперли. Правда, фабричных ребят сбить с толку трудно, они учиться хотят. Вот такие дела, брат, - заключил Александр. - Все наши «прогрессивные школы» либо закрыты, либо перепрофилированы...

- Добро бы взамен что-нибудь путное предложили... - подхватил Михаил. - Пришло распоряжение из РОНО: в детдомах ввести самоуправление. Детишки по три, по четыре года прожили по притонам, среди нищих и сутенеров. Ложку держать разучились. Отмыть, белье чистое постелить, грамоте научить, книжку в руки дать! Нет! - в первую очередь самоуправление. К чему это приводит? К созданию воровских шаек. Авторитет для них - не учитель, а главарь.

Так, невесело перебирая свои тревоги, братья прогулочным шагом шли по весенней Гатчинской. Сквозь редкую листву просвечивало скромное петербургское солнышко.

- Мне, Михаил, твой совет нужен. В подмосковном Болшево открывают трудовую колонию. Признаюсь, меня приглашают туда директором.

Михаил Людвигович расстегнул, доверясь обманчивому апрельскому теплу, верхнюю пуговицу, которая тут же повисла уныло на черной суровой нитке и раскачивалась, как маятник под циферблатом, в такт его шагам.

- Езжай, Саша, спасай семью. Путиловское училище явно у них на заметке.

- Доведу выпуск и поеду. Торжества намечаются: спектакль по Эсхилу, марш перед школой, - не могу ребят бросить. А согласие дам прямо сейчас.

Через 15 дней после торжественного выпуска с Эсхилом Владимир Герд был арестован. Шесть недель его продержат в тюрьме на Гороховой, в одной комнате с шестьюдесятью другими арестованными. Без возможности вымыться, без прогулок, без свежего воздуха. У него начнется цинга. 1 сентября 1923 года его перевезут на Лубянку. ОГПУ приговорит его к двум годам ссылки в Краснодар. Дзержинский объяснял мотивы высылки так: «Мы не можем обвинить Герда в чем-то определенном, но нам ясно, что он наш противник, и поэтому он будет мешать нам, если он останется там, где он пользуется влиянием».

Владимир Александрович умер в Краснодаре в 1926 году от разрыва сердца.

...Арест Герда был предвестником судьбы преподавателей, к кругу которых он принадлежал. К 1930 году многие деятели образования или полностью отошли от дел, или были арестованы.

Петру Александровичу Герману повезло. Он скончался в 1925 году после тяжелой продолжительной болезни на руках любящих родственников. Его дочери Вере Петровне, сослуживице Александра Людвиговича, инкриминируют связь с белыми эмигрантами и наличие у ее отца до революции земли в Пензенской губернии. Веру Герман сошлют на Соловки, где она встретит будущего мужа Николая Фурсея, выдающегося северного художника; Николай будет арестован дважды. В 1942 году военный трибунал НКВД приговорит его к расстрелу: «восхвалял вражескую культуру, немецких композиторов. Баха, Бетховена, Моцарта называл гениями». Вера скончается в том же году от сыпного тифа...

...Семь лет возглавлял Александр Людвигович Болшевскую школу № 1, преподавал на летних курсах, занимался переподготовкой учителей, писал научные статьи...

17

«Удостоверение об увольнении. Выдано преподавателю 8-й Советской трудовой школы (бывшая 3-я гимназия, меняя имена, успела за это время еще и 33-ей трудовой побывать) Савичу М.Л. ввиду настоящей необходимости поехать на Украину в Киев к находящейся там в бедственном положении его больной жене с детьми».

Билет куплен в один конец. Поживет, как получится по обстоятельствам, в Белой Церкви, отдохнет, придет в чувство. Кашель с зимы 1919 года так и не проходил, только усиливался, и сердце стало пошаливать.

В своих мемуарах бывший ученик единой трудовой Борис Окунев напишет: «Русский язык в нашем классе вел Михаил Людвигович Савич. Недолго пробыл этот чудный человек у нас;

обстоятельства заставили его покинуть Петроград; он уехал на юг, к себе на родину. Помнится, с какой болью в сердце провожали мы его от себя; помнится, как много теплых, душевных слов было сказано с той и другой стороны. Едва сдерживая слезы, простились мы с человеком, который сумел вдохнуть какие-то неуловимо прелестные образы и глубокие мысли в скучные былины и народные песни, сумел сделать так, что ни один человек в классе, во всем классе от первых парт и до камчатки, не смел пошевеливаться на уроке: затаив дыхание, каждый слушал, как очарованный, простые, идущие прямо от души, проникнутые горячей любовью к нам, слова Михаила Людвиговича».

Спустившись с саквояжем по черной лестнице – парадный вход был давно заколочен, Михаил Савич обернулся на закопченный дом с облупленной штукатуркой и вышел на пыльную улицу. Повернув к каналу, столкнулся с сухопарым господином, кажется, смутно знакомым. Лицо желтое, лихорадочное. На всякий случай Савич поклонился. Тот машинально ответил поклоном, явно не узнавая.

Уже в вагоне сообразил: Александр Блок! Женя упоминала: живет на углу Декабристов и набережной Пряжки.

«Рожденные в года глухие, Пути не помнят. не знают». Нет, забыл. Ну ладно...

Река Рось

Среди бумаг Глеба Иосифовича Погребцова долго хранился рисунок: на белом ватмане карандашом – легкая ротонда, за ней – заросшая аллея, вязы, двумя линиями – быстрое движение воды в речке.

...Через сад графини Браницкой спешил Глеб Погребцов в летней гимназической шинели с серебряными пуговицами на уроки, которые давал ему недавно приехавший в Белую Церковь столичный преподаватель Михаил Людвигович Савич. После занятий Глеб укреплял на скалистом берегу Роси мольберт, долго примериваясь, смешивал выдавленные из тюбика краски, а Тамара восхищенно качала головой и смеялась: «А меня, безрукую, хоть расстреляй, – ни за что похоже не нарисую»...

В Петроград Савичи вернулись весной 1924 года.

Глава 5. Белые ленточки

1

Река Днепр

Раз пробившись в город, каждая новая власть оставалась в Екатеринославе насовсем. В ноябре 1918, когда городской глава с говорящей фамилией Труба призвал представителей всех политических сил города провести переговоры, в зал набилось больше десяти делегаций. И это учитывая, что большевиков не пригласили.

Первыми осенью 1917 года в город над Днепром, на место исторической дислокации Тараса Бульбы, прибыли украинские части.

Над Соборной площадью вьются жовто-блакитные флаги, на ограде Преображенского собора висят мальчишки, лениво швыряя переспевшие груши-паданки в курчавые шапки с красным верхом, не достигая, впрочем, даже и зевающего на тротуаре народа. Под роскошным куполом

храма поет красно-золотой архиерей: «...И залиш нам борги наши, як и ми вибачаемо боржникам нашим...», и вздыхает за ним слаженно хор казацкого воинства: «Аминь».

Под пение «Заповиту» широкое полотнище с вышитым угрюмым Шевченко плывет вдоль фронта войск, мимо коленопреклоненной толпы.

- Мало кто сдержался, чтобы не пролить слез, - докладывал комиссару Центральной украинской рады начальник залоги, - а кое-кто и вовсе не мог владеть своими нервами!

Однако на выборах в Учредительное собрание украинская партия, представленная коллективом почты, псаломщиком с сестрой и десятком-другим студентов в крестьянских свитках, заняла третье место, уступив Бунду и большевикам.

Пользуясь общим наступлением войск Советской России, оживляются рабочие самого крупного в Екатеринославе Брянского завода. Борьбу за светлое будущее они начинают с экспроприации - угоняют единственный бронированный автомобиль, находящийся в распоряжении украинских частей. Пока его делят все заинтересованные стороны, включая Трубу, в город входят красные отряды из Харькова. На месте памятника Екатерине Великой, снесенного еще февральскими энтузиастами, воздвигают картонный монумент революции, который, для большей схожести, красят белилами, а в Доме ревкома стреляют еще не пуганных буржуев. Однако развернуться по-настоящему не успевают: в город вступают отряды вольного казачества, а следом - австро-венгерские войска генерала фон Арна. Топорща усы и мощно отбивая подкованными сапогами шаг, маршируют по Соборной площади австрияки. Некоторые не могут сдержать слез. Екатерину находят на задворках и закапывают во дворе городского музея. Немецкая марка гуляет по рынкам наравне с рублем и гетмановским карбованцем. В «Версале» и «Эльдорадо», под пышными ясенями Екатерининского проспекта пьют кофе лощеные австрийские офицеры. Рестораны, кабаре, игорные дома, лимонадные переполнены возбужденной публикой: нарядные дамы в платьях из портьер, гетмановские чиновники с трезубцем на картузах, сечевики в синих жупанах и чудовищных шароварах. В скверах военные оркестры наяривают незнакомые марши, в такт медным литаврам мелькают щетки, вбивая гуталин в элегантно покачивающийся сапог.

В приемной австрийской комендатуры, навалившись животом на стол и кряхтя от усердия, пан добродий заполняет графы длинного списка. Багровая физиономия, кажется, лопнет сейчас от натуги.

- Пан Колошенко, не тяни, - нудит над ним Москаленко, - второй час здесь околачиваюсь. Сейчас их благородие от коменданта выйдут, а у тебя еще конь не валялся.

Колошенко вытягивает из кармана необъятный платок, снимает с кончика носа угрожающе нависшую над списком каплю, сопит и, наконец, взрывается:

- Черт бы побрал эту ридну мову! На русском давно бы написал!

Не зря понукал добродия Геннадий Борисович - за дверьми кабинета начальника грохнуло, будто шмякнули об пол стулом, но еще громче раздался могучий рык, в котором бывший чугуевский фельдфебель разобрал даже пару-другую известных с фронта немецких слов.

...Полковник Магдебург зашел в комендатуру на регистрацию - нехитрая процедура, при поражающей всех корректности австрийского начальства... Плотный гауптман в синем мундире открыл дверь, пропуская вперед Григория Трофимовича.

- Непорядок? - взволнованно спросил Москаленко.

- Писарь, который ведет записи, осмелился сесть в моем присутствии и получил нагоняй от своего начальства, - посмеиваясь, объяснил полковник.

Спустились по мраморной лестнице бывшей губернской управы, шли, едва перекидываясь словами, по двойному ряду тополей на бульваре. Григорий Трофимович похлопал перчаткой по руке и произнес мечтательно:

- А помнишь, Геннадий Борисович, как мы этих австрияков в Карпатах на штыки поднимали.

О приходе к власти гетмана Скоропадского и о том, что Украина теперь не республика, а монархия, в Екатеринославе узнают только в мае.

Ясновельможный пан Скоропадский, бывший флигель-адъютант государя императора Николая Александровича - прямой потомок гетмана Скоропадского, назначенного Петром Великим после предательства Мазепы, демонстрировал лояльность к России и приверженность к монархическому строю, а самое главное, предлагал создать сильный и здоровый плацдарм для борьбы с севернорусским коммунизмом, и это были не пустые слова. С его согласия по всей Украине собирались дружины Добровольческой армии, куда притягивались те офицеры, которые, несмотря на все уверения Скоропадского, не хотели служить в украинизированных частях и были сторонниками единой и неделимой России. В Екатеринославе таким центром руководил полковник Островский.

2

В феврале генерал-майор Васильченко привел с распавшегося румынского фронта Феодосийский полк. Привел в полном составе, не потеряв, что не характерно для того времени, ни одного офицера, и сразу же, по приказу военного министерства УНР, начал формирование Екатеринославского корпуса.

По данным регистрации, в Екатеринославе в это время более одиннадцать тысяч военных. Офицеры 133-го Симферопольского и 134-го Феодосийского полков составляют основу корпуса; другие идут в авиационный дивизион и 7-ой Новороссийский конный полк; некоторые, отвергая украинизацию и Брестский мирный договор, поступают в дружины Добровольческой армии.

Полковник Кусонский, полковник Люткевич, полковник Магдебург со своими сослуживцами оказываются в корпусе генерала Васильченко.

3

9 ноября начинается революция в Германии. Немцы в качестве прощального привета выпускают из тюрьмы в Белой Церкви Симона Петлюру. В четыре дня Петлюра берет Киев и объявляет Украинскую директорию. Торжественно занимает гетмановский дворец.

По кафе и бульварам Екатеринослава циркулируют самые дикие слухи. Несколько дней с воодушевлением обсуждают, что в Одессу и Новороссийск прибыли чернокожие десанты французских войск. Повсеместно созываются особые совещания, где принципиально и пламенно спорят о текстах приветственных адресов. Ждут Махно, английскую эскадру, Григорьева, Деникина, латышских стрелков, китайцев, еврейских погромов - имена причудливо переплетаются в горячем шепоте парочек, угнездившихся в задних рядах кинематографа. Бронзовую Екатерину откапывают и водружают на место сгнившего большевицкого картона.

Петлюровцы входят без боя, гарцуя на сытых донских лошадях, занимают нижнюю часть города, у железнодорожной станции и моста через Днепр.

Корпус поднимает трехцветный флаг. Казармы превращены в военный лагерь.

Полковник Островский дает приказание добровольцам явиться в казармы феоdosийцев, где наверху, на горе, собраны все офицерские части города.

Сводка Добровольческой армии на середину декабря: «Город разделен на пять районов. В верхней части укрепились добровольческие дружины, в районе городской думы – еврейская самооборона, далее – кольцом охватывают немцы. Добровольцев, самооборону и немцев окружают петлюровцы, и, наконец, весь город в кольце большевиков. На окраине, в Гуляй-поле ждет своего часа батька Махно».

23 ноября 1918 года город разбужен пулеметной трескотней. Население теряется в догадках: то ли это большевистское восстание, то ли австрияки бьются с явившимися, наконец, союзными войсками, то ли началась «Всемирная забастовка», которой давно грозили рабочие хлебопекарни и городского водопровода. Сведения поступают из самого верного источника – от гайдамаков, утром явившихся с обыском. Бой возник между офицерами корпуса и отрядом пана Горобца (при старом режиме без заминки откликающегося на кацапскую фамилию Воробьев) и был прекращен вмешательством австрийского командования, которое пригрозило обстрелять город тяжелой артиллерией, если не прекратятся уличные бои.

Генерал Васильченко созывает собрание всех чинов гарнизона. Командир Новороссийского полка полковник Гусев отказывается участвовать в любых митингах – пережитки 1917 года! – однако отправляет полкового адъютанта, чтобы тот держал руку на лихорадочном пульсе событий.

Мнения разделились. Одни горячо ратовали за выход из города с оружием в руках и соединение с Добровольческой армией, другие так же яростно, чуть ли не пробивая несогласных штыком, предлагали распылиться по месту жительства. Узнав, что происходит, полковник Гусев приказал новороссийцам седлать лошадей и привел эскадрон к казармам. Спешившись, взошел на трибуну и голосом, которым обычно посылал своих драгунов в атаку, завершил прения:

– Я веду мой полк на соединение с Добровольческой армией, кто хочет умереть честно и со славой, пусть присоединяется к Новороссийскому полку, кто же хочет бесчестно умирать в подвалах ЧК, пусть немедленно покинет казармы. Митинг окончен.

Команда была дана за час до выхода. Ворота Феодосийских и Симферопольских казарм распахнулись, и отряды офицеров выдвинулись на улицу. Было их – тысяча.

Впереди, покачиваясь в седлах, рысят драгуны. За ними идут пехотные полки. Следом трясется бронетехника, застревая в сугробах. Самолеты. (В первую ночь они подорвут и бросят все машины, которые невозможно будет везти по грязи, то расплывающейся в непролазное месиво, то застывающей в ледяные бугры.) Подводы, груженные пулеметами. Обозы. Лазарет.

Горожане сбегаются из переулков к Екатерининскому проспекту, по которому вниз, с горы, движется корпус, и стоят молча, недвижно. Лишь женская рука оживет вдруг, и, раздвигая снежную пелену, вычертит в воздухе крест. Дребезжит серенький утренний свет. Снег метет отовсюду, от стен, от тротуаров, от голых деревьев, оседая, укрывая белым платом оставленный город.

Рядом с Григорием, нагнув против ветра голову, идет капитан Ломаковский, младший брат жены.

- Гриша, - окликает он. - Посмотри налево!

Вдоль живой стены бежит мальчишка в гимназической тужурке; бежит сосредоточено, упрямо сжав покрасневшие кулачки, огибает стоящих не шевелясь людей, ныряет за широкие донские шубы, и отцу видны только остренькие лопатки, серая спинка, - снова протискивается вперед, ужасно маленький, жесткий, как гвоздик, и бежит, бежит...

Скрипит под непарадным, экономным шагом снег, и сквозь кружение метели шеренгами уходят от него белые заснеженные шинели с крестами наплечных ремней.

4

...Самыми последними тихо и незаметно уйдут австрийские войска. Через неделю в пустой город явится Махно. В воздухе будет стоять гул от пальбы, стекла в окнах задрожат и полопаются. Будут врываться гурьбой, обвешанные гранатами, разряженные - кто в роскошной енотовой шубе, кто в крестьянском зипуне и железной австрийской каске.

- Вы кто?

- Вот увидите!

На улицах, засыпанных осколками снарядов, битым стеклом, кусками обвалившейся штукатурки, среди трупов лошадей и собак мальчишки собирают шрапнель.

Рыжие молодцы в синих штанах с красными швами волокут топить Екатерину в Днепре; директор музея выменяет у них памятник на бутылку самогона. Окончательно свергнут императрицу большевики, и она простоит во дворике музея среди каменных скифских баб до Второй мировой войны и исчезнет в плавильной печи немецкого металлургического завода.

5

Правый берег Днепра

Петлюровцы, обнаружив утром, что офицерский корпус покинул Екатеринослав, преследовать не рискнули, ограничились лишь расстрелом тех, кто, тайком покинув казармы, остался в городе. «Всем украинским частям» был дан приказ «перенять» офицерские отряды по пути следования и не допустить соединения с Деникиным.

Для того чтобы примкнуть к Вооруженным Силам Юга России, нужно было переправиться через широкий, разбухший от осенних дождей Днепр. Разведка донесла, что Кичкасский мост (ближайшая переправа) находится под охраной атамана Григорьева и противник готовится, отступая, взорвать его. Приняли решение двигаться по правому берегу и, переправившись ниже по течению, повернуть на Перекоп.

Отряд растянулся на пять-шесть верст. Сначала шла разведка, потом передовая застава, артиллерия, штаб, обоз, лазарет, в версте от них - арьергард.

...У плетня, окунувши головы в поднятые воротники зипунов, курят мужики.

- А як ты думаешь, Петро, чи много их?

- Та мабуть тысяч шість-сим, а може и бильше...

- Бильше, бильше, - загудели голоса.

- А що ти скажеш, служивый? - сизоусый казак в богатой свитке поворотился к Москаленке, который давно и небескорыстно прислушивался к неторопливой беседе.

- Целая армия, земляки, движется! - не моргнув глазом, отрапортовал Геннадий Борисыч, - всех по пути бьем и никому нас не удержать!

Мужики уважительно почесали затылки.

- А, к примеру, сала у вас на продажу не имеется? - перешел к делу унтер-офицер, - или птицы битой, яиц?

- Усего хватае, пан офицер. Да ты карбованцы свои заховай, вы люди дорожни.

Прослышав от местных жителей, будто от Хортицы по Бериславской дороге идет огромное войско, петлюровцы в бой не вступали, мелкие наскоки строевые офицеры отбивали, продолжая неустанно движение и очищая степь от махновских и прочих банд.

Осадив коня, генерал Васильченко остановился у открытой подводы.

- Не армия, а великое переселение народов, - сердито бормотал он, оглядывая расположившихся на ночлег офицеров: Леонтий Ломаковский, замотанный в одеяло поверх крестьянской свитки, Магдебург в истрепанной, еще чугуевской шинели и великолепно выбритый полковник Люткевич в замызганном нагольном тулупе с зияющей на рукаве прорехой.

- Завтра, господа, соблаговолите в качестве отличительного знака прикрепить к фуражкам белые ленточки, как корниловцы в незабвенном Ледовом походе!

- Можно подумать, я своих не отличу от хамских рож, - проворчал вслед генералу Леонтий. - Где я посреди степи ленты возьму? Не на ярмарке, кажется.

Приподнявшись на локте, Григорий распахнул шинель и резким движением оторвал край нательной рубахи. Засунув лоскут за околыш простреленной в двух местах фуражки, нахлобучил ее поглубже на уши и, привалившись головой к вещмешку, закрыл глаза. Повозившись в груди сваленного в углу подводы тряпья, затих и Леонтий. Давно спит, с головой укрывшись конской попоной, Люткевич. Тихо в степи. Прояснилось, вызвездило вдруг, склонившись над белой гвардией, просторное украинское небо, словно все звезды с их споротых погон поднялись и рассыпались над ними.

Через две недели подошли к днепровским плавням и «втянулись в дефиле» - между Днепром и железной дорогой. Именно здесь, на подходе к переправе, противник и должен загородить дорогу.

Сражение началось утром на огромном лугу между селами Марьинским и Ново-Воронцовкой. Петлюровцы поднимаются в атаку и всякий раз отступают. Васильченко посылает эскадрон драгун и броневой дивизион на тачанках к железнодорожному пути, куда, как показывают пленные, должно прибыть подкрепление. Эшелоны с петлюровцами утыкаются во взорванные рельсы, пулеметная бригада открывает огонь, и когда конница подходит к составу, ей уже нечего делать. К станции Апостолово, где расположился петлюровский штаб, на подводах

везут раненых. Темнеет, близится и наступает ночь, а транспорты, забитые окровавленными людьми, все идут и идут. Станция переполнена, уже некуда складывать. Атаман Григорьев мечется по перрону, схватившись за голову:

- Що вони зробили, що зробили. Як з ними воювати?

...В ночь после боя корпус продолжает движение дальше на юг. В степи бушует снежный буран. Размеренно, не теряя шага, идет колонна по дороге, меченной рядом телеграфных столбов, через вросшие в снег, примолкшие - ни огонька - деревушки, вязнут в сугробах подводы с ранеными. 20 часов без остановки, 60 верст, сквозь секущий лицо ледяной ветер преодолает смертельно усталое - вторые сутки ни маковой росинки во рту, ни перекура, в сырых сапогах, тяжелых, набухших влагой шинелях, - белое воинство. На рассвете, наткнувшись на село, занятое григорьевцами, они вновь принимают бой...

6

Мерно, гулко гудит над днепровскими волнами монастырский колокол. Высоко, раскидисто стоит на каменистой круче Таврский Афон. Извилисты, скрыты от праздного взгляда тропы в известковой скале, шиповником и боярышником поросли узкие входы в подземелье и кельи монашеские. Тремя угловыми круглыми башнями, каменной оградой, зубчатой контрфорсной стеной укрыт древний Бизюков монастырь, на запорожские, ох, нелегко добытые казацкие гроши возведенный на беспокойной границе с ляхами оплот православия.

Тяжело, устало поднимается по обрывистому, размытому дождями склону пехотный полк. Лошади, помесив копытами грязь, стали понуро: утомлены так, что не поднять им на скользкий холм обозы с техникой. В придорожной почтовой станции остается броневой дивизион, полувзвод драгун для связи и заслон - несколько старших офицеров.

Лишь только бледно-золотая нить вытянулась над днепровской водой, а офицеры, нехотя выбираясь из теплого, почти домашнего сна, гремели рукомойником, прибитым к влажному березовому стволу у крыльца, отряхивали от налипшей соломы шинели, брились, повернувшись вполоборота к раннему свету, сквозившему в узкую щель меж ставнями, благодать эту утреннюю, полузабытую, прервал, вернув к беспощадной действительности, крик дозорного:

- В ружье, пулеметы на позицию! Жив-во!

«Железная бригада» петлюровцев, ведомая в бой севастопольскими матросами, наступала правильными перебежками; за садом в мутном утреннем тумане прорисовывалась конница и длинная лента повозок.

Каменный забор, окружающий почту, служит укрытием, сквозь быстро вынутые бойницы «броневички» ведут частой строчкой огонь, генерал Кислый, принявший на себя командование, отправляет трех драгунов с донесением к Васильченко.

- Генерал! - взбегает на крыльцо полковник Люткевич. - Подводу с боеприпасами вчера в монастырь отправили! У нас заканчиваются патроны!

- Всем собраться в доме и набивать пулеметные ленты! На позиции оставить только пулеметы и десять лучших стрелков! - Порфирий Кислый выхватывает из-под рогожи винтовку и командует: - Магдебург, Каштелян, Войнаровский, Гуреев - за мной!

Сад окружен. Металлический вихрь мечется справа, слева, сбоку, над головами. Схватился за плечо ладонью, словно пытаясь удержать льющуюся по рукаву кровь, и уронил оружие генерал

Кислый.

- Цепи приближаются, - цедит он сквозь зубы, - можно даже рассмотреть лица.

- Рожи. Хамские рожи, как сказал бы Ломаковский, - поправляет его Григорий и меняет прицел.

Все сливается в серое поле: линии вражеских цепей, напряженные сосредоточенные руки, прыгающие стволы. Сосед уже начинает прилаживать к ноге веревочную петлю, чтобы в последний момент привязать к спуску.

Гонят лошадей по обледенелому склону новороссийцы. Обгоняет остальных, направляя по каменистым тропкам конский бег, корнет Рубанов и падает, выбитый из седла петлюоровской пулей; поднялся на дыбы и медленно повалился на бок конь под юнкером Татарко; скачет, припав к гриве, ротмистр Лабинский, храпит задетый двумя пулями в круп гнедой, но близки уже белые монастырские стены, уже открываются кованые ворота, уже седлают лошадей драгуны, и выкатывают пушки артиллеристы, и выдвигается пехотная дружина, подняв трехцветный флаг. бежит «железная команда», уходит в степь, оставляя неубранных раненных, трупы людей, лошадей, брошенное оружие, но больше всего - ботинки, которые они поскидывали с ног, чтобы быстрее тика?ть...

7

- Миром Господу помолимся. - склонился над книгой в стертом сафьяновом переплете отец Варсонофий. Стоят перед игуменом офицеры, сняв фуражки с белой ленточкой. Горят редкие свечи, бросая золотые тени на алтарные иконы, выхватывая из прозрачного полумрака впавшие щеки, небритые бороды, красные прожилки в глазах, устало опущенное плечо; поют монахи, читает Варсонофий - звучит под сводами вечная правда, ради которой ведет их неумолимый долг каменистым, терновым путем с крестом наплечных ремней на спине.

- Еще молимся о христосолюбивом воинстве.

У каменного фонтана с замерзшей водой, опершись на бердянки, переминались крестьяне в туго перетянутых нагольных тулупах.

- Наша охранная дружина, - объяснил игумен, задержавшись на широких ступенях, полковнику Магдебургу, чье лицо не сразу можно было разглядеть, укрытое низко махровым углом башлыка, только мгновенно схваченные морозом казацкие усы показала желтая полоса света из незатворенной двери храма.

- Пойдемте, ребята, со мной к обозу, отгрузите пулеметы и пару ящиков с патронами. Обращаться-то умеете?

- Да мы, вашблагородие, - отозвался чернобородый мужик, видно, старший, - еще с Японской научены. А староста наш, стало быть, Нечитайло, с румынского фронта Егория принес.

- Не последнее отдаете, Григорий Трофимович? Вам еще неделю идти до переправы, - остановил полковника отец Варсонофий.

- У нас достаточный запас, батюшка. Петлюровцев мы порядочно напугали, к нам они, пожалуй, больше не сунутся.

Они помолчали, пряча друг от друга тревогу.

- А охране монастырской, - негромко добавил полковник стылмым голосом, - патроны понадобятся.

- На все воля Божия, - щуря близорукие глаза, игумен встретил его внимательный взгляд, поднял вдруг и положил на плечо Григория покрасневшую на морозе руку. Ссутулив худые плечи, он повернулся и пошел по протоптанной в снегу тропинке. Ветер мел по земле, раздувая обмерзший край рясы; за освещенными окнами трапезной шевелились быстрые тени; в лазарете уже спали, только угловое стекло бросало желтый треугольник света на темный сугроб, казалось, что он светится изнутри. Белая луна ничего не освещала.

Петлюровцы действительно запуганы. До такой степени, что, уплывая в панике на пароходах, забывают угнать огромный паром.

...Грузится пехота; по одному ведя лошадей под уздцы, всходит Новороссийский эскадрон, и паром неторопливо отплывает от пристани, окутанный белым, как молоко, туманом.

В день Рождества Христова восьмой корпус, пройдя за 35 дней 500 верст, прибыл в Джанкой.

«В воздаяние доблести, проявленной во время похода», главнокомандующий Русской Армией генерал Врангель наградит екатеринославцев серебряными крестами в форме Георгиевского, черной эмали с белой широкой каймой по краям сторон, соединенных серебряным терновым венком, в середине же креста - герб города Екатеринослава. Мало кто из них получит этот крест, коллекционерам достанутся только изготовленные уже в эмиграции, вручную, штучные награды.

8

...В селе Красный Маяк на развалинах Бизюкова монастыря сохранилась старая винодельня. Подземный ход, который прорыли еще запорожцы, за давностью лет разрушился, но до сей поры остался винный погреб. На его стенах вот уже более восьми десятков лет не исчезают темные кровавые потеки...

10 февраля 1919 года в Покровском соборе Бизюкова монастыря шло богослужение. Махновцы, воевавшие тогда на стороне большевиков, ворвались в храм. Схватив священников и служителей из братии, красные партизаны затащили их в «запорожский» погреб. Золото требовалось махновцам; они рассчитывали, что в богатом монастыре, который беспрестанно с конца 1917 года грабили большевистские банды, оставалось еще чем поживиться. Смирные узники предали себя воле Божьей. От чего больше озверели бандиты - от отсутствия добычи или кротости монашеской? Пленников изрубили шашками: кровь брызгала и темными полосами стекала по стенам подвала... Оставшихся по каменной лестнице свели вниз к покрытому льдом Днепру. Братья, перекрестившись, падали в прорубь.

Спасать монахов прибежала вооруженная екатеринославцами охранная дружина. Отбили у махновцев иссеченными шашками игумена Варсонофия, отца Онуфрия. Тех, кто еще дышал, крестьяне погрузили на телегу и увезли в деревню.

В 1921 году монастырь закрывают. Расхищено, разрушено, пущено по ветру богатейшее хозяйство, веками обрабатываемые поля, виноградники, сады. Уничтожены четыре храма, семинария, больница, которая в годы Первой мировой войны служила лазаретом для раненых фронтовиков, детский приют для 200 воспитанников, гостиницы, пекарня, электростанция. К 1922 году на территории Таврского Афона остается один собор. В 1923 году закрыт и он.

Начинаются эксперименты. Завозят рязанских крестьян, американские колонисты создают артель «Селянская культура» – запустение... Наконец, над входом прибывают надпись «Советское хозяйство Красный маяк».

В годы, которые вошли в историю Украины, Поволжья и Казахстана как «голодомор», в большом трехэтажном братском корпусе открывают школу комсомольского и партийного актива. Силы, упавшие в борьбе за счастливое детство, будущие строители коммунизма подкрепляют в бывшей монастырской трапезной продуктами, подвезенными из спецраспределителей. Из окрестных сел сползаются голодающие дети, копошатся во дворе и умирают. Их тихо сносят и скидывают в Пропасную балку.

В единственном не разобранным на кирпичи храме Покрова Пресвятой Богородицы вовсю кипит культмассовая работа. Со сводов над хорами взирают на танцульки лики ангелов и святых. Каждый новый комендант под угрозой срыва антирелигиозной пропаганды забеливает ненавистные образы. Но снова и снова проступают кроткие лица сквозь слои штукатурки. Наконец, самый изобретательный хватается за кисть и дорисовывает вокруг глав православных святых космические скафандры.

Я часто думаю, читая бесчисленные истории о поруганных храмах: святотатство – одно из самых страшных преступлений, и совершить его может только отъявленный безбожник, человек, не верящий ни в Бога, ни в черта. Но, стоя перед на твоих же глазах свершающимся чудом, кощунствовать над ликом святого, неуклонно проступающего пред тобой, несмотря на все твои усилия избавиться от «рисунка», то есть понимать, что перед тобой – иная сила, грозная, недоступная... и, тем не менее, продолжать совершать преступное деяние, – на это простой смертный, который поостережется даже улицу переходить, если ему черная кошка дорогу перебежала, не способен. И, нуждайся я в доказательствах существования мира иного, то последнее сомнение отвергла бы, понимая, что совершить это может только существо, которым завладели бесы.

Зацепив стальным тросом, тянут тремя тракторами алтарную арку Вознесенского собора. подрывают фундамент, закладывают взрывчатку – все бесполезно. Так и стоит она, одна – все, что осталось от пяти величественных храмов. С той поры перестали появляться над селом аисты.

Накануне 100-летия Ленина бульдозерами срезается монастырское кладбище, старые кресты, надгробья. Крестьяне, собравшиеся вокруг отверзшихся могил, видят нетленные мощи святых угодников в облачениях, с деревянными нательными крестами.

Площадку выравнивают под школьный стадион. Дети играют в футбол и гоняют по полю череп монаха.

Те, кто читал или видел фильм по пьесе Булгакова «Бег», хорошо помнят, что первое действие «восьми снов» происходит у стен монастыря: «.внутренность монастырской церкви, где-то в Северной Таврии».

По деталям, по исторической хронологии, по тому, что монастырей с пещерами – «. хор монахов в подземелье поет глухо» – в этой местности больше не было, понятно, что Булгаков описывает Григорие-Бизюков монастырь. В число действующих персонажей, кроме функционального, монаха, введены два духовных лица – сопровождающий генерала Черноту в Крым, в эвакуацию архиерей и игумен монастыря, «дряхлый и начитанный». Этим «начитанным» игуменом с 1916 по 1920 был 40-летний отец Варсонофий.

По ходу пьесы этот персонаж появляется пять или шесть раз. С помощью двух-трех реплик гениальный мастер создает образ жалкого, перепуганного, не блещущего умом начетчика. Оставив искаженный образ духовенства на совести давно стоящего перед иным судом великого писателя, которому я, как читатель, все прощаю за «Белую гвардию», за сияющий образ Христова воина Най-Турса в светозарном шлеме, расскажу, однако, подробнее о судьбе православного старца. «За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык! За мной, читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!»

9

Детство, благочестивая юность, учеба в Пастырско-миссионерской семинарии – все шло живым и благодатным путем, которым двигалось русское духовенство перед тем, как лицом к лицу встретить годы испытаний. В Григорие-Бизюковом монастыре, где молодым послушником Василий Юрченко принял постриг с именем Варсонофия, он и был оставлен, сначала при семинарии, а затем игуменом самой обители. Провел бы свою жизнь отец Варсонофий в трудах и заботах о монастыре, о братии, о пастве, но в 1917 году Аннушка разлила масло.

...«Под угрозой немедленного расстрела большевики потребовали выкуп в размере многих тысяч рублей», – рассказывал о тех годах своим сокамерникам отец Варсонофий. Такой суммы у братии не было, и монахов поставили к стенке: «Я чувствовал необычайный духовный подъем от того, что скоро буду в Царствии Небесном. И я был горько разочарован, когда прибежал монах с нужной суммой и расстрел отменили».

Когда монастырь закрыли, отец Варсонофий некоторое время скрывался в доме у брата, но его нашли и заперли в подвал. Ряса истлела от сырости, а вшей можно было сгребать руками...

После освобождения отца Варсонофия назначают священником Свято-Натальинской церкви села Высокие Буераки около Елисаветграда. Вместе со своим братом по монастырю, епископом Онуфрием (Гагалюком) он становится ревностным обличителем обновленчества. Власти поощряли и поддерживали обновленцев административным ресурсом вовсе не потому, что их волновало, на каком языке будет вестись богослужение: готовы были раздуть все, что шло во вред православной церкви. Когда же оказалось, что дезориентировать ни паству, ни духовенство не удастся, то сектантов за ненужностью расстреляли.

На проповеди батюшки Варсонофия – смиренное обращение, мягкий голос – собираются со всех храмов. В округе из восьмидесяти обновленческих приходов не остается и десяти. С регулярностью кукушки в храм, где он служит, заявляются красноармейцы. Батюшку арестовывают, допрашивают, сажают в тюрьму, отпускают, против него ведут судебные процессы, но духа сломить не могут.

Накануне Вербного воскресенья 1924 года в Покровскую церковь явился обновленческий епископ и потребовал ключи. Прихожане собрались вокруг храма, особенно неустрашимыми, как пишет свидетель, были женщины, плотно вставшие у дверей. На помощь обновленцам присылают отряды конной милиции, комсомольцев, комбед... Наконец, пожарная команда струями холодной воды из шланга разгоняет народное сопротивление. Власть объявляет отца Варсонофия зачинщиком бунта, арестовывает членов приходского совета и мирян...

В 1925 году отец Варсонофий и владыка Онуфрий оказываются вместе в Харькове, без права выезда. Надо сказать, что судьба владыки Онуфрия, канонизированного Русской Православной Церковью в 2000 году в сонме новомучеников и исповедников Российских, также ведет его через аресты, ссылки, служение и мученический венец.

1 января 1931 года повсеместно производятся массовые аресты уцелевших к тому времени епископов, священников, церковных старост и даже прихожан. Схвачен и отец Варсонофий. От него добиваются показаний, применяя средства, уже многожды описанные: не дают спать, инсценируют расстрелы, лишают пищи, а потом кормят и не дают пить. После пяти лет заключения в темниковских лагерях переводят в концлагерь, расположенный в упраздненной Саровской обители. Насильно, с побоями, остригают бороду. Тайно ночью он пробирается к могиле святого Серафима Саровского, молится, читает акафист. «Он совершенно искренне принимал заключение, – рассказывал впоследствии его келейник, отец Павел, – как возможность духовного совершенствования, без страха и с благодарностью Богу».

По окончании срока ему удастся вернуться в Харьков. Гонения на Церковь становятся практикой повседневной жизни: служащие советских учреждений боятся публично перекреститься, православные требы вытесняются «красными крестинами», погребение отправляется по «особому советскому чину», с музыкой и красным флагом. Младенцам присваивают новообразованные имена типа Тракторина. Ченальдина (Челюскинцы на льду), Даздраперма (да здравствует первое мая). Детей обязывают доносить на родителей, если те держат дома иконы, и особо отличившихся отправляют в награду в Крым.

Отец Варсонофий, скрывая сан, в обыкновенной, подпоясанной русской рубахе, ездит по своим прежним приходам на Кубани, в Донбассе, Одессе...

...«На окраине города, – вспоминает духовный сын старца, который сопровождал его в Херсон, – в доме, находящемся в глухом месте и огражденном высоким забором, батюшка Варсонофий исповедовал в течение двух дней и ночей приходящих людей, которые друг другу передавали о его местонахождении. Не было у него времени и поесть». В одной из таких поездок бдительные органы батюшку выследили. На Колыме он сильно заболел, его посчитали умершим и выкинули тело. Утром нашли сидящим среди негнущихся, кучей сваленных трупов. Сам старец об этом случае рассказывал: когда его выбросили, он был без сознания, очнувшись, почувствовал тепло. «Свет озарил ночное небо, явился Сам Христос, который протянул руку и сказал: “Дерзай, ты мне еще нужен на земле для проповеди Евангелия”»...

Отбыв срок, четыре года пролежал батюшка по лагерным больницам; на теле – незаживаемые раны, которые постоянно сочились, одна нога не сгибалась, другой ходил только на пальцах; до конца жизни не выпускал костыли.

В 1954 отец Варсонофий получил назначение на священническое место в Екатерининский собор города Херсона, последний храм его жизни. Сильно болел, знал заранее, когда Господь призовет его к себе, готовился к смерти. 17 октября 1954 года, в день своего небесного покровителя Варсонофия, старец отошел ко Господу.

2 марта 2007 года были обретены мощи исповедника и перенесены в Свято-Духовский кафедральный собор Херсона. Решением синода УПЦ архимандрит Варсонофий (Юрченко) причислен к лику местночтимых святых Херсонской епархии.

10

Река Сухона

Плотной тучей саранчи двинулся по домам распавшийся Западный фронт, закупоривая железнодорожные линии, сметая полустанки, оставляя за собой руины и смрад. Жандармы, охраняющие вокзалы, тонули во всеобщем смятении, как щепки.

В марте 1917 года Тотемский уездный комиссар Временного правительства, учитель (уже не удивляемся) из Кокшнеги, некто Басов, получает телеграмму о ликвидации органов полиции и жандармерии. Служба в полиции объявлена «преступным прошлым». Тюремные камеры, арестантские отделения при земстве, гауптвахта забиты чинами уездной полиции, городскими, унтер-офицерами и прочими сатрапами.

Поморам удается дольше всех сохранять здравый смысл. Органы местного самоуправления: уездное земское собрание, управа, городская дума – продолжают работать практически до конца 1917 года.

На последнем заседании Тотемская городская дума вводит налог с увеселений – большая ли прибыль ждет город от этого новшества? – выбирает двух новых членов в комитет по призрению увечных воинов, а также подает ходатайство в губернское земство о присылке в город бесплатно пожарной трубы. Этой трубой и заканчивается в Тотеме парламентская демократия.

В феврале 1918 года в актовом зале Петровской ремесленной школы, на фоне резных петушков, жестяных леек и берестяных туесков власть переходит в пользу Советов. Глава Городской думы Александр Михайлович Керенков и другие деятели арестованы и исчезают с исторической сцены.

Офицеры, казаки, чиновники царской армии, служители культа, полицейские, мельники, лавочники, душевнобольные, монахи, люди, сдающие квартиры внаем, портные попадают в пожизненные, с черной меткой, списки лишенных избирательных прав за изъяны в своей биографии. В списках фигурируют брат жены, сын брата. Кадастр пополняется волнами: в 1926-1927 добивали чуть приподнявшихся за годы НЭПа зажиточных крестьян, торговцев, предпринимателей, – тех, кто мог составить основу правового, гражданского общества; в число священников стали включать хористов и церковных старост с тем, чтобы окончательно оторвать церковь от мирян, наследственный характер дискриминаций ставил младшее поколение перед выбором – или отказываться от семьи, или разделять ее участь. Практически четверть населения лишена избирательных прав на основании Конституции с 1918 по 1936 годы, причем после формального упразднения ограничений продолжала действовать разветвленная система дискриминаций для значительной части общества, попавшей под набирающее разбег колесо репрессий вплоть до середины 50-х.

Казалось бы, ну что с того, что тебя лишили права избирать и быть избранным и ты не участвуешь в этом театральном действе, которое в любом случае обеспечит советской власти 99,9 %? И власть, и избиратели прекрасно понимали, в чем суть избирательного ритуала. Опуская бумажку в деревянный ящик, советский человек подтверждал собственную благонадежность.

Лишенца не брали на работу, он не мог стать членом профсоюза, терял право на пенсию, пособие по безработице, на медицинское обслуживание, на жилье, детей не принимали не только в ВУЗ, но и в обычный техникум, исключали из старших классов средней школы. Особенно тяжело было в маленьких городах и селах: соседи боялись подходить к изгою и заговаривать – вдруг тоже сочтут врагом народа.

Голод – вот главный инструмент советской власти. Продовольственные карточки вводятся с 1918 по 1921, с 1928 по 1935, с 1939 по 1947. Карточки разделены на категории. Есть, например, литера «А» – по ней получают литер-А-торы... Лишенцам, а надо иметь в виду, что это целые семьи, продовольственных карточек не положено...

Перечни составляли на работе, в спецчастях предприятий, в жилконторах: все общество связывалось в соучастие.

Иметь под рукой готовые списки было очень сподручно: при очередной кампании против врагов советской власти (троцкистов, промпартийцев, шахтинцев, кулаков, врачей – кто знал, кого завтра объявят отщепенцем?) из них легко подбирались кандидаты на ссылку, лагеря или расстрелы. К 1924 году, например, тем или иным способом будут поголовно уничтожены бывшие полицейские на всей захваченной территории Империи.

Большой политикой часто прикрывали экономическую несостоятельность и личные счета. К началу 30-х годов города были переполнены сотнями тысяч крестьян, бегущих от «колхозного рая». Не хватало не только коммунальных квартир, но и коек в бараках. В Петрограде под жилье приспособили даже казематы Петропавловской крепости, и часть из них продолжала оставаться заселенными до середины 70-х годов.

Моя однокурсница Валя из Иваново снимала за 15 рублей в месяц в строении, расположенном между собором и Монетным двором, угол. Я отчетливо помню этот дом и номер на нем, охотно покажу при случае. Это была обычная ленинградская коммуналка... На входном косяке лепился десяток звонков с белыми хвостиками – «Ивановым звонить 3 р.». Мы с братом, куда бы ни приходили, всегда автоматически нажимаем кнопку дважды, как на Климове; огромный железный крюк между двумя дверьми, полутемный коридор, липкий запах кухонного чада, сундук, металлическая ванночка у потолка; корзины, набитые тряпьем велосипедное колесо свешивается с антресолей, ногой попадаешь в блюдечко с молоком, скользишь, хватаешься за склизкую стенку, задеваешь таз, и на тебя сыпятся пушистые хлопья пыли...

Все, что отняли у буржуев – «уплотнение!» – было уже поделено во время гражданской войны. Другое правительство растерялось бы и, может быть, даже ушло в отставку – но не эти. Решение квартирного вопроса по-большевистски – выселить из больших городов «социально чуждый элемент». И куда же их девать, чуждых? Из Ленинграда, например, – в Вологодскую область, через которую проходил один из главных маршрутов этапирования ссыльных.

Все церкви, монастырские постройки, сараи в Вологде заселены высланными. В Спасо-Прилуцком монастыре в шесть этажей стоят нары из сырого тесу. Вши, грязь, тиф, пайки – по триста грамм хлеба. Закапывают как скотину, без гробов. За полтора месяца только с одного этапа на вологодском кладбище схоронили 3 000 детей.

...Надо ли добавлять, что никакие наши попытки найти в Вологодской области следы бывшего станового пристава третьего класса, коллежского асессора Владимира Трофимовича Магдебурга и его семьи: жены Ларисы и троих сыновей – не увенчались успехом.

11

Крым

...Брызжет из-под медных литавр духового оркестра венский вальс, переливаются огоньками подвески на хрустальной люстре и серебряные елочные шары, на пышных маркизах мелькают узорные тени. В актовом зале женской гимназии меж белых колонн кружатся с гимназистками, заложив за спину левую руку в белой перчатке, молодые офицеры – и нет долгих верст по степи, недолеченных ран и тесных теплушек из Джанкоя в Симферополь...

8-ой украинский корпус генерала Васильченко переформировали в сводный батальон 34-ой пехотной дивизии Добровольческой Армии. Вместе с Симферопольским офицерским и

Крымским конным полком они составляют основу войск Крымско-Азовской Добровольческой Армии.

Весной 1919 года в Екатеринодаре генерал Враский, помощник начальника части военно-учебных заведений Военного управления, формирует училищный кадр Добровольческой армии.

По приказу Деникина создаются два военно-училищных курса для ускоренной подготовки офицеров пехоты: Алексеевский, который направляется в Ейск, и Ставропольский. Во главе Ставропольского курса будущего Корниловского училища становятся генерал-майор Чеглов и офицеры-чугуевцы: Протозанов, Зеневич, Магдебург.

12

Река Сухона

Обнаженные мощи преподобного Феодосия Тотемского выставлены в Спасо-Преображенском соборе для обозрения публики с 12 до 17 часов. С первой попытки превратить тотемских православных в любознательных экскурсантов не удастся. Прихожане, паломники, горожане, оскорбленные неслыханным поруганием, срывают исполкомовскую печать. Игумен Кирилл снимает стеклянный колпак со святых мощей и возвращает преподобного в гроб. Ему и его прихожанам уездные власти предъявляют обвинение в контрреволюции; убоившись, однако, волнений, которые могут устроить «врожденные фанатики», «жалкие остатки трупа гражданина Феодосия Суморина» переносят из Тотмы в Вологду, в областной краеведческий музей. В подвале, в деревянной колоде – выдолбленном из цельного куска гробу, укрытом пожелтевшими листьями бумаги, – и почивали святые мощи до 1988 года.

В феврале 1919 года Наркомюст провозгласил кампанию по вскрытию мощей православных святых.

Красноармейцы громят монастырь Святой Троицы на реке Свирь под Петроградом. Пораженные, стоят над разверстым саркофагом с нетленными мощами преподобного Александра Свирского монахи; «восковой куклой» объявляют святого безбожники и изымают серебряную раку.

Публичное глумление происходит повсеместно. Святой Тихон Задонский, святой Митрофан, епископ Воронежский и Елецкий; 25 вскрытий в храмах Владимирской и Тверской губернии: святой благоверный князь владимирский Георгий (Юрий) Всеволодович, святой благоверный князь Глеб Андреевич, святой благоверный князь владими́ро-суздальский Андрей Юрьевич Боголюбский, святой благоверный князь муромский Петр и святая княгиня муромская Феврония, преподобный Нил Столобенский и преподобный Макарий Калязинский... 11 гробниц святых в Новгороде и Ярославле.

В марте 1919 года Святейший Патриарх Тихон обратился к Ленину: «.Вскрытие мощей нас обязывает стать на защиту поруганной святыни и вещать народу: Должно повиноваться более Богу, нежели человеку...» Ответом было нанесение Святейшему ножевых ран некоей дамочкой, ранее прославившейся покушением на Распутина.

13

Река Кубань

«Со святыми упокой»...

Владимирский храм на Александровской площади Ставрополя. У братской могилы в кладбищенской роще Архиепископ Донской Митрофан служит панихиду.

Генерал Деникин в серой черкеске и со своей знаменитой большой папахой в руке, протопресвитер военного духовенства Добровольческой Армии и Флота Георгий Шавелской с золотым наперсным крестом на георгиевской ленте, ставропольский губернатор генерал Валуев, командование войсками Юга, офицеры штаба, гарнизона, юнкера пехотной школы генерала Корнилова. – сколько потеряли они на военных дорогах, в окровавленных сугробах, под беспощадным кубанским солнцем; усталых, раненых, не сумевших подняться, тех, кого не смогли предать они мерзлой земле, сколько не похороненных, не отпетых...

«Со святыми упокой...» – звучит над рощей, где лежат офицеры, расстрелянные по приговору ЧК.

Площадь полна. Епископы, клирики, миряне Ставропольско-Екатеринодарской, Сухумской, Черноморской, Донской епархий – те, кто приехал на Юго-Восточный Поместный Собор. Казаки, горожане, гимназисты, студенты – тысячи людей, которые с мая месяца шли многолюдной толпой по всем станицам Кубани и завершили сегодня на этой площади крестный ход.

С паперти Владимирского храма произнес генерал Деникин горькие слова: «Рушатся устои веры... и во тьме бродит русская душа, опустошенная, оплеванная... охваченная тупым равнодушием. Необходима борьба с безверием, унынием и беспримерным нравственным падением, которого, кажется, еще не было в истории русского народа».

14

Белая Армия двинулась на Москву. Освобождая станицу за станицей, мчался неуловимый 4-ый Донской корпус генерал-лейтенанта Мамонтова. Кавказская армия барона Врангеля продолжала развивать успех. В августе 1919 года передовые отряды ВСЮР встретились с разъездами уральских казаков генерала Толстова у озера Эльтон.

На главном направлении находились «цветные части» генерала Кутепова: дроздовцы в малиновых фуражках, корниловцы с красно-черными погонами, алексеевцы – с бело-голубыми и марковцы с золотым вензелем «М» на черных.

Заняты Екатеринослав, Харьков, Царицын, Воронеж, Тамбов, Елец, Орел. Конные разъезды корниловцев добираются до Мценска, а Алексеевский полк оказывается в пределах Тульской губернии. До Москвы оставалось 250 верст.

Долгожданного соединения с войсками Колчака, которого Деникин признает Верховным Правителем, не состоится. Адмирал оттеснен красными от Волги и бьется под Челябинском. Русская история проходит реперную точку.

...Тульская область так и осталась самой северной позицией, куда дошли добровольцы. Множество мнений существует на сей предмет – и бессмысленное, которому учили в советской школе, об исторической обреченности нетрудовых классов, и мистическое – о вечной борьбе добра и зла и вырвавшихся на свободу бесов; военно-историческое, о разногласиях среди белого командования, предательстве Антанты, моральной невозможности отдать приказ о

мобилизации при отсутствии законной власти; обидное – о романтизме интеллигентов, которые пожар раздули, а потом ждали, что он погаснет сам собой, и брезговали брать в руки огнетушитель.

Мне, пожалуй, ближе всего мысль, что в этой катавасии только большевики могли до бесконечности играть на понижение. Только им было ничего, никого не жалко. Полное расчеловечивание. Элиминация всех существующих норм, правил и законов.

Керенского, эсеров останавливала невозможность отдать немцам российские территории, интервентов – устав, зеленые и махновцы грабили с тем, чтобы взять себе, а не просто изгадить.

Только Троцкому могло прийти в голову гнать в бой мобилизованных в Красную армию крестьян заградительными отрядами. Попробуйте представить себе генерала Кутепова в этой роли... Московские юнкера сдают Кремль, потому что не могут допустить, чтобы древние стены были разрушены ударами тяжелых орудий... Через десять лет большевики снесут храм Христа Спасителя и выкинут из московских соборов гробницы русских императоров.

Генерал от кавалерии граф Федор Артурович Келлер – «христианский рыцарь», прототип булгаковского Най-Турса, возглавлявший в 1918 году оборону Киева, – сказал, когда его вели на расстрел: «Бывают победители, которые очень похожи на побежденных»...

Река Дон

Добровольческая армия отходила за Дон.

Генерал Чеглов ведет Корниловское училище из Ставрополя в Новочеркасск, там они получают приказ охранять Ростов и железнодорожную переправу на Батайск.

Туда же стягивались отступающие от Волги части кавказской армии; войска отходили в Одессу и Крым. Лютая стужа, потемки, от усталости люди ложились на дорогу, падали кони. Пулеметы волокли на санях. Тиф. Сыпняк.

«О, русская земля, ты уже за холмом...»

Разбитая, казалось бы, армия внезапно останавливается на берегу Дона.

15

«Быти грому великому. Идти дождю стрелами с Дону великого. Ту ся копием приламати о шеломы половецкие. тьма свет покрыла»... [9]

Здесь, между Доном и Каялой, 800 лет назад сложил головы полк князя Игоря.

К ночи метель улеглась. Все стихло: степь, небо, гладь, деревеньки, полустанки – мир словно замер и ждал Рождественской звезды.

В окно видна зеркальная поверхность Дона, черный силуэт виадука, и над ним, как северное сияние, как ореол – огни Ростова.

Привалившись к печке, дремлет на соломе смена дозорных юнкеров. В трубе воеет ветер. Оттаивают и покрываются капельками воды, как росой, шинели, с английских ботинок натекли лужицы.

Точными, рассчитанными движениями генерал Протозанов разливает спирт из червлёной фляги:

- Да, это, конечно, не чугуевская жженка, - вздыхает он, - и здесь, прямо скажем, не Ротонда. Помните, как Шаляпин в Собрании пел?

- Где офицер, там и собрание, - благодушно отозвался Барбович, подвигая ближе сковороду с пышущей жаром яичницей и прозрачными кусками сала, нарезанными крупно, от души.

- Ну что, господа, - следующее Рождество в Москве? - Григорий взял стакан, генералы поднялись, выпили, крякнули, вытерли усы.

Дверь отворилась, и в клубах холодного воздуха возникла сначала спина Москаленки, а затем - дощатый ящик с притороченной к борту елкой; из-за него видна была красная с мороза, довольная физиономия Геннадия Борисовича.

- Добытчик, - с похвалой в голосе встретил его полковник, - где ж ты елку в степи отыскал?

- В городском парке шашкой срубил. Какое Рождество без елки? А большевикам она без надобности, - ответил Москаленко, выгружая консервы и пакеты, всем своим видом показывающие, что в них завернуты батон колбасы, круг сыра, рыбий балык. Все это распространяло забытый запах Елисеевского магазина. Юнкер у печи, не продирая глаз, пошевелил кончиком носа, повернулся и заснул еще крепче.

- Ну, Геннадий Борисыч, на те деньги, что мы тут собрали, такого добра не накупить, - заметил Протозанов.

- Склад помогал ликвидировать, - скромно ответил Москаленко, вытаскивая со дна ящика два серебряных горлышка, - шампанское! А вас, Григорий Трофимович, какой-то офицер спрашивает. Я ему сказал коня у ограды привязать.

Офицер уже заходил. Оживленно отряхивал полушубок, растирал замерзшие уши, топал ногами, стряхивая с сапог снег. Черные американские усики, гладко выбрит - по случаю праздника, видно, глубоко посаженные светлые глаза. Малиновые погоны. Дроздовец.

- Ваня! - радостно встает навстречу Григорий Трофимович. - Вот не ждал! Господа, разрешите представить, - мой двоюродный брат, штабс-капитан Иван Платонович Магдебург.

- Капитан, - заинтересовался генерал Протозанов, - дроздовские части уже в городе?

- Сегодня встали у Мокрого Чалтыря, в двух верстах от Ростова. Я услышал, что переправу держит ваше училище, и подумал, что могу найти Григория - Рождество встретить в семейном кругу.

- К столу, к столу, - потирая руки, позвал Барбович и разлил шампанское по стаканам.

Москаленко приладил елочку на лавке в красном углу хаты. От отмерзшей, расправившей лапы хвои повеяло на них домом, детским весельем, разноцветными свечками, щелкунчиком, ватными слюдяными игрушками...

- Всем хороша елочка, да украсить нечем, - Москаленко отступил на шаг, с сомнением оглядывая деревце, - и звезды Рождественской нет.

- Звезды, говоришь. - задумчиво произнес Григорий Трофимович, отстегнул орден Анны и одел на колючую ветку.

Сверкала, переливалась огнями, бликами елка. Сияли на ней светом взошедшей звезды и воинской славой два персидских Льва с бриллиантами, Белый Орел, ордена Святой Анны, Станислава с мечами, Святого Владимира с мечами и бантом, Святой Анны с надписью «За храбрость», Святого Николая Чудотворца, Святого Георгия...

Помедлив, прикрепил Москаленко на зеленую макушку над всеми офицерскими орденами своего Егоря.

Ростов переходит то к красным, то к белым. Белые срывают красные тряпки с балконов и набившие оскомину лозунги, ростовчане мгновенно открывают рестораны, шашлычные, цирк. Красные развешивают на фонарях буржуев - игрушки к сочельнику, как горько шутят притаившиеся за закрытыми дверьми горожане. На станциях горят эшелоны с сахаром, табаком, обмундированием.

Последними оставляют переправу юнкера. Холодно, сыпет крупа, перемешанная с дождем. Намокшая до нитки одежда покрывается ледяной коркой.

Январь и февраль конница Буденного теснит ВСЮР. Бои ведутся под Батайском, Азовом, вдоль реки Маныч, с переменным успехом, с рейдами на Ростов, на Екатеринодар.

...Снежная пыль опустилась и закрыла, как занавес, поле последней в мировой истории конной битвы; последнего прорыва добровольческой конницы, давшего возможность Армии отступить к Новороссийску и продолжить борьбу в Крыму; последней победы конной бригады генерала Барбовича. Батальная картина наполеоновских времен: ровная, покрытая снегом искрящаяся степь, три квадрата бригад, густая лава казаков и вспышки выстрелов с флангов... После четырехдневной скачки, атак, отступлений, движения всадников, тачанок, орудий, которые неудержимо неслись к плавням, к переправам, левый берег Дона был очищен от красных. Добровольцы и донские казаки на еле шедших от усталости лошадях вернулась на свои биваки в Койсуг, оставляя на поле горы собранных, сложенных трупов людей, лошадей, которых невозможно было похоронить в глубоко промерзшей земле.

«И взшел великими скорбями
На Руси кровавый тот посев»

В конце февраля Первая конная, во главе со сменившим Буденного Тухачевским, переправляется через Дон. Добровольцы, оставшиеся в низовьях реки, продолжая отбивать атаки, отступают под ударами советских армий. Оставляют Ставрополь, Екатеринодар, Минеральные воды.

17 марта 1920 года фронт обороны белых разрушен. Главнокомандующий дает приказ отступать за Кубань и Лабу с уничтожением переправ. Ставка переезжает в Новороссийск, запруженный беженцами из Москвы, Петрограда, перепуганными жителями, офицерами, которые все это время отсиживались по тылам и ресторанам.

16

Черное море

Город уже мертвый.

От красных его отделяет два часа и заслон юнкеров. На рейде, освещенная электрическими лампочками, красивая, как открытка с курорта, стоит французская эскадра. Багровое зарево пылает над Новороссийском. Горит все: склады, поезда, улицы, брошенные на тротуаре ящики. Кони мечутся, сбиваются в стаи, топчутся у причала. Пытаются пить соленую воду. Высоко, к палубе перегруженных, осевших набок судов, плещет волна. Черной тучей, безмолвной стеной сбились в порту солдаты, казаки, беженцы. Оцепление еле сдерживает напирющую человеческую массу. Вдруг толпа расступается: с трапа «Екатеринодара», куда только что погрузился дроздовский полк, спускаются вооруженные люди и идут гуськом, держа винтовки наперевес. «Дроздовцы вызваны на позиции, потому что красные прорвались в город», – шепчутся в толпе.

Бронзовый отсвет пожара выхватывает из темноты сосредоточенные, чеканные лица.

– Куда вы? – вскрикивает женский голос.

Молодой штабс-капитан с черными американскими усиками негромко отвечает:

– Поддержим честь юнкеров.

...Стоя у окна гостиницы, генерал Деникин, уже решивший оставить пост главнокомандующего, видит, как от удаляющейся эскадры отделяется миноносец и на полном пару несется к пристани. Гремят орудия и пулеметы, расстреливая вступающую в город красную конницу: генерал Кутепов, узнав, что части, оставленные в заслоне прикрывать эвакуацию, не взял ни один транспорт, развернул «Пылкий» и поспешил на выручку.

23 апреля 1920 года Деникин собирает совещание и приказом № 2299 своим преемником назначает барона Врангеля. Прощается с сотрудниками, конвоем, офицерской ротой.

Врангель проводит переформирование. ВСЮР переименовывается в Русскую Армию. Теперь она состоит из пяти корпусов. Корниловское военное училище расквартировано в Керчи.

Глава 6. Керчь

1

Река Сена

Эти благородные старики выглядят одинаково: прямая спина, никакой ревматизм не согнет позвонка на жилистых шеях, породистый нос на сухощавом узком лице, редеющая седина и жесткий взгляд светлых прозрачных глаз. Аккуратно подстриженные усы. Левая рука чуть прижата, как будто готова в любую минуту стиснуть эфес.

Александр Павлович обходил экспозицию, заложив за спину руку в черной перчатке. Подолгу задерживался у каждого стенда, читал, придерживая спадающий монокль. В маленьком зале буфета, на стенках которого разместили выставку памяти Корнилову и корниловцам, негромко гремели чашки, посетители разговаривали, приглушая голоса и поглядывая на отсвечивающие под стеклом фотографии.

Майор Альбов был недоволен. Ему казалось, что выставка сделана равнодушной рукой, он находил, что отразилась в этом разноголосица мнений, которая одновременно и связывала, и разделяла поклонников белого дела в Русском зарубежье. Он и сам, убежденный монархист, не испытывал симпатии к генералу Корнилову. Однако же дело не в генералах, а в тех, кого он

никогда не мог забыть – в безусых юнкерах, седых офицерах, оставшихся на песчаной морской отмели... Вдруг сердце стукнуло. На последней витрине, перед самым выходом лежал самодельный, из темно-зеленого шинельного сукна, юнкерский погон, неумело прихваченный нитками по краям. Вдоль него чернилами было написано: «Дессанть 1920 год», а поперек, на краю у петли для пуговицы, кривовато выведено «Анапа».

2

Керченский пролив

Денег было не особенно много, прямо скажем, почти совсем не было. Вывернув карманы, молодые юнкера Корниловского училища и их спутница, сестра милосердия Ксения Шишко, пересчитали колокольчики – купюры с изображением Царь-колокола:

- На обед в «Поплавке» хватит!

Саша Альбов, неунывающий одессит, держался значительно и с друзьями разговаривал, как старший. К тем же восемнадцати годам он был опытный боец: на бронепоезде «Генерал Дроздовский» нес охрану ставки Деникина, с командой бронечастей прикрывал эвакуацию армии из Новороссийска и на последнем транспорте «Николай» уходил вместе с юнкерами. Он и по званию был старший: портупей-юнкер, ждал производства в офицеры и часто замещал командира пулеметной бригады, обучая сокурсников собирать и разбирать станковые пулеметы Виккерса и ручные Льюисы. Костя Котиев, кареглазый красавец-ингуш, и Володя Троянов, стриженный наголо после недавно перенесенного дифтерита, коренной керченец, – не просто друзья, а боевой расчет пулеметной команды.

Несмотря на все усердия, нос у Ксении краснел и лупился. Белая, тонкая, с голубыми прожилками на висках, кожа боялась жаркого крымского солнца. Из-под форменной косынки с красным крестом лезли выгоревшие золотые колечки. Медицинских курсов Ксения не кончала, а к училищу прибилась в Ставрополе, куда занесло поредевшую петербургскую семью круговертью всеобщего распада. Работала помощницей военного врача в лазарете, у него и училась: теории не знала, а уж на отсутствие практики жаловаться не приходилось.

По Воронцовской, четко отбивая ногою, возвращались с парада полки – марковцы, дроздовцы, алексеевцы. Бодрые песни и молодеватый вид добровольцев создавали атмосферу воодушевления и приподнятости духа. Нагнувшись к упругой водяной дуге, бьющей из мраморного фонтана, Костя набрал в ладони воды и брызнул в разгоряченное лицо приятеля. Тот увернулся и сам, перегнувшись через перильца, поймал ртом холодную струю.

- Мальчики, вы ведете себя, как дети! – возмутилась Ксения.

Костя пригладил мокрыми руками жесткие черные кудри и рассмеялся: – Мать-командирша!

Они двинулись дальше, худые, осунувшиеся, с блестящими счастливо и восторженно глазами, возбужденные и взволнованные, подшучивая друг над другом и обсуждая, как решительно Врангель начал наводить порядок в морально подавленной после новороссийской катастрофы Армии.

- Какая внутренняя сила во всей фигуре – просто невозможно отвести глаз! – заявила Ксения.

- Ну, просто душка, – засмеялся Саша.

Костя с обычной своей горячностью кинулся защищать и девушку, и главнокомандующего:

- Он на голову выше всех. Нечего смеяться. Генералу удалось поднять дух войскам - какое «ура» прокатилось после его слов!

- Впечатление действительно производит, - вмешался Володя, - рост, уверенные движения, рука на кинжале. Одна черкеска может человека убедить, что все в порядке. Он весь - порыв, энергия и вера.

Саша с радостью согласился:

- Вождь милостию Божией.

- С таким главнокомандующим рано склонять голову, - подытожил Владимир.

Друзья свернули на базарную площадь и спустились к Александровской набережной. Жизнь в Керчи была, как никогда, оживленной и пестрой. У одного прилавка могли столкнуться московская графиня и бородатый казак; путая наречия, втюхивали товар озабоченным покупателям турки и кавказцы, татары и греки; энергично, как моторные катера, рассекали плечом толчею офицеры. Настоящих «буржуев» было мало: те, у кого водились деньги, не задерживались - уезжали за границу, чтобы там выждать, чем кончится заваруха.

Город наполняли беженцы, семьи добровольцев - люди без средств, без постоянной крыши - они ютились в казармах, ночевали в товарных вагонах на станции. Как-то приспособивались, открывали мастерские, «чашки чая», давали концерты. Продуктов не хватало, тиф косил людей без разбора чинов и званий. По улочкам, опоясывающим гору Митридат, ползли мрачные слухи и сплетни, искали виновных в неудачах армии; осуждали предателей-англичан, предложивших переговоры с большевиками.

- И здесь хамса! - скривилась Ксения, выжывая из тарелки опротивевшую рыбешку.

- Зато на пленэре.

Терраса «Поплавка» открывала вид на Босфорское царство - раскопанные на склоне горы Митридат археологом Карлом Думбергом стены античного города.

- Судьба несчастного полумифического Митридата Великого всегда вызывала во мне чувство симпатии и интерес, а сейчас думаю, что есть в ней аналогия и с нашей планидой, - задумчиво произнес Владимир. - Мы, русские антикоммунисты, на две тысячи лет позднее также нашли в Крыму убежище и так же, как царь Понта и Босфора, собираемся здесь силами для новой борьбы.

- И нашим мечтам так же не суждено сбыться, и мы также потерпим поражение? - задиристо спросил Костя. - Крым практически превратился в осажденную крепость. Большевики освободят силы на польском фронте и одолеют нас.

- Любой исход возможен, - опередил друга с ответом Саша Альбов, - но наша линия поведения основана не на расчетах, а на полной неприемлемости советской власти. Мы никогда не примиримся с тем, чтобы уступить свою страну варварам. Мы в осажденной крепости? Мы обречены? Значит, больше чести! Значит, будем защищать Россию до последней пяди, как крестоносцы Святую землю.

- Третьего дня я после занятий разговорился с нашим ротным, с полковником Магдебургом. Спросил, как он думает, в связи с положением на фронте: устоим мы или нет?

- Ну и что он?
- Можешь себе представить, - рассмеялся Костя, - побелел весь, кулаком в воздухе рубанул: офицер, - говорит, - если видит возможность поражения, удваивает силы, а не языком чешет! Марш, - говорит, - Льюис разбирать!
- А ты?
- А что я? Я этот Льюис могу разобрать и собрать с закрытыми глазами.
- Строг полковник.
- Строг. Даже порой жесток. Но и сам пулям не кланялся.
- Я обратила внимание, - вставила Ксения, - у Григория Трофимовича левая рука плохо сгибается.
- Это у него после обморожения. Наш взводный Москаленко с Магдебургом с начала Великой войны служит. Они оба из Екатеринослава, из Феодосийского полка. Так он рассказывал, как их батальон в первую зимнюю кампанию Ужокский перевал брал. Полковник вместе с солдатами в снегу под шинелью ночевал. Тогда, говорят, замерзших было больше, чем раненых. - Саша отодвинул пустую тарелку и откинулся на кресле. - А осколочный шрам он при мне получил, под Батайском.
- У каждого офицера не меньше, чем по два ранения, - вздохнула Ксения.

По-южному быстро сгущались сумерки. В темных аллеях парка вспыхивали красные огоньки папирос: то замирали в воздухе, то чертили короткие, резкие дуги. В Ротонде, укрытой за купами деревьев, начался концерт. До «Поплавка» доносился голос тенора, выводящий томно и жалостно: «И память юного поэта проглотит медленная Лета.»

- Вредно слушать музыку, господи, - сказал Володя, - воевать не хочется.
- Юнкер Троянов! - строго произнесла Ксения, - вам к которому часу в училище возвращаться?
- Не позже часа.
- Тогда, - вскочила девушка, - пошли в кино, на Веру Холодную!

3

Заложив руки за спину, полковник Магдебург неторопливо двигался вдоль строя. Рота, вернувшаяся со стрельбища, выстроилась перед вечерней зарей на осмотр. Амуниция тщательно пригнана, оружие вычищено. Потертые защитные штаны, желтые английские ботинки с высокой шнуровкой, выцветшие рубахи. Загорелые безусые лица. Жестко держат винтовки обветренные руки.

От знаменитого с Крымской войны форта Тотлебен, где проходили полевые учения, идти не близко. На обратном пути сбились с шага: устали, размякли на нестерпимой жаре, повесили носы. Скомандовал: «Песенники, вперед!»

Смело мы в бой пойдем,
За Русь Святую!

И, как один, прольем
Кровь молодую.

Популярная в армии в годы Первой мировой войны песня «Слышали деды».

В годы Гражданской войны появилось несколько вариантов этой песни.

Знал полковник, что юнкера едва держатся на ногах после строевых занятий, что во время лекций у них от голода кружится голова. Делил с ними жидкий суп с перловкой – «шрапнелью», как называли ее в училище, тряся в тифозном ознобе под серым больничным одеялом, на изрешеченном учебными окопами поле перед керченской крепостью брал укрепления. – Не спеши! Реже шаг! Рядами! Вторая рота, ложись! – и падал вместе со всеми, и поднимался на ослабевшие после сыпняка ноги, и снова бежал.

За восемь месяцев надо было пройти нормальный двухгодичный курс.

Григорий Трофимович остановился, придирчиво осматривая личный состав. Каждый из юнкеров не старше его дочери. Им бы студенческие фуражки носить да к папе с мамой на дачу за грибами ездить. Но где папа и что с мамой. У Альбова семью дважды ЧК забирала, чудом спаслись от расстрела, бежали в Болгарию, у Павлова отца, морского офицера в Севастополе матросы растерзали, мать Троянова вместе с младшими детьми забили прикладами.

- Трубач! Вечернюю зарю!

Небольшие казарменные комнаты вплотную уставлены грубо сколоченными топчанами, на них тюфяки, набитые соломой. Душно. По ночам, отодвинув доску в заборе, бегали купаться. Море в темноте дышит, шуршит камнями. Жутко и весело. Удирали и с лекций – самотеком. Иногда кто-нибудь из офицеров придет проверить в казенное время, заметит в волнах знакомую стриженую голову, рукой махнет – давай вылазь! – но дальше замечания дело не пойдет. Водили купаться и официально, строем и с трубачом. Скучно, конечно, но все равно здорово. Публика в купальных костюмах: дамы в длинных полотняных рубахах, барышни в заграничных трико, а гарнизонные офицеры – так те просто перевязаны полотенцами, как набедренными повязками. По воскресениям на толкучке норовили выменять, что осталось, на жирные пупырчатые чебуреки, которые татары жарили на мангалах, или на американский попкорн, новинку сезона, весело подпрыгивающий на больших сковородах. Дружили с молодыми офицерами-алексеевцами, до полуночи засиживались с ними у самовара, пели под гитару «Виверлея», гуляли по набережной вдоль валов, знакомились с барышнями – но кто хотел связывать свою судьбу с бездомным добровольцем?

- Дежурный! Развесить карту! – князь Бегельдеев встал из-за стола и отошел к окну, чтобы не заслонять расчерченное стрелками полотнище, которое юнкер Троянов укреплял на классной доске. Молодые люди, сидящие перед ним, зашевелились, зашелестели тетрадами, потянулись за карандашами.

- Сегодняшнее занятие по тактике мы с вами посвятим разбору первой битвы Великой войны. 26 июля 1914 года вверенная мне 9-ая кавалерийская дивизия, в состав которой входили уральские казачьи полки, перешла границу и прибыла на территорию Австро-Венгрии. В тот же день у местечка Залежне дивизия вступила в бой с частями противника совместно с переброшенной с Тираспольского направления 10-ой кавалерийской дивизией под командованием генерала от инфантерии графа Федора Артуровича Келлера.

Скрипят грифели, кидает на столы квадратные пятна крымское солнце, мчится лава оренбургских казаков, гонят австрияков к болотам Стрыпы гусары ротмистра Барбовича, «Конвой, в атаку!» – командует граф Келлер, меряет шагами класс преподаватель

Корниловского училища генерал Бегельдеев, и щемит, щемит его сердце...

Раздалось гудение, низко закружил и накренился на правый борт самолет. Веером рассыпались над базарной площадью белые листки. Торговки побросали лотки и с визгом разбежались в разные стороны. Григорий наклонился и поднял листовку. Их называли «брусиловскими». Полковник уже держал в руках эти воззвания, подписанные бывшим главнокомандующим 8-ой армии, генералом Брусиловым. Поляки заняли Киев, большую часть Украины – большевики вынуждены заговорить о спасении русского государства и, надо же, матушки России. Григорий Трофимович посмотрел на знакомую подпись, которая стояла на приказе о начале победного Луцкого прорыва, разжал ладонь, и легкий лист порхнул, подхваченный ветерком с моря, описал круг и опустился на замызганную мостовую...

По обеим сторонам улицы тянулись одноэтажные белые домики, соединенные арками. Большинство построек в Керчи сделаны из местного камня-ракушечника, добываемого в окрестных каменоломнях: мягкий в работе (выпиливается просто пилами из подземной толщи), в постройке же получает крепость железа.

Справа сверкнуло море. Полковник Магдебург свернул на Босфорскую улицу, где он квартировал у своих старых знакомых. Отец семейства Андрей Платонович Сафонов, инженер-путеец, служил в городской управе архитектором. Работы не было, небольшая квартирная плата, которую вносило за полковника училище, позволяло семье держаться. Вечерами Сафонов, вместе с бригадой офицеров-алексеевцев, разгружал в порту снаряды. Платили немного, но сразу. Мать выменивала на толкучке наряды, оставшиеся с полумифических времен, когда шили у портних платья и играли в любительских спектаклях. После прорыва Добровольческой армии в Северную Таврию, моталась вместе с соседками за Перикоп, откуда возвращалась, нагруженная мукой, салом и крупой.

Вверх по Босфорской с длинной камышовой удочкой на плече шагал Вадик, старший сын Сафоновых. Фантазер и большой любитель чтения, он знал бесконечное число куплетов популярного тогда «Яблочка» – и многие, похоже, сочинял сам. Например, про оставленную Кубань:

И шумит Кубань
Водам Терека:
Я республика
Как Америка.

– Как улов, богатый? – окликнул Григорий Трофимович подростка.

Вадик подхватил за жабры и вытащил из ведерка круглоголового бычка с выпученными глазами и перепончатыми крыльями плавников.

– А я тебе Диккенса принес, – Григорий достал из кармана кителя томик с обтрепанными уголками и протянул мальчику, – «Повесть о двух городах». Юнкера обсуждали и много параллелей с нашими временами находили.

Они вошли в арку, украшенную на изгибе лепными виноградными кистями.

Ветви с неспелыми инжиринами кипой переваливались через изгородь. Алыча стояла стенкой, доставая до окон с синими ставнями, кисейными занавесками на колечках и красными капельками герани. Потягиваясь, вылез из будки дворовой пес, и, метя хвостом, потрусил к воротам. У солидных, хорошо оборудованных хозяйственных построек мылся под луженым рукомошкой Андрей Платонович. Тер мочалкой вымазанные в мазуте руки, расплескивал

воду, отфыркивался и мотал взлохмаченной головой:

- Вечер добрый, Григорий Трофимович! - закричал он, обернувшись на лай собаки. - Я вам в комнату «Голос Жизни» занес. Там посмотрите, на первой странице про авиационные налеты напечатано. Про то, как советские аэропланы жилые кварталы бомбят. Квартиру преподавателя гимназии, где наш Вадик учится, разрушили. В еврейской синагоге все стекла вдребезги разбиты.

- Они метят в Брянский завод и железнодорожные пути. С той высоты, на которой красные летчики летают, попасть точно в цель совершенно невозможно, разве что только случайно. Они кружат над городом и сбрасывают бомбы по 50 фунтов куда попало.

- Чистый бандитизм! Выбрали день Петра и Павла, когда улицы переполнены гуляющей публикой, и кинули бомбы прямо в центр города. Завтра похороны жертв налета.

- Керчь охранять нечем. С мая, как ушли английские крейсера с гидросамолетами, у нас осталось три истребителя и два разведчика. Да и те собраны из старых частей в симферопольском авиапарке. На этой неделе должен прибыть из Джанкоя авиаотряд из шести «Де Хэвиллендов».

- Это уже сила, - протянул Сафонов и внезапно щелкнул себя по намытому лбу, - что же я разболтался, а про главное-то забыл! Я вам письмо с почты принес! Из Екатеринослава! С газетами положил!

Григорий стремительно повернулся и быстро зашагал, почти побежал к дому.

- Вадик, - окликнул сына Андрей Платонович, закидывая на шею полотенце, - беги к матери, скажи, чтобы самовар ставила.

4

В конце июля первый батальон Корниловского училища выступил из Керчи и занял посты у Еникале. По едкой, раскаленной на солнце пыли, мимо дач и запущенных садов потопали юнкера на самый край Керченского полуострова, в заштатный городишко, где всех достопримечательностей - полуразвалившаяся крепость, аптека да почтовое отделение с телефоном. Одиннадцать дней монотонной строевой службы: охрана пустынного, без единого дымка на горизонте, побережья, патрули вдоль Екатерининской улицы, ночные дежурства на маяке. Остальное время проводили на пляже, купались, загорали, наслаждались по-детски неожиданно-негаданно выпавшим покоем.

Ксению брат не хотели: рыбалка - не девичье дело, но попробуй, убеди ее в этом.

- А пули из вас вытаскивать - девичье? - прищуриив глаза, спрашивала Ксения.

Ответить на это было нечего, пришлось брать.

К местечку под названием Русская мама шли пешком пятнадцать верст вдоль телефонного провода, по безлюдной однообразной дороге. Добротные домики на берегу залива, развешенные сети, запах вяленой рыбы.

Путина давно закончилась, но косяки сельди и хамсы продолжали идти через Керченский пролив в Азовское море.

Невод забрасывали на рассвете далеко в море. Рыбаки тянули сети сначала на лодках, потом по пояс в воде, а юнкера, закатав штаны, ударами весел по воде загоняли рыбу. На берег медленно выползала переливающаяся быстрым серебром мотня: плоские камбалы, барабулька, знаменитые керченские сельди, попадались даже судаки и осетры.

Хозяйки делили добычу между домами, а юнкерам за помощь жарили на больших сковородах мелкую хамсу и кефаль.

Ксения вытащила из медицинской сумки и расстелила на камнях белую салфетку, выложила хлеб, пучки редиски, банку фаршированного перца, соль и коробочку сахара. Сахар друзья великодушно уступили ей. На небольшом костерке заварили в жестянке морковный чай. Пировали, расположившись в тени большого баркаса «Вифлеем». Небольшой рыбный флот – баркасы и лодки – был в каждой деревне. Сейчас, когда заканчивалась летняя путина, баркасы стояли на берегу, перевернутые; у каждого было имя, взятое из Священного писания.

- Наверное, такие же названия в библейские времена были у рыбаков Гефсиманского моря, – заметил Володя, сыто перебирая остатки рыбины.

- Интересно, – задумчиво протянул Константин, – а как будут называть наши времена?

- А это, – нравоучительно ответил Саша Альбов, заливая костер водой из жестянки, – зависит от того, кто победит.

5

Солнце еще не взошло, золотистый край его едва показался над горизонтом, и блестящая дорожка начала разбег по водной глади, а город ожил, зашумел, задвигался.

Несут с пристани ночной улов рыбаки, гремят бидонами, разгружая тележки, хмурые молочницы, понукают сонных лошадей извозчики. Вприпрыжку бегут мальчишки, юркие, загорелые, маршируют, стараясь попасть в ногу с колонной юнкеров.

Пропилеи, ограждающие гору Митридат от чрева Керчи – Предтеченской площади, как ворота времени открывают путь в Пантикапею, столицу Боспорского царства.

Юнкера шагают по широкой каменной лестнице, по знаменитым ступенькам, число которых – 214 – знает наизусть каждый керченский школьник, разделяются на две колонны на террасе. Площадка на парапете второго пролета замусорена. Летят обрывки газет, которые служат ночью одеялом для бездомных босяков. На верху холма – каменное кресло. На нем денно и ночью ожидал Митридат Великий, до боли в глазах всматриваясь в горизонт, тугие паруса римских галер. Лестница доводит батальоны до просторной террасы. Фасадом к заливу стоит на ней военная церковь, ее величественный портик, могущий вместить весь гарнизон города, как называют его керченцы – Тезеев храм.

Юнкера щеголяют в новых фуражках и белых гимнастерках – все керченские портные, не покладая иглы, трудились по случаю прибытия в город главнокомандующего. Да вот и он сам. В кубанке, делающей его еще выше, окружен конвоем, офицерами штаба, гарнизонным начальством. Снял фуражку, нервно вытирает платком бритую голову комендант Керчи генерал фон Зигель, похохатывает чернобровый красавец Улагай, любимец казаков, хмурится, тербит седеющую испанскую бородку генерал Черепов. Присоединяется к группе генералов и начальник училища Тарас Михайлович Протозанов, сверкают медали, надетые на молебен по случаю Кубанского десанта.

На Приморско-Ахтарский десант возлагали особые надежды.^[10] Разведка доносила, что на Кубани борются с большевиками разрозненные отряды. Врангеля уверяли, что, двигаясь среди сочувственного населения и присоединяя повстанцев, удастся захватить сердце Кубани – Екатеринодар. По этим же соображениям главой десанта был назначен Сергей Улагай, вошедший в сонм героев русской литературы как генерал Чарнота, персонаж пьесы Михаила Булгакова «Бег», великолепно сыгранный в фильме Алова и Наумова известным актером Михаилом Ульяновым. Решительный, смелый, Улагай пользовался неизменной популярностью у казаков. Главнокомандующий иллюзиям не предавался, однако полагал, что борьба должна быть продолжена ради чести белого движения, и не без основания рассчитывал на поддержку казаков, которые к этому времени являлись единственным источником пополнения Армии. Главные силы десанта планировалось высадить в районе станицы Приморско-Ахтарской, затем быстро двинуться к железнодорожному узлу у станции Тимашевской, и, базируясь на ней, захватить Екатеринодар.

Небольшой десант высаживался между Анапой и Новороссийском, с тем чтобы отвлечь силы красных с главного направления.

Солнце сияло в зените, раскаленное, белое. Ни единого облачка. Жарко, душно. Оставив за спиной легкий гул, пение и шорох шагов, Григорий вышел из храма. Постоял в тени колонн, обмахиваясь фуражкой и, сбегав со ступенек, остановился на краю террасы. На рейде Керченского пролива покачивались суда, прибывшие из Севастополя для десанта – ледоколы «Гайдамак», «Всадник», черная головка подводной лодки, канонерка «Георгий»; сновали без усталости фелюги, катера, большие баркасы под парусами. По круговым террасам, подкрепленным снизу контрафосными стенами, спиралью спускались по склону горы домики, оплетенные виноградными лианами.

Прямо перед ним в солнечной пелене лежала Кубань. Два рукава Керченского пролива охватывали ее с двух сторон. Кубань. В изумрудных водах, между Европой и Азией. Видимая и недосыгаемая. Солнце резало глаза: солнце, яблоневый сад, пятнистые тени; дети играют в серсо. – «Лови», – звучит ласковый голос, и узкая рука подкидывает глянцевое яблоко. Александра. Боже мой.

Юнкера гурьбой вывалились из храма. Костя Котиев что-то доказывал на ходу артиллеристам Мише Дитмору и Володе Зелинскому, напирая на них и яростно вскидывая руки. Володя лениво щурил на солнечный свет свои цыганские глаза, а Миша, высоко закинув голову, с наслаждением пил теплую фруктовую воду. Москаленко выскочил следом, наскоро перекрестился и оглядел двор, как будто выискивая кого-то.

– Костя, – окликнул он, заметив Котиева, – Григория Трофимовича не видел? Его генерал зовет.

– Да вот он.

Огибая группы юнкеров, горячо обсуждающих десант, не бывший уже ни для кого секретом, они подошли к краю террасы. Григорий по-прежнему стоял, заложив руки за спину. Костя рванул к полковнику, но унтер-офицер мягко положил ему руку на рукав:

– Постой. Не лезь.

Что-то в облике офицера, под началом которого он воевал уже шестой год, было такое, что не вызвало желания прерывать его мысли. Геннадий Борисович достал сигарку и проворчал: – Подождет генерал.

Костя согнулся чуть ли ни в три погибели и заглянул вниз, на набережную. Внизу ничего особенного не происходило: цокали экипажи, бабы в белых платках волокли корзины с овощами, зеленели ровные кружки деревьев, в сторону казарм двигалась первая рота. Костя вытянул шею, пытаясь проследить направление взгляда полковника, и даже привстал на цыпочки:

- Что он там видит, Геннадий Борисович?

- Как что? Империю! - Москаленко бросил сигарку и широко очертил дугу загорелой крепкой рукой. - Смотри, с этой горы видна вся империя, от Азии до Европы.

Горизонт горел, и в солнечном мареве уходила от них, уплывала, погружалась, как Атлантида, в изумрудные воды Керченского пролива Российская Империя.

Утром, после наспех проведенной литургии, юнкеров причастили и выстроили на плацу.

- Господа юнкера! - обратился к батальону начальник училища Протозанов. - Поддержим традиции и честь Русской Армии! - Тарас Михайлович замолчал, будто сбился, и продолжил негромко: - Не бойтесь смерти. Смерть в бою - это как объять любимой женщины, - голос его дрогнул, и стало видно, что генерал едва справляется с душившими его слезами.

6

Из соображений секретности погружались у причала в Керченской крепости. Отряд особого назначения под командованием генерала Черепова, состоящий из офицерского взвода керченского гарнизона, нескольких десятков спешенных черкесов и четырех рот Корниловского училища - всего 500 человек - был посажен на две десантные баржи на буксире у ледокола «Всадник» и вооруженный артиллерией пароход «Гайдамак» в сопровождении подводной лодки.

Керченский пролив тих, почти не качает. Жарко, все разделись, сидят на палубе, не расходятся. Раскинув крылья, кружит над баржей печальная, торжественная песня:

Пусть свищут пули, льется кровь,
Пусть смерть несут гранаты,
Мы смело двинемся вперед,
Мы - русские солдаты...

Марш Алексеевского полка

На рассвете отряд высадился южнее мыса Утриш, между Анапой и Абрау-Дюрсо, у крутых отрогов хребта Семисам, сплошь покрытых лесом и кустарником. Выгрузив снаряжение и продовольствие, батальон разбил лагерь в ущелье. Под нажимом десантников и под обстрелом с моря красные поспешно оставляли станицу за станицей.

Ночью колонна красных из Абрау-Дюрсо выходит к морю в тыл отряду. Юнкера теряют и снова отбивают лагерь и пленных. Пять дней идут бои. Против десанта сосредоточены четыре полка, на соединение с ними двигается конница, - а это значит, что большие силы отвлечены от частей, которые атакуют десант Улагая на Таманском полуострове. Генерал Протозанов приказывает отряду отойти к морю, к базовому лагерю и организовать круговую оборону. Красное командование отдает своим частям распоряжение идти в наступление и уничтожить десант.

Цепляясь за кусты, скатывается со склона юнкер Николаев, посыльный из группы заслона:

- Господин генерал! Красные крупными силами наступают вдоль отмели. В заслоне осталось шесть человек и один пулеметный расчет!

- Полковник Магдебург! Бегом с ротой на берег и держать оборону!

Перебежками - через ущелье, через лагерь, спотыкаясь о ящики с оружием, фельдшер и два наспех перевязанных черкеса перетаскивают убитых, сестра милосердия руками рвет пакеты с бинтами, на мокрых от крови шинелях лежат раненые. Все пространство до отмели простреливается, юнкера пробираются вперед, прижимаясь к склонам горы, камешки катятся из-под ног.

- Рота! - кричит полковник, - развернуться на девяносто градусов, занять позицию поперек береговой линии фронтом к противнику и встать заслоном перед лагерем.

Песок буквально кипит под пулями.

- Передай по цепочке, - объясняет полковник идущему за его спиной Николаеву, - нужно добежать до берега и окопаться в песке.

Никто не решается. Лица напряженные, как на выпускном экзамене.

- Кто хочет серебряный или деревянный крест получить?

Охотников нет.

- Рота, делай, как я!

Григорий перекрестился и, пригибаясь, побежал по песку. Пыль подымалась вокруг него от падающих пуль. Все замерли, как замороженные, ожидая, что он упадет мертвый. Но нет - добежал до берега, упал и начал руками нагребать перед собой кучу песка. Немного зарывшись, он обернулся и согнутым пальцем, словно к доске, поманил юнкеров. Двое сразу побежали к нему. Один рухнул, раненый. Еще один вскочил, и вдруг вся рота кинулась к берегу. несколько человек упали и так и остались лежать, не шевелясь.

Юнкера отбивают атаку за атакой винтовочным и пулеметным огнем. Первый заслон - Костя Котиев и Володя Троянов - закрывают отряд. Железо свистит над головой, мимо ушей, впивается в песок прямо у лица. Около ствола столько гильз, что не видно и самого пулемета. Красные идут так густо, что прицел не нужен, и хорошо, потому что грязь и пот заливают Косте глаза, треск стучит в ушные перепонки, в затылок, в виски, и он не слышит слова, которые кричит Троянов, беззвучно раскрывая рот, и только видит, как тот медленно перекачивается на спину, и под стриженной головой вырастает черное мокрое пятно.

- Ты можешь ползти? - напрягается Котиев, чтобы перекричать стук, свист, разрывы, но не слышит ответа, и не шум заглушает его, а страшная тишина.

- Дышать больно, - бормочет он и утыкается лицом в горячий серый песок.

- Альбов, - кричит полковник Магдебург, - пулеметный расчет у первого заслона замолчал! Прикрывай брешь!

Отплевываясь от песка, Саша ползет к пулемету. Бережно снимает теплые Костины руки с

наводки и припадает к прицелу. Рядом стонет Троянов.

- Терпи, Володька, - яростно орет Альбов, - терпи, даже перевязать не могу! Смотри, их сколько прет! Если эта сволочь прорвется, они всю роту перережут!

Пуля прошивает руку. Закусив губу, чтобы не потерять сознание, портупей-юнкер Альбов продолжает расстреливать наступающие цепи.

- Корабли! Корабли! - вопит дозорный, и, выскочив из-за валуна, трясет над головой винтовкой.

...Блестящие на солнце орудия «Гайдамака» развернулись и открыли огонь. Первый снаряд упал в воду, поднимая столб воды и песка.

Григорий поднялся, стряхивая прилипший к мокрой гимнастерке песок, и махнул фуражкой:

- Рота, к бою!

С парохода присылают приказ генерала Черепова: «Погрузиться на суда». На судно грузят раненых и черкесов, юнкеров - на баржу. С ревом «Гайдамак» дает ход, буксирный трос натягивается и рвется. В тишине слышна команда начальника училища:

- Вперед, на старые позиции!

Юнкера, теснясь, сбегают по сходням. Визжит снаряд, брызги водяной короной взлетают прямо у трапа.

- Господа! Кто умеет плавать, прыгай в воду!

Усмехнувшись, Геннадий Москаленко кладет руку на эфес: - Офицер должен быть впереди с шашкой! - и, поджав ноги, жухает в воду. Юнкера прыгают за ним. Москаленко плывет, загребая левой рукой и высоко держа над головой шашку. Пули не слышно, только видно, как он скрывается под водой, и красное пятно еще несколько секунд обозначает место его смерти...

В ночь на 11 августа «Гайдамак» возвращается за ними и привозит приказ: отряду высадиться на полуострове Тамань и идти на поддержку частей Приморско-Ахтарского десанта.

Азовское море

Генерал Улагай, без особых препятствий высадившись на Таманском полуострове, занимает станицу Тимашевскую, и перед ним открывается путь на Екатеринодар. Увлечшись мобилизацией местного населения, он дает возможность красным использовать эту передышку для концентрации новых сил. Переломным днем можно считать 22 августа, когда красные войска вновь захватывают станицу Тимашевскую, а Азовская флотилия заставляет эвакуироваться штаб белых из Приморско-Ахтарской. Все дальнейшие действия Улагая, несмотря на упорные бои конницы, героизм пехоты, самопожертвование гренадерского полка, несут печать обреченности. Население боится всех, прячется в камышах и топит в озерах повозки. Эвакуируются на судах в Керчь, потеряв половину личного состава, увозя с собою повстанческую армию генерала Фостикова и больше двадцати тысяч беженцев и казаков.

Раскаленная степь. Пыль, сухой бурьян, солнце в глаза, зрелые сочные бахчи - наше спасение, - радуются юнкера и от души лопают душистые арбузы с хлебом. Вдоль песчаных отмелей

чернеют пятна - человеческие тела, прибитые к берегу течением. Кто белый, кто красный - не разобрать: братская могила. Валяются с ног от жары и усталости. Сначала у идущего заплетаются ноги, он падает на землю, его поят водой, поднимают, и он идет дальше. Кругом следы боев - убитые лошади, разбитые снарядные ящики, разутые, изрубленные трупы. К концу дня добираются до горы Камышеватой, до пологих ее склонов, покрытых зарослями камыша. Батальон останавливается, пройдя хутор, спать укладывается в поле, благо тепло и от зарева светло, как днем.

...Хаты, амбары, скирды хлеба объаты пламенем. Ружейная пальба, треск горящего дерева, вой баб, рев коров и телят - все смешалось. Полковник не ложится, фуражка надвинута низко на лоб, ищет в бинокль советскую батарею, спокойный, хмурый. Сестра милосердия, пригнувшись, бежит по цепи, останавливается, достает из зеленой сумки бинты, вокруг валяются трупы красных.

...Ксения перевязывает Мише Дитмару простреленную руку. Лицо посеревшее, закусил нижнюю губу, - не бойся, кость не задета! Гранатный фонтан в двух шагах от них, валит дым, оседает. Девушка лежит, привалившись лбом к медицинской сумке, красные брызги на батистовой белой блузке.

...Трясет по рытвинам санитарную повозку, кровь сочится сквозь щели. - «Ксения, Ксения», - бредит юнкер Троянов: - шершавая рука, морковный чай, золотые колечки на лбу.

- Нас все время сопровождает похоронное пение, каждый день кого-нибудь хороним! - плачет Дитмар. Отпевает священник в измятой жалкой рясе.

Ночь, моросит, полковник спит на возу, дождь падает на лицо.

С левой стороны речки Протоки широкая песчаная коса, на ней расположились обозы и войска в ожидании пароходов, которые увезут их в Керчь. Берег низкий песчаный, заросший тростником, каждое утро прилетают четыре советских аэроплана, сбрасывают бомбы, попадают в камыши, снизу беспорядочная стрельба.

Несколько человек заболели холерой. На Кубани предупреждали, чтобы из некоторых колодцев не пили, красные отравили. Эпидемии не было.

Воду черпали из моря, она в Азовском почти не соленая. Варили в патронной жестянке галушки. Консервы неаппетитного белого мяса, без этикеток. Нашли в заброшенном сарае дырявый невод, кое-как починили. Наловили рыбы, попался даже сом огромных размеров. Пекли в золе. Быстро опротивело, но голодать не пришлось.

Катер «Жаркий» погрузил из тростников 120 юнкеров - все, что осталось от полутысячного отряда Черепова. Керченский пролив прошли при потушенных огнях.

7

Казачество, истощенное мировой войной и уже три года длившейся гражданской, тем не менее, составляло 43 процента населения Кубани. Их поддержка могла бы по-другому решить судьбу Приморско-Ахтарского десанта. Казаки, которые, в отличие от ассоциации домработниц и иных желающих поуправлять государством, знали цену и земле, и собственности, но надеялись, тем не менее, что, отгородившись от чужих, как они полагали, проблем, смогут ужиться с большевиками. И ни с кем советская власть не расправилась так жестоко, как с ними: к 1942 году, по оценке немцев, (а эти-то умеют считать), казачество составляло всего

десять процентов населения. Впрочем, сравнение «больше, чем с кем-то» довольно условно: те, кого офицеры-добровольцы в своих воспоминаниях называют «мерзавцы», имея в виду военных, которые отсиживались по тылам, рассчитывая, что все как-то обойдется, или шли на службу к красным, часто от нужды или под угрозами расправы с близкими, – из них не оставили в живых никого.

Возвращаясь, впрочем, к Приморско-Ахтарскому десанту, добавим еще одно обстоятельство, которое несомненно повлияло на его исход. Характерные свидетельства приводит И. Мельгунов в своем исследовании «Красный Террор»:

«Наибольший процент разстрелов падает на август месяц, когда был высажен на Кубань Врангелевский десант. В этот момент председатель Чеки отдал приказ: «разстрелять камеры Чеки». На возражение одного из чекистов Косолапова, что в заключении сидит много недопрошенных и из них многие задержаны случайно, за нарушение обязательного постановления, воспрещающего ходить по городу позже восьми часов вечера, – последовал ответ: «Отберите этих, а остальных пустите всех в расход».

Приказ был в точности выполнен. Жуткую картину его выполнения рисует уцелевший от разстрела гражданин Ракитянский.

«Арестованных из камер выводили десятками», – говорит Ракитянский. – «Когда взяли первый десяток и говорили нам, что их берут на допрос, мы были спокойны. Но уже при выходе второго десятка обнаружилось, что берут на разстрел. Убивали так, как убивают на боях скот». Так как с приготовлением эвакуации дела Чеки были упакованы и разстрелы производились без всяких формальностей, то Ракитянскому удалось спастись. «Вызываемых на убой спрашивали, в чем они обвиняются, и в виду того, что задержанных случайно за появление на улицах Екатеринодара после установленных 8 часов вечера отделяли от всех остальных, Ракитянский, обвинявшийся, как офицер, заявил себя тоже задержанным случайно, поздно на улице и уцелел. Разстрелы продолжались целые сутки, нагоняя ужас на жителей прилегающих к тюрьме окрестностей. Всего разстрелено около 2000 человек за этот день.»

Есть и документы, подтверждающие эти факты: чрезвычайная Екатеринодарская комиссия уничтожила их перед ревизией. «Приговоры, в которых ясно говорилось «разстрелять», мы находили пачками в отхожих местах», – свидетельствует тот же очевидец.

8

Озеро Сиваш

Перекопский вал пересекает Крымский перешеек глубоким рвом с отвесной каменной стеной. Во времена Крымского ханства ров наполнялся водой и служил неприступной преградой от набегов запорожцев. Этот вал теперь разделял два непримиримых русских стана.

12 октября Советская Россия подписывает перемирие с Польшей, после чего на Южный фронт перебрасываются армейские части с севера.

28 октября Красная Армия объединяется с «Зеленой армией» Нестора Махно. Врангель поднимает всех, кто может носить оружие, – юнкеров, артиллерийскую школу, свой личный конвой и бросает на прикрытие Чонгара. Конница Барбовича разбивает конные дивизии красных, и врангелевцы сжигают за собой мосты в Крым. Однако Врангель теряет всю Северную Таврию, а Русская Армия сокращается на пятьдесят процентов за счет убитых, раненых, обмороженных.

Отойдя в Крым, войско Русской армии оказывается под защитой Перекопа. Первая оборонительная линия – Турецкий вал, вторая – у станции Юшунь. Никогда не замерзающее озеро Сиваш, которое является естественной преградой, прикрывающий Крым со стороны Азовского моря, неожиданно мелеет и покрывается льдом, что дает возможность красноармейцам перейти его по бродам, по затвердевшей грязи и оказаться в тылу защитников Турецкого вала. Находясь на Литовском полуострове, красные части едва удерживают его под огнем дроздовцев. В это время командующий Южным фронтом Михаил Фрунзе получает известие о перемене ветра, сулившей возврат воды в Сиваш. Он приказывает красноармейцам согнать население окрестных сел и возводить дамбу подручными средствами. Уклонившихся расстреливают, остальные же сдерживают воду – заборами, досками. К Фрунзе подходят новые банды батьки Махно. Пехота введена в бой с таким расчетом, что впереди и позади каждого полка находятся коммунистические отряды, зорко следящие за выполнением приказа. С потерями не считаются, горы трупов сменяют новые и новые части. На знаменах надпись: «Черное море должно стать красным морем».

Мерзлый бурьян не разжечь. Юнкера собирают какую-то ветошь, сломанную оглоблю, мертвые ветки омелы. Сидят на голой земле вокруг маленького костерка, забив в рукава солому. Дремлют, прикрыв воспаленные глаза. Мимо них, наклонив против ветра голову в черном клобуке, быстрым шагом идет митрополит Вениамин, армейский протопресвитер.

- Владыка! – окликает его Леша Голицын, – скажите, владыка, мы ведь победим? Мы же за правду, за Бога!

- Конечно, победим, – торопливо отвечает Митрополит и заочневшей рукой чертит над их головами крест...

...Последний бой 134-ый Феодосийский полк принимает у Сивашской дамбы, возле станции Таганаш. Капитан Волынский несколько раз бросает свой полк против трех полков 30-ой стрелковой дивизии, после седьмой контратаки, потеряв большую часть личного состава и почти всех офицеров, выходит из боя. Более 250 бойцов попадают в плен. Остатки феодосийцев, как и других полков 34-ой и 13-ой дивизий, вливаются в Алексеевский пехотный полк...

Врангелевцы отступают на юшуньские позиции. Собирают кулак из пехотных дивизий Кутепова, конного корпуса Барбовича и Дроздовской дивизии, юнкерские части. Красные выводят из резерва Латышскую дивизию. 10 ноября конный корпус, тесня красных от юшуньских позиций, наталкивается на махновскую конную группу, которая тачанками косит передовые силы белых.

На рассвете 11 ноября удар обрушивается на Юшуньскую группировку красных. Однако Латышские стрелковые дивизии удерживают станцию Юшунь. Конница Барбовича еще пытается сломить наступление, но уже 12 ноября махновцы разбивают белую кавалерию. Во время штурма Крыма красные теряют 12 000 бойцов, практически 70 процентов личного состава, белые – 7 000.

«Красен, ох, красен кизил на горбу Перекопа».

Марина Цветаева,

«Буду выпрашивать воды широкого Дона...»

В тот же день большевики берут Джанкой, село Богемка и овладевают станцией Таганаш. Перекоп – последняя надежда белых – взят. В горло крымской бутылки вливается лавина красных.

...На тусклом от инея рассвете 1-ый Дроздовский полк поднимается в контратаку. В последний бой, как и в первый, идут белогвардейцы – винтовки на ремне, с погасшими папиросами в зубах, молча, во весь рост на пулеметы. Заросшая, почти борода, щетина, желтые тифозные белки, криво срезанные ножом щегольские американские усики – капитан Иван Платонович Магдебург не чувствует ледяного ветра и стужи, и сознание непоправимости наваливается, как мутная мгла. Молчит артиллерия, только гул громадного конского движения доносится до полка, и, зыблясь в морозном паре, наплывают колонны серых шинелей.

От Перекопа Белая армия катится к морю. Красные ослаблены, преследовать не в силах, и врангелевцы отрываются от противника на сутки.

12 ноября Главнокомандующий Русской армией генерал Врангель подписывает приказ об эвакуации.

9

Колокольчики падали в цене с каждым часом, и надо было удивляться оптимизму спекулянтов, продававших товары уходившей в неизвестность армии.

Собрав последние купюры с колоколом, Митя Николаев и Володя Зелинский купили связку копченых скумбрий. У вокзала наткнулись на два товарных вагона с теплым хлебом, который раздавали всем отъезжающим, набрали с запасом, на всех. На интендантском складе, наполовину растащенном, раскопали коробку душистого желтого табаку и новые английские вещмешки. Сгибаясь, по очереди волокли добычу в казармы.

Ночь светла и оживленна, как день. Горят склады, гудят автомобили, грохочут сапоги, мечутся некормленные лошади, стреляют, кричат, тащат.

С утра, слава Богу, потеплело. В сизом полумраке рассвета безнадежной вереницей тянутся повозки, ломовики, обозы. Кажется, весь город едет. Как тени, всходят на трап и исчезают в трюме люди с чемоданами, тележками, детьми на руках. Грузят лазарет. Тифозные больные с почерневшими губами, раненые на костылях, со сползшими бурыми бинтами, сестры, доктор с понурым мясистым носом.

Транспорт «Россия», прибывший в Керчь из Константинополя, ждет на рейде. Воят сирены. Вдоль пристани строятся юнкера. Белые гимнастерки, за плечами винтовки. Передают друг другу слова Врангеля: «И героям есть предел».

- Куда же мы едем, господа?

- Туда, куда повезут.

- Хорошо бы в Африку.

- Чего это вам вдруг захотелось?

- Ну, все-таки интересно. Представляете себе – лагерь где-нибудь под пальмами, солнце, как в Крыму, и никаких тебе товарищей.

Володя Зелинский с желто-синими отеками под глазами. Вещей нет, сверток с грязным бельем и книжку бросил в шлюпку. У Мити Николаева дергаются губы.

На Царской пристани полковник Магдебург руководит погрузкой. Пешим порядком приходит

из Феодосии Первая дивизия кубанцев. Грузятся казаки генерала Абрамова, терские части. Баржи переполнены сверх всякой меры. Наконец, снимают последние юнкерские заставы. Покидав мешки с мукой и салом в шлюпку, юнкера садятся на весла. В расстегнутом френче курит на корме генерал Протозанов. Зло бросает папиросу, и, подтянувшись рукой за перекладину, вылезает на пристань.

- Григорий, это самоубийство. Ты должен уехать со всеми. Весной армия вернется.
- В Екатеринославе сыпняк и голод. Жена пишет, у младшего ноги опухли от недоедания. Они без меня не выживут.
- Тебя не выпустят из Керчи.
- Уйду через горы, наймусь портовым рабочим, буду вагоны разгружать.
- И этого тебе не дадут.
- Значит, не дадут. Но под пальмами мне точно нечего делать.
- Не под пальмами лежать. Готовить армию к весеннему походу!

Володя Зелинский, упершись в края шлюпки худыми загорелыми руками, кричит во всю глотку:

- Господин генерал! С корабля сигналият!
- Решайся, Григорий!
- Я все решил. Прости, Тарас. И прощай. Бог весть, увидимся ли.

Со шлюпки несется с отчаянием:

- Тарас Михайлович! Уже все, кроме нас, отчалили!
- Прощай, Гриша.

Протозанов прыгает в накренившуюся шлюпку. Юнкера налегают на весла, скрипят уключины, и, не решаясь заговорить, смотрят они на удаляющийся берег, одинокую фигуру офицера с золотыми погонами на Царской пристани, дальний пожар, набережную с хоженными-перехоженными аллеями, античный портик Тезеева храма и громадину Митридата, медленно сливающуюся с дымкой.

На 126 кораблях из захваченной большевиками России было вывезено 145 693 человека, из них около 100 000 гражданских беженцев.

Над Черным морем, над белым Крымом
Летела слава России дымом.
Над голубыми полями клевера
Летели горе и гибель с Севера.

Летели русские пули градом,
Убили друга со мною рядом,
И ангел плакал над мертвым ангелом.
Мы уходили за море с Врангелем.

10

В многочисленных многостраничных анкетах, которые давали заполнять арестованным, слово «врангель», часто было написано со строчной буквы, и не только безграмотность изобличало отсутствие прописной в фамилии черного барона – даже большевики, люди без чувства историзма, как, впрочем, и многих других, шкурой понимали, что Главнокомандующий – это имя России.

Крым после «врангеля», – напишем и мы с маленькой буквы.

Быстрая южная ночь навалилась на город, как тать. Эскадра ушла. Миноносцы, канонерки, шхуны, лодки, рыбацьи баркасы – все, что могло взять на борт беженцев, отчалило от пирсов. Кругом темень: единственную городскую электростанцию отключили еще до переворота. В обычное время керченские улицы освещались кованными керосиновыми лампами, подвешенными над крылечками богатых домов, но где теперь богатые дома и где их хозяева?

На набережной жгут костры, огненные мухи кружат над языками пламени, и пучок света выхватывает из мрака страшные, дикие лица. Вдруг вынырнет из белесых клубов тумана человеческий силуэт, метнется в сторону и исчезнет, сольется снова с всеобъемлющей мглой. Надвинется громадой угол дома, остов неизвестно куда ведущей лестницы и пропадет, как не бывал. Не видно ни моря, ни горы, какая гора – руку протянутую не разглядишь. Запах прелых листьев мешается с гарью, с промозглой морской сыростью, едва различим плеск волны о деревянную пристань и больше ничего, словно влажный мрак проглотил и видимость, и звуки.

Григорий шел по Александровской набережной, не замечая, как мелкая морось колола щеки, лоб, не чувствуя озноба, не слыша смутный гул подступающей конницы.

В щели закрытых голубых ставней мерцал язычок свечи. Он открыл дверь в узкий коридорчик, наощупь сунул ключ в скважину и вошел в темную комнату. Не снимая шинели, опустился на скрипнувшую пружинной кровать, и, опершись локтями на колени, уронил в ладони мокрое лицо.

Через два часа в Керчь вошли красные.

11

Бледный свет просвечивает сквозь кисею занавески. Двор белый от инея. Под ногами, на дорожке, выложенной каменными плитами от двери до арки, трещат льдинки. Ни единого облака.

Голубые ставни распахнулись. Ольга Ивановна, в наскоро накинутом на плечи пуховом платке, высунулась из окна:

– Куда вы, Григорий Трофимович? Я вам кофе налила!

– Доброе утро, – поклонился полковник, – я скоро вернусь. Выполню одну неприятную процедуру и приду к вам пить кофе.

Холодный воздух пахнет морской солью. Листья акаций, скрученные в маленькие оледеневшие трубочки, хрустят под ногами.

- Вы не на регистрацию ли собрались?

Полковник свернул с Босфорской. Цепко охватил взглядом площадь: у входа в казарму группами и поодиночке собирались офицеры, кто-то уже заходил внутрь, торопясь покончить с формальностями. Григорий Трофимович машинально отметил неухоженный, покрытый кустиками сухой травы плац, скопление вооруженных красноармейцев, возбужденных, натянутых, как перед смотром, и резко обернулся – за его спиной, там, где он только что пересек улицу, стояла тачанка, и, похохатывая, скалили зубы желтые, малярийные китайцы.

- Магдебург! – армейская привычка развернула его и вытянула на голос, много раз поднимавший Феодосийский полк в атаку. Поигрывая стеклом, через площадь двигался полковник Люткевич. Они сблизилась, и Люткевич произнес, почти не разжимая губ: – Со стороны набережной стягивается оцепление.

- Боятся, что окажем сопротивление?

- Если бы мы намеревались сопротивляться, то сейчас дышали бы морским воздухом в районе Дарданелл, – пожал плечами Люткевич, – но мы здесь, а значит, сложили оружие. Таковы правила. Fair play.

- Они английского не знают, – зло бросил Григорий. – Пошли, что тянуть.

За столом, в небольшом кабинете, где еще вчера располагалась канцелярия училища, сидел чернявый комиссар в тужурке, перепопсанной солдатским ремнем с кобурой. В углу, у сейфа, зияющего дырой с покореженными краями, валялись бумаги.

Комиссар ткнул пальцем в лежащую перед ним разграфленную страницу: «Заполняйте опросный лист. Фамилию, чин, должность в бывшей царской армии, происхождение, – и хмуро добавил, – разборчиво пишете, а то марают тут, ни черта не разберешь.»

Григорий Трофимович расписался на обратной стороне анкеты и протянул ее комиссару:

- Я могу идти?

Он поднялся, отодвинув стул, и взглянул в окно, прежде заслоненное от него черной кожаной тужуркой. Железный засов закрывал ворота, а вокруг казармы двойным плотным рядом стояла колючая проволока. За его спиной открылась дверь, и он услышал, как лязгнул затвор.

Глядя мимо полковника, чернявый выкрикнул:

- Дежурный! Всех задержанных офицеров этапным порядком – в тюрьму. Сдашь по списку.

Холода не уходили. Впервые на его памяти замерз Керченский пролив. Стены домов блестели, как елочные игрушки из слюдяной ваты. Ветка акации, просвечивающая сквозь ледяной панцирь, согнулась дугой к голубым ставням. Хлопнула входная дверь, и по коридору застучали торопливые, мелкие шаги. Андрей Сафонов сжался и тяжело сглотнул.

- Папа! – красными, в гусиных цыпках, пальцами Вадик вцепился в рукав отцовского пиджака и закричал, захлебываясь и плача. – Почему ты его не остановил?!

Андрей Платонович обнял сына за трясущиеся плечи:

- Полно, Вадим, полно.

Он гладил мальчика по обросшему кудрявому затылку и говорил, продолжая глядеть, как бьется в окно ледяная ветвь:

- Мы каждый день с Григорием Трофимовичем считали варианты. Город окружен патрулями, на железнодорожных станциях заставы, водные пути все замерзли. Даже если бы он через горы добрался живым до Екатеринослава, все равно невозможно жить на нелегальном положении. Когда вывесили приказ о регистрации, он сразу решил подчиниться. Мама твоя плакала, весь вечер его уговаривала переждать, пересидеть у нас...

- А он? - всхлипнул Вадик.

- А он нас же успокаивал, убеждал, что ничего не произойдет, что война окончена и никто его не тронет - кто же воюет с безоружными? По себе судил... - вздохнул Сафонов и, помолчав, добавил: - Не так уж сильно он насчет большевиков заблуждался. Думаю, опасался подвергнуть нашу семью опасности. Знаешь сам, квартальный теперь через день с проверками является...

- Что же он не уехал с Врангелем?

- У Григория Трофимовича в Екатеринославе семья. Жена и дети. Ты можешь себе представить, чтобы я, спасая свою жизнь, уехал и оставил вас с мамой в беде?

Вадик отчаянно замотал головой.

- Вот видишь! Как же я мог уговорить его делать то, что сам считаю недостойным?

- Григорий Трофимович - человек чести, - горячо заговорил мальчик, - белый рыцарь!

- Ты и запомни его таким. Когда-нибудь этот ужас кончится, и ты расскажешь о нем все, что знал. Или напишешь, - улыбнулся отец, глядя в изумленное лицо сына. - Знаем, знаем про твои секретные рукописи!

Он обернулся на легкий шорох: прислонившись к дверному косяку, стояла Ольга Ивановна, давно, видно, слушавшая разговор двух самых близких ей мужчин. Сжав пальцами белые кружева на горле, она прошептала:

- Андрюша, что теперь с нами будет?

К Сафоновым пришли рано утром.

- Изъятие излишков у буржуазии, - объявил с порога коротконогий еврей в серой смушковой шапке. Из-за его плеча, нетерпеливо переминаясь, выглядывали красноармейцы.

- Распоряжение ревкома, - комиссар потряс в воздухе сложенной вдвое бумагой и, покончив таким образом с формальностями, махнул рукой. - Приступай, ребята!

В мешки летели одеяла, простыни, пальто, ложки, сапоги, валенки, серый пуховый платок. С головой залазя в распахнутые шкафы, тащили с плечиков платья, уважительно шупали чесучевые кальсоны, гогоча, растягивали на растопыренных пальцах дамское белье. Покрутив на свету сережки с круглым изумрудным камешком, комиссар прибрал их в нагрудный карман.

Окинув удовлетворенным взором разоренную квартиру, коротконогий прихватил с вешалки тулуп, и, приподняв в сторону плачущей Ольги шапку, потопал с крыльца.

В Государственном архиве Крыма хранится жалоба Сафонова, направленная в феврале 1921 года в ревком. В пространном трехстраничном заявлении Андрей Платонович пишет, что он – коренной керчанин и много сделал для города, зарабатывая трудом интеллигента. Объясняет, что в результате февральской акции семья лишилась всего необходимого, верхней одежды, теплых вещей и школьной формы для двух сыновей, что забрали нижнее белье, носки, посуду. Не побрезговали даже салфетками и чайными полотенцами. Ходатайство инженера-путейца удовлетворенно не было, поскольку, как гласила резолюция, проситель являлся собственником и служил у белых.

С учебой было покончено. Вадик Сафонов устроился на работу в порт, потом в ихтиологическую лабораторию. Писательский дар, который заметил отец, проявился рано. К 16 годам он написал три фантастических романа и повез рукописи в Москву. Опубликовал несколько исторических романов, дружил с Даниилом Андреевым, оставил воспоминания.

В годы перестройки, когда ему было уже за восемьдесят, а глаза отказывали служить, Вадим Андреевич приехал в Керчь. Здесь он встретился с сотрудником Историко-археологического музея, ученым-краеведом Владимиром Филипповичем Санжаровцем, и рассказал ему о событиях, которые жили в его памяти всю жизнь.

Спустя почти пятнадцать лет, когда я начала исследовать историю своей семьи, украинские ученые обнаружили в архивах анкеты, которые заполняли арестованные после регистрации офицеры. Среди них, в керченских папках, нашлась анкета, заполненная рукой Григория Трофимовича Магдебурга. В первой строчке он указал свой адрес: 2-я Босфорская, 8.

Каков был драматический эффект, когда во дворике Историко-археологического музея, уставленного античными редкостями, я протянула копию анкеты Владимиру Филипповичу и он увидел адрес – улица и дом, где жила семья почетного керченского гражданина Вадима Сафонова. Воистину, неисповедимы пути Господни...

Вместе с Владимиром Филипповичем мы двинулись на Преображенку. Мимо унылых бетонных халуп, возведенных на месте храма, мимо ярких полотнищ, предлагающих нам купить что-то ненужное, мимо портретов мордатых людей с пририсованными усами, мимо ракушечных особнячков с витыми новодельными воротами. Постояли около плаца, поросшего кустиками сухой травы. Энергично жестикулируя, ученый-краевед показывал мне, где находился вход в казарму, как могли располагаться ряды проволоки, кратчайшую дорогу, по которой юнкера шли на молебен.

Оттуда мы свернули на Босфорскую. Золотые листья акаций устилали палисадники перед белыми домиками с облупившейся лепниной. В конце улицы сверкнуло море. Навстречу нам шагал белобрысый мальчишка с удочкой на худеньком плече. В наполненном водой целлофановом мешке метались пучеглазые бычки. Мы вошли в арку.

Узкий проход меж невысоких фруктовых деревьев, тесный коридор, заляпанный краской шкаф с дверцей на одной петле, закрытая дверь. Осторожно нащупала ручку, нажала. В полутьме за спиной двинулась тень. Перехватив дыхание, я прижалась спиной к стенке. Напротив меня, у входа в другую комнату, стояло зеркало. – Господи, – подумала я, – что я ищу, в конце концов?

Голубые ставни распахнулись, и из окна до пояса вылезла круглая блондинка в розовом трико со стразами:

- Шо вам здесь надо?

- В этом доме мой прадед провел свои последние дни, – охотно объяснила я наше вторжение.

- Да кому это нужно? - завопила блондинка. - Вот мне, например, плевать трижды, где все мои бабки-дедки проживали!

- Я вам мешаю? - спросила я.

Розовое трико нырнуло в дом. Через минуту хозяйка домика вылетела на крыльцо, где и стояла, уперев руки в бока, бурчала и бдительно следила за нами, видимо, полагая мою болтовню прикрытием иных, более понятных ей намерений, до тех пор, пока мы с Владимиром Филипповичем, вздохнув, не удалились.

Поиски прошлого, - размышляла я, стоя на Царской пристани лицом к горизонту, за которым девяносто лет назад скрылась эскадра Врангеля, - дворянская забава. С волнением перебирает отпрыск благородного семейства архивные бумаги, всматриваясь в ясные лица на уцелевших дагерротипах; вдыхает дым бородинских редутов; его глаз веселят витиеватые отметки полковых писарей о крестах за храбрость и сказочные имена турецких крепостей; он разгадывает неровный почерк сложенных треугольником писем и благоговейно читает список научных трудов, подшитый к уголовному делу.

Люди тяжелой физической работы, кому, как правило, понятен лишь тот труд, который дает немедленные осязаемые результаты, могут найти в биографии предков опыт страдания, честное ремесло, окопы в Восточной Пруссии и освобожденный Смоленск.

Что искать в своем прошлом мещанину? Гладкий пробор приказчика, тыловые каптерки, искательный взгляд и шуршание конвертов, чужие кастрюли, перманент, торопливый донос мелким почерком и стук прикладами в соседскую дверь...

12

Была такая советская песня - «С чего начинается Родина?». Родина, по мнению автора, начиналась с березок, окошек и чувства осажденной крепости - «С того-о-о-о, что в любых испыта-а-а-ниях, - заунывно тянул бархатный баритон, - у нас никому не отня-а-а-ать». В числе ценностей, полученных по наследству, фигурировала в том числе и «старая отцовская буденовка», найденная «где-то в шкафу». А не случилось ли пытливым потомкам находить в том же шкафу чайные полотенца Сафоновых? А обручальные кольца, снятые с расстрелянных заложников? А не попадались там, на полочке, реквизированные шубы? Или пропили? Или сменяли на хлеб на толкучке в голодные годы? Или умножили, шаря по чужим шкафам в блокадном Ленинграде?

Впрочем, и про буденовку можно рассказать подробнее: с начала Мировой войны художники Васнецов и Кустодиев разрабатывали проект формы для русской армии. «Победки» - как назывались новые головные уборы, были уже сшиты и лежали на складах, ожидая парада победы. Но судьба их сложилась по-другому...

Любопытно еще одно обстоятельство. В одной и той же стране, в одних шкафах хранились «экспроприированные» с царских складов буденовки, а в других - фуражки, с нацарапанными кровью фамилиями, брошенные офицерам, которых строители коммунизма в модных шапках вели ночью темными расстрельными оврагами.

Крым - летняя столица России. Царская семья и аристократия отдыхала в Ливадийских дворцах, а чахоточная интеллигенция дышала свежим приморским воздухом. По набережной Ялты прогуливалась дама с собачкой, в Феодосии рисовал Айвазовский, в Коктебеле кружились молодые футуристы. В двадцатые годы крымские города переполнены беженцами с севера,

среди них актеры, литераторы, журналисты. Бунин, Шмелев, Волошин, Цветаева, Паустовский. Многим из них удалось эмигрировать. Почти все оставили свидетельства.

«В Крыму в те годы был ад», – напишет в своих воспоминаниях известная актриса Фаина Раневская.

Случалось мне во время работы над этой книгой читать и воспоминания «красных»: «Устав от бумажной работы, Розалия Семеновна («Землячка» – Залкинд), любила сама постоять за пулеметом».

По указанию председателя Реввоенсовета Льва Троцкого в Крыму была организована «тройка», наделенная особыми карательными функциями с неограниченными полномочиями. В нее вошли: венгерский эмигрант, председатель Крымского ревкома Бела Кун, секретарь обкома партии Розалия Землячка и чекист Фельдман. Первым шагом было опубликование приказа всем, кто добровольно сложил оружие, пройти немедленную регистрацию для легализации своего положения. Когда списки были составлены, началось «изъятие» и массовые расстрелы. В каждом крымском городе расправы имели свои особенные черты. В Феодосии закладывали основы советского планирования: положено было расстреливать по 120 человек в день, убитых сбрасывали в старые генуэзские колодцы. В Ялте, где традиционно располагались госпитали и лазареты, жертвами расправы стали врачи, санитары, сестры милосердия, персонал «Красного креста». Раненых выносили на носилках на улицу и добивали штыками. То, что происходило в Симферополе вошло в историю под названием «симферопольская бойня». Жен и матерей гнали от полузасыпанных, шевелящихся рвов нагайками. В Севастополе и Балаклаве вешали сотнями, для этих целей использовали столбы, деревья и даже памятники. В Алушке расстреляли больных из земских санаториев. В Керчи устраивали «десант на Кубань», то есть вывозили в море на барже несколько сот связанных людей и затапливали судно.

Уже 8 декабря уполномоченный ударной группы товарищ Данишевский докладывал начальству: «Задержанных в Керчи офицеров приблизительно 800 человек, из которых расстреляно около 700 человек, а остальные отправлены на север. В настоящее время приступаю к регистрации бежавшей с севера буржуазии».

Военные, священники, гимназисты и гимназистки, ветеринары, портовые рабочие, татары, черкесы, мусульмане, журналисты и земские деятели, казаки, профессора, крестьяне, агрономы и кооператоры, анархисты, зеленые, махновцы, толстовцы, старики, женщины с грудными младенцами.

По неполным данным, жертвами красного террора в Крыму, который называли тогда «всероссийским кладбищем», стали 120-150 тысяч человек.

13

Тюрьма углом выдавалась в жиденький корявый лесок. Из окна на втором этаже была видна узкая полоска льда – небывалые морозы сковали Керченский залив так, что по нему можно было ходить пешком; обмерзшие домики и Царский курган. Редкие фигурки быстро перебежали голое, будто вставшее колом, пространство, желтый, смешанный с грязью и мусором, снег. На единственных нарах стонал генерал Максуди – у него был тиф, никто не сгонял и не теснил его из страха заразиться.

Люткевич неприязненно потер рукой заросший подбородок, и, переступая через серые, свернувшиеся в обморочной дремоте кули, пробрался в угол. Григорий сидел, откинув голову на стенку, и неотрывно смотрел, как с потолка сползают водяные струйки – тающая от

скученного дыхания изморозь. На его разостланной шинели лежал, обхватив руками живот, мальчик-гимназист, босой, в нательной рубахе и рваных штанах на голое тело. Его мучила дизентерия. Время от времени он просыпался, вздрагивал и полз на четвереньках в грязный, загаженный угол.

Качался, как еврей на молитве, и гудел что-то под нос телеграфист с всклокоченной седой бородой. Когда Михаил опустился рядом, он вздернул голову и яростно закричал:

- Это проверка, господа, я уверен, господа, это проверка! Они проверят наши документы и завтра же выпустят!

Михаил рассеянно взглянул на него и произнес:

- Получается, Гриша, что мы просчитались? - он закрыл глаза и представил палубу корабля, переполненную здоровыми, знакомыми, а главное, вооруженными людьми. Люткевич разжал кулак и с горечью посмотрел на пустую ладонь. Его руки были безоружными впервые за последние шесть лет.

- Григорий, мы просчитались? - повторил он угрюмо молчащему другу.

- Что там считать-то было? Уехать в Турцию и оставить Александру умирать с голоду? Был шанс, и я его использовал. Или нам следовало заранее посчитать, кто выиграет, и примкнуть к победителям? Подлецами никогда не были. Нет, это ты им оставь, Миша.

Он внезапно замолчал, и, усмехнувшись, закончил: - Когда воюешь, всегда должен рассчитывать на поражение. Этот перевал мы с тобой не взяли. Желать осталось только одного - чтобы скорее и чтобы от пули.

Нервное движение прошло вдруг по оцепенелым людям. Железный металлический скрип раздался в коридоре, лязг - поднимали засов. Туго поддавшись, открылась дверь. В темном провале возникло плоское лицо под узким лакированным козырьком:

- Все выходите.

Грузно, покорно, поспешно, как будто их звали на праздник, на фейерверк или на чаепитие, они зашевелились на полу. Торопливо собирали какие-то вещи, застегивались. Офицеры, их было человек пять в камере, вышли первыми на утоптанную тропинку меж корявых голых стволов. Телеграфист вцепился Григорию в рукав:

- Господин офицер, это же нас на допрос ведут, в дом Домгера?

Григорий похлопал его по руке и убыстрил шаг.

Красноармейцы, подняв воротники от снежного ветра, подгоняли прикладами отстающих. Люткевич шел с краю, заложив руки за спину, будто связанные.

Старика Максуди вели под руки. Он так и не пришел в сознание, что-то бормотал, иногда вскидывал голову и блестящими от лихорадки глазами обводил унылую вереницу, не понимая, куда они бредут, и улыбался, если сталкивался с кем-то глазами.

Поручик Алексеев шел в задних рядах. Он покинул камеру позже всех, искал тужурку, которой кого-то укрыл, пока нашел, застегнул, в общем, вышел последний. Шел тяжело, хромал, припадая на раненую в бедро ногу. Рана гнила, ныла. Высокий вертлявый красноармеец

визгливо заорал:

- Не отставай! - и ударил его прикладом по лицу.
- Как смеешь ты, мерзавец, я офицер, у меня Георгий, я в окопах сидел, а ты кто такой, - схватив приклад, Алексеев затряс его обеими руками.
- Поручик, отставить! - рявкнул Люткевич, но красноармеец опередил его.
- Вперед, не оборачиваться! - закричали конвоиры, и двое из них отделились от колонны, отволакивая за рукава тужурки вздрагивающее тело.

Два чернобородых казака, опустив головы, тихо запели: «Со святыми упокой».

«О, Боже, - думал Григорий, - я всегда знаю, что делать. Я не могу ничего не делать. Что мне осталось сделать, когда все невозможно?»

Белесый морозный рассвет. В полутьме видны силуэты покорно бредущих людей. Сквозь деревья чернеет провал балки.

Они ведут нас в темноте. Они не хотят, чтобы были свидетели, чтобы об этом узнали. Значит, я должен свидетельствовать. Я должен оставить свидетельство. Григорий стиснул в ладони цепочку с нательным крестом и резко рванул. Крест скользнул меж пальцев и упал на тропинку.

Секунду он лежал на тонком ледяном настиле - черный крест в венчике тающих снежинок и исчез, утонул в темноте, в снегу...

Угол старой тюрьмы с облупленной штукатуркой смотрит на реденький парк. Утоптанная тропинка ведет к глубокому рву. Там, за ним - развалины завода железобетонных изделий, пустые баки, помойка. Мы не пойдем туда. Мы остановимся у белого храма с золотыми куполами. За церковной оградой, на полдороге между тюрьмой и братской могилой, стоит огромный черный крест. На гладкой габбровой поверхности нет имен - только терновый венец и страшный вопрос: «Каин, что сделал с братом своим Авелем?».

14

Река Гудзон

Саше Альбову ампутировали левую руку. За спасение роты в бою у мыса Утриш он был представлен к Георгиевскому кресту 3-й степени. Приказ о награждении и первые офицерские погоны подпоручика Александру вручил начальник училища в керченском госпитале. Сам же крест Альбов получил уже в Югославии, где был в составе Гвардейского полка. Служил в РОА в должности начальника отдела пропаганды. С 1945 года в США, где и скончался 3 ноября 1989 года. Неделю не дожидаясь Александра Павловича до падения Берлинской стены, но главное увидеть успел: масштабы зла и его крах, зла, которому он противопоставил свою жизнь и свою веру.

Пролив Дарданеллы

Привязав к лебедке окровавленную шинель, «дрозды» тянут на борт «Херсона» Ивана Магдебурга. Он мечется, сипит: «Огонь, огонь!» Придет в себя уже в Галлиполи - Голом поле, как назовут с русской языковой меткостью военный лагерь Русской Армии на берегу Босфора. В 1925 году вместе с полком передислоцируется в Болгарию.

Ничего не удалось узнать о судьбе капитана Ломаковского и других родственников жены Григория. Неизвестно, что случилось с его детьми – сыном Валерой и дочкой Сашенькой. Умерла ли от тифа, сгинула ли в одном из бесчисленных женских ГУЛАГов, сменила ли фамилию, оберегая детей, – бесследно исчезла Александра – женщина, ради которой Григорий Магдебург отдал жизнь.

Глава 7. Старый человек

1

Река Пряжка

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью.», – несло из громкоговорителей, намертво притороченных к стенам домов. Деваться от этих звуков было некуда: «Пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши – веселия», – Михаил Людвигович вздохнул и двинулся дальше, по слякоти Старопетергофского проспекта, который теперь назывался улица Юного Пролетария. Держал он путь в школу имени Достоевского, где преподавал словесность.

Школа эта скоро станет знаменитой. В русскую литературу, а затем и кинематограф войдут Викниксор и Косталмед, Япончик и Мамочка, Купчик и Цыган – граждане «Республики ШКИД». Так будет называться роман, который напишут бывшие шкидовцы Григорий Белых и Алексей Еремеев, взявшие общий псевдоним «Л. Пантелеев». Авторам удастся соединить на страницах книги «факты с вымыслом и прозаическую действительность с поэтической фантазией», – заметит директор ШКИДы Виктор Николаевич Сорока-Россинский, сочетая в свою очередь, наблюдательность с педагогической тяжеловесностью.

Окажется на страницах «Шкидских рассказов» и немолодой преподаватель-словесник, не попадающий в унисон с эпохой: «Мы остались без русского языка. Мы одолевали Викниксора мольбами найти нам преподавателя. Викниксор поискал и нашел. Это был хороший, знающий свое дело педагог. Степенный, седенький, он был похож на академика. Так – Академиком – мы его и прозвали. Он за короткое время успел прочитать курс русской литературы восемнадцатого, девятнадцатого и начала двадцатого века. Мы радовались этой удачной находке.

И вдруг случилось большое несчастье.

Такое несчастье могло случиться только в нашей стране, в Советском Союзе. Однажды, когда мы расшумелись, Академик сказал:

– Нельзя ли потише, господа?

Мы вздрогнули.

– Господ нету! Не царское время!

Академик смутился.

– Прошу прощения, – сказал он, – я старый человек. Мне очень трудно отвыкнуть от старых бытовых выражений. Как-то нечаянно вырвалось. Извините, господа.

Мы не могли уже больше сдержать своего негодования. Мы стали орать, улюлюкать, топтать.

Академика сняли административным путем по ходатайству нашего класса».

Михаил Людвигович Савич, не проработав в ШКИДе полгода, перешел в Советскую школу № 52.

«Я старый человек», - сказал он, словно оправдываясь. Ему в конце 20-х годов едва за пятьдесят. При обычных обстоятельствах - расцвет карьеры, ученики, признание. Не приспособился. Даже если бы не было Пантелеевым сделано точных указаний, я узнала бы родную душу по этому повтору: «господа». Не забывчивость - чего уж, почти десять лет, как перевели господ, не упрямство или какая-то особенная принципиальность, - знаю это по себе: внутренний барьер, стеклянная стена. Перешагнешь - и перестанешь быть самим собой. Или того хуже: как будто не понимаешь, чего от тебя хотят, и рад бы, ради покоя, денег в конце концов, - и не можешь сообразить. Мама рассказывала: детский сад, детишки сидят на стуликах, тетя с указкой объясняет про план ГОЭЛРО. Малыши ерзают, шепчутся. «Кому не интересно, - многозначительно поднимает бровь воспитательница, - тот может выйти».

- Вся группа сидит спокойно, - возмущенно отчитывают мою маму, - и только ваша Леночка встает и уходит!

Наследственность!

«Я старый человек» - грудная жаба, седенький ежик, неуклюжее пальто с заштопанными локтями и потери, потери, потери. Мир бодрых звуков и серого страха отторгал и вызывал отторжение, а надо было жить, кормить семью, а главное - каждый день вставать за кафедру и рассказывать детям о Пушкине.

С братом теперь виделись редко, о чем оба сожалели.

Александра Людвиговича пригласили возглавить яснополянскую школу - станцию, объединившую усадьбу Льва Толстого, мастерские и классы. Он сменил на этом посту дочку графа, Александру Львовну, когда ее арестовали и выслали из страны. Вскоре там начались скандалы, что-то делили, размежевывали. Саша, человек по натуре бесконфликтный, старой, как говорится закалки, ни интриговать, ни хитрить не умел. К тому же - беспартийный. В общем, довольно быстро перестал устраивать начальство. Перебрался с семьей в Москву, после мытарств по съемным углам нашел, наконец, работу в Тимирязевке, на кафедре русского языка.

Приспособится ли он? Научится без запинки произносить слово «товарищи»?

Приспособится. Научится начинать статьи с академических нападок на царский режим, объяснять, что только при советской власти, ссылаться на основоположников. И каждый день вставать за кафедру и рассказывать детям о Пушкине.

Остатки прежде большой семьи собрались в квартире на Декабристов. Михаил Людвигович с Евгенией Трофимовной и повзрослевшие уже Боря с Томой. В соседних комнатах - сестра Александра Людвиговна с сыновьями Евгением и Сашей. Лепился к ним и племянник - Коля Нелюбов, сын покойной Зиночки. Женя Долинский женился на дочери профессора-востоковеда Позднеева, умершего в 1920 году от голода. Анечка - теперь Долинская, и ее сестра Шурочка, в замужестве Римская-Корсакова, - частые гости на Декабристов, обаятельные, веселые, черноглазые, из всего, что было под рукой, творили домашний уют, пренебрегая скудостью и сиростью бытия.

Особенно трудно было с образованием для молодых. Евгений удержался в Политехническом

благодаря особой атмосфере независимости среди технической интеллигенции (за нее возьмутся позже, после процесса Промпартии) и начал работать в Палате мер и весов. Саша Долинский, которого дядя заразили пристрастием к педагогике, проучился недолго: «Александр Флорович Долинский исключен из числа студентов на основании Постановления Отделенских Проверочных комиссий и Факультетской за невыполнение академической активности». Постановление, врученное Саше в деканате, разъясняло, что студент Долинский, заполняя при поступлении в институт анкету, в графе «Чем занимались родители?» дезинформировал руководство. «Мать до 1917 года - белошвейка», - написал Александр, скрыв таким образом компрометирующий факт, что на самом деле он происходил из семьи полковника царской армии, пусть даже скончавшегося до мировой войны.

«Пра-пра-пра-дедушки, вы эполетами / Вовсе нас сгоните с белого света», - грустно шутила Сашина свояченица, одновременно с ним отчисленная из института, внучка Римского-Корсакова.

Блеск магдебургских эполет в анкетах Бори и Томи заслонила разночинная генеалогия Савичей. А любила, кстати, Женечка, пофорсить перед мужем белой косточкой! Глазки заведет к потолку, вздохнет притворно: «Я совершила мезальянс!». Михаил газету отложит, поверх пенсне посмотрит на нее с интересом - и все хохочут.

Впрочем, достаточно было полувзгляда, чтобы определить, что они «из бывших». Походка, поворот головы, ровный, спокойный голос. Прямой взгляд глубоко посаженных светлых глаз, открытый, невеселый. Или так казалось родителям, которые угадывали безнадежную судьбу юноши с выправкой Магдебургов и девушки с белым лбом шляхтенки?

Они любили назвать гостей, франтили в перекроенных из старья обновках, ездили с Долинскими на дачу, с Колей Нелюбовым, полноватым, близоруким и легким на подъем, бегали по театрам, в консерваторию. Танцевали под граммофон, вальсировали под быстрые Тamarочкины аккорды: Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три.

Евгения Трофимовна любовалась на стройную фигуру сына и мысленно набрасывала ему на плечо голубой ментик.

- В другие времена отдали бы в гусары, - шептала она мужу на ухо.

- Лучшего дела для мужчины, чем преподавание, нет, - строго отвечал Михаил Людвигович, - причем в любые времена.

Насмотрится еще Евгения Трофимовна на сына в военной форме, еще побежит по перрону, крестом схватив платок на груди и натываясь на таких же жалких, растерянных женщин.

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, - отбивает такт учитель. Несутся по клавишам, летят и вновь сбегаются Томины пальцы. - Не спеши, темп, темп!

Его скромные певческие данные, - не без удовольствия размышлял Михаил Людвигович, - и женечкина необыкновенная музыкальность, - как пела она в молодости! - в Тamarочке слились в настоящий талант. Абсолютный слух, врожденная беглость пальцев и редчайшая способность читать ноты с листа. В консерваторию ее взяли без экзаменов, пророчили профессиональную карьеру. Гребень стоял, как вкопанный, в роскошных золотых волосах, осиная талия и улыбка радостная, мгновенная, меняющая лицо и лица.

- Девушка на выданье, - разводили руками родители. Они раньше Томи заметили, что Володя Наумов, новый приятель и сослуживец Саши Долинского, стал захаживать чаще, чай пить

дольше, а в педагогических беседах с Михаилом Людвиговичем делался все более рассеян.

2

Дворник долго топал ногами, стряхивая с валенок снег и наливая вокруг калош грязноватые лужицы. Порог переступить не стал. Порылся в кармане фартука, который обтягивал горой выступающий живот так туго, что хотелось по нему щелкнуть, – и щелкнул бы, не нависай над ним одутловатая физиономия с быстрыми рысьими глазками. Извлекши из недр замызганную бумажку, работник метлы повертел ее, близко поднеся к носу, – та ли? – и, как бы схватившись, принял значительное выражение лица. Он ведь теперь гегемон, проживает хоть и за кухней, но в барской квартире. А баре-то где? Сами в дворницкой скучают. То-то. Вечно мельтеши туда-сюда, ворота им отворяй. Вот и ворот больше нет. Перебьются. Ну, а нам без надобности. Он кашлянул, прикрывшись ладонью, и просипел:

– Дамочки! Получай записку!

Записками, то есть повестками, жильцов дома вызывали на общественные работы. Загаженный за годы разрухи город надо было приводить в порядок, безработных обеспечивать временным заработком, но главная задача не шла ни в какое сравнение с этими пустяками: сломить, унижить, окончательно растоптать белогвардейское охвостье, уцелевший буржуазный элемент, «дамочек» – попрятавшихся по углам жен, сестер и дочерей, оставшихся без защиты своих мужчин.

Записка могла делегировать дамочку разгружать уголек, расчищать от сугробов Апраксин двор; восемнадцатилетнюю Тамару направили укладывать шпалы на Финляндском вокзале.

Напарницей Томе Савич в тот день поставили Верочку Скробову, однокурсницу и подружку. Ее мать, Зинаида Петровна, знакомая Савичей еще по Бессарабии, клеила из разноцветной папиросной бумаги розы на проволочной ножке и продавала у Никольского собора.

Ботинки скользили по насыпи. Ухватив с двух концов заледеневшую шпалу, девушки волокли ее вдоль железнодорожного полотна.

– Шевелись, дамочки! Это вам не царский режим! По две накладывай!

Железо жгло сквозь промокшие варежки. Тамара вдруг вскрикнула, согнулась и, цепляясь за край Верочкиного пальто, упала на снег. Шпала сползла по насыпи, остановилась, уткнувшись концом в сугроб, другим, грозно и безразлично, как ствол пулемета, смотрела на девушку, которая, прижав колени к груди, плакала от боли и унижения.

Тамара Савич надорвалась на так называемых общественных работах. Когда она вышла замуж, то первого ребенка выносить не смогла. Второй родился только спустя четыре года. Больше детей у нее не было.

Хлопочут над девушкой, сжавшейся в углу дивана, Евгения Трофимовна и Верочка. Платки, горячая вода, подушки. По черной лестнице, перескакивая через две ступеньки и не попадая рукой в рукав куртки, несется за врачом Борис. В столовой, сжав виски кулаками, отец глядит остановившимся взглядом на дверь, за которой страдает его дочь. Бессильный, беспомощный, бесполезный.

«Я старый человек...»

3

Театр затих. Сначала умолк шум в зале, резкие хлопки откидных кресел, возбужденные голоса; гул переместился ниже, в гардероб и исчез совсем. Замер перестук дверей в артистических, волной набежали и схлынули быстрые шаги актеров, спешащих к выходу, шелест крепдешиновых платьев и томный смех. Дверь приоткрылась, и в щели возникла кудрявая голова:

- Маня! Ты идешь? Тебя у служебного входа поклонники дожидаются!

- Ах, не до них!

Маня раздраженно отвернулась к зеркалу. Грим она сняла, бережно промакивая веки влажной салфеткой. Баночки, розовые пахучие кремы, хрустальные флакончики, помады в золотых трубочках, невесомые пуховки – все, что можно было достать на черном рынке, располагалось перед ней в нехарактерном порядке. Маня оглядела с профессиональным одобрением свою изящную, как мейсенский фарфор, головку, подвижное лицо и короткую, шапочкой, стрижку. Модный стиль женщины-гамен. Грациозные манеры. Чарующий голос. Коломбина, Камелия, Бьянка.

Мария Заливанская, актриса первого состава Александринского театра, сыграла уже несколько главных ролей, да так, что некоторые экспансивные критики сравнивали ее с самой Ведринской. Однако дальше дело не шло. Что-то еще требовалось, кроме фарфоровой головки и яркой индивидуальности. Про себя Маня называла это – «маршировать». Читать речевки в Политпросветуправлении, посещать собрания ячейки и говорить громким, отрывистым басом. Фарфор не гнулся. Что греха таить, испробовала Маня и старый, испытанный способ, который всегда выручает хорошую актрису. Но замужество с режиссером, ловко ориентирующимся в новой реальности, ничего, кроме расстроенных нервов, не дало, так, пустяки какие-то. Неудачный брак, но еще более неудачный, несвоевременный развод! Могла потерпеть еще пару месяцев этого самодовольного типа с оттопыренными ушами! Кто же знал, что откроется редчайший шанс!

Театр пригласили на гастроли в Латвию. Она всегда была выше интриг, но как только ни пришлось крутиться, чтобы попасть в список счастливых, тех, кто будет махать платочком из вагона «Ленинград-Рига».

В начале 20-х актеры эмигрировали целыми труппами. В Париже, Берлине, Бухаресте пели и декламировали, танцевали и вытягивались шпагатом сливки русской сцены. В латвийской столице работали два театра Русской драмы, и звезды петербургской Александринки играли Манон Леско, Снегурочку, Нору. Там-то никто не заставит изображать оборванку из ночлежки! Маня поехала, вспоминая дурацкие лохмотья, неудобоваримый текст и публику, мало отличимую от героев «дна», осквернивших прославленную сцену. Но выезжать становилось все труднее, а заграничные гастроли – все реже.

Мышка из театральной конторы, где собирали документы на выезд, прибежала перед репетицией и пропищала убийственную новость:

- Те, которые незамужние, могут даже не беспокоиться. Никакое ГПУ их дальше Сортировочной не выпустит.

Маня застегнула на шейке прохладное жемчужное ожерелье – хоть какой-то прок от этого типа, и брызнула чем-то волшебным из хрустального флакона. Сегодня вечером она едет в

Квисисану. Что-нибудь да подвернется.

НЭП снял с горла Ленинграда, как тогда говорили, костлявую руку голода. Город ожил буквально за сутки. Детвора, выросшая на затирухе, липла носами к витринам с тортами, пирожными и шоколадом, глыбами шоколада. В газетах рекламировали парижские моды, «довоенные» вина и маникюр. Жизнерадостные провинциалы сновали по магазинам и лавкам, ломившимся от мануфактуры. В Кузнечном переулке возводили апофеоз процветания – новый рынок с огромным световым фонарем, колоннами, парной скульптурой рабочего и крестьянки и башней с часами. За ярко освещенными окнами варьете и ресторанов гремел джаз.

Заядлый театрал, Борис Савич вовсе не был сухим ценителем драмы, нет, он любил весь чудесный мир искусства: фонари над театральным подъездом, тяжелые складки занавеса, таинственный полумрак в зале и слепящие огни ramпы. Сегодня они с Колей Нелюбовым отправились в Александринку, в так называемый «раёк», где билеты первого ряда стоили семь копеек. Давали «Даму с камелиями».

Видно только с одной стороны. Ладони замерли на бархатном барьере. Потрясенный, замороженный, Борис не сводит глаз с авансцены. В светлом луче прожектора свершается таинство. Маргарита пишет письмо Арману. Роскошные волосы струятся по бледным щекам, рука дрожит, и голос, нежный, ломкий, искренний! Борис пытается в темноте прочесть программку:

- Кто исполняет Маргариту?

- Это Мария Заливанская, ее сегодня первый раз ввели в спектакль.

Мария. Боже мой.

Занавес опустился, отрезая его от чуда.

- Пойдем, встретим ее у входа, – предложил Николай.

У служебного подъезда на Аничковой площади роились взбудораженные поклонники:

- Что-то ее долго нет!

- Фасон держит!

- Боря! – молодой человек в белом пиджаке и лакированных ботинках, радостно улыбаясь, бросился им навстречу. Борис узнал приятеля по институту, шумного, всюду поспевающего, знакомого с половиной города.

- Как мило, поехали с нами!

Компания окружила друзей, завертела, заговорила.

- Подхватим Маню, – приятель сделал широкий жест в сторону театра, – и ужинать в Квисисану!

Я в ведро родилась – любите, люди,

Меня, весеннюю, меня.

Я знаю сказку о веселом чуде,

О стрелке солнечного дня.

- Боренька, ты знаком с нею меньше недели. Нужно время, чтобы лучше узнать друг друга, - уговаривала сына растерянная Евгения Трофимовна.

- Мама, какое это имеет значение, - нетерпеливо перебивал Борис.

- Образование надо завершить. Тебе еще два года учиться. Пригласи ее к ужину, познакомься с родителями.

Михаил Людвигович молчал. Что-то в облике сына - складка губ, упрямо склоненный лоб, поворот плеча, вдруг резко напомнило ему старшего брата жены, Григория Магдебурга.

- Подожди, Женечка, - он мягко опустил руку жене на плечо, набрал воздух в легкие и спросил:

- Ты твердо решил жениться?

Борис вздернул подбородок и, чуть дрогнув уголками губ, сказал:

- Я обязан.

Евгения Трофимовна ахнула и прижала ладони к вспыхнувшим, как у девушки, щекам.

Чего было больше во взгляде отца: удивления, сочувствия, страха перед надвигающейся на сына бедой? Надежды - вдруг пронесет?

Михаил Людвигович шагнул вперед и обнял мальчика за плечи.

Плывут в весеннем небе купола, привалился на бок чугунный якорь, распахнуты золотые врата. Склонив фарфоровую шейку, стоит перед алтарем невеста. Крепко держит маленькую ручку жених.

- Многая лета, многая лета, - поет хор, и катятся в розовую даль счастливые лето, зима, и снова лето, зима...

...Катятся по рельсам вагоны, и делается прохладней воздух, и прижал к лакированному козырьку два пальца в белых перчатках пограничник, и блестит под весенним небом река Даугава...

Бориса боялись оставлять одного. Коля Нелюбов взял на заводе отгулы: суетился, пытался отвлечь болтовней, усаживался рядом, разложив крупные ладони на коленках, сокрушенно мотал взъерошенной головой и шумно вздыхал. Извлекал невесть откуда билеты на модные концерты, один раз чуть не обмишурился - приволок контрамарки в Александринку, но вовремя хлопнул себя по лбу. Достал через десятые руки бутылку французского коньяку. В результате все выпил сам и позорно заснул на посту.

Борис сидел на витом стуле перед роялем, глядя на фотографию в золоченой рамке: изящная, как мейсенская статуэтка, женщина с нитью жемчуга на шее, повернувшись в пол-оборота, смотрела в одну ей ведомую даль; лето, лето, лето, - стучало в висках; в углу, над головкой, карточку пересекала надпись: «Помни Маню».

Продавцы в торгсине белыми холеными пальцами развешивали паюсную икру, на аукционах пускали с молотка «мебель из дворца», (туда два одесских балагура пошлют Осю и Кису торговать гамбсовский гарнитур), бывшая прислуга в господских платьях каталась в «авто»,

отдыхала «на водах» и играла на тотализаторе. Невский переименовали в проспект 25 Октября, весь город называл его «Непский», и кричали на углу Садовой лоточницы: «Сигареты «Ира» – все, что осталось от прежнего мира».

4

Володя Наумов просил руки Тамары по всем правилам. Снова плыли в небесном свете купола, и глазел у чугунной решетки Никольского Морского Собора небогатый коломенский люд, и торжественно вели вокруг аналоя жениха и невесту.

- Многая лета, многая лета! – поет хор, плачет, как водится на свадьбах, мама невесты, неловко переминается в почти неношеном костюме отец. Будет ли этот брак счастливым? Сколько лет, сколько зим отмерено им, красавице-невесте с золотыми волосами и жениху, который восхищенно смотрит на нее добрыми и умными глазами? Одно скажу: они станут моими бабушкой и дедушкой.

Черное море

Крым вернулся к жизни. Солнце, воздух и вода – верные друзья курортника и неиссякаемый природный ресурс жителей Южного берега, не хуже любого экономического рычага оштукатурили стены в гостиницах и пансионах, наполнили аллеи запахом шашлыков, собрали на пристани экипажи, а на прилавках расставили сувениры из ракушек, изображающих лягушонка в бескозырке и с плакатом «Привет из Ялты!».

Наумовы сняли комнатку в первом этаже домика из серого камня на углу Морской. Окно выходило в тенистый двор, в пяти минутах било волной Черное море, вдоль набережной гуляли нарядные люди с облупленными носами, играла музыка, – что еще надо для счастья?

Утром, скидывая на ходу сандалии, бежали к морю. Купались, барахтаясь и пропадая с головой в высокой волне. Тамара прятала питерскую бледность под войлочной панамой, а Володя, расстегнув рубашку, подставлял крымскому солнцу веселое лицо и загорелую шею. Взявшись за руки, шли по галечному берегу, подбирая гладкие разноцветные камешки. По дороге домой покупали арбуз: Володя с важным видом вертел полосатый шар, прикладывая к уху и долго слушал, как раковину, таинственный арбузный гул. Ходили в Одеон и перед сеансом пили в фойе теплый лимонад. Вечером, в быстрых и теплых сумерках, садились у окна, доедали сахарные куски арбуза и пили сладкое вино. Володя рассказывал смешные учительские истории, а Тамара смеялась, подшучивала над мужем и развешивала сушить купальник с рюшечками. Пахло платанами, жареным арахисом и кофе из соседней кондитерской. Что еще надо для счастья?

В тихую безветренную погоду рыбаки вышли на ночной лов, чтобы утром развезти по фешенебельным ялтинским ресторанам свежую камбалу. Море покрылось мелкой зыбью, как мурашками, и гул, похожий на кипение гигантского чайника, вострубил судный день.

...О, особый цинизм природы, которая равнодушно взирает и на праздник жизни, и на гробовой вход, сияет вечною красою, ползает, прыгает с ветки на ветку, покрывается молодой зеленью, расцветает пышным цветом, бьет хвостом, струится, сыпет лепестками, и нет ее терпению ни конца, ни предела. Или есть?..

Первый удар землетрясения оборвал вой собак в ночь на 12 сентября 1927 года. Море отошло от берега, обнажив дно, и обрушилось на город водяной стеной. Земля дрожала, как в лихорадке. Ее как будто распирало изнутри, и она лопалась, как перезрелый фрукт. Толчок

следовал за толчком. Дома трещали, падали стены, отваливалась штукатурка, грохотали железные листы на крышах, вдребезги разлетались стекла. Люди выскакивали из домов и металась в панике по уходящим из-под ног улицам. В ночном мраке, с перекошенными от ужаса белыми лицами, растрепанные, в нижнем белье, – они казались восставшими тенями. В горах гремели обвалы.

В Севастополе над Карантинной бухтой небо было охвачено ярким оранжевым светом, будто весь горизонт горел пожаром. Отблеск от пылающего огня на водяной поверхности был так ярк, что Черное море казалось красным. Огненные столбы стояли над Севастополем и Анапой, были видны из Евпатории и Феодосии. Зарницы красного цвета достигали до 500 метров в высоту и до 2 километров в ширину. Отчетливо пахло серой.

Тамара спала. Муж засиделся, читая при свете ночника, с накинутым на абажур платком. Душно. Володя поднялся и распахнул окно. Ни ветерка, с моря тянет тухлятиной. Он не успел по-настоящему удивиться. Пол закачался. Ночник скатился со стола и погас. По стене, там, где спала Тамара, поползла трещина. Володя бросился к кровати, схватил жену на руки и выбежал во двор. Сзади раздался грохот, и спину обдало брызгами мелких камней. На подушке, где только что находилась Томина голова, лежал выпавший из стены валун.

Утром толчки стали реже, потом стихли; лишь изредка земля вздрагивала, как горячечный больной, и снова успокаивалась. Пыль стояла облаком над грудой развалин, которые еще вчера были нарядной и беззаботной Ялтой.

Повсюду валялись обломки балюстрад, карнизов, рухнувших балконов и декоративных ваз. Вокруг столов, установленных прямо на руинах Морского агентства, толпились курортники, желающие немедленно покинуть страшное место. Двое мужчин в кальсонах пронесли на скрещенных руках старика с окровавленной ногой. Откинув назад голову, раненый ворчливо руководил движением. В бивуаках, устроенных в парках и скверах из подручных средств, женщины укладывали спать перепуганных детей. Одинокие колонны на фоне безоблачного неба и моря, равнодушно, как ни в чем ни бывало, перекатывающего волны, придавали трагедии античный вид.

Обхватив колени руками, Владимир и Тамара примостились у волнореза. Жмурясь на солнце, перебрасывались словами, задремывали, теряя нить, вдруг вздрогнув, просыпались и чувствовали, как страх понемногу отпускает их. На этот раз они уцелели, – а что еще надо для счастья?

Крымское землетрясение силой 9 баллов продолжалось четыре дня. Всего было зарегистрировано 200 толчков. Языки пламени, окрасившие Черное море в красный цвет, породили множество толкований. Что это было? Страшная тризна по крымским мученикам? Грозное предвестие еще больших бед? Свою версию предложил читателям и Корней Чуковский:

А лисички взяли спички,
Море синее зажгли.

Получив в 90-е годы доступ к военным архивам, зафиксировавшим пожары на поверхности воды, ученые объяснили загадочное явление наличием в Черном море глубинных пластов метана и сероводорода. Во время землетрясения газы поднялись со дна и загорелись, вступив в контакт с кислородом. Современники о ялтинском землетрясении писали много. О горящем море молчали. И правильно – зачем пугать людей? Бояться следовало только одного – власти.

Река Пряжка

14 апреля 1930 года у Тамары и Владимира родилась дочь Галя. Моя мама. Хлопочут родители, умиляются бабушки, снисходительно посмеиваются дядюшки. Крохотная жизнь ухватится кулачком за ускользающую нить и уцелеет, единственная из огромной семьи, и новые ростки даст обрубленное со всех сторон родословное древо.

5

Книгу «Республика ШКИД» запретят и изымут из библиотек. Читатель увидит ее только через четверть века. Один из ее авторов, Григорий Белых, будет арестован и умрет в тюремной больнице имени Газа.

«Длинная очередь к тюремному окошечку на Шпалерной была обычным явлением в годы сталинского террора в Ленинграде, – писал Е. Лукин в статье «Как погиб Григорий Белых». – Но была тогда и другая, может быть, не менее длинная очередь в приемную НКВД: там стояли те, кто хотел свести счеты с недругом, во что бы то ни стало упрятать за решетку неугодного».

Когда я училась в десятом классе, бабушка подарила мне Литературную энциклопедию. Наша семья жила в военном гарнизоне на берегу Тихого океана, и мама лезла из кожи, чтобы дать детям приличное образование. Бабушка выстаивала очереди в ленинградских книжных магазинах, доставала дефицитные «подписки» и, по выходу каждого следующего тома, отправляла нам, на Дальний Восток. Мама приносила с почты тяжелый фанерный ящик; мы подсовывали под крышку, прибитую тоненькими гвоздиками, швейные ножницы и она отходила, открывая завернутые в ленинградские газеты тома Вальтера Скотта, Доде, Фейхтвангера.

Так вот, Литературная энциклопедия. Добросовестная девочка, я листала страницы биографий советских писателей, и странное явление открывалось юному неокрепшему уму. Как будто волны одновременно накрывали жизни этих людей, как будто рок опускался над судьбой каждого из них, неумолимый, как *deus ex machina*.

Античную сказку делали былью простые советские люди.

Изъять книгу! И десятки тысяч голов с ровными проборами склонились над библиотечными каталогами. Арестовать! И крутит баранку водитель черной «маруси», топчутся в прихожей понятия в тапках на босу ногу. Заключить в лагерь! И специалисты-кинологи вывешивают в вольере между вышками график кормления овчарок. Расстрелять!

Моего воображения не хватает. 6.00. «На зарядку! По порядку!», – поет радио. Наш герой энергично вскакивает, делает несколько приседаний, чистит зубы, надевает трусы, костюм, треплет по головам детишек. «Папоцка, – гнусит сонный малолетка, – плинеси кафету». Бодрым шагом труженик двигается к ближайшей остановке, садится в трамвай, уступает место старушке. И вот он на службе: передовик, стахановец, весь день у станка! Вечером, усталый, но довольный, снова в кругу семьи. «Как плечо? – заботливо спрашивает жена и с ласковой укоризной качает головой, – опять перетрудил!»

В случае с Григорием Белых *ex machina* вылез муж сестры. Своевременный донос, и советский человек новой формации улучшил свои жилищные условия...

Завоеванная страна должна была функционировать. Извозчики и шарманщики, получив власть, имели слабое представление о том, как она действует. Большевики неотвратимо встали перед

необходимостью создания административной системы, потребовались кадры, которые знали бы грамоту, окончили гимназии или приходские школы.

Кого же привлекли для создания аппарата? Кто создал государственную машину, создал так непоколебимо, что она стала основой советской власти, пережила войну, чистки, попытки перемен и здравствует поныне? Кто эти люди?

Мещане.

По определению Даля, это горожане низшего разряда. Люди, которые приехали из деревни и адаптировались к городской жизни. Приспособляемость – вот их главное качество, устойчивое и натренированное.

Надо сказать, что мещан несколько не привлекали революционные перемены. Земля, которую сулили крестьянам большевики, их не интересовала. Также безнадежно было пытаться увлечь идеей социального равенства тех, кто трудом и унижениями заработал кресло столоначальника и домик в Коломне.

После 1917 года мещане потеряли свою небольшую собственность, источников дохода лишились, были на грани голода. Этот слой и дал основные кадры нарождающейся советской бюрократии. Большевики привлекли к руководству страной собственных могильщиков.

Постепенно из приказчиков, бывших мелких собственников, ларечников складывается категория ответственных работников. Современный зритель хорошо представляет себе этот тип по героям фильмов «Волга-Волга» и «Карнавальная ночь». В украинской косоворотке, с портфелем, прижатым к груди обеими руками, хозяйственники Бывалов и Огурцов изображены актером Игорем Ильинским комическими персонажами. Над ними смеялись недобитые интеллигенты, знакомые с голливудской киноиндустрией, а советский зритель считал пережитком прошлого. И ошибался: это было его будущее.

В конце 20-х годов появляется термин «перерождение». Советский писатель Алексей Толстой отобразил этот процесс, который точнее назвать «вытеснение», в рассказе «Гадюка». Главный герой меняет боевую подругу, прошедшую с ним гражданскую войну, на совбарышню в фильдекосовых чулках. В рассказе «гадюка» застреливает барышню. В жизни все вышло с точностью до наоборот. Мещане приспособились и приспособили аппарат под себя.

С первых шагов создается тип хозяйствования, при котором личный интерес, запрещенный формально, переходит в подполье. «Золотой теленок» навеки запечатлел первую стадию создания советского госаппарата – организацию «Геркулес». Романтическая концовка, в которой нелегальный миллионер Корейко (в последующие годы его назвали бы «теневик», а сегодня – олигарх) не знает, как потратить деньги, до сих пор вызывает пароксизмы смеха у его прототипов.

Голод в Поволжье, кризис цен, хлебозаготовок, беспорядки и волнения среди рабочих, безработица, дефицит товаров, – все шло на пользу классу управленцев, который укрепил свое право распоряжаться средствами производства и контролировал национальный доход. Экономический ресурс НЭПа оказался быстро исчерпан, но он открыл дорогу новому классу, поставил его на крыло и научил, как пользоваться всеми прелестями жизни.

Так называемое коллективное руководство, а по существу – олигархическое правление одной партии медленно сползло к установлению личной диктатуры. Сталин не мог получить неограниченную власть только при опоре на бюрократическую машину. Нужна была поддержка низов. Новый класс эту поддержку обеспечил.

Так в 30-х годах в стране произошла мещанская революция.

Идеологические клише типа «всесоюзный староста», «всех времен и народов», «наш ответ Чемберлену» и другие быстро вошли в массовое сознание и стали частью биографии многих людей. Неудивительно: доминирующий к тому времени социальный слой выходцев из низов не имел привычки и навыка размышлять.

Первым делом аппарат расправился с теми, кто принес его к рычагам власти: с «героями» гражданской войны, большевиками и «полезными дураками», как называл идеалистов-интеллигентов Ленин, да собственно, и с Лениным.

Политические репрессии предвоенных лет кажутся невероятными по объему и социальной направленности: учителя, балерины, актеры, квалифицированные рабочие, инженеры – чем они мешали, почему? Не репрессии – отсев. Интеллигент с университетским образованием одним фактом своего существования демонстрировал убогость советского мещанина. Отсвечивал. Занимал место, квартиру. Слой за слоем отсекали они и заносили в проскрипционные списки своих конкурентов. Потенциальных конкурентов. Закрывали доступ к высшему образованию их детям. Воспитывали следующие поколения носителями мещанского мировоззрения. Тогда же сложился и советский язык, смесь казенного с галантерейным, язык героев Зощенко и газетных передовиц. До 20-х годов мещанство было врагом номер один для советской власти, постепенно этот лозунг сходит на нет и потом и вовсе исчезает, вместе, кстати, с борцами.

Мурло мещанина, о котором писал покойный к тому времени Маяковский, оказалось с волчьими зубами, в общем, ничуть не симпатичней физиономии немецкого лавочника.

6

Река Нева

Из автобиографии Владимира Ильича Наумова:

«Я родился в деревне Полуяново, Холмского уезда, Псковской губернии. Отец мой – малоземельный крестьянин. При наличии значительной семьи (7 человек), жизнь была крайне тяжелой и ничего не обещающей в будущем. Поэтому отец решил дать своим старшим детям, мне и сестре, некоторое образование, чтобы мы могли в будущем устроить свою жизнь самостоятельно, вне зависимости от скудного хозяйства.

Я был отдан в церковно-приходскую школу, расположенную в 5-ти верстах от места нашего жительства. Учитель был строгий, даже жестокий, но твердо добивающийся грамотности у ребят, поэтому при окончании школы я обладал достаточными навыками и легко поступил во второклассную школу в селе Волоке.

По ее окончании я отправился в Псковскую учительскую семинарию, где выдержал экзамен и был принят на стипендию. На 3-ем году учения там жизнь стала значительно труднее, так как цены сильно возросли (это было в 1916 году), а стипендия не увеличивалась и, наконец, вовсе не стала выдаваться. Это обстоятельство заставляло меня несколько раз бросать семинарию с тем, чтобы, заработав некоторые средства, вновь продолжать учение. Пришлось быть паспортистом в гостинице, разборщиком писем на почте, работать на огородах и др. Тем не менее, всякий раз я выдерживал учебные испытания за пропущенное время и восстанавливался в правах учащегося».

...Когда внимательно перечитываешь автобиографию, начинаешь обращать внимание на интересное обстоятельство: как добросовестно, входя в мельчайшие детали, словно оправдываясь, объясняет Владимир Ильич, почему он и его сестры были образованными людьми.

«Весной 1917 года окончил семинарию и отправился в деревню. Здесь целое лето работал на поле. Осенью был назначен учителем в глухую деревню Опоки. Эта деревня расположена в 45-ти верстах от уездного города и в 25-ти верстах от волости. Сообщение поддерживалось лишь зимой и в середине лета; все остальное время мы были отрезаны от внешнего мира огромными топкими болотами.

На учительском съезде осенью 1918 года был избран уездным школьным инспектором и всю зиму разъезжал затем по школам уезда.

Осенью 1919 года получил задание от уездного отдела народного образования (УОНО) организовать в селе Волоке школу 2-ой ступени. Школу удалось организовать, причем я пожелал остаться в ней работать, что и было мне разрешено. Помимо административной работы, я преподавал естествознание и некоторое время географию. Однако вся эта деятельность не могла полностью удовлетворить меня, т. к. я имел недостаточно знаний и был заинтересован психологией. Все это заставило меня покинуть работу в 1920 году и отправиться в Петроград. Здесь я поступил на психолого-рефлексологический факультет Психоневрологической Академии. (Основана В.М. Бехтеревым в 1907 году, он возглавлял Академию до 1927 года.) Через 2 года она была присоединена к ПедВУЗу.

Учение было чрезвычайно трудным. На лекциях все сидели, закутавшись в одежду, в лабораториях замерзала вода и лопались приборы; общежития были холодные, пустынные. Пришлось добывать средства то службой, то физической работой. Был некоторое время дворником, работал в статбюро, в торговом порту, в пекарне, по разборке домов, по уборке ремонтного мусора и проч.

При окончании института в 1924 году я был оставлен при кафедре общей психологии, однако был так изнурен тяжелыми условиями студенческой жизни, что работу в институте пришлось оставить и поступить на службу в 173-й Ленинградский детский дом. Весной 1925 года я был назначен помощником заведующего детским домом, а в январе 1926 года переведен в Школу им. Достоевского на должность заведующего Школой».

Владимир Ильич сменил на этом посту Виктора Николаевича Сорока-Росинского. Об этом периоде в жизни школы тоже оставлено литературное свидетельство. Шкидские воспитанники П. Ольховский и К. Евстафьев в своей книге «Последняя гимназия», хронологически продолжившей повесть Л. Пантелеева, писали: «После ухода Викниксора в ШКИДе была произведена коренная ломка всего уклада. Одна за другой открывались мастерские. Начали учить ребят ремеслу: плотничать, сапожничать, точить, переплетничать. Знали: нужно приучить к труду, заставить полюбить его, чтобы меньше стало пропадать лишних человеческих жизней».

Из автобиографии Владимира Наумова: «Затем я организовал педологический кабинет и стал работать по обследованию детей».

Педология, наука о целостном развитии ребенка, которую основал Владимир Михайлович Бехтерев, благополучно пережила переворот и получила повсеместное распространение. В школах открывались педологические службы и кабинеты, проводилось тестирование, классы комплектовались с учетом возможностей и способностей каждого ученика. Однако для

Советского Союза объективное изучение ребенка представляло собой реальную социальную угрозу и противоречило идее всеобщего равенства. Понятно, что по результатам научного обследования дети интеллигенции показывали лучшие результаты, чем фабричные ребята. При массовом вовлечении в школьное образование детей из низов требовались специальные школы и квалифицированные педагоги. Однако выбран был иной путь: избавлялись не от проблемы, а от людей, которые напоминали о ее существовании. В конце января 1930 года на Всесоюзном съезде по изучению человека были вскрыты «ультрарефлексологические извращения В. М. Бехтерева и его школы», науку за неверный классовый подход объявили реакционной, а деятельность – вредной.

Целое научное направление, на базе которого в других странах вырастут впоследствии детская и возрастная психология, было свернуто. Педологию вымарали из учебных программ всех вузов, институты и лаборатории закрыли, судьбы ученых искалечили.

Владимира Михайловича Бехтерева это уже не коснулось. Он внезапно умер в декабре 1927 года в Москве. Существует версия, что смерть Бехтерева связана с консультацией, которую он дал Сталину накануне; приговором великому ученому стал поставленный диктатору диагноз.

Разгром педологии, как и многое другое, например, допущение идеи об особом социально-классовом типе пищеварения и дыхания советских детей, якобы отличных от их сверстников в буржуазном обществе, только на первый взгляд кажется глупым, нелогичным, оторванным от господствующей теории явлением. Если рассмотреть борьбу с педологией, генетикой, социологией и другими науками в свете реальной, а не прокламируемой цели, а именно – удержания власти, то мы увидим, что в 30-е годы советская школа, преодолев все «буржуазные» концепции, начинает культивировать тип человека-конформиста, «винтика» государственной системы.

Из автобиографии Владимира Ильича Наумова. «С 1928 г. я начал учиться в инженерно-педагогическом институте. В 1930 году, по окончании этого института, я поступил в Учебный Комбинат Пищевой промышленности – преподавателем химии. В этом же году я преподавал металловедение в техникуме на Охте».

Дворянские и офицерские семьи, духовенство меняли своим детям фамилии, выдумывали биографии, всеми средствами скрывали происхождение. Делалось это не только ради высшего да и просто профессионального образования. При постоянных «чистках» не оставалось иного способа сохранить работу, угол, право жить в городе. Только в 80-е годы Тамара Михайловна поведала внукам, что настоящие фамилия и происхождение ее мужа были другими, и даже тогда не рискнула раскрыть все обстоятельства. Связи с семьей мужа она оборвала сразу, не пустив Владимира Ильича даже на похороны отца, прекратила общение с его сестрами, которые жили и преподавали в Петербурге – «крестьянские» девушки, владеющие несколькими языками...

7

Из автобиографии Владимира Ильича Наумова. «В 1931 году я поступил в «Гипроазотмаш» химиком. В 1932 году я там был назначен начальником лабораторной группы, одновременно занимаясь преподавательской деятельностью. В 1933 году я поступил экстерном в Химико-Технологический Институт, продолжая работать».

Из воспоминаний Галины Владимировны Наумовой: «В «Гипроазотмаше» папа работал над тем, чтобы металл не покрывался ржавчиной. Однажды принес с работы железку, блестящую, как зеркало. Сказал: эта ржаветь не будет. В другой раз показал ящичек с множеством

делений. В каждом из них лежал брусочек, вроде стекляшки, все разноцветные: красные, желтые, синие, словно огонь в них горит. Я взяла ящичек, чтобы поиграть, а мама спросила: «Это что?» «Это, – ответил папа, – новый материал, над которым мы работаем. Называется пластмасса. Пока еще она хрупкая, будьте осторожнее. Когда доведем пластмассу до ума, пользы будет не счесть».

В 1933 году главным конструктором «Гипроазотмаша» назначают Доллежала Николая Антоновича. Будущего основоположника практической атомной энергетики, конструктора ядерного реактора и сподвижника Курчатова, только что выпустили из «шарашки» (как писали в официальных биографиях до 1991 года, «работал в особом конструкторском бюро № 8»). «Задачей было конструировать машины и аппараты для строившихся азотных заводов. Институту придавалось большое значение. Об этом можно судить хотя бы по тому, что вскоре после приезда меня пригласил в Смольный Сергей Миронович Киров и дал согласие на откомандирование в «Гипроазотмаш» тех грамотных инженеров, которых я подберу», – вспоминал Николай Антонович, доживший до 100-летнего юбилея.

Русалка сидела на ветвях, подвернув хвостик. Лилии вились по гранитным глыбам, а Птица Феникс, распластав каменные крылья, стерегла вход в сказку. Дом-сказку. Башенки, витые причудливые балконы, майолики врубелевского письма – роскошной театральной декорации красовался дом на углу Английского проспекта и Офицерской. Не каждый театр мог похвалиться и такой труппой, которая населяла здание, построенное «обезумевшим от холода итальянцем», – из его парадных выпархивали ученицы балетной школы, у окна за роялем священнодействовал Мравинский, а в зале с голландскими печками умирал лебедь: Анна Павлова с Михаилом Фокиным репетировали Сен-Санса.

Улетел лебедь, встал за пульт Мариинского оркестра пианист, разметало юных красавиц в атласных туфельках на пуантах... Английский проспект переименовали в Маклина, а Офицерскую – в Декабристов. Дом пока держался, храня облупившиеся майолики и волшебство, манил русалочьими глазами и запахом, соблазнительным запахом, от которого кружились головы у неизбалованных ребятишек Коломны. В подвале дома-сказки располагался кондитерский цех. За его окнами феи в белых колпаках, выжимая из тубиков кремтовую струйку, рисовали на тортах розы. Побросав сумочки, дети висели на ограде, провожая глазами противни с плотными рядами сахарных трубочек, политых шоколадом эклеров и песочных корзиночек.

Во флигеле, который прятался во дворе дома-сказки, в трех комнатенках поселились Долинские: Евгений и Анна, Саша с молодой женой Ольгой, маленькой дочкой Таней и мамой, Александрой Людвиговной.

Вдовьего платья Александра Людвиговна так и не сняла. С рождением внучки окончательно смирилась и с седенькой кичкой на голове, и со старостью.

В память семьи она так и вошла – бабушка Саша. С утра мужчины уходили на службу. Женя, слава Богу, получал неплохо и из беспросветной нищеты выбились. Чем он занимался в своей Палате, она не очень разбиралась, да и не вникала: мерил что-то, главное, не трогали. Больше всего горевала, что младший сын остался без образования. Все-таки и он занимался любимым делом: вел физику в школе у Аларчина моста, где преподавал Михаил.

Женились оба сына удачно. Главное, все вместе, и Мишина семья рядом, в соседнем доме. Галочка каждый день прибегает. Неугомонная, озорная фантазерка. Всегда что-нибудь да выдумает. Любимое занятие – театр. Из тряпочек, пуговиц и шнурочков смастерит кукол. Таню усадит на горшок, кота нарядит в шляпу и салоп, а сама заберется на стул и из-за ширмы

показывает представление. Ботиночки скользят, стул кренится, кренится и все вместе: Галя, куклы, ширма, горшок, Таня и кот многострадальный – кубарем летят по комнате. Александра Людвиговна помешала палкой белье, кипящее на печке в огромной выварке, и зажгла керосинку. Дело к обеду, пора жарить олады.

Девочки крутятся у бабушкиной юбки:

- Бабушка, а оладушек много?

- Почекай, почекай, – приговаривает Александра Людвиговна, – ручки обожжешь.

Доймут они ее своей беготней и выдумками, бабушка рассердится, руками всплеснет: «Езус Мария, Матка Боска, и за что я такой крест несу? Всему есть конец, всему есть предел, но моим мучениям нет конца, нет предела!» Польский акцент и польская речь придавали ее речитативам торжественность и афористичность: «Лучше ватеры чистить, чем нянькою быть!»

Приходила из театра тетя Аня, неся под мышкой картонные папки на веревочках: она брала на переписку ноты. Распахивала крышку рояля, играла детские песенки и озорничала не хуже Гали: намажет девочкам физиономии сажей и они, растопырив ладоши и прыгая с ножки на ножку, танцуют вокруг стола арапчат из Щелкунчика.

Театралы все были страстные. Дядя Женя смеялся, что они со своим другом еще по Морскому корпусу, Леонидом Рубцом, уже, впрочем, не другом, а родственником, поскольку женился тот – ох, и не выговоришь! – на сестре жены брата, так вот вместе с ним они «Сильву» посмотрели тридцать раз! Любить-то любили, но Шурочку, сестру Анину, приму театра Музкомедии, осуждали. Александра Людвиговна складывала руки на животе и поджимала губы: Шура пляшет на подмостках. Шура очень быстро и очень кстати вышла замуж за Георгия Михайловича Римского-Корсакова, и спор решился сам собой. Георгий Михайлович – единственный из внуков великого композитора, кто унаследовал его музыкальный дар, увлекся акустикой (в семье смеялись – металлической музыкой), звуковым кино, днями колдовал в студии звукозаписи на Ленфильме. Сочинял романсы и играл их вечерами, когда вся семья собиралась на Декабристов, сам немного пел, как говорили, «композиторским» голосом. Галя торчала у рояля, и заглядывала ему в глаза:

- Дядя Гога, а для детей?

- Мне, Галочка, слов никак не придумать. Хотя это и не важно. Давай любые!

- По дороге полз червяк!

Дядя Гога склонился над разлинованным листком бумаги и протянул девочке:

- Садись за рояль.

Галочка забралась на витой стул, и они запели, негромким композиторским и неуверенным детским: «Черв-я-а-аак!»

Тетя Шура, закутанная в розовый газ, курила, перебирая пальцами ожерелье из нанизанных друг за другом серебряных оленей, лебедей, львов, бросала вдруг длинную папиросу: «Тамара, подыграй!» – и опускала на крышку рояля руку в перстнях. Комната превращалась в театр, они все – в зачарованных зрителей, и мадмуазель Нитуш страстно молила кого-то:

- Любви ищущу и жажду я!

О, как мы всю жизнь отработывали мамину страсть к музыке! – Игорь, ты хочешь играть на рояле? И робкий ответ: Играть-то я хочу, а вот учиться... И я, единственная из всей поросли, без намека даже на слух и голос, рыдаю над клавишами арендованного инструмента, – ты сможешь, ты справишься! И Ирочка, двоюродная сестра в белом накрахмаленном фартуке, которую мне вечно ставят в пример, благонаравно достучавшаяся до Консерватории. Друг дома Черни, и вот наши уже дети волокут картонные папки с веревочками: – Пальцы, пальцы! И Рома, склонив трехлетнее ушко, ловит перезвон стеклянных стаканов с водой, кои едва тревожит специальной палочкой, и вполне еще может весь уместиться в футляре от виолончели, на которую бабушка копит несколько лет, зарабатывая шитьем кукол. Мы перевозим рояль с квартиры на квартиру, конечно, это фортепиано, но мы всегда говорим торжественно – марш за рояль! У вашей девочки музыкальные руки, Анюта поет на клиросе.

– Может, у Коленьки нет данных? – с надеждой в голосе спрашивает невестка.

– Нет, – покорный судьбе, вздыхает брат, – он уже поет.

8

Последнее время Владимир Ильич часто жаловался на сердце. Не то чтобы болело, а как-то тянуло и мешало дышать. Как будто все время знал, где именно оно находится. Порывшись среди бутылочек, перетянутых черными аптечными резинками, он на глаз накапал в стакан с водой коричневую пахучую жидкость и залпом выпил. Не раздеваясь, прилег на кровать, подмял повыше подушку и пристроился на правый бок.

Подперев кулачком щеку, Галочка тревожно следила за папиными движениями. С кисточки, нависшей над недокрашенной Царевной Лебедь, капала краска и расплзалась по синему морю неуместным зеленым пятном. Девочка вылезла из-за стола и подбежала к кровати. Скинув ботиночки, она юркнула папе под бок. Не открывая глаз, отец притянул к себе кудрявую головку. Галя свернулась клубочком и приложила ладошки к папиному сердцу: «Помогает?», – нетерпеливо спросила она. «Еще как помогает», – ласково согласился папа. Силясь не заснуть, девочка смотрела на невеселое бледное лицо, будто ища в родных чертах немедленного улучшения, а сонная пелена уже покрывала ее, укачивала и уносила от него насовсем.

Чекист, тот, который был помоложе, задержался у кровати, где, вытянув вперед ладошки, спал ребенок. «Проснется, а папы нет», – вздохнул он и вырвал замок из ящика письменного стола.

9

Михаила Людвиговича Савича и Владимира Ильича Наумова арестовали в одну ночь, 25 октября 1935 года. Обоим им были предъявлены обвинения по статьям 58-8 и 58-11 УК РСФСР. «Великая, могучая, обильная, разветвленная, разнообразная, всеподметающая Пятьдесят Восьмая, – с жесткой иронией писал А. И. Солженицын, – исчерпывающая мир не так даже в формулировках своих пунктов, сколько в диалектическом и широчайшем их истолковании».

Восьмой ее пункт означал обвинение в терроре или подозрение о террористических намерениях.

Пункт одиннадцатый самостоятельного содержания не имел, но говорил об отягчающем обстоятельстве: создании организации для совершения преступления. В данном случае, по мнению следствия, это отягчающее обстоятельство было налицо: тесть и зять, проживающие в одной квартире.

Мужчин увели на рассвете, в «волчий час». Вываленное бесстыдно из шкафа белье, книги с черными следами сапог на распахнутых страницах, тетради, лекции, рукописи, дорожки просыпанной и растасканной по всей комнате муки, обрывки обоев, – обесчещенная, поруганная жизнь семьи не подлежала восстановлению. Тамара Михайловна стояла, прислонившись плечом к буфету, и неслышно плакала.

«Папа уехал в командировку», – объяснила она утром дочери. Чужая неладная, Галя в ночной сорочке побежала в комнату к бабушке. Евгения Трофимовна сидела на скамеечке у печки. На ее коленях лежала жестяная коробочка из-под конфет Жорж Борман. Одну за другой она вынимала оттуда фотографии и бросала в огонь. Пламя захватывало края, бумага сворачивалась в трубочку и рассыпалась на коричневые пепельные хлопья.

10

В лесу цветет подснежник,
А не метель метет.
И тот из вас мятежник,
Кто скажет: не цветет!

С. Я. Маршак,
«Двенадцать месяцев»

На страницах справедливо забытой ныне советской литературы ходульные герои ковали, перевыполняли, возводили стройки в безводных пустынях и новый быт. Расталкивая друг друга локтями «инженеры человеческих душ» воспевали Отца всех народов, выводили услужливую мораль и совершенствовались ежедневно в новом и перспективном жанре литературных доносов.

А в Куоккале, в деревянном доме на берегу Финского залива, сидел, сжав голову, Корней Чуковский, и рифмы стучали ему в виски:

Вот и стал Таракан победителем,
Всех лесов и полей повелителем.
Покорилися звери усатому,
(Чтоб ему провалиться, проклятому!)
А он между ними похаживает,
Золоченное брюхо поглаживает:
Принесите, говорит, мне ваших детушек.
Я сегодня их за ужином скушаю.

К. И. Чуковский,
«Тараканище»

Эзопов язык, иносказание, сказка, – для русского писателя становились единственно возможным способом говорить с читателем. Может, этот последний оставшийся путь и был самым важным, – успеть предупредить детей о «Драконе». [\[11\]](#)

Вокруг костра на сцене предвоенного ТЮЗа собрались двенадцать месяцев, которые всегда идут один за другим, и никакой указ – даже большая государственная печать – не может изменить этой последовательности.

– Я издам новый закон природы! – заявляет Королева из новогодней сказки Маршака и посылает покорную Падчерицу собирать в зимнем лесу подснежники.

Новые законы механики, ветвистая пшеница, пятилетку в четыре года, – сияющие перспективы рисуют перед разинувшим рот обществом великие вожди, а вокруг бегают буржуазные недобитки и машут своими формулами. Февраль следует за январем, осень обязательно придет после лета, невозможно методом воспитания превратить гречиху в рис. Капитулянты, саботажники, предельщики – эти ярлыки получали специалисты, настаивающие на существовании технических и природных закономерностей, с которыми необходимо считаться. Социалистическим достижениям нет предела, объясняли им: месторождения не иссякают никогда, в степи будет производиться наш, советский каучук, грузоподъемность вагонов безмерна, и тот из вас мятежник, кто скажет: не цветет!

Карточная система, повышение цен, государственные займы – все это было чревато недовольством и требовало объяснений. Виноватыми назначаются «вредители». Техническая интеллигенция, последний образованный и сохраняющий некоторую независимость слой, стал ответчиком за провал индустриализации. В качестве образца для тиражирования в 1931 году проводится процесс Промпартии. Сценарий, с самоговорами, разоблачениями и прочей черной магией, разработанный и продемонстрированный на открытом суде, многократно повторяется по всей стране, по всем отраслям. Подготовка интервенции, недооценка роли долота, строительство авиационных заводов в местах, удобных для захвата таковых фашистами, противодействие стахановскому движению, затушевывание коренных различий между капиталистическими и социалистическими методами бурения. На последний год второй пятилетки, когда стало ясно, что все планы позорно провалены, приходится пик репрессий 1937 года.

«А вы знаете, что я могу вас казнить? И даже сегодня, если захочу?»

– Но чем же я прогневал ваше величество? Клянусь жизнью, я не буду больше с вами спорить.

– Клянётесь жизнью? Хорошо. Шестью шесть – одиннадцать!

– Совершенно верно, ваше величество».

Кто отрицать посмеет,
Что ласточка летит,
Что травка зеленеет,
И солнышко блестит?

С. Я. Маршак,
«Двенадцать месяцев»

11

Соседи по дому перестали раскланиваться, знакомые при встрече отводили глаза и быстро переходили на другую сторону улицы.

Тамара Михайловна прекратила звонить и писать родным. Нашла работу: устроилась машинисткой в первый пионер-дом имени тов. Сталина. Тренированные пальцы пианистки легко приспособились и к клавишам пишмашинки.

Какое-то время суетились, продавали вещи: искали хорошего адвоката. Потом затихли. Перестали обсуждать. Только собирали передачи и часами стояли на Шпалерной в очереди, спускающейся на улицу по длинной узкой лестнице. Сведения, поступающие из-за полузакрытого окошка, были скудны и однообразны. «Идет следствие, вам сообщат».

Иногда щель открывалась, и оттуда появлялся сложенный листок бумаги: письмо от заключенного или небольшой пакет – «обратная передача».

«Дорогая Тamarочка! Я посылаю грязное белье и прочие вещи, находящиеся у меня. Выстирай и пришли, пожалуйста, поскорее фуфайку. Не найдется ли пара теплых носков?»

Очень хотелось бы знать о тебе, как ты работаешь, живешь, как Галочка. Напиши, пожалуйста, поскорее. Имей в виду, что второй день шестидневки – день обратных передач (от заключенных), хорошо, если бы ты навевалась в эти дни. Знаю, что по условиям твоей жизни и работы вряд ли ты можешь часто бывать здесь.

Напиши, пожалуйста, о себе поподробнее. Я ведь ничего не знаю. Часто думаю о тебе с Галиной, и эти мысли удручают меня. Пожалуйста, пиши. Для передач мне как будто предоставляется третий день шестидневки, для писем же – не знаю.

Целую крепко. Милая Галечка, пиши папе.

P.S. Пожалуйста, присылай табаку – я все время курю».

Изредка давали свидания.

«Милая Тamarочка! Мне очень грустно, что ты была такой расстроенной в последнее наше свидание. Конечно, тебе тяжело живется, и эта тяжесть с течением времени возрастает, но тем терпеливее, тверже надо делаться, потому что здоровье нервной системы легко расшатывается и трудно восстанавливается. Рано или поздно все кончится, и надо будет жить. Вот для этого времени и надо оказаться здоровым.

Часто вспоминаю тебя; более того – последнее время только и думаю о тебе, вспоминаю отдельные моменты нашей жизни и вижу много светлых, хороших событий, радость которых чувствовалась с недостаточной глубиной.

Принеси мне, пожалуйста, мыло и полуботинки (мои окончательно пронеслись).

Не грусти. Пиши мне почаще, моя милая, любимая Тamarочка.

Целую крепко. Володя.

Позвони следователю; может быть, даст еще свидание. Галю целую».

Наверху листа – приписка: «Белья не надо приносить (кроме носков и платков)».

Эти два письма, фотография в деревянной рамке, где он смотрит печальными, похожими на мамыны, глазами, и обручальное кольцо червонного золота, купленное в день венчания, – вот и все, что осталось от моего дедушки.

Владимир Ильич прожил в семье семь лет, дочь едва запомнила, как он выглядел, а жена твердо считала, что он погубил себя и Михаила Людвиговича собственной неосторожностью.

– Женя ведь уберется! – с упреком говорила она. Если при этом случалось быть Евгению Флоровичу, он клал сухую ладонь на изящную до самых преклонных лет бабушкину руку и качал головой: – Ах, Тамара, мне крупно повезло, что арестовали в самом начале.

Бабушкина горечь, мамина неостывающая боль, и страшный вопрос, на который смертельно важно было найти ответ: почему? – стучали в мое сердце, как пепел Клааса.

Лето, 2010

Серое безжизненное здание на берегу Невы. Говорят, подвалы в нем уходят на шесть этажей вниз. Говорят, лестничные проемы перетянуты проволочной сеткой. Говорят, у трубы, спускающейся из этого дома в Неву, поверхность воды ночами окрашивалась в розовый цвет. Большой Дом.

Мы с братом сидим в просторной приемной, мало чем отличающейся от обычной ментовки. Нам назначили время, и я приехала на модном поезде «Сапсан» из Москвы в Санкт-Петербург, запасаясь документами, подтверждающими родство с теми, чьи «дела» мы хотим посмотреть. Свидетельство о браке Тамары Михайловны Савич и Владимира Ильича Наумова, свидетельство о рождении их дочери Галины Владимировны, ее документ из ЗАГСа, наши с Игорем бумаги, удостоверяющие, что мы ее дети, заявления, справки – в общем, готовность номер один. Сотрудница ФСБ провожает нас в отдельный кабинет и выкладывает на стол потрепанные картонные папки, перевязанные веревочками. Фотографировать разрешается.

Жизнь и смерть моего деда заключена в этих ветхих, исписанных неразборчиво бумагах. Вежливая сотрудница помогает разобрать тома по хронологии и садится рядом. Разрешенные для просмотра места заранее проложены закладочками. В руках у нее тоненькие белые полоски: ими она будет прикрывать фамилии, которые нам знать не положено. Следователи, судьи, доносчики. Показания других подследственных. Короче, все, что не касается двух граждан, с которыми установлено наше родство: Савич и Наумов. У нас два часа. Местный представитель листает страницы, Игорь щелкает камерой, а я делаю выписки.

Представьте живого человека, которого одели в рыцарские латы, причем на голое тело. Он в этих латах должен ходить на работу, ложиться спать, ездить в трамвае, справлять физиологические нужды. Ему неудобно, железо натирает, причем в разных местах, связывает движения – сотрудничество с неестественной властью и сопротивление ей переплетаются и возникают естественным путем.

«Народу», в чьих интересах существовал новый режим, а именно управленцам, тем единственным, кто получал выгоду и был крепко заинтересован в неизблемости этой уникальной формы правления, врагами были все, и со всеми тотально борются они, играя на интересах, стравливая между собой, меняя стороны и правила игры.

Выиграть в такой ситуации может только тот, кто не держится никаких догм и готов менять мнение, поведение и лояльность со скоростью, которую диктует власть. Реалити-шоу «Остаться в живых». Выживали те, кто мог есть червяков сам и кормить ими других.

Приспосабливаться непрерывно, приспосабливаться последовательно. Естественный отбор на готовность сдать все, лишь бы остаться на плаву.

Абсолютно прав, и я не шучу, был «отец народов», когда утверждал, что с увеличением количества социализма усиливается и классовая борьба. Чем дольше ты таскаешь на себе проржавевшие латы, тем сильнее они натирают в паху.

Диссидент 80-х признавал не хуже органов, что он – антисоветчик. Знал, что если найдут у него перепечатанного на «Эрике» Солженицына, то осудят и отправят в Мордовию. Довоенные репрессии были иными. Арестованным не приходило в голову, что они в чем-то виноваты. Противник власти для них (а они не так давно были свидетелями преступлений против власти) – это человек, который взял пулемет, сел на тачанку и расстреливает наступающего врага. Они же – мирные граждане, которые добросовестно работали. «Я честно считал... учил...

изобретал... я - честный труженик... от моей работы есть польза... в чем меня обвиняют»...

На них начинали давить:

- Говорил, что противник коллективизации?

- Говорил, я же видел, что положение крестьян ухудшилось.

Враг, потому что умеет замечать, способен сформулировать, в какой-то момент может объединиться с такими же наблюдательными, создать сплоченную группу, потенциально нацеленную против режима и могущую затормозить нарастающее утверждение авторитарной власти. Арестованному невдомек, что его обычная жизнь, тип мышления, сам факт мышления как раз и является составом преступления. Впрочем, надо иметь в виду, что подавляющее большинство людей, если и не были сознательными противниками советской власти (такие к этому времени были убиты или эмигрировали), то, по крайней мере, не были клиническими идиотами и отдавали себе отчет в происходящем. А происходило в этот момент многое, коллективизация, например, голод, перерастание «советов» в тоталитаризм. (Я не сторонник «советов», однако могу себе представить чувства тех, кто положил жизнь, и не одну, за осуществление рая на земле). Нельзя сказать, что население целиком состояло из героев фильма «Кубанские казаки» и всего этого не замечало. Это уже потом, после хрущевских разоблачений, среди выживших, а другими словами, прошедших селекцию граждан, возникла удобная «мантра»: «а мы не знали», «мы верили». Как будто можно гордиться или, по крайней мере, оправдывать себя слепотой. К тому же, еще доживало поколение, воспитанное при «кровоном» царском режиме, где право высказывать свои соображения о политическом устройстве было естественным, как чтение, а критика власть предержащих считалась нормой жизни. Понадобилось два поколения, чтобы нормой жизни стал конформизм.

Сталинские процессы различали три типа оппозиционного поведения. Первое - по идеологическому родству («троцкист», «бухаринец», «зиновьевец»). Во втором случае обвинение касалось организации сети индивидуальных связей, за которыми могла стоять попытка организовать сопротивление; наличие любого круга знакомств уже становилось опасным. Третье - вредительство, которое трактовались как стремление подорвать строй.

Любопытно, что эти три типа формулировались репрессивными органами, до такой классификации не мог самостоятельно додуматься ни один обвиняемый. Обычной профессиональной деятельности хватало, чтобы интерпретировать ее под любую из трех категорий: плохо выполненная работа - вредительство, общаешься с коллегами - объединились с целью вредительства, формируете сеть, планируете мероприятия. Собрания группы служащих в рамках служебной деятельности было достаточно, чтобы все были арестованы, как контрреволюционная организация. Всякая индивидуальная связь: дружеская, родственная, научная, контакты между семьями, хождение в гости и встречи во внеслужебное время - вызывала настороженность, поскольку могла породить чувство солидарности.

Наступает противоречие, в конце концов, и подточившее советский режим: экономика нуждается в профессионалах, а профессиональная логика, основанная на знании, и образ жизни все время ускользают из-под политического контроля. Удерживать при этом власть без насилия невозможно.

Что послужило спусковым крючком в нашем случае? Перевод Доллежала на Украину? Прикрывать стало некому, а насущная надобность - азот и его производные - перешла на киевские заводы. Закупки немецкого оборудования? Лишние свидетели торговли с фашистами. Слишком вылез из общего ряда? Сегодня он гордится своими изобретениями, а завтра решит,

что незаменим. Попал для массовости в знаменитый «кировский поток»? Тоже похоже на правду, после убийства Кирова в Ленинграде расстреливали десятками тысяч. Донос бдительного сексота? Без этого точно не обошлось.

Контрреволюционная организация, вскрытая на Гипроазотмаше, состояла из десяти человек. Первым арестовали Бубнова (единственная фамилия в книге, которая изменена). Нам не положено смотреть ничего, что не касается наших родных. Зорко выхватываем пару фраз из обвинения: посещал Публичную библиотеку, где читал фашистскую литературу.

- Кто ему мог выдать? - профессионально изумляется сотрудница ФСБ.

- Кто ее мог выписывать в библиотеку? - с опытом советского человека удивляюсь я.

- Они имели ввиду немецкую, - с ученой бесстрастностью поясняет брат.

Бубнов дает показания, и на их основании арестованы остальные, среди которых два рабочих стеклодува с немецкими фамилиями и группа людей, до суда друг с другом не знакомых.

- Расскажите о сути ваших взглядов?

- Каковы политические убеждения ваших знакомых?

Сегодня такой набор вопросов могут предложить мелкому политическому деятелю на провинциальном телевидении.

Первый допрос обличает полное непонимание. С людьми, привлеченными к процессу, не знаком. С Бубновым вместе работаю, встречаюсь по службе. С подследственными с немецкой фамилией познакомился при заказе оборудования для Гипроазотмаша. Последний раз встречался полтора года тому назад. Убеждения их мне неизвестны. Советская власть мне приемлема, хотя я не разделяю взглядов в отношении коллективизации. Никаких своих высказываний о борьбе с властью не помню и не допускаю такой возможности. К террору отношение отрицательное.

Переворачиваются страницы протоколов: октябрь, ноябрь, декабрь. Меняется тон. Специалисты-историки, которым мы впоследствии показали материалы дела, сняли с моей души большую тяжесть: они не увидели в чередующихся от допроса к допросу показаний признаков физического воздействия, скорее всего, уверили они меня, имело место моральное давление.

- Рутинное дело, - развел рукам историк. - Чисто для отчетности.

По каким мотивам считали необходимым совершение терактов над вождями? Кто вас снабжал фашистской литературой? Подтверждаете показания, что говорили о борьбе с советской властью?

Он подтверждает. Однако стоит ему заговорить развернутыми предложениями, и неминуемо проявляется контраст между недоумением разумного человека и бессмыслицей покорно произносимых повторов.

Детское изумление звучит в показаниях на очных ставках и вовсе не готовых к туманным намекам следователя немцев-стеклодувов. Они повторяют то, что им кажется общим местом: если рабочий видит ухудшение своего положения, он должен бороться за свои права. Состав преступления налицо. (Я нашла фамилии этих немцев в мартирологе «Мемориала»).

Каждый допрос заканчивается утяжеляющим вопросом. И каждый следующий начинается пересказом этого вопроса в утвердительном смысле. Да, я высказывал недовольство советской властью, говорил о нищенском, бесправном положении рабочего.

Видно, до боли видно, как он борется. Уходит от провокаций, не позволяет сбить себя с мысли, пресекает попытки втянуть в обсуждение показаний других арестованных, сосредоточен, четок, логичен. Настойчиво старается перевести разговор в правовую плоскость. Просто в разумную.

- Обвинение в систематической агитации нелогично при сопоставлении фактов, установленных предварительным и судебным следствием. С единственным лицом, с которым я вел разговоры, я сам прервал знакомство полтора года назад, что странно для агитатора.

С фотографической точностью документы воссоздают внутренний облик нашего деда: ясный ум, врожденная интеллигентность, порядочность. Хотела написать: неуместная в этих стенах, и поняла тут же, что ошибаюсь. Именно в «этих стенах», как нигде, порядочность проявляется жизнеобразующим фактором.

В каждом протоколе, через вопрос, через абзац: Савич при разговоре не присутствовал. Не участвовал. Не обсуждал. Находился в другой комнате.

Впрочем, из материалов дела становится ясно, что Михаил Людвигович взят для массовости. На него нет даже доноса.

«Вы подтверждаете свою кр деятельность?»

Читаем ответ словесника с классическим образованием:

«Свои кр взгляды выражал только мысленно. Деятельности кр не вел. В обсуждения не вступал».

Он еще не читал Оруэлла и не знает, что такое мыслепреступление, но безукоризненно проводит границу, которую на его глазах размывает следствие.

Рассказывая о своем аресте, бабушка всегда говорила: «Ну, меня-то взяли за дело - я этих сволочей с самого начала ненавидела».

Прожив в «Совдепии» - а по другому в семье режим не называли - до 80-х годов, Тамара Михайловна ясно понимала, что не только мысли, но и чувства, далекие от восторженных, являются уголовно наказуемыми.

К концу 1935 года поток арестованных так вырастает, что Сталин собственноручно пишет распоряжение о сведении к минимуму всех юридических процедур, включая суды и кассационные жалобы. Приговоры подписывают в коридоре. Однако в деле Владимира Ильича Наумова присутствует «Заявление в военную коллегия Верховного суда СССР». К прошению он прилагает список своих изобретений - высокохромистый нержавеющий чугун, стойкие сплавы для морского флота, перечисляет исследования для секретных химических производств, которые прерваны арестом: если мне будет оставлена жизнь, я отдам все силы и знания, чтобы быть полезным в социалистическом строительстве.

...Брат с силой трет ладонью глаза:

- Я как-то смотрел фильм о немецких концлагерях. Там был такой эпизод. Дети из-за колючей

проволаки протягивали к охранникам руки и просили: не убивайте, я еще могу давать кровь.

- Читай, - говорю я. - У нас осталось тридцать минут.

В точных и ясных выражениях, демонстрирующих полное понимание беспочвенности обвинения, Владимир Ильич разбирает свое дело. Заканчивается прошение пассажиром, в котором, не зная мы обстоятельств его появления, услышали бы даже сарказм: «Если отметить, что с Савичем я живу в одних комнатах, а с Бубновым работал в одной лаборатории, то делается ясным, что разговор и с этими лицами вызывался в значительной степени территориальными обстоятельствами».

На суде он себя виновным не признал.

12

Лай собак. Сквозь высокое, перечеркнутое решеткой окно брезжит апрельское утро. На соседних койках тяжело, с хрипом спят такие же, как он, туберкулезники. То один, то другой вдруг встрепенется, приподнимется на постели и, схватившись за грудь, закашляется глухо, с надрывом. Потом упадет на подушку и застынет снова в недобром сне. Михаил Людвигович спал мало. По большей части лежал, укрывшись до подбородка застиранной простыней. Перебирал в голове слова, лица, движения. Старался не думать. Четыре месяца, проведенные в тюремной больнице, оказались томительней, чем допросы. Он ничего не ждал и ни на что не надеялся.

У решетки, отделяющей палату от коридора, заскрипел замок.

- Заключенный Савич! С вещами на выход!

За окошком машины мелькает Лавра. По Невскому идут густой толпой прохожие. На Литейном затормозили, встали рядом с трамваем. Где настоящая жизнь? Там, на улице, на трамвайной площадке, среди озабоченных пассажиров? Или здесь, в вонючем воронке, где сипло дышат обреченные, отщипанные от людской грибницы арестанты?

Зал суда полупуст. Невыспавшиеся одинаковые физиономии охранников. Какие-то чины с сутулыми загривками за столом. За барьером понурые, угрюмые лица подсудимых. Так выглядят утопленники, вынутые из реки на берег, и жизнь стекает с них, как вода. Володя. Он не видел зятя полгода, с той минуты, когда их вытолкали из «черной маруси» и развели по разным камерам. Михаил Людвигович пробежал опытным взглядом зэка фигуру в мешком висящем костюме и перевел дыхание: цел.

Процесс уже шел. Гудели, как провода, монотонные, невнятные, не несущие смысла слова: является членом фашистской организации, объявлено об окончании следствия, установил связь с единомышленниками, систематически занимался...

Вставали, произносили такие же бессодержательные слова и снова опускались на скамейку люди, которых лишили жизни и смысла при входе в этот дом, как гардеробщик забирает шляпу и пальто.

- Подсудимый Савич!

Михаил Людвигович поднялся, обвел глазами зал, словно перед ним был расшумевшийся класс, и произнес:

- Я старый человек...

Наше время истекло. Фотографируем последние страницы: признание собственности на рояль за Е.Т. Савич. Акт конфискации. Постановление об избрании меры пресечения. Кассационная жалоба. На толстую пачку просмотренных документов ложится белый листок, исписанный мелким бабушкиным почерком:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Твердое убеждение в наличии судебной ошибки оправдывает мое обращение к Вам, перегруженному великими государственными делами - с мольбой проявить «сталинскую заботу о человеке».

- Господи, - говорю я, - что надо сделать с нашей бабушкой, чтобы она написала это?

- Как что? - пожимает плечами Игорь. - Отнять мужа и отца.

Он закрывает папку с потрепанными углами, неторопливо перевязывает веревочки и встает из-за стола.

- Пошли отсюда.

Перед уходом мы должны подписать пропуск у начальника. Постучавшись, заходим в кабинет. Плотный майор небрежно бросает нам подписанный бланк. Мы поворачиваемся и идем к двери. С огромного, в полстены, поясного портрета холодно и равнодушно смотрит нам в спину Дзержинский.

10 апреля 1936 года трибунал Ленинградского военного округа осудил Савича Михаила Людвиговича к четырем годам ссылки, а Наумова Владимира Ильича - к десяти годам без права переписки.

Через 25 лет обоих реабилитируют за отсутствием состава преступления; Тамара Михайловна получит «двухмесячную зарплату, причитающуюся гр-ну Наумову в связи реабилитацией, в сумме 280 руб.».

Глава 8. В избранном обществе

1

Чарозеро

Деревня Погорелово Чарозерского сельсовета Кирилловского района Вологодской области была назначена Михаилу Людвиговичу для проживания. Уезжать следовало немедленно. Больные легкие и грудная жаба, - в свои без малого шестьдесят он выглядел стариком, да и был им. Ссутулившись над остывшим чаем, он прижимал ладонь к груди и кашлял долго, жалобно.

- Мама, - Тамара положила руку на спинку стула, где сидел отец, - его нельзя отпускать одного.

Наутро она взяла расчет. Через 24 часа после вынесения приговора, усадив отца и Галю в привокзальном буфете, Тамара Михайловна покупала в кассе три плацкартных билета до Вологды.

Река Пряжка

Евгения Трофимовна осталась в Ленинграде. Бывшей хозяйке выделили каморку, примыкающую к уборной: оба помещения соединялись окошечком под потолком. Уместиться было нетрудно: конфисковали практически все. Вынесли письменный стол, шкаф, книги, настольную лампу, подушки, матрас. Сняли занавески, портьеры, картины. Забрали даже перламутровую раковину с распятием, купленную на мосту Риальто в свадебном путешествии. Отстоять удалось только рояль – как предмет профессиональной необходимости.

Петухов, новый жилец, занявший отобранную комнату, был похож на дедушку Калинина, чем очень гордился.

- Сами мы пскопские, – пояснила его жена Пелагея, сухопарая тетка в низко повязанном над глазами платке. Снимала она когда-нибудь свой платок или не снимала, никто не знал, потому что из комнаты она выходила только в уборную. Дочь их Дуська устроилась на обувную фабрику и сделала шестимесячный перманент. В выходной, подбоченясь, орала на кухне частушки: «Эх, Семеновна, юбка в клеточку, выполняй давай пятилеточку».

Петухова приняли в партию. Встав посреди кухни, он бил себя кулаком в грудь и кричал: «Я – парте-е-ейный». Поднявшись на такие высоты, он решил, что Пелагея ему не пара. Владельцем двенадцатиметровой комнаты заинтересовалась профсоюзная активистка, товарищ Зуева, как почтительно называл ее Петухов. Она коротко стриглась и носила мужской пиджак с закатанными до локтя рукавами. Расписавшись с Петуховым, активистка потребовала, чтобы тот, не медля, вышиб из квартиры свою бывшую. Сам Петухов и вякнуть бы не посмел, но вмешалась Дуська: «Ты своей хари не узнаешь, если только к моей матери подойдешь!». Товарищ Зуева отступила перед превосходящими силами противника.

Пелагее отделили угол. Кряхтя и вздыхая, Петухов влез на принесенную с кухни табуретку, вбил два гвоздя и повесил на них простынь. Из мебели «бывшей» выделили топчан и табуретку, раз уж принесли. Так, сидя на общественной табуретке, и хлебала Пелагея суп из кастрюльки, притащенной Дуськой за занавеску. Петухов спал на тюфяке у порога. В отсутствие дочки в комнату заходить он не рисковал. Пробравшись на кухню, партийный присаживался у стола Евгении Трофимовны. Тревожно оглядываясь на дверь, он тряс калининской бороденкой и шептал: «Товарищ Зуева недовольна». Евгения Трофимовна сочувственно наливала ему кипятка в кружку и говорила:

- Это на Кавказе умеют с двумя женами управляться, у нас такой привычки нет.

Товарищ Зуева, ухватив тряпкой раскаленный чайник, ставила его на беккеровский рояль, задвинутый в проходную комнату, и шипела: «Баре паршивые».

Когда началась война, Дуська ушла на фронт, а Пелагея собрала котомку и увезла своего Петухова обратно в деревню. О судьбе товарища Зуевой беспокоиться не стоит: распределитель, жилконтора, хлебрезка – много было мест в блокадном Ленинграде, где она могла пристроиться с ее безукоризненным классовым чутьем.

2

27 мая 1936 года передачу для заключенного Наумова у Евгении Трофимовны не приняли. «Наверное, его отправили по этапу в лагерь», – напишет она дочери, и еще долго они будут посылать запросы, искать почтовый адрес, тыкаться в закрытые двери. Пока им не объяснят, пока не крикнет, приподнявшись за канцелярским столом, тетка в милицейской форме с литым

задом:

- Хватит шляться тут! Дошляетесь, самих к стенке поставят!

В выданном после реабилитации свидетельстве о смерти в графе «Причина» значится: «Нет сведений».

Чарозеро

Евдокия, хозяйка дома на опенках у околицы, пустила ссыльных жить у нее. Сама забиралась спать на печь, а им бросала на пол матрасы. В июне почтальон принес телеграмму: Тамара Михайловна Наумова срочно вызывается в Ленинград, в НКВД. За неявку - арест. Галя осталась вдвоем с дедом. Было ей шесть лет.

Река Нева

В Ленинграде Тамаре Михайловне вручили постановление НКВД о высылке в город Павлодар Казахской ССР. На сборы дали все те же 24 часа.

Убираться из города требовалось за свой счет. Евгения Трофимовна продала два кресла и купила железнодорожные билеты.

Мемуарист, чья мать в те же годы оказалась в подобных обстоятельствах, пишет: «Мама, ошеломленная новой развершейся пропастью, нашла в себе все же силы задать чиновнику вопрос:

- Пусть мой муж - враг народа. Но ведь я и мои дети ни в чем не виноваты. За что же вы нас наказываете?

- Гражданка, - ответил ей тот, - если бы вы были виноваты, вы были бы там же, где ваш муж. А так - мы вас только высылаем».

3

Река Иртыш

Густая горячая пыль, полынь, темные закоптелые мазанки, окна, затянутые промасленной кожей. Покачивается воз, не спеша двигаются быки по степи мимо курганов, вдоль обрывистого берега Иртыша.

Остановились посреди длинной, без единого деревца улицы, застроенной одноэтажными деревянными домишками. Евгения Трофимовна от изумления уронила тюк: верблюды! Корабль пустыни покачал головой, чуть приподнял томное веко и плюнул. Так встретило их село Лебяжье, куда они прибыли по направлению НКВД, полученному в Павлодаре.

«...Лебяжье, так же как и вся страна, наполнено жарой, но Лебяжье тем хорошо, что рядом колышется Иртыш с его широкой влагой». ^[12]

Задержаться Евгения Трофимовна могла лишь на пару дней. Попутчики в поезде присоветовали им адрес бабушки-казашки. Хозяйка приняла их приветливо, сама переехала на кухню, а Тамаре уступила комнатенку.

В домике с низкими потолками уже жили квартиранты. Лев Николаевич Полиевский приехал в

Лебяжье следом за женой Кирой, которую выслали из Ленинграда за «вредительство». В угловой комнатке на сундуке ютилась девушка лет семнадцати. Нининого отца, офицера, расстреляли как выходца из дворян, а мать – за недоносительство. Петербуржцы, интеллигенты, определенные властями как антисоветские элементы, они вечерами собирались у самовара, пили заваренный шиповник и самодельную наливку. Льву Николаевичу удалось привезти с собой книги. Гладкая питерская речь, вскользь брошенные цитаты, теплое участие к мелочам неустроенного быта – все это как будто загораживало их, хотя бы на вечер, от убогого окружения.

Кровавая мета русской истории – 1937 год. В Павлодарской области ударили небывалые морозы: с начала января и до Крещения держалась температура ниже 40 градусов. На укатанных немощеных мостовых появились глубокие, пересекающие улицы трещины. С деревьев на обочину с каменным стуком падали замерзшие воробы.

Местные жители боялись выходить из дома, разговаривать с соседями, друзьями, родственниками. Одного за другим вызывали колхозников в НКВД. Оттуда не возвращались, исчезая беззвучно и бесследно. Семью забранных обходили, как больных проказой. Бабушка-казашка ночью пробиралась задворками и огородами, чтобы сунуть узелок с хлебом и маслом сестре, мужа которой, бригадира колхоза, расстреляли в Семипалатинской тюрьме. Детишек из семей репрессированных отправляли на работу. В Лебяжьем была только четырехлетка, а в восьмилетки, расположенные в соседних деревнях, их не принимали, как детей врагов народа. На трудодни они получали граммы.

Ссылным работы не давали вообще, боялись нежелательного влияния на колхозников. Удавалось устроиться только на разовые подработки. Женщины перебирали промерзшую картошку в колхозном хранилище.

Летом начались пыльные бури; пыль забивалась в волосы, глаза, одежду. Кира перекрасила в черный цвет вафельные полотенца и сшила им всем юбки, в них и отправились, когда получили разнарядку в колхоз на пахоту. Пахали на волах. Надзирающий казах кричал что-то на незнакомом языке и щелкал кнутом.

Ссылные все прибывали и прибывали. «Царские провокаторы, лица антисоветского элемента, преступного элемента, иноподданные, административно высланные, административно ссылные, жандармы, офицеры, контрразведчики и шпионы; генерал-губернаторы, волуправители и атаманы; лица, служившие в колчаковской милиции, царской полиции; участники антисоветских и буржуазно-националистических политических партий; участники свержения советской власти в 1918 году и подавления крестьянского восстания в 1919 году; судьи царского, временного, белого правительства; руководители родовой, партийной вражды, контрреволюционеры...»

«Как будто на них вся Россия сошлась»...

На руки ссылным выдавали справки, которые служили документом при устройстве на работу, получении посылок, в ЗАГСе. С этими справками положено было еженедельно являться в ГПУ, отмечаться.

В 1939 году Тамара Михайловна, наконец, нашла постоянную работу. Ей завели трудовую книжку. Первая запись: «Зачислена на должность секретаря-машинистки».

Новые идеологические установки получили название «казахизации».

– Казахи народ сообразительный и незлобивый, – заметил Лев Николаевич, – но уж очень

неграмотный. Им нужно принимать решительные меры.

- Ну не всю же жизнь ссыльные на них будут работать, - колко добавила его жена.

- Беда в том, - продолжил Лев Николаевич, - что новые советские выдвиженцы не со школ начинают и не с курсов языковых, а со смены вывесок.

- Да, - поддержала Кира, - я заметила. Парикмахерская теперь называется «шац-гараз», а ювелир - «алтын-уста».

- Я вам расскажу, как украинизировали Киев, - рассмеялась Тамара. - Мы с родителями жили в начале двадцатых в Белой Церкви. Часто приезжали в Киев. Как-то папа повел нас с Борей в оперу. Давали Онегина на украинском. Представьте себе - ария Ленского:

Паду ли я, дручком пропэртый,
Иль мимо прошпандырит він?

Начинают всегда с вывесок, а кончают одинаково. В конторе, где работала Тамара Михайловна, в машинке поменяли шрифт: «В связи перевода шрифта пишущей машина с русского на казахском языке машинистка Наумовой Т. М. уволен».

Следующую работу она нашла уже в Павлодаре.

4

Чарозеро

Дедушка сильно кашлял, но всё бодрился. Немножко гулял по окрестностям. Учил Галю писать - читать-то она уже хорошо умела. Тетрадка, перо номер 86. Здесь - нажим, а здесь - легонько. Почерк должен быть красивым, ясным, а то маме в Павлодаре трудно будет читать.

По линейкам, округлыми старательными буквами:

«Дорогая мамочка! Поздравляю тебя с днем рожденья. У меня насморк и кашель. Я сделала куклу из тряпок - Лида в чепце, работает избачом. Целую тебя. Галя».

Избач - культурно-просветительный работник в деревне, заведующий избой-читальней, сельской библиотекой.

Листок вложен в конверт вместе с письмом Михаила Людвиговича: «Дорогая Тamarочка, желаю тебе хоть маленького просвета в твоей жизни, на большее уж трудно нам надеяться. У нас всё по-прежнему. У Гали каждый день что-нибудь да болит. Вообще ее надо серьезно лечить. Хозяйка к Галине относится грубо и нисколько о ней не думает, сыта ли Галя или нет. Мое состояние не радует, слабость жуткая, постоянное полубморочное состояние, три четверти дня лежу, никакого физического усиления сделать нет сил. Как бы дотянуть до весны до приезда мамы.

Хозяйка начала к нам обоим относиться хуже; по-моему, она хотела бы избавиться от нас. К несчастью, у меня нет выхода.

Нас поддерживают очень посылки, я стараюсь их растянуть на возможно большое время.

Ну, будь здорова, дорогая. Скорее напиши, а то я начинаю волноваться».

В ноябре Михаила Людвиговича вызвали в Чарозеро, в сельсовет. Ссылный Савич М. Л. по приговору суда гражданских прав не лишен. Неявка на выборы в Верховный Совет могла быть расценена, как политический демарш.

Грязь на разбитой лесной дороге схватилась морозом. Когда Михаил Людвигович возвращался из райцентра, повалил мокрый снег. Прохудившиеся штiblеты промокли до щиколоток. Добрел до околицы, ухватившись за плетень, добрался до крыльца и упал без сознания. Больше не вставал. Задыхался. Сквозь кашель шептал: «Грудная жаба». Галя закрывала глаза и представляла огромную жирную жабу, которая забралась дедушке на грудь и давила, и душила его и не давала вздохнуть.

С их нехитрым хозяйством Гале приходилось справляться самой: воды принести, еду приготовить, постирать.

«Дорогая моя Тamarочка! С колоссальным напряжением пишу тебе письмо. Дело в том, что два месяца как я почти не схожу с кровати. Ничего не в состоянии делать: ни раздеться, ни одеться, ложку за обедом держу с трудом.

Узнай у себя, не могу ли я хлопотать о переводе моем к тебе, ввиду моей болезни, так как я нуждаюсь уже в сиделке; кого нужно просить, как и т. д. А может быть, тебе лучше сюда проситься, ко мне, здесь дешевле жить. Устал страшно, написав тебе. Все кружится, тошнит. Ну, будь здорова, дорогая. Целую тебя. Твой папа».

В конверт выложена записка: «Дорогая мамочка! У меня нет валенок, да и не думаем покупать, нет мороза. Целую тебя. Галя».

Ночами к околице подходили волки, выли. Собаки жались к домам.

9 февраля 1938-го года Галя, подхватив ведро, отправилась за водой. Возвращаясь, увидела, что хозяйка ждет ее на пороге: «Надевай скорее лыжи, Галина, и беги в сельсовет заказывать гроб. Дед умер».

Михаила Людвиговича Савича похоронили на местном кладбище, с краю, где уже покоились несколько других ссылных. На холмике поставили деревянную дощечку с надписью: «1937».

...В местном сельсовете фамилию и отчество Галиного дедушки запишут с ошибками – Михаил Людмилевич Савичев. Эта неточность на несколько лет задержит поиски могилы, и только в 2010 году правнуки поставят на ней крест...

Одежда, в которой Галю привезли в ссылку, стала мала и изветшала. Евгения Трофимовна добралась до деревни Погорелой в феврале. Девочка была тяжело больна: воспаление легких, осложнение на уши, временная глухота.

Из письма Евгении Трофимовны Савич в Павлодар 24 февраля 1938 года:

«Дорогая моя Тamarочка! Твое письмо от 9 февраля получила. Такое же печальное письмо от папы и я получила. И на другой день дала телеграмму «на днях выезжаю». Отпустили меня только на 7 дней. И 12 февраля я выехала. До Череповца на поезде, а с Череповца летела на самолете, так как другого способа передвижения не было: много снега, и грузовики, и лошади не ходят, стоило мне 92 руб. 50 копеек, приезжаю, и о, ужас – 9 февраля папу уже похоронили, он умер 8 февраля в 2 часа дня, как сказал доктор от туберкулеза легких. 12 декабря он ездил уже больным подавать голос в Верх. совет и видимо простудился, слег в постель и уже больше не вставал; умер полулежа, почти сидя, лежать он не мог, у него были большие пролежни. Я

уверена в том, что мерзавка-хозяйка ускорила его смерть; все соседи говорили мне, что все посылки она съедала со своей сестрой-квартиранткой, а его и Галю кормила супчиком и крошениной, голод привел его к концу. Я очень рассердилась на хозяйку, что она не вызвала меня телеграммой раньше, но ей это было невыгодно, так как она его обокрала, а мне сказала, что две новые простыни положила ему в гроб. Галя четыре дня жила одна и она ее била, как говорит Галя. Сейчас Галину взяли к себе Долинские и берегут ее. Они же дали мне 200 рублей и Борис 300, чтобы я съездила за ней. Расходы на похороны уплатила, как сказала хозяйка, около ста рублей.

Что сделаешь, – не убивайся очень о папе, дорогая моя, для него это лучший выход, ведь он не жил, а только мучился, и, действительно, был очень больной. Он пошел на убыль после того, как ты уехала, и перед смертью бредил только тобой и просил написать тебе, чтобы ты не шла на черную работу. И мы все просим тебя не бросаться на всё. О Гале не беспокойся. Целую крепко, твоя мама».

Река Пряжка

Где легонько, где с нажимом, старательно перечеркивая неправильные буквы: «Дорогая мамочка! Я болела, потому и не писала тебе. Сейчас я совсем здорова. Я целый день у Тани, и обедаю там, а вечером с бабушкой. Мне хорошо. Обо мне не беспокойся. Целую тебя крепко, твоя дочка Галя».

«В сентябре 1938 года я пошла в первый класс, – вспоминает Галина Владимировна. – Училась я в школе на проспекте Маклина, она и сейчас работает. Серое такое здание, бывшая гимназия. Помню, там медведь стоял у входа».

Прошло первое полугодие. Почерк стал взрослее, а ошибок и исправлений – меньше. 15 января Тамаре Михайловне исполнилось 33 года.

«Дорогая мамочка! Поздравляю тебя с днем рождения и посылаю тебе коробку конфет. Снег у нас большой, но теперь шел дождь, и снег стаял.

На лыжах я катаюсь хорошо. К Тане хожу. Бабушка Саша болеет. Учусь хорошо. Елки у меня две, мне и куклам. Время провожу хорошо. Елка была большая, до потолка. Целую тебя крепко. Привет на 1000 лет».

На обороте – рисунок с подписью: «Это моя елка».

А вот письмо, отправленное после Галиного дня рождения: «Дорогая мамочка! Телеграмму твою получила, деньги тоже получила. Тетя Аня подарила куклу, очень большую, и волосики очень похожи на твои. Ты говоришь, что бабушка устроила небольшой праздничек, а это наоборот: праздничек был очень большой.

Я написала стихи про Красную Армию.

Красная Армия – гордость ребят, о Красной Армии все говорят. Если нахлынут на нас враги, Красная Армия, нас береги! Очень сильна наша страна, ей не страшна никакая война. Дружно работая все, как один, нашу страну никому не сдадим.

Целую очень, очень. Наумова Галя».

«Страшно и странно вспоминать, что мы, обездоленные дети расстрелянных и угнанных в лагерь родителей, часто чувствовали себя счастливыми и вместе со всей «необъятной родиной

своей» кричали «спасибо, родной...» - убийце!», - пишет в своих воспоминаниях Наталья Бехтерева.

5

Река Иртыш

«Скучный был вид у города: широченные прямые улицы под прямыми углами, казенные планировки 19 века, не мощеные... Ни водопровода, ни канализации. Колодец в одном углу по-сибирски просторного двора, уборная - в другом. Для еды и чая пользовались иртышной водой: она была мутной, но мягкой и вкусной. Доставляли ее водовозы в конных бочках. Застроен был Павлодар одинаковыми полуторазэтажными домиками, низ - полуподвальный кирпичный, верх - рубленый, под железо. Углы у домов были изъедены непрерывными и сильными ветрами - летом, и снежными буранами - зимой. В центре - массивные торговые ряды, первая половина прошлого века, несколько двухэтажных кирпичных домов, занятых разными районными организациями. На окраине было много казахских зимовок - низеньких саманных домиков. Стоял Павлодар над Иртышом, глубоким и быстрым. С шириной в том месте, вероятно, как полторы Москвы-реки. Заводы, пойменные луга, летом - отличное купание. В те годы Иртыш был чистойшей и очень рыбной рекой. Водились и стерлядь, и нельма». Это написал в своих мемуарах ссыльный Юрий Юркевич.

Жилье нашлось легко. Объединившись с павлодарской знакомой, ссыльной полячкой Александрой Выдковской, сняли комнату. Дом богатый, украшенный коврами и кошмами, обмененными хозяйкой на хлеб во время Большого Голода, в 1933 году. Комната была просторней, чем в Лебяжьем, и ближе к реке.

Разглядывая тисненый кожаный сосуд для кумыса, Тамара Михайловна поморщилась: нажились на чужом горе. Лева и Кира Полиевские, которые попали в Казахстан на четыре года раньше, чем она, много рассказывали об этих страшных годах.

...Теплый вечер, лето 1932 года, улица заполнена гуляющей публикой. Вдоль тротуара едут одна за другой пароконные телеги, большие, сеновозные. В них, однако, не сено - полуголые трупы умерших от голода казахов. Закинутые головы с открытыми глазами и оскаленными зубами. Синяя тощая рука свисает через решетку, болтается, задевая колесо.

Их везли хоронить за город, в общие ямы. Там же огородили место, куда сгоняли добравшихся до города и умиравших от голода «откочевников», как их тогда называли.

В 1929-1930-х годах кочевой способ жизни был признан отсталым. Кочевников решили посадить на землю, а для начала изъять у богатеев излишки скота. Была установлена бедняцкая норма, сверх которой скот отбирался и передавался во вновь образованные скотоводческие совхозы. Эта норма составляла 12 голов крупного рогатого скота на семью, плюс сколько-то овец, лошадей, верблюдов.

Вроде бы, это много - 12 голов, но для кочевников - необходимый минимум. Семьи у казахов обычно были большие, и питались они только продукцией, получаемой от своего малопроизводительного скота. Держали резерв на случай засухи или «джута» (гололедицы).

Но и на этой норме жили степняки недолго. Из центральной России прибыли новые руководящие кадры и ахнули: 12 голов на семью! Лошадь в европейской части страны - мерило, отличающее кулака от бедняка. Полуграмотные советские выдвиженцы не понимали, что без лошадей скот в Казахстане не может зимовать. Только лошади способны разгрести в

степи снег, чтобы добраться до травы, следом за ними идут коровы и овцы. Не говоря уж о кумысе, без которого казах не мыслит жизни.

Осенью и зимой 1931–1932 года в степь, по казахским зимовкам, отправились многочисленные оперативные группы. Скот изымали подчистую. Оставляли одну-две головы, а часто и ничего не оставляли.

Скот отправляли частью в совхозы, где он сразу же погибал из-за нехватки кормов и непонимания местных условий пришлым начальством. Но большая часть шла сразу же на бойни.

Особенно большой забой был в 1932–1933 году, пожалуй, и в начале 1934 года. Забивали подряд – коров, лошадей и даже верблюдов. Не оставляли молодняк и даже стельных коров. Мясо сразу же вывозили.

Промышленные центры и районы требовали еды. При коллективизации разрушились издавна сложившиеся сельскохозяйственные структуры, и сразу же резко упало производство продуктов питания.

Степняки, потеряв скот, какое-то время держались на запасах, которые у них, кстати, никогда не бывали большими, как заведено у хлеборобов: ведь скот и так всегда под рукой. Когда резервы кончились, они потянулись в города. Тех, кто дошел, стали свозить частью в огороженное место на окраине, где их содержали, не выпуская, как преступников. Часть поместили на песчаном островке на Иртыше, который залило водой во время ледохода. От голода умирали в первую очередь мужчины, затем дети, напоследок женщины.

– Жили мы тогда на окраине Павлодара, – рассказывал Лев Николаевич. – Бывало, торопишься на работу, а калитку сразу не открыть, на улице привалился к ней труп. С работы звонишь в тюрьму, даешь адрес, куда заехать. Мертвые на окраинах залеживались подолгу. Пришла жара, но трупного запаха не ощущалось: гнить-то было нечему. В степи можно было увидеть настоящие мумии.

Рассказывали, что в 1928–1929 годах целые кочевые роды, казахские и киргизские большими гуртами со всем своим добром через горы уходили в Китай. Но павлодарским казахам это было недоступно: слишком далеко до границы, да и время уже было не то.

«Уже весной 1930 года появились первые спецсводки о продовольственных проблемах в регионе. Однако рост напряженности был «списан» на происки байства, – из лекции Алексея Власова, замдекана исторического факультета МГУ. – В Москве не задались закономерным вопросом: какие баи могли остаться после известной «чистки» 1928–1929 годов?»

Созданная система, неважно – где: в Поволжье, на Украине, в Казахстане – действовала строго по принципу про щепки и лес. Один раз запущенный механизм можно было остановить только сверху, но он обладал столь значительным инерционным потенциалом, что некоторое время двигался и без постороннего вмешательства. По этому поводу Роберт Конквист замечает: «В Казахстане с предельной наглядностью проявилась поразительная механистичность и поверхность партийного мышления». Результатом всех этих акций стал небывалый голод, поразивший все без исключения районы Казахстана.

Эти ошибки стали для жителей региона, не только казахов, поистине трагическими. Страшный итог – в течение 1931–1933 годов умерли около от 1,5 до 2 миллионов казахов и 200–250 тысяч казахстанцев других национальностей».

В Павлодаре ссыльных на работу брали даже охотнее, чем местных: не удерет с кассой, не будет заниматься комбинациями с казенным имуществом. Уровень неграмотности населения был такой, что интеллигентный человек с гимназическим образованием мог устроиться на работу экономистом, счетоводом, бухгалтером – да кем угодно.

Юрий Львович Юркевич писал в воспоминаниях о ссылке в Казахстан: «В мои обязанности входил ремонт общественных зданий, сметы по городскому хозяйству, планировка, отведение участков. Обо всем этом не имел я и понятия, но довольно быстро набил руку и вызывал всеобщее удивление скоростью подсчетов: ведь у меня имелась единственная в городе логарифмическая линейка».

Мизерной зарплаты в кинотеатре, куда Тамара Михайловна устроилась счетоводом, хватало и на посылки в Ленинград, и на оплату квартиры, и на продукты. Посещала даже «коммерческую столовую» – грязную харчевню, где давали похлебку из зеленых помидоров и сухую кашу. Однако общество в столовой собиралось самое избранное.

... – Извините, я не представился, – сказал лысый мужчина и привстал: – Римский-Корсаков, Георгий Алексеевич.

– Наталья Евгеньевна Воронцова, – тихо ответила дама, протянув руку, и поправилась: – Воронцова-Вельяминова.

Она улыбнулась, вдруг поняв, насколько этот странный джентльмен неуместен здесь, в этой дикой обстановке, со своей учтивостью, а он несколько секунд смотрел ей в глаза, вспоминая что-то, и сказал: «Я знавал кое-кого из Воронцовых-Вельяминовых, давно, еще в Питере. Простите за любопытство, вы случайно не в родстве с Пушкиными, с его семейством?»

– Он мой прапрадед, – сказала женщина, принимая от Тоси железную миску с галушками.

– Как! Кто?! – изумился отец двоих детей, которые, вздрогнув, с любопытством взглянули на него.

– Александр Сергеевич, – немного сконфузившись, ответила женщина и тут же заметила: – А ложки вы лучше приносите свои. Их здесь очень плохо моют...

«Я обнаружил любопытную смесь общества, – пишет в воспоминаниях Георгий Алексеевич Римский-Корсаков, – «враг народа» С. Н. Коншин, музыкант, несостоявшийся наследник владелицы особняка «Дома ученых» в Москве. Это «пажи» – выпускники Пажеского корпуса, а теперь актеры театра, «лишенцы» князь Г. И. Кугушев, П. В. Кузьмин, выпускница Смольного института, беженка из-под Курска О. И. Желиховская и другая «смолянка» – ссыльная княгиня Н. А. Козловская, вдова генерала, руководителя Кронштадтского мятежа.

Тут были и природные сибирские казаки-станичники, и приезжие советские работники, и переселенцы, и высланные. Я застал еще здесь значительную группу поляков. Держали они себя чрезвычайно гордо и старались не замечать окружающих их людей. Многие были одеты в очень опрятные лохмотья. Странно было видеть, как они, здороваясь с польскими дамами, целовали им руки и разговаривали с непокрытой головой...»

– Меня выслали за то, что я полячка, – гордо говорила Александра Выдковская, штопая чулки.

Семья Александры жила в Кракове, где ее отец преподавал в университете. В 1939 году по Советско-германскому пакту в Польшу вошли советские войска. Начались репрессии. Отец сгинул в застенках НКВД, мать умерла по дороге в эшелоне, в котором их с партией поляков

отправили на восток. Так Александра оказалась в Павлодаре...

Областная филармония, Павлодарский театр имени Чехова и Петропавловский драматический были точками притяжения для ссыльных. Они подрабатывали там актерами, музыкантами, ставили спектакли. Вели драмкружки среди заводских рабочих, танцевальные классы для девочек, ставили голоса молодым казахским баритонам. Во время войны выступали по больницам перед ранеными.

После работы Тамара аккомпанировала «лишенцу» Георгию Кугушеву. В Филармонии сосланный режиссер Свердловской музыкальной комедии ставил опереточные номера. Вечерами, когда они собирались в комнатухе с видом на Иртыш, он перебирал гитарные струны и тихонько напевал: «Четвертые сутки плают станицы»...

- Это вы сами сочинили, князь?

- «Мелькают Арбатом знакомые лица». Нет, Тamarочка, не я. Мой родственник, князь Александр Кугушев первый раз спел ее в Киеве, в 1918, после Екатеринославского похода.

Тамара слушала, подперев ладонью щеку, и представляла лица своих дядьев, маминых братьев, Григория и Павла Магдебургов.

...«По Дону угрюмо идем эскадроном»...

6

Река Пряжка

- Галочка, мама письмо прислала. - Галя удивилась, услышав необычно радостный голос Евгении Трофимовны: невесела была обычно бабушка, когда читала письма из Павлодара. - У тебя снова будет отец.

- Папа? Папа вернулся? - Маленькая Галочка схватила бабушку за руку, пытаясь понять, о чем та говорит.

- Ах, Галочка, нет. - Евгения Трофимовна помолчала: что сказать? - папы давно нет в живых. - Твоя мама встретила хорошего человека. Она пишет, что Олег Константинович тоже из Ленинграда, ссыльный. Они поженятся, вернутся, и у тебя будет семья.

- Когда они вернутся, бабушка?

Река Иртыш

* * *

Снегири взлетают красногруды...

Скоро ль, скоро ль на беду мою

Я увижу волчьи изумруды

В нелюдимом, северном краю.

Будем мы печальны, одиноки

И пахучи, словно дикий мед.

Незаметно все приблизит сроки,

Седина нам кудри обовьет.

Я скажу тогда тебе, подруга:

«Дни летят, как по ветру листья,
Хорошо, что мы нашли друг друга,
В прежней жизни потерявши все...»

П. Н. Васильев

20 октября 1941 года Тамара Михайловна в своем закутке за сценой печатала ведомости. Дверь распахнулась, чуть не слетев с петель, и в комнатку ворвался директор кинотеатра. С трудом попадая губой на губу, он швырнул на стол трудовую книжку и заорал: «Иди, тебя вызывают!»

Тамара взяла в руки документ и открыла последнюю страницу: «Уволена по распоряжению НКВД». Она собрала из ящиков какую-то мелочишку, сняла в гвоздя беретик и кофту и вышла, не поворачивая головы, мимо одеревеневшего от страха директора.

Заместитель начальника районного ГПУ, у которого Тамара Михайловна еженедельно отмечалась, вальяжно раскинулся в кресле. Живот, на котором не сходилась полувоенный пиджак, вываливался и складкой нависал над ремнем. Подцепив двумя пальцами лежащий перед ним бланк, гэфэушник помахал им в воздухе. Тамара Михайловна узнала заполненное ее подчерком заявление, которое они с Олегом подали вчера в ЗАГС. Покрытые рыжими волосками пальцы медленно и сладострастно разорвали бумагу на четвертушки и метко швырнули в корзину. Гэфэушник поднялся, опершись руками на край стола, и заорал, будто желал, чтобы слышен был его мерзкий голос во дворе:

- Что губы раскатали? Таких, как вы, на фронте гусеницами давят! Думаешь, мы вам позволим тут шашни разводиться? Вон, смотри!

Он ткнул рукой в сторону окна, и Тамара невольно обернулась. В наручниках, между двух конвоиров с винтовками наперевес, шел Олег. Конвоир открыл дверцу эмки и рывкнул «Не оглядываться!»...

Спустя много лет, уже в 50-е годы, в квартиру на Климове придет мужчина в ватнике: «Мне Наумову Тамару Михайловну». Соседи объяснят, что она на работе, и укажут на дочь.

«Мне надо передать Тамаре Михайловне, что человек, которого она знает, находится в бухте Нагаева».

Но и в 1954 он не вернется в Ленинград вместе с другими реабилитированными...

Твердый до жесткости характер Тамары Михайловны, савичевский сарказм и педантичность Магдебургов сочетались с ангельской наружностью. Глядя поверх головы собеседника, она бросала: «С хама не зробишь пана». Все бумажки, документы, письма хранила в отдельных, перевязанных черными аптечными резинками стопочках с описью.

Все, что было красивого в женщинах Савич и Магдебург, сошлось в ее облике. Невысокого роста, стройная, с белой кожей без малейшего изъяна, с длинными волнистыми волосами и точеными чертами лица. Даже внуки поражались ее безукоризненно прямой спине, изящным запястьям с голубыми прожилками и тонкой талии.

«Призма, персик, палисандр» - слова, которые повторяли гимназистки для правильной формы губ, сохранили ее очаровательную улыбку до самой старости.

Держалась с шляхтенским достоинством. Всегда бедно одетая, она с презрением относилась к

«тряпкам», предпочитая откровенную нищету жалким бантикам и вульгарным шляпкам.

Удивительно живые и светлые глаза. Как у всех людей с тонкой кожей, с возрастом ее лицо покрылось сеточкой мелких морщин. Она иллюстрировала собой классическое выражение – со следами былой красоты на лице. Те, кто помнил Тамару Михайловну молодой, рассказывали о действии, которое ее внешность оказывала на мужчин; даже следователи НКВД терялись перед ее красотой и разрешали свидания с мужем.

Тамара вернулась в Лебяжье, поселилась в том же домике, вместе с Полиевскими. Устроилась на работу.

«Дорогая мама! У нас огромное несчастье. Кира Полиевская умерла родами. Письма и телеграммы от Левы, видимо, не доходят до Ленинграда. Прошу тебя, сходи к Левиным родителям, пусть сестра его скорее приезжает и забирает младенца. Я совсем не справляюсь, работаю, кормить Владика здесь нечем. Пока помогает соседка, но малыш с родовой травмой, ему необходимо лечение».

Владик спал беспокойно, плакал, крутился, к утру, утомив всех, наконец, устал сам и угомонился. Ложиться уже не имело смысла. Налив себе и Леве кипятку в кружки, Тамара Михайловна вышла на крыльцо. Светало. В предрассветном тумане по крутому обрыву к Иртышу двигалась невероятная процессия.

- Лева, Нина! – позвала в приоткрытую дверь Тамара. – Идите скорей! Я глазам своим не верю!

Было чему изумляться: вереница стройных, как кипарис, горянок спускались к реке. Одна за другой, прикрыв лицо шарфом, шли девушки в длинных черных юбках и с кувшинами на плече.

60 000 ингушей было депортировано в казахские степи.

Глава 9. Красная шапочка и серые волки

1

Река Пряжка

В Ленинграде объявили затемнение. Евгения Трофимовна купила синие обои, их склеили рядами, закрепили и повесили на окно, выходящее на Пряжку. По дворам ходили дежурные и кричали: «У вас щель!». Перебои с продуктами, например, исчезновение масла, Евгению Трофимовну с внучкой не коснулись. Их привычный рацион, пшено и чечевицу, пока продавали свободно. Обмороженных бойцов с черными лицами и замотанными руками свозили в госпитали, переоборудованные из детских больниц. На фабриках шили маскхалаты. Студентов-лыжников из института Лесгафта формировали в отдельные бригады. «Раздавим финскую козявку!» – восклицали заголовки советских газет. Мобилизованный в декабре 1939 Борис Савич был отправлен на Северо-западный фронт. Началась финская война.

Сосняком по откосам кудрявится
Пограничный скупой кругозор.
Принимай нас, Суоми-красавица,
В ожерелье прозрачных озер!

Ломят танки широкие просеки,
Самолеты кружат в облаках,

Невысокое солнышко осени
Зажигает огни на штыках.

Советская песня 1939 года,
музыка братьев Покрасс,
слова А. Д'Актиля

Река Вуокса

Шли бойцы в тоненьких шинелях по пояс в ледяном крошеве с трехлинейками в руках под огнем финской артиллерии. Падали в карельских лесах под выстрелами неразличимых «кукушек». Голодали в окружении, отрезанные от единственной железнодорожной линии, по которой поступало на фронт продовольствие. Финны сгребали в штабеля заочеченных в неестественных позах красноармейцев, о смерти которых, по приказу члена Военного совета А. А. Жданова, было запрещено сообщать родственникам.

...Что это было? Бездарность полуграмотного военного командования, которое не умело читать карты и посылало танки на Карельский перешеек, покрытый сетью озер? Запутались в европейских интригах, мелкие шулеры против многоопытных дипломатов типа Риббентропа? Демонстрировали могучесть Красной армии, способной на такие же блицкриги, как и войска Вермахта? Сами не понимали, до какого дна они расточили страну и как шатко все, что возвели на месте разорения?

Финляндия из скромного соседа, немножко испуганного, как и другие скандинавские страны, поджавшие хвосты перед двумя хищниками, превращается в хорошо организованную военную машину. «Суоми-красавица» выступает против СССР в качестве союзника Германии. Оккупация Германией нейтральных скандинавских стран, ввод немецких дивизий на территорию Финляндии, угроза Мурманску и мурманской железной дороге, полная блокада Ленинграда с участием финских войск.

Если встать лицом к Адмиралтейству, то с правой стороны на доме № 14 вы увидите табличку, под ней всегда лежат цветы: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Я люблю задавать московским друзьям «вопрос на засыпку»: почему в окруженном гаубицами городе безопасно было ходить именно по левой стороне Невского? Мало кто знает ответ. Войско маршала Маннергейма за все 900 дней блокады не сделало ни единого выстрела.

Более 130 тысяч убитых бойцов Красной армии – до сих пор историки не сговорились о точной цифре. 26 тысяч перечисленных поименно финских солдат. 25 тысяч раненых красноармейцев, которых, не доведя до Ленинграда, перегрузили в эшелоны и отправили в лагеря в Заполярье. Кровавый бой на улицах Выборга 13 марта 1940 года. Тысячи солдат и офицеров с двух сторон, погибших в условиях мира.

Сержант 7-ой Стрелковой дивизии Борис Савич заткнул еловую ветку за пояс маскхалата. Это была примета, по которой предполагалось отличать своих во время рукопашного боя на улицах города. Полк остановился на окраине Выборга на подходе к железнодорожному вокзалу. Бойцы до утра грелись у костра, ждали, когда саперы разминируют дорогу. Командир роты достал фляжку, разлил по кружкам свою порцию недавно введенных наркомовских ста грамм и, помявшись, сказал:

- Ребята, вы завтра поберегитесь, до 12 воюем, а потом – конец войне.

Однако утром объявили: «Приказ Сталина – выпустить как можно больше снарядов». Финны ответили ураганным огнем. Город пылал, искры мешались с дымом, трещали и рушились

деревянные постройки, подожженные факелами. Загорелся шпиль на городской Ратуше, накренился и стал падать огромной огненной стрелой, указывающий на Север. Рядом разорвался снаряд, Борис упал и уже не слышал наступившей тишины и крика: «Мир, братцы, мир!»

Бывший театрал и фронт вернулся с фронта с контузией и тяжело подергивающимся лицом. Был комиссован и мобилизации не подлежал.

Финны уходили, оставляя пустые дома, огороды, аккуратные стопки поленьев в сараях, посуду, кладбища, церкви, свежеспеченный хлеб на столах и горшки со щами. Уезжали на лошадях, велосипедах, лодках, в «бычьих» вагонах, сидя на необструганных скамьях, – замотанные в шарфах до ушей дети, испуганные женщины с наспех собранными сумками и кутулями. Мимо окон мелькали названия станций – Терийоки, Куоккала, Виипури – и исчезали навсегда.

Переступая опасно порог еще неостывшего жилища, вологодские крестьяне дивились на чужую добротную жизнь: тяжелые гранитные фундаменты, белые ажурные веранды, узкие каналы, яблони с мелкими упругими плодами и длинные красно-рыжие стволы корабельных сосен...

Покроется влажным мхом гранит, зарастут и затянутся ряской каналы, хозяйки, окая, будут хвастаться вечнозеленым финским луком, необструганными досками заколотят ажурные, как бабочкины крылья, окна...

На линии Маннергейма мы собирали грибы. Первой волной, в июне, идут сыроежки. Белые снежные столбики ножек, шляпки, желтые или ярко-красные, как капля на плакате про донора. В июле все усыпано чистенькими сухими лисичками, и только в конце августа, после частых и мелких дождей, появляется настоящий гриб: моховики, подосиновики, белые. Перочинным ножиком снимешь шершавую шкурку с ножки, липкую бордовую кожицу с плотной шляпки, разрежешь пополам и выкладывай сушиться – можно на печку, а можно прямо на улице, на скамейку у крыльца – под «невысокое солнышко осени».

2

Река Нева, 22 июня 1941

«Я не могу даже на четвертый день бомбардировок отделаться от сосущего, физического чувства страха. Сердце как резиновое, его тянет книзу, ноги дрожат, и руки леденеют. Очень страшно, и вдобавок какое это унижительное ощущение – этот физический страх», – признавалась в своих дневниках Ольга Федоровна Берггольц.

Сгорели Бадаевские склады. Незамедлительно ввели карточную систему.

«Покинуть Ленинград» – ничего другого потерявшее голову городское начальство придумать не могло – и людей выгоняли из города буквально на смерть: немцами уже были отрезаны все пути из города.

Евгения Флоровича Долинского вызвали в паспортный отдел и вручили постановление о высылке.

– Хорошо, согласен, – сказал Евгений Флорович, – я – бывший гардемарин, но моя жена чем провинилась?

Затюканный чиновник оторвал взгляд от бумажек на столе и посмотрел Евгению Флоровичу

прямо в глаза:

- Когда-нибудь вы мне спасибо скажете за то, что я выслал вас сегодня и вместе с женой.

Долинские собрали рюкзаки и пешком ушли из города.

«В сентябре 1941 года, за несколько дней до того, как вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо блокады, - пишет бывший ШКИДовец Леонид Пантелеев, - меня срочно вызвали - через дворничиху - повесткой в паспортный отдел городской милиции на площадь Урицкого.

Иду со своей повесткой и вижу, что такие повесточки у многих. За столиком сидит человек в милицейской форме.

- Ваш паспорт.

- Пожалуйста.

Берет паспорт, уходит, через две минуты возвращается.

- Возьмите.

И протягивает обратно паспорт.

Раскрываю и вижу, что штамп моей прописки перечеркнут крест-накрест по диагонали черной тушью».

Пантелеев остался в гибнущем городе без прописки - а значит, без жилья и продуктовых карточек. «Домой я тогда не пошел, - пишет он дальше, - а пошел на улицу Декабристов».

Там жили его мать и сестра Ляля; ее взяли истопником в Дом писателей. Тем и кормились. Пути Господни неисповедимы. До войны Пантелеев вдруг увлекся собиранием этикеток на спичечных коробках. Коллекция оказалась практически золотовалютным запасом...

Во время артобстрелов и налетов вода в канале Грибоедова кипела. Печку-«буржуйку» топили остатками мебели и книгами. «Три мушкетера», «Братья-разбойники» - Галя прочитывала каждый том, прежде чем бросить его в печку. «Упырь» А. К. Толстого. «Вы спрашиваете, каким образом узнавать упырей? Заметьте только, как они, встречаясь друг с другом, щелкают языком. Это по-настоящему не щелканье, а звук, похожий на тот, который производят губами, когда сосут апельсин. Это их условный знак, и так они друг друга узнают и приветствуют».

«Дорогая моя Тamarочка! Пишу письмо, а руки леденеют, очень холодно в комнате, поэтому мы идем греться к тете Саше, там иногда протапливают кухню. Галя потеряла хлебные карточки, и мы до первого числа без хлеба, но ты не беспокойся: едим сухари, которые я насушила раньше.

Тамарочка! Не жалею, что мы не рискнули ехать эшелоном к тебе. Вот моя соседка Ефремова поехала с маленькой девочкой Люсей к своим двум старшим детям Оле и Тане в Ярославскую область, и по дороге ее убили. Ребенок остался. Если ехать, то надо было еще раньше, до войны или сейчас же по объявлении войны, но в это время не было эшелонов в вашу сторону. Эвакуировали детей только с детским садом и школой в определенное место, остальным трудно было достать билет и невозможно. Теперь об этом говорить не приходится.

Береги себя. Мы с Галей принимаем все меры предосторожности, - если бомбежка, спускаемся

вниз, в бомбоубежище, так все делают. Иногда спим там – конечно, не раздеваясь. Аня и Женя Долинские обосновались в Кирове, а Саша, Оля и тетя Саша плохо питаются и им плохо. Тетя очень плоха?, не слышит и плохо видит, с ней тяжело во время тревоги. Она просит меня не оставлять ее, а я сама боюсь медлить, и ее жаль.

Была у Левиных родных, они живы и здоровы. Левин сынок замечательный мальчик, здоровенький, немного говорит, Левину сестру Асю называет мамой. Левина мама просит, если это возможно, пусть Лева оттуда пришлет детям маленькую посылочку муки и если это возможно, то и ты пришли для Гали валеночки или боты на 34 номер ботинок.

Левина мама просила написать, пишет ли ему мама Киры и где она находится.

Вера кланяется тебе, живет в Озерках.

Галя просит прислать ей твою фотокарточку. Она не учится, школы закрыты. Борис без работы, болеет.

Не беспокойся, еще раз прошу тебя, радио не слушай лучше, а то только расстроишься, послушав его. Если долго писем нет, значит – холодно, писать не могу.

Целую тебя крепко. Твоя мама».

Снаряд, угодивший в соседний дом, выбил стекла в окнах. Соседи с нижнего этажа, Исуповы, взяли бабушку с внучкой к себе. Мария Никитична работала судомойкой в госпитале, который располагался недалеко от Невского, в бывшем Пажеском корпусе. Сутками она мыла котлы, в которых варили овсянку для раненых. Когда каша пригорала, то она соскабливала обгорелки, завернув в тряпку, прятала за пазуху и приносила домой. Их-то и ели Евгения Трофимовна с Галей. Что-то выменивали, потом уже ничего не было.

«Дорогая моя Тamarочка! Сейчас я нахожусь в квартире Марии Никитичны Исуповой, они нас приютили на время холода, т. к. у меня дрова растащили и окна выбиты. Дома жить совсем нельзя, спасибо добрым людям Исуповым, мы пользуемся их теплом, и они Галю подкармливают немного, иначе было бы очень худо, у меня уже ноги и руки плохо работают, не знаю, доживу ли до лета. Очень теперь жалею, что не послушалась тебя и не поехала к тебе.

Тамарочка, напиши письмо заказное на имя Григория Федоровича Исупова и его жены Марии Никитичны на квартиру 107, поблагодари за Галю, скажи, что ты никогда их не забудешь за поддержку Гали.

Тетя Саша умерла. 5 января ее хоронили. Борис, вероятно, где-то пропал что-то не приходит, вероятно, тоже скапустился, он все время хворал.

Целую крепко, твоя мама».

На обороте листа – приписка: «Дорогая мама! Я жива и здорова. Целую тебя. Галя. Пришли посылку».

3

Перед смертью Александра Людвиговна Долинская лишилась рассудка. Неподвижно сидя в комнате, монотонно бормотала: «Таня, иди сюда, я тебя съем». Девочка забилась под рояль и сидела там неделями.

Вероятно, в те же дни (точная дата неизвестна) погиб Николай Аркадьевич Нелюбов.

Сошел с ума Александр Долинский. Несколько дней он простоял в коридоре в платяном шкафу, держась за перекладину, как на распятии, и жизнь медленно уходила из него. У Ольги Долинской распухли и покрылись трещинами ноги. Она оттащила тела мужа и свекрови на кухню, взяла картонку, написала на ней: «Меня зовут Таня Долинская» и повесила дочке на шею. Вывела на лестницу: «Иди, ищи тетю Лину» и закрыла дверь. Шестилетняя Таня встала как вкопанная на лестничной площадке.

Лина, младшая сестра Ольги Долинской, работала на прядильной фабрике. В тот день она отпросилась провести сестру. Ее отговаривали – идти далеко, опасно. Добредя до «дома-сказки», она стала подниматься по склизкой, укатанной ледяными нечистотами лестнице и наткнулась на Таню, которая так и стояла с табличкой на груди. Лина погрузила сестру и племянницу на саночки и потащила на фабрику. На следующий день она снова пошла через весь город к их старшей сестре, Нине Рубец. На полу, у открытой настежь двери, Нина выла, скрючившись, над мертвыми мужем и сыном.

Лине удалось поместить сестер в стационар, Таню – в детский сад на фабрике. Девочка уже не вставала. На руках и ногах у нее выросла шерсть. По капелькам вливала Лина племяннице в рот воду с разведенным сахарином. Таня, которую спасла, а потом вырастила тетя Лина, всю жизнь вспоминала и не могла простить себе, что не простилась с матерью.

- К тебе какая-то старушка, – позвала воспитательница.

- Таня, подойди, я пришла попрощаться, – Ольге, Таниной матери, было 28 лет. В дверях стояло страшное, жалкое существо. Девочка заплакала и убежала. Мать умерла на следующий день.

Борис встал на пороге. Ржавое пальто, шея до глаз замотана серым трикотажным шарфом. Треух завязан под подбородком.

- Мама, – сказал он, не заходя в комнату, – отдай мне папины золотые часы.

- Боря, ты все равно не донесешь, потеряешь по дороге, а мне Галю кормить.

- Мама, – произнес он тускло, – посмотри на меня. Я умираю.

Евгения Трофимовна приподняла край матраса, вытащила, звякнув пружиной, бумажный сверток и протянула Борису:

- Возьми.

Он сжал посиневшими пальцами круглый бумажный комочек, сунул руку в карман и крепко прижал к телу.

- Галя, – попросил он, не поворачивая к ней головы, – сходи, пожалуйста, наверх, в мою комнату, посмотри, вдруг в письменном столе завалялась папироска.

- Дядя Боря, там одни покойники, я боюсь через них переступить!

- Галя, ты ведь всегда меня любила... и я тебя любил.

Лицо сморщилось, затряслось. Борис заплакал. Повернулся к ним сгорбленной спиной и пошел вниз, по ступенькам, ведущим к черному дверному провалу. Девочка скулила, скрючившись на

стуле, а мать стояла, прижавшись лбом к перечеркнутому крест-накрест стеклу.

Борис брел по желтому снегу, шаркая опухшими ногами. У Театральной остановился. Прислонился к стенке дома с ледяными подтеками, медленно сполз, сначала на колени, потом повалился на бок и лежал тихо, как заснувший ребенок; перед его незакрытыми глазами еще несколько секунд стояла белая громада Мариинки, как заиндевелый корабль, который уносил его туда, где смерти нет.

4

Евгения Трофимовна знала, что у нее последняя степень дистрофии. Она взяла Гаю за руку и повела в детский распределитель на Покровке. Там ребенка принять отказались: брали только тех, у кого умерли все. Евгения Трофимовна достала оставшиеся от Тамириного перевода деньги и потащилась на барахолки, что на трамвайных путях между Консерваторией и Мариинкой. Купила какую-то детскую одежку: пальтишко, ботики, серую заячью шапку, снятые, видно, с уже умершего ребенка. Пришла домой, собрала тючок и написала на нем химическим карандашом: Детдом № 84. Завернула конверты с надписанным павлодарским адресом.

- Скажешь, что у тебя больше никого нет.

Бабушка сняла с шеи образок с Божией Матерью и надела на Гаю.

- Никогда не снимай. Ложась спать, перекрестись и прочитай про себя «Отче наш».

Галя спускалась по парадной лестнице к разбитому дверному проему. Бабушка стояла на площадке, держась за перила: серое лицо, запавшие щеки, шапка из вылезшего обезьяньего меха. Девочка шла, оборачивалась и махала, махала рукой...

5

В середине апреля, когда ладожский лед начал таять, оставшихся в живых детдомовцев отправили из Ленинграда по «Дороге жизни». Сверху на детей набросали тюфяки, чтобы хоть так обезопасить их от осколков. Под колесами грузовиков хлюпала талая вода. Ближе к берегу пришлось идти пешком по колена в морозной жиже: лед мог не выдержать тяжести груженных машин.

На Большой земле подкормили и пересадили в поезд, составленный из вагонов для скота. Путь лежал в Краснодарский край, в станицу Лабинская. Галя сидела на нарах в костюме Красной Шапочки, который бабушка сшила для школьной елки, единственной налезшей одежке: черный жилет, полосатая юбочка и чепчик с завязками.

У одной девочки оказался с собой резиновый мячик. Его разрезали, и в половинки набирали воду.

«Дорогая мамочка! Я эвакуировалась с детдомом на Северный Кавказ. Когда я туда приеду, дам телеграмму. Бабушка боялась, что не доедет, и не поехала. Когда я тебя увижу, то все расскажу.

В Вологде нас поведут в баню и пропустят через изолятор. Едем в теплушках, на одних нарах 12 человек. Пишу неразборчиво, потому что поезд едет и всё трясется.

Очень спешу: ночью будем в Вологде, а мне надо написать еще бабушке, она, наверно,

беспокоится. Попроси, чтобы тебя отпустили за мной. Целую тебя крепко».

Приписка по самому краю листа: «Телеграфируй бабушке, что я в Вологде – у меня больше нету конвертов».

До Лабинской добрались к июню.

В те дни в Ленинграде умерла Евгения Трофимовна Савич. Ей было 59 лет.

«Дом-сказка» погиб: в 42-ом от попадания зажигательной бомбы в нем начался пожар, который продолжался несколько дней и уничтожил большую часть здания. Тушить было некому. Дом на углу Пряжки, в котором жил когда-то Блок, тоже разбомбили.

«Дорогая мамочка! Я нахожусь на Сев. Кавказе. Сейчас на рынке продают фрукты, а у меня нету денег. Если можешь, вышли, как только получишь письмо».

В Лабинской детдомовцев с воспитателями поселили в пустующем здании школы на улице Сталина.

Топчаны, посредине столик. Вечером, когда воспитатели гасили свет, кто-то обязательно начинал плакать, кто-нибудь из маленьких, чаще всего Нина Егорова.

- Что ты плачешь, Нина?

- Маму вспомнила.

Вслед всхлипывала Валя Михайловская:

- У меня была маленькая сестренка, я ее обижала, не играла с ней, когда она просилась, а теперь ее нет.

Плач тоненько подхватывала Ира Малявкина, избалованная, видно, была девочка, теперь-то не перед кем было капризничать. Галя садилась на топчан, поджав ноги:

- Тише, девочки, послушайте, - и заводила. - За лесами, за долами, за широкими морями. Против неба на земле, жил старик в одном селе. У старинушки три сына.

Дедушка Миша всегда утверждал, что ребенку читать можно все - он сам отделит лишнее и выпитает нужное. К тому времени Галя выпитала много: «Морской волчонок», «Всадник без головы», «Аэлита», «Ашик-Кериб», сказки Шарля Пьеро - только не про Красную шапочку, не про бабушку и домашние пирожки! Скакал по центральной улице Лабинской Морис-Мустангер, кружили в вальсе между кроватями Наташа с Андреем Болконским, в ногах сворачивалась Белая кошечка. Затихала Нина, переставала всхлипывать Валя, сопела, подложив ладошки под щеку, Ира.

Галя беззвучно плакала, уткнувшись в подушку стриженной головой.

«Мне детский дом опротивел. Тут находиться, как в тюрьме: ни сесть, ни встать без спросу. Ребят оставляют без обеда, без завтрака. Говорят, что нам дают вдосталь, а сами дадут утром стакан кислой пахты, вот и всё молоко.

За ребятами приезжают родные и забирают. Попросись, чтоб тебя отпустили приехать за мной».

Апрель 1940 года. «Сообщаем, что Ваше заявление об отмене высылки, адресованное в НКВД СССР, рассмотрено, в ходатайстве отказано».

Июнь 1941 года. «Сообщаем, что Ваше заявление об отмене высылки, адресованное на имя тов. Берия, рассмотрено, и в ходатайстве отказано».

Ноябрь 1942 года. «Сообщаем, что по Вашей жалобе Лен. гор. прокуратурой рассмотрено дело об административной высылке Вас из г. Ленинграда. Ходатайство оставлено без удовлетворения. Высылка была проведена правильно, т. к. Вы являлись женой, совместно проживали на одной жилплощади, на полном иждивении НАУМОВА Т. В., осужденного за контрреволюционную деятельность. Оснований для отмены высылки не имеется.

Начальник отдела по спецделам Григорьев.

Прокурор отдела Сорочин».

Не было никаких звуков, кроме рева мотоциклов. Дым стелился над низкими крышами, пахло паленой бумагой и бензином. Стальные каски закрывали лица: страшные трехколесные чудовища неслись по улицам станицы. Школа сгорела за день до того, как в Лабинскую вошли немцы. «Несколько дней перед оккупацией дым стоял над станицей - это жгли архив». Из РОНО пришло истерическое распоряжение - детей бросить, спасаться самим, удирать с оккупированных территорий.

Детдомовцы жались друг к другу, прятались в брошенных без охраны колхозных садах. Те, кто побойчее, стучались в окна к станичникам, просили поесть. Им сыпали семечки. Фруктовые сады ломались от несобранных плодов - яблоки, абрикосы, сливы. Галя с Надей собирали груши в подол, огородами пробирались к маслозаводу. Двери были распахнуты, на втором этаже на железном полу стояли огромные чаны. Девочки забирались по лесенке наверх и ели груши, макая в постное масло.

Александра Алексеевна Каверзнева, завуч детского дома, осталась в Лабинской. В уцелевшее от пожаров и не занятое под нужды нового начальства каменное здание детского садика она собрала по садам и огородам разбежавшихся детей. Немцы обустроивались всерьез и надолго. Открыли комендатуру, полицейский участок, посреди площади установили виселицу, в здании школы появился клуб, где вечерами танцевали офицеры, загоняя туда сельскую молодежь.

Одно немецкое слово Александра Алексеевна знала: kinder. Найдя среди учебников русско-немецкий разговорник, она решила пойти в комендатуру. Ей разрешили использовать здание и выдали вид на жительство - право на жизнь ей и сотне ленинградских детей. Порядок есть порядок, и директорствовать над детским домом прислали герра Богуша. Маленькая головка, бледное истовое лицо, тощий, невысокий - на чистого арийца он не тянул, однако характер демонстрировал нордический. «Даром никого кормить не будем», - заявили в комендатуре, и герр Богуш организовал трудовой лагерь. Детей обрили наголо. «Мне здесь волосы не нужны, - объяснил загоревавшим девочкам герр директор, - если я кому захочу дать подзатыльник, то зачем мне кудри». Немцы отбирали овец у станичников, мясо отправляли в казармы, а кости и кожу привозили в детдом. Из костей детям варили бульон, а из шкурок им полагалось шить смушковые шапки. Младших мальчиков посадили ремонтировать обувь, возить воду, колоть дрова, а девочек - прясть и вязать. «Каждый получает по заслугам», - говорил герр Богуш. В кабинете на стуле был натянут резиновый обруч. Провинившегося вызывали в кабинет, и немец назначал наказание. Грыз семечки - один удар, запачкал пол - два удара. Резиновый обруч свистел в воздухе, и на спине вспухал красный рубец.

Каждому ребенку был присвоен номер, его полагалось носить нашитым на левой стороне груди. У Гали был 74. Голубыми нитками она вышила на клочке тряпки цифры и ровненькими стежками прикрепила к рубашке.

Из распотрошенных матрасов и подушек воспитательница вынула вату и показала девочкам, как делают ровницу. Вечерами дети собирались в комнате у Александры Алексеевны, зажигали лучину и вязали носки мальчикам, занятым на уличных работах. Галя с Надей начинали тихонько петь – «Ой, Днипро, Днипро», «Ночь над Белградом тихая»...

- Тише, тише, ребятки, – останавливала их воспитательница, – тише, нам надо выжить.

...Вольга-Вольга, мутер Вольга,
Вольга-Вольга, русьянд флюс...

Из комендатуры поступила разнарядка выявить всех евреев и отконвоировать в полицию. Александра Алексеевна уже знала, что шепотом передавали друг другу станичники: у колхоза «Красный форштадт» после страшных мучительств зверски убили несколько сотен евреев, согнанных из окрестных сел. Яше и Мише Плавникам поменяли фамилии, без фантазии, на Ивановых. Эльзу Сбриджер можно было назвать хоть Петровой, хоть Сидоровой, но характерная внешность выдавала ее с первого взгляда. Девочку прятали в сарае.

Три дня мимо окон детского дома гнали стада: коровы, быки, лошади, овцы, свиньи – богатая была Кубань. Герр Богуш исчез. С линии фронта, которая приближалась к станице, доносился гул. Морозной бесснежной ночью 1 февраля 1943 года в станице никто не спал. Около детского дома остановился грузовик, из него выскочили двое немецких солдат с лопатами и начали копать яму. Александра Алексеевна поняла: бомба. Она выбежала на улицу и кинулась к солдатам: «Киндер! – Кричала она. – Киндер! У тебя тоже есть дома киндер!» Она ползала на коленях, цеплялась за полы шинели, плакала, размазывая по лицу землю. Солдат оттолкнул ее, бросил лопату и побежал к машине. Его полк отступал, и некому уже было спросить с него, почему он оставил не взорванным детский дом.

Наутро вошли наши.

После войны Александру Алексеевну объявят пособницей и арестуют за «сотрудничество с немцами». Миша и Яша Плавники-Ивановы, курсанты военно-морского училища, будут биться, слать запросы, ходить по инстанциям, доказывать, что только благодаря ей сто ленинградских детишек остались живы. «Ваше письмо принято во внимание», – будут отвечать им через окошечки тетки с пустыми рыбьими глазами.

6

Река Кама

Когда немцы подходили к Москве, Александр Людвигович с женой эвакуировались на Урал в город Камышов, где жили родственники Евгении, жены их сына Игоря. Александр Людвигович сразу пошел преподавать в школу. Игоря мобилизовали, младшая дочь Галина, которая к тому времени окончила Медицинский институт, с первых дней войны служила военным хирургом на санитарном поезде.

7

Река Ловать

Участок Северо-Западного фронта под Старой Руссой: изрытая бомбами и снарядами земля да останки нескольких деревень – бревна пошли на накаты блиндажей. По ту сторону реки Ловать врылись в землю немецкие части...

Игорь Александрович Савич командовал батареей 76-миллиметровых пушек о шести лошадях и девяти человек прислуги при каждом орудии.

«Свои пушки я укрыл в овраге в трех километрах от передовой, сам же устроил наблюдательный пункт под самым носом у немцев, на крутом берегу Ловати рядом с окопами пехотинцев 27-ой особой стрелковой бригады...

Дорогу Демьянск-Старая Русса перерезать не удалось. Не успели и закрепиться – налетела воюющая немецкая армада и перемешала все под собою: лошадей и людей. Во время паники я чуть было не лишился своей батареи, за которую отвечал головой: в мое отсутствие (бомбардировка застала меня среди пехотинцев) растерявшийся политрук, капитан по званию, заметив гибель более половины лошадей, распорядился выбросить замки в болото и оставить тяжелые пушки на произвол судьбы.

Угрожая пистолетом, я заставил растерявшихся артиллеристов отыскать в болотной жиже замки, впрячь орудия в уцелевших лошадей и совместными усилиями увезти их на прежнюю позицию в отдаленном овраге...

...Серия немецких снарядов накрыла аэросани – машину малополезную в войне, проезжавшую мимо артиллерийской позиции. Аэросани загорелись. Расчет бросился спасать пострадавших. Подбежал и я, как вдруг взорвался бензобак, и меня окатило с головы до ног жидким пламенем».

Бензин не тушат водой или снегом. Он потухает только от черного дыма горячей одежды, человеческой кожи и мяса. На Савича что-то накинули. «Так я погорел» – заключил рассказ Игорь Александрович.

Восемь месяцев капитан Савич провел по госпиталям. Ничего не видел: обгорело лицо, уши, руки. Глаза открыл в Ярославле. Рядом сидела жена.

8

Ладожское озеро

Галина Александровна Савич оставила воспоминания: неразборчивый, как у всех медиков, почерк, специальные термины, стихи...

«Ленинградский фронт. В наш госпиталь непрерывной волной прибывают раненые. К нам поступали бойцы с ранениями коленного и тазобедренного сустава. В дни прорыва блокады Ленинграда весь наш коллектив, несмотря на бессонные ночи, работал с особым подъемом. Многое нам тогда удавалось. Над многим крепко приходилось задумываться. Особенно огорчало тяжелое течение ранений тазобедренного сустава. В инфицированных случаях обычно приходилось производить резекцию сустава. Но даже при этом очень быстро возникал остеолит костей таза, сепсис, появлялись пролежни, присоединялось воспаление легких.

Умирало 75 процентов раненых. Как с этим бороться? Обычно раненым накладывалась гипсовая повязка.

Мысль пошла по такому направлению. Очищение раны было явно недостаточным. Гной стекал на спину через слабо защищенную вертлужную впадину. Высокая гипсовая повязка сдавливала грудь, затрудняя дыхание. Отсюда, как нам думалось, возникали осложнения. И мы решили отступить от незыблемой до того военно-полевой доктрины. До ликвидации тяжелого состояния вели таких раненых без гипса. Каждый день купали их в ванне с мылом. Промывали раны под давлением гипертонического раствора или раствором антисептического вещества – амаргена. Придумали специальные подставки, на которые помещали отведенную ногу при повороте раненого на бок. Несмотря на то, что на каждого врача и сестру приходилось от 100 до 150 раненых. Это при непрерывном поступлении эвакуированных из Ленинграда.

Большое количество тяжелораненых требовало постоянного переливания крови. Самолеты поставляли кровь нерегулярно. Пришлось срочно организовать донорскую группу из числа работников госпиталя. Создав специально бригаду по переливанию крови, наши девушки, сестры производили от 100 до 200 переливаний в день. Преимущественно использовался капельный метод переливания крови с физиологическим раствором. Всегда стояли 30-40 «скворечников», как раненые называли кружки Эсмарха с капельницами, наполненными кровью. Истощенным и обезвоженным раненым приходилось переливать кровь даже в яремную вену, т. к. нередко вена локтевого сгиба становилась непроходимой. И как же велика была наша радость, когда раненые стали на глазах оживать. Раны быстро очищались, пролежни исчезли, воспаление легких стало редким исключением. Количество гемоглобина с 22-28 становится равно 40-50!

На лицах вверенных нам бойцов появились улыбки. Нередко в палатах слышались песни. Сестры-герои ликовали. Были еще смертные случаи. Иногда приходилось оперировать вторично. Все же это была уже некоторая победа. Вспоминается, с какой гордостью раненый И. после снятия гипса с палочкой прошел по палате.

Смертность вместо 75 % стала составлять 22 %.

К этому времени войска советской армии начали вести наступление по всему фронту. Количество раненых увеличилось.

Весной 1944 года на Съезде фронтовых хирургов (к этому времени мы были уже на третьем прибалтийском фронте) от лица нашего коллектива мне выпала честь докладывать о клинике и лечении огнестрельных ранений тазобедренных суставов. Этот съезд на всю жизнь останется в памяти. Еще шли бои, приходилось быстро передвигаться и часто менять расположение госпиталя.

Озлобленный враг сметал все на своем пути. Приходилось работать в сараях, землянках. Но наше командование сумело организовать съезд под Ригой. 10 врачей могли поделиться своими успехами, вместе разрешить вопросы.

А как нас принимали! После палаток и наспех поставленных на козлах щитов мы спали на настоящих кроватях. А вечером мы впервые за годы войны попали в театр. Нам был дан спектакль «Свои люди – сочтемся». А затем Восточная Пруссия, Южный Сахалин. И лишь в 47 году работники нашего госпиталя вернулись к своим гражданским специальностям. Я начала работать в институте, снова любимое дело, снова студенты и научная работа, но все уже осмысливаю иначе».

Река Москва

После войны московские Савичи вернулись в столицу. Жилья не было, поселились в бараке.

Тимирязевка, куда сразу вышел на работу Александр Людвигович, имела неприглядный вид: «Давно не крашенные корпуса, сбитые осколками зенитных снарядов верхушки деревьев в парке, полчища сорняков на когда-то ухоженных полях».

Не сразу вернулся к себе на кафедру Игорь Александрович: обожженная кожа на лице заживала медленно.

Сменив военную форму на платье, Галина Александровна свободное время проводила в компании молодых поэтов, в отпуск ездила в Коктебель, сама кропала стишки и покупала модные лодочки.

9

Река Нева

В мае 1945 года детдомовцев, которым уже исполнилось 15 лет, отправили обратно в Ленинград.

Одетые в одинаковые серые гарусовые кофточки из американских посылок, девочки стояли в ряд в коридоре. Вдоль строя шел начальник ФЗУ, внимательно их оглядывая: «Ну что, девчата, кто к нам в фабзайцы пойдет?» Галя и Надя спрятались за дверь. Галя понимала, что ее подружке, да и ей самой, ослабевшим от голода и дизентерии, смену у станка не выстоять... К оставшимся семи девушкам обратилась директор швейного ремесленного училища: «Швейная специальность – хорошая, полезная. Даже если вы потом не останетесь работать на фабрике, все равно в семье, для себя, женщина должна уметь шить». Галя и Надя вышли из-за двери.

Училище располагалось прямо на фабрике «Большевичка». Девушки работали в цехе ремесленников и жили в общежитии. Директор училища, конечно, оказалась права. Работа на конвейере была нелегкой, но их кормили три раза в день, дали по койке, а главное – разрешали брать обрезки сукна. Быстро научившись мастерству, Галя и Надя сшили себе бурочки, кромочкой закрыли шов, а внутрь подложили кусочки меха: это было гораздо теплей и симпатичней, чем сапоги из свиной кожи, которые им выдали на складе.

Как-то в цехе выдали работницам квадратные брезентовые перчатки, уродливые, но зато на заячьем меху. «Девочки, – предложила Галя, – давайте вынем мех, подберем по цвету и сошьем муфточки». Так все группа и бегала на свидания – шинель, бушлат, черный беретик с молоточком и заячья муфточка с помпончиками.

Всего лишь у нескольких девочек остались квартиры – управхоз сберег или кто-то из родственников уцелел. Однажды «домашняя» девочка принесла коробку из-под духов: пожелтевший картон с красивой дамой из нездешней жизни и дно с изящным контуром флакона, затянутое бежевым бархатом. Галя к тому времени так наловчилась, что, наверное, могла бы натянуть хрустальную туфельку не только на ногу старшей сестры, но и на капрала. Черный беретик заменила модная бархатная шапочка.

Пуговки обшивали нитками, вязали кружевные воротнички. В таком «облагороженном» платье было не стыдно пойти в театр, в любимую Музкомедию – «И снова туда, где море огней!»...

«Дорогая моя мамочка! Я учусь сейчас хорошо, работаю на фабрике. Я уже шить немного научилась, и если мне что-нибудь надо, то шью себе сама. Мамочка, как бы я хотела быть сейчас с тобой. Ты, наверное, понимаешь, как мне тяжело жить одной в такое время. Сейчас

очень холодно, сегодня было 37 градусов мороза, а в нашей комнате испортилась печка и топить совсем нельзя, даже вода замерзает.

Мама, сейчас получила твой перевод, как раз когда пишу письмо. Сколько же тебе приходится работать, чтобы присылать мне деньги, ты уж лучше не присылай.

Завтра у нас праздник: день выборов в Верховный Совет, уже на улицах повесили флаги. А с 15-го февраля начнутся испытания по теории и по практике. Я уже сшила самостоятельно второе дамское пальто.

Когда мне бывает очень трудно, я думаю, что у меня есть мама, а может быть, и папа...»

10

Прямо напротив училища, на Обводном канале, с утра до ночи гудела барахолка. Галя крепко сжимала в кармане кошелек: 40 рублей собственной зарплаты и 100, которые прислала мама. Как раз хватило на баретки – коричневые полуботиночки со шнурочками! Вообще-то мама посылала деньги на билет, но билетов на Павлодар в кассах все равно не достать.

Они не виделись десять лет. Тамара Михайловна оставила дочь в Вологодской области семилетним заморышем.

Добиралась, как придется – на угле, на подножках, на вагонах, под вагонами. На третьи сутки, измазанная угольной сажей, стала похожа на беспризорника. Маме показываться в таком виде девушка не собиралась. Сойдя за две остановки до Павлодара на разводной станции, Галя нашла колонку и, остановив пробегавшую мимо девчонку, попросила покачать воду. Блестящие пепельные кудри высохли на казахской жаре в одну минуту. Спрятавшись за станционный сарай, Галя достала из тючка бережно сохраненный «костюм физкультурника», выданный ей как участнику физкультурного парада: шелковая рубашечка и ситцевые шорты, умело перешитые в юбочку, беленькие носочки и новые баретки. «Дорожный костюм» свернула в тючок. Билет на электричку купила в кассе, как послушная девочка. Две остановки просидела на деревянной скамейке, не прислоняясь, чтобы не испачкаться. Вышла на перрон, огляделась и увидела, как вдоль поезда навстречу ей бежит белокурая женщина с красным, сгоревшим на солнце лицом: «Мама!»

11

Пасмурным весенним днем 1948 года Тамара Михайловна Наумова сошла с поезда на Московском вокзале. Бежевое пальто с шалевым воротником из вылезшей кошки, зеленый шарф, беретик, замотанные газетой ноги всунуты в боты.

Везла из Павлодара мешок муки, распрямив, спала на нем, как на матрасе. В жестяных банках волокла казахское масло с горьким полынным привкусом. Погрузили на такси мешки и поехали в Озерки к Вере Скробовой, подруге Тамары Михайловны еще с юности.

В комнатке-трамвайчике, где вдоль стенки стояли кровать и столик, расставили козлы, на которых и спали мать с дочерью. Тамара Михайловна пекла на керосинке пресные лепешки из привезенной муки, тем и кормились. Ходила по городу, искала место. Работу не давали, потому что не было прописки, прописку не ставили как безработной. Наконец, удалось получить вид на жительство. Устроилась на шлакоблочный завод счетоводом. Дали две койки в двухэтажном бараке. Там уже стояло 25 кроватей, сдвинули, поставили еще две. Ели алюминиевой ложкой с перекрученной ручкой из поллитровой банки по очереди. Будильника

не было. Чтобы не проспать, поднимались в 5.30, когда по радио начинал стучать метроном.

Пролетело полгода – временная прописка истекла. На работе сократили. Вновь негде жить. Вечерами Тамара Михайловна с огрызком карандаша в руке листала газету, читала объявления – мало ли, вдруг подвернется работа. Неожиданно в какой-то заметке мелькнуло знакомое имя – Глеб Осипович Погребцов. Папин ученик из Белой Церкви! Наутро пошли в адресное бюро, узнали адрес, написали письмо. Глеб Осипович ответил незамедлительно, дружелюбно и ласково. «А помнишь, Тамара, книжку «Горе от ума» в бархатном переплете, с золотым обрезом, которую мы всем классом преподнесли Михаилу Людвиговичу? Уж, наверное, не сохранилась».

- Не сохранилась, - вздохнула Тамара Михайловна, - если бы только книга...

Глеб Осипович рад был после всех потерь встретить знакомого из юности человека. Пригласил в гости.

Жилось ему тогда трудно. Жена умерла родами, на руках – шестимесячная Наташа; старшей дочке 13 лет. На работе советуют отдать младшую в детский дом: девочка маленькая, тяжелый рахит, ему, с его постоянными разъездами по совхозам, самому не справиться...

...Портрет покойной жены всегда стоял на рояле. Глеб Осипович уже в 60-е увлекся фотографией, в темной кладовке устроил лабораторию. В жестяном подносе плавал перевернутый купол Троицкого собора, залитая водой набережная Фонтанки; сверху с бельевой веревки свисали прозрачные перекрученные пленки и коньки на связанных шнурках, в углу стояли лыжные палки, швабра, полотер; пахло химией и ваксой для полировки паркета. Много курил. На огромном, занимавшем полкомнаты столе с резными краями, в мраморной пепельнице с орлом всегда дымилась папироса; он сидел во главе стола в судейском кресле с потертыми подлокотниками; к обеду Тамара Михайловна ставила перед ним хрустальный графинчик и подавала чай в серебряном подстаканнике в виде витой черной змеи. Глеб Осипович был прирожденный скульптор. На низком подоконнике окна-эркера, в деревянном ящичке хранились тонкие, похожие на скальпель, ножи, ими он вырезал из глины ушастые морды химер. Выучиться не удалось, под нажимом родителей получил профессию агронома, чем и спасся. До конца жизни он всегда носил с собой маленький мешочек с черными сухарями, нарезанными ровными квадратиками. Когда Глеб Осипович умер, на антресолях нашли седло, шпагу и дуэльные пистолеты Лепажина...

Тамара Михайловна поселилась с Галиной в Климовом переулке, в небольшой неухоженной комнате, забитой гамбсовской мебелью красного дерева. Наташа спала в чемодане. Сосед из комнаты при кухне рубил топором дверь с латунными ручками и вопил: «Ссылная сволочь!».

12

Тамара Михайловна поменяла фамилию. Буквально на следующий день отправила Гаю в Москву: «Езжай к дедушке Саше, расскажи ему, как мы все это пережили. Узнай, как они». Дверь открыла Галина, дочь Александра Людвиговича. Увидев молоденькую девушку, она решила, что это ученица – дом Савичей всегда был полон учеников, студентов, молодых друзей Галины и Игоря.

- Александр Людвигович на работе. Вы подождете или что-то передать?

- Я - Галя Наумова.

Затормошили, закрутили, заласкали, заговорили. Постелили на диване в большой комнате, напекли печенья.

- Галочка, ты тоже театралка? - Тетя Галя принесла билеты в МХАТ на «Синюю птицу».

Галя восхищенно, но с некоторым сомнением глядела на длинное вечернее платье, в котором появилась из своей комнаты тетя - как в нем в трамвай?

Галина Александровна сняла с бельевой веревки прищепки, подтянула юбку, ловко защемила ее складками у пояса и накинула сверху пальтишко...

- Галочка, прикрой меня, - смеясь, Галина Александровна отцепила прищепки, сунула их в карман и протянула гардеробщику куцее пальтецо. Повернувшись к зеркалу, поправила прическу и достала из бисерной сумочки бинокль цвета слоновой кости с золотым ободком: «Нищий, а с гонором»...

Утром дедушка Саша ушел на лекции, а к Александре Николаевне явился ученик. Она учила соседского Ванечку русскому языку. Услышав непонятные слова, мальчик сокрушенно кивал головой и приговаривал «Дура ты, дура».

- Бабушка, как же ты позволяешь ему так с тобой разговаривать? - удивлялась Галя.

- Как же я ему скажу, что это нехорошо, - объясняла Александра Николаевна, - если у него в семье все так говорят? Как же его сразу огорошу? Он мне доверять перестанет. А без доверия между учителем и учеником ничему не научишь. Я потом постепенно все ему объясню...

...Вспоминает Лариса Савич, жена старшего внука Александра Людвиговича.

«Учительская карьера Александра Людвиговича сложилась блестяще. Кроме основной работы в Тимирязевской академии, он преподавал в МГУ и никогда не оставлял школу. Получил все звания, какие только давали учителям. Александр Людвигович для целого поколения педагогов был светилом. От моей классной руководительницы я узнала вот какую историю: в начале пятидесятых Александра Людвиговича вызвали в первый отдел. Кто-то донес, что он «в своих лекциях неверно оценивает роль Великой Октябрьской Социалистической Революции и приуменьшает роль КПСС в образовании молодежи, а именно - критикует конституцию».

... - Тебе что, советская конституция не нравится? - подполковник цедил сквозь зубы, глядя на учителя круглыми совиными глазами. - В лагеря захотел?

- Если вы имеете в виду высказывание из моих лекций, то я цитировал Максима Горького, великого пролетарского писателя.

- Ты мне тут не крути!

- Говорю, как есть.

- Как есть говоришь? Ну-ну. Принеси мне к утру эту книжку, и чтоб в ней было именно так написано, как у меня здесь. - Он ткнул пальцем в листок, на котором печатными буквами был написан донос. - Не принесешь - сядешь.

Всю ночь в учительской горел свет. Коллектив, включая учителя физкультуры, изучал собрание сочинений Горького. Никогда, наверное, не было у великого пролетарского писателя таких внимательных читателей. К шести утра Александр Людвигович нашел: «Свободным-то

гражданином, друг мой, человека не конституции и революции делают, а самопознание».

- Я тогда училась в начальной школе, - продолжает рассказ Лора Савич, - но однажды и мне довелось услышать его лекцию. Он уже не преподавал ежедневно, приходил редко, и на его лекции в актовом зале собиралась вся школа. В первом ряду сидели учителя, напротив сцены - Александра Николаевна, которая всегда сопровождала мужа, с белым воротничком, заколотым камеей и убранными в узел седыми волосами. Он поднялся на сцену. Невысокого роста, с небольшой седеющей бородкой, худощавый. «Типичный учитель, ничего особенного», - подумала я. Он заговорил, и мы замерли, мы открыли рты, слушая заворожено его живую, наполненную, классическую русскую речь:

- Я буду говорить сегодня с вами о любви...

...«Жизнь сама по себе очень разнообразна - это своего рода калейдоскоп, люди должны в ней принимать различные виды и цвета. Но часто они сами не хотят занять в этом калейдоскопе своего места, которое присуще только им одним, а предпочитают становиться на одно место с другими, не желая или боясь отличаться от «других, всех». Каждый человек должен идти своей собственной дорогой, чтобы внести в жизнь хотя немного своего. В противном случае он в огромном жизненном механизме только маленький гвоздь. Это все вспомните, когда не будет двух братьев». (Подпись на фотографии Михаила и Александра Савичей, 29.08.1903 г.).

У него был рак; больше двух лет он провел в темной комнате, не вынося света. Жена ухаживала за ним. Умерла первая, у нее было слабое сердце и высокое давление. Он лежал, отвернувшись к коврику на стене, и все звал ее: «Шурочка, Шурочка»...

...«У нас с тобой есть что-то такое хорошее (в чувстве нашем), что делает встречу особенно дорогой и памятной.

В ней мне чудится и огонь, и солнышко и что-то сладкое, идиллическое. Что делать - я не «реалист», доля сентимента во мне есть-таки.

Вот, видишь, солнышко, золотое мое, ты не любишь, когда я долго не пишу. Да что же делать, когда не могу я всего высказать. Я не умею вести таких разговоров, а могу, хочу и умею любить». (Из письма жене 04.07.1906 г.)...

13

Галина подружка, приходившая до войны к ним на Декабристов заниматься музыкой, сказала ей при встрече, что видела их фортепиано у соседей снизу. Тамара Михайловна подала в суд.

- Гражданка Наумова, можете ли вы доказать, что инструмент доподлинно ваш?

Была особая примета. Когда инструмент покупали, рядом крутилась какая-то девочка и незаметно выцарапала на нем гвоздиком свое имя: «Катя». Как ее тогда ругали, как огорчались, а сейчас - пригодилось!

Фортепиано вернулось к хозяйке. Но ни разу больше она за него не села.

...Один раз не выдержала. Склонившись над штопкой, терпеливо слушала, как уже взрослая внучка (а именно - я) бездарно выстукивает Шумана. Вдруг встала, подошла к роялю - перебитые пальцы пролетели по клавишам... - что это было - Лист? - она захлопнула крышку и сказала:

- К черту все!

«Я не доживу, Галя, но когда-нибудь, когда их погонят, ты будешь гордиться, что твой отец был среди тех, кого расстреляли, а не среди тех, кто расстреливал».

14

Бухта Золотой Рог, декабрь 1955

Сопка на окраине Владивостока. Улица Третья терраса - на самой ее макушке. Чтобы добраться до нее, надо вскарабкаться по деревянной лесенке, миновать Первую и Вторую. На небольшой впадине дом типа барака.

Галя закутала дочку в стеганое розовое одеяльце - подарок бабушки Саши: «Сиди, Лена, не высывайся», - и выскочила за углом во двор. Над сопкой, чуть ли не задевая голову, висели снежные облака. Хозяйка, 92-летняя старуха, которая в светлые годы своей юности работала у Калинина и каждый разговор начинала словами: «Вот когда я заведовала кассой взаимопомощи у всесоюзного старосты.», еще с вечера жаловалась на скрип в коленях и грозилась пургой. Галина Владимировна разожгла плитку и поставила на конфорку бак с водой. За окном повалил снег...

Молодой лейтенант, выпускник Ленинградского военно-морского училища (бывшего Морского корпуса) взбежал, придерживая фуражку, вверх по деревянным ступенькам к Третьей террасе. Его корабль утром пришвартовался в бухте Золотого Рога после шестимесячного плавания. Вопреки его ожиданиям, молодая жена не встречала моряка на пороге. Порога тоже не было видно. Да сам домик исчез! На его месте возвышался огромный сугроб. Прихватив в соседнем дворе лопату, Константин Антонович раскидал от окна снег, стер рукавом шинели ледяную изморозь на стекле и заглянул внутрь. Там Галя что-то шила или вышивала, в чемодане с ободранными углами спал, завернутый в одеяльце ребенок, над плитой сохли пеленки, чепчик с завязками, фланелевые ползунки. Крышка на эмалированном чайнике запрыгала, затанцевала, из носика повалил густой пар. Галя воткнула иголку в шитье, поправила упавшую на лоб пепельную волну и подняла голову.

Черная речка, Комендантский аэродром, окраина Ленинграда, 1987

Реденький, пыльный лесок сползал с холма прямо к новостройкам. Однообразные коробки ровным геометрическим узором линовали бывший комендантский аэродром. Узкая бетонная дорожка вела к обшарпанному угловому зданию. Будка-автомат у входа, скамейка со сломанными перекладинами, пара чахлах кустов. Посреди каменистого двора - кирпичная школа, окруженная сеткой-рабицей, прогнувшейся, как пружинные матрасы. Вихрь кружит по двору опавшие листья.

Темнеет. Желтый кружок света из железного ковша лампы падает на блеклые буквы. Четыре проложенных копиркой листа ползут из-под каретки пишущей машинки «Эрика». В чашке темной полосой оседает остывший чай. Хорошая чашка, старинная, из сервиза «Голубые мечи». Еще бабушкина.

Переплетенные в красный дерматин тонкие листы папиросной бумаги: «Архипелаг ГУЛАГ», «Мастер и Маргарита», журнал «Континент» с моей статьей, свернутая в трубочку и перевязанная черной аптечной резинкой «Хроника текущих событий» - привезли друзья из Москвы; как в любой редакции, стол завален заметками, письмами, декларациями, приготовленными для четвертого номера журнала «Меркурий». Заметки, письма, уставы

организаций, которые в тот послеанглетеровский год создавались с долгожданной скоростью. На картонной папке выведено рукой: «За нашу и вашу свободу».

Я сижу за пишущей машинкой. Пробитые стершиеся черные листы копирки пачкают пальцы. Копии разбегутся по квартирам, по кабинетам институтов и контор, размножатся, расползутся, разойдутся по рукам, прилипнут к стенам на ленинградских улицах. Тысячами экземпляров разлетится статья по городу, ее будут читать, передавать из рук в руки, накалывать на прутья решетки Юсуповского садика, с нее начнется общество «Мемориал», она попадет в учебники. Но пока ее еще надо написать. Я отвожу рукой каретку, вставляю свежий лист и выстукиваю первую фразу:

«В каждом городе! Как в каждом городе горит вечный огонь Неизвестному солдату, так пусть в каждом городе стоит памятник невинно убиенным, пусть также стоит у него траурный караул и также лежат цветы, пусть наши дети также знают и помнят их имена, и пусть земля горит под ногами их убийц!

Месть – бесплодное чувство! Но, еще не умея читать, я повторяла сто раз слышанные от матери слова: Пепел Клааса стучит в мое сердце!

Пусть не будет сердца, обойденного этим страшным знанием, которое, как смертельную болезнь, носили мы в себе все эти годы...»^[13]

Река Вуокса, Финляндия, август 2000

На мосту через Вуоксу склонилась, облокотясь на перила, молодая девушка. Невысокая, хрупкая; нежно-бледное лицо и изящные запястья – настоящая шляхтенка. Брызги водопада падают на пышные волосы, поднятые над высоким лбом.

- Знаешь, Анечка, твоя прабабушка часто рассказывала об этих местах и жалела, что мы никогда не увидим водопад в Иматре...

- Алмазна сыплется гора,/ С высот четыремя скалами...», - не удержалась я.

- Жемчугу бездна и серебра.

Кипит внизу, бьет вверх буграми,^[14] - утешила маму Анечка. - Прабабушка? Какая?

- Моя бабушка, Тамара Михайловна.

- А она меня видела?

- Даже на руках успела подержать.

Река Фонтанка, ноябрь 2010

По Аничкову мосту бежит тощий, белобрысый студент в черной китайской курточке на рыбьем меху. Не как у Раскольниковца, конечно, а как, скажем, у Разумихина... Придерживая на ходу футляр с виолончелью, Ромка кричит в мобильный телефон: «Бабушка, у меня практика начинается. Бегу в школу. Сегодня первый урок!»

Река Темза, 10 декабря 2011

...Ромка откинул крышку компьютера:

- Я принес вам посмотреть фотографии митинга в Лондоне, Вова вчера прислал.

Колют зимнее небо островерхие башни Вестминстерского аббатства, редкая пятипалая листва золотит ветви, траву на газоне, сухой асфальт. Тепло. На распахнутых куртках завитком прищиплены белые ленточки. Топорщатся шервудским лесом нарисованные от руки плакаты, карикатуры, лозунги. У поребрика горкой свалены рюкзаки.

- А где Вова-то?

- Вот, смотрите, лохматая голова торчит!

Галина Владимировна надевает очки, я - наоборот - снимаю, и мы обе склоняемся ближе к экрану, чтобы рассмотреть знакомую макушку.

- Ох, - вздыхает бабушка, - не ввязывался бы Вова в политику, еще из института выгонят.

- Ну, бабушка, - успокаивает ее Рома. - Из лондонского-то?

Мышка шевелится под Роминой рукой, и на мониторе мелькают одна за другой площади, переполненные веселыми рассерженными горожанами: Болотная в Москве, Пионерская - в Санкт-Петербурге, - и мы вглядываемся, пытаюсь разглядеть знакомые лица, - Пермь, Новгород, Нижний...

- Знаете, как их теперь называют? Новые белые.

Канал Грибоедова, 30 декабря 2011

На втором этаже Дома книги - кафе «Зингер». Низкие широкие окна выходят одной стороной на Казанский собор, а другой - на канал. Я появилась на встречу первая, скинула пальто на бархатное кресло у лакированного столика и увидела, как по мостику, задрав голову, спешит Наталия и машет мне рукой: «Я здесь, я здесь - бегу!»

Потолкавшись у витрины с пышными тортами, украшенными игрушечными морковочками, я безнадежно вздохнула и заказала винегрет. Винегрета не оказалось.

Наталия Соколовская - писательница и остроумная советчица, которая безжалостно драконит мои художественные экзерсисы - черноглазая, пышноволосяя, бледная, как всякая петербургская немочь, куталась в шерстяную шаль, перебирая край музыкальными пальчиками в серебряных кольцах. Мы облизывали ложечки со сливками, сплетничали, обсуждали детей, книги, политику.

- Как ты считаешь, ну, чтобы быть справедливыми, - спросила Наталия и широким жестом обвела рукой книжные полки с рядами новеньких книг, витрины с пирожными, темное окно с видом на мигающий новогодними гирляндами Невский, - вот все это, все, что мы получили за эти годы, оно что, благодаря им? Или вопреки?

Я откинулась на спинку кресла и сложила руки на животе, как Наполеон.

- При коммунистах, конечно, было понятнее. Все хорошее существовало вопреки им. Мне кажется, что, сейчас, скорее всего, не вопреки, не благодаря, а именно БЕЗ НИХ. Может быть, в этом и есть их главная заслуга.

В кафе вошла группа молодых людей; было видно, что это именно группа - человек десять-

двенадцать, они быстро и бесшумно сдвинули столики, сели вокруг, заказали кофе, пирожные; белокурая молодая дама хлопотала вокруг них – то ли воспитатель, то ли сопровождающий, то ли начальница. Наш разговор стал прерываться паузами. Повернувшись к соседнему столику, Наталия заметила:

- Что-то странное в этих ребятах, не могу понять, кто они.

Джинсы, свитера; короткие стрижки; мальчики – в очечках, девочки – с хвостиками...

- У них необычные лица. Посмотри на мальчика с краю.

Я взглянула на ясные, спокойные лица молодых людей. Пожала печами:

- Наташа, они неожиданно выросли и оказались другие.

Белокурая дама, прилаживая фотоаппарат, пододвинулась почти вплотную к нам, и я спросила, чуть лукавя:

- Мы поспорили с подругой. Ваши подопечные – старшеклассники или первокурсники?

Молодые люди загудели:

- Да мы вообще-то на третьем курсе все.

Милая дама словоохотливо объяснила, что это – студенты института туризма. Она продолжала рассказывать, а мы рассматривали веселые молодые лица и думали, чем же они особенны. Интеллигентные, невозмутимые, внимательные. Что-то неуловимо знакомое вставало в памяти и искало подходящее слово. Мы расплатились и, ныряя между неторопливыми посетителями, пробежались мимо отдела РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, чтобы полюбоваться, как стоят на полке, осененные этими великими словами, романы Наталии Соколовской.

Тяжелая, латунно-стеклянная дверь выпустила нас под дождь. Невский проспект, блистательный и мокрый, лежал перед нами, огражденный колоннами Казанского, как копиями архистратига.

- Я узнала их, Наташа! Это – лица с черно-белых дагерротипов. Гимназисты, кадеты, юнкера. Это они, они возвращаются к нам. Время пришло, да и место подходящее!

Эпилог

Подошли мы к эпилогу. По закону жанра нужно связать концы с концами, показать, что случилось с каждым, как продолжились линии, и что у нас в сухом остатке. 90-е годы принесли нам освобождение от красных флагов, райкомов, вранья и первомайских демонстраций. Свобода знать, говорить, работать, видеть мир, жить частной жизнью обрушилась на нас, как водопад. Кто-то выплыл, кому-то не удалось. Отсев, социальный геноцид, как говорят современные ученые, антиселекция, проведенная с безошибочным классовым чутьем оставили нам не так много возможностей для возрождения страны. Университетские преподаватели, через чьи руки поколение за поколением проходят питерские студенты, говорят, что те, кто родились в 90-е и не были октябрятами и пионерами, те, кого с детского садика не приучали лгать, уже другие. На них и надежда.

Фамилия Магдебургов исчезла без следов. Савичи уцелели. Московская линия – дружное мужское потомство Александра Людвиговича – произвела замечательных сыновей, умных,

красивых, светловолосых, которые крепко стоят на ногах: биологи, физики, геологи. Каждый внесет вклад в российскую науку.

Тяжело ушли из жизни Евгений Флорович и его жена Анна Долинские – пострадав от нападения в подъезде собственного дома. Их дочь, Елена Евгеньевна, которая родилась после войны, живет в родительской квартире, сохранив гамбсовский гарнитур, который покупала еще ее мать. Она подняла сына Александра и теперь растит двух внуков – Женю и Сашу.

Татьяна Александровна Долинская, которую спасла от голодной смерти тетя Лина, умерла несколько лет назад, а ее дочери и внуки переселились в Норвегию.

Теперь о нас.

Бабушка, Тамара Михайловна Наумова-Погребцова (в девичестве Савич), умерла в августе 1986 года в возрасте восьмидесяти лет. Она успела увидеть первых правнуков.

Константин Антонович Шопотов – молодой лейтенант, который в последней главе откапывал свой дом из-под снега – вышел в отставку в чине контр-адмирала, перестройку не одобряет, однако, увлекшись подводной археологией, поднял со дна Выборгского залива шведские корабли и заслужил награду Шведского Королевского Дома.

Мама моя, Галина Владимировна Шопотова (в девичестве Наумова), Слава Богу, здорова. Живет на даче, ухаживает за садом, воспитывает собак и внуков. Всему хорошему, что в нас есть, мы с братом обязаны ей. За плохое отвечаем сами.

Мой брат, Игорь Константинович Шопотов, окончил Ленинградский государственный университет, факультет биологии, в переломные годы поменял профессию. Руководит строительством и считает, что приносит больше пользы, чем если бы корпел над инфузориями. Ему видней. Бог дал ему троих сыновей. Перечисляю по старшинству: Владимир, Роман, Николай.

Старший брат юнкера Владимира Зелинского погиб в Киеве, в Политехническом музее в ту ночь, когда в город вошел Петлюра. Средний остался жив. Его сын Михаил воевал, дошел до Берлина, участвовал в Параде Победы, внук – Анатолий – стал моим мужем. У нас двое детей. Анна и Михаил, сын мужа от первого брака. Мы живем в деревянном доме, окруженном садом, между Москвой и Малоярославцем.

...Аня стоит у ворот Черноостровского женского монастыря. Здесь, на Ивановом лугу, в 1812 году Наполеон потерпел окончательное поражение. Монастырь горел, шесть раз переходил от русских к французам. До сих пор, копаясь в огороде, насельницы находят косточки то ли русских, то ли французских воинов и сносят их в маленькую часовню. Белокаменная арка испещрена отметинами шрапнели – все двести лет те, кто ремонтировал монастырь, оставляли эти следы как память о битве с французами. Плотно, как на близкой мишени, покрыта она черными щербинами.

И только лик Спасителя, которого не коснулась ни одна пуля, сияет над входом в монастырь.

Именной указатель

Альбов Александр Павлович (1902–1989). Окончил гимназию в Одессе в 1918 г. Был участником восстания в Одессе под предводительством полковника Саблина в августе 1919 г., затем вольноопределяющимся 1-го Одесского караульного полка вплоть до эвакуации из

Новороссийска на бронепоезде «Генерал Дроздовский»; летом 1920 г. - юнкер Корниловского военного училища, младший офицер комендантской роты Севастополя до эвакуации из Крыма. С 6 августа 1920 г. - подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка. Эвакуировался на корабле «Великий князь Александр Михайлович». Галлиполиец. Осенью 1925 г. служил в составе Гвардейского отряда в Югославии. Служил в РОА (майор): начальник отдела пропаганды штаба ВВС КОНР. С 1945 г. проживал в США, где и умер в 1989 г. Награждён Георгиевским крестом 4-ой ст.

Барбович Иван Гаврилович (1874-1947) - генерал-лейтенант. Окончил Елизаветградское кавалерийское юнкерское училище, после чего был выпущен в 30-й Драгунский Ингерманландский полк. На фронт Первой мировой войны вышел ротмистром и командиром 2-го эскадрона полка. В 1916 г. - полковник, а с 4 мая 1917 г. - командир полка.

С февраля 1918 г. проживал в Харькове, где в конце немецкой оккупации в октябре 1918 г. сформировал отряд из 74-х гусар и офицеров и выступил с ним на соединение с Добровольческой армией. 19 января 1919 г. зачислен в ее ряды. 1 марта 1919 г. назначен командиром 2-го конного генерала Дроздовского полка, действовавшего на Ак-Манайских позициях в составе Крымско-Азовской армии. 5 июня 1919 г., в связи с ранением командира бригады полковника Миклашевского, стал командовать отдельной кавалерийской бригадой, вскоре переименованной во 2-ую кавалерийскую дивизию, в составе 5-го конного корпуса генерала Юзефовича. После боев под Бахмачем и во время отступления ВСЮР осенью 1919 г. принял 5 декабря от заболевшего генерала Миклашевского сводную кавалерийскую бригаду, в которую был сведен 5-ый конный корпус. 10 декабря 1919 г. произведен в генерал-майоры. Во главе сводной дивизии сражался с 1-й конной армией под Батайском, Ольгинской и Егорлыцкой. В марте 1920 г. прикрывал отход ВСЮР к Новороссийску.

В Русской армии генерала Врангеля - начальник 1-ый кавалерийской дивизии, а затем командующий сводным кавалерийским корпусом. 19 июля 1920 г. произведен в генерал-лейтенанты. При эвакуации из Крыма генерал Барбович отвел в Ялту свой корпус для погрузки на корабли. В Галлиполи был назначен начальником кавалерийской дивизии. С сентября 1921 г. жил в Белграде и служил военно-техническим чиновником в Военном министерстве Королевства СХС, оставаясь начальником кадров 1-ый кавалерийской дивизии. При создании РОВСа в сентябре 1924 г. был назначен генералом Врангелем помощником начальника 4-го отдела РОВСа - генерала от инфантерии Экка. 21 января 1933 г. в связи с уходом генерала Экка по собственному желанию генерал Барбович был назначен генералом Миллером начальником 4-го отдела РОВСа. В то же время он был избран председателем Объединения кавалерии и конной артиллерии. В октябре 1944 г. покинул Белград и после Второй мировой войны жил в лагере беженцев под Мюнхеном. Скончался в Мюнхене 21 марта 1947 г. Награжден Орденом Св. Николая 2-ой ст.

Баташев Никита Михайлович (1854-1927) - генерал-лейтенант. Окончил 1-ое военное Павловское училище, затем Императорскую Николаевскую военную академию Генерального штаба. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Состоял для поручений при штабе 12-го армейского корпуса (с 07.12.1887 г. по 04.09.1889 г.); состоял для особых поручений при штабе 9-го армейского корпуса (с 04.09.1889 г. по 01.04.1891 г.); штаб-офицер для поручений при штабе Одесского ВО (с 01.04.1889 г. по 18.07.1895 г.); начальник штаба Очаковской крепости (18.07.1895 г. по 25.11.1898 г.); начальник штаба 26-ой пехотной дивизии (с 25.11.1898 г. по 04.07.1902 г.); командир 152-го пехотного Владикавказского полка (с 04.07.1902 г. по 14.01.1905 г.). Генерал-майор (ст. 14.01.1905 г.). Командир 1-ой бригады 34-ой пехотной дивизии (с 14.01.1905 по 1914 гг.). С 19 июля по 26 августа 1914 г. - командующий 71-ой пехотной дивизией. С 26 августа 1914 г. по 23 марта 1915 г. - командующий (позже в чине генерал-лейтенанта начальник) 34-ой пехотной дивизии. С 23 марта по 18 августа 1915 г.

командовал 8-ым армейским корпусом. Награждён: Орденом Св. Георгия 4-ой ст. (ВП 7 октября 1914 г.); Орденом Св. Георгия 3-ей ст. (ВП 2 января 1915 г.); Георгиевским оружием (ВП 24 февраля 1915 г.).

Безбородко Александр Андреевич (1747-1799) – русский государственный деятель. Происходил из украинской казацкой старшины. Окончил Киевскую академию. В 1765 г. поступил на службу в канцелярию генерал-губернатора Украины П. А. Румянцева-Задунайского. С начала войны с Турцией поступил на военную службу и выступил в поход к Бугу с Нежинским полком, и после начальствовал над полками: Лубенским, Миргородским и Компанейским. Когда Румянцев был назначен главнокомандующим над русскими войсками против турок, Безбородко перешёл в его армию и находился при нём неотлучно в сражениях, управляя делами генерал-фельдмаршала, с успехом исполняя его тайные поручения. За свою службу князь Безбородко 22 марта 1774 г. был пожалован в полковники, а в следующем 1775 г. по прибытии в Москву с графом Румянцевым он поступил на службу к государыне Екатерине II.

С 1775 г. – секретарь Екатерины II, составитель манифестов и других документов. С 1780 г. – член Коллегии иностранных дел, с 1784 г. – фактически возглавлял её. С конца 80-х гг. до 1792 г. был ежедневным докладчиком Екатерины II по важнейшим вопросам. Принимал участие в подготовке и заключении главнейших международных актов России последней четверти XVIII в.: добился признания Турцией присоединения Крыма к России (1783), подписал выгодный для России Ясский мирный договор 1791 г. с Турцией, конвенцию о 3-м разделе Речи Посполитой (1795) и др. За 1775-1796 гг. он подписал свыше 9,6 тысяч актов с объявлением воли императрицы (сама императрица Екатерина II подписала свыше 14,5 тыс.), из которых около 900 вошли затем в Полное собрание законов Российской империи. Все манифесты императрицы Екатерины II в 1776-1792 гг. были составлены Безбородко, он же автор около 400 именных указов Сенату.

После смерти Екатерины II сохранил руководящее положение в Коллегии иностранных дел, в 1797 г. получил чин канцлера Российской Империи и титул светлейшего князя. Император Павел I пожаловал ему также свой портрет и большой крест Св. Иоанна Иерусалимского, осыпанный бриллиантами. Павел I говорил о Безбородко: «Этот человек для меня дар Божий». Единственный из всех приближенных императрицы Екатерины II до конца жизни сохранил расположение императора Павла I. В конце 1798 г. из-за болезни просил об отставке, но Павел I в этом ему отказал.

Благодаря многочисленным пожалованиям Екатерины II и Павла I и приобретению земельных владений Безбородко к концу жизни стал одним из крупнейших помещиков (основная земельная собственность – на Юге России и Украине). Просвещенный меценат, Безбородко поражал современников роскошью, хлебосольством и художественным вкусом, собрав одну из лучших в России коллекцию картин. Завещал свыше 210 тысяч руб. на Воспитательный дом, на которые его наследником был создан Нежинский лицей. Награждён: Орденом Св. Владимира 1-й ст. (1782), Орденом Св. Александра Невского (1784), Орденом Св. апостола Андрея Первозванного (1791), Большим крестом Св. Иоанна Иерусалимского (1797).

Бехтерев Владимир Михайлович (1857-1927) – выдающийся русский медик-психиатр, невропатолог, физиолог, психолог, основоположник рефлексологии и патопсихологического направления в России, академик. Образование получил в вятской гимназии и Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. По окончании курса (1878) Бехтерев посвятил себя изучению душевных и нервных болезней и для этой цели работал при клинике профессора И. П. Мержеевского.

В 1879 г. Бехтерев был принят в действительные члены Петербургского общества психиатров.

По защите докторской диссертации (4 апреля 1881) утверждён приват-доцентом Петербургской медико-хирургической академии, а с 1885 г. состоял профессором Казанского университета и заведующим психиатрической клиникой окружной казанской лечебницы. Во время работы в Казанском университете создал психофизиологическую лабораторию и основал Казанское общество невропатологов и психиатров. В 1893 г. возглавил кафедру нервных и душевных болезней Медико-хирургической академии. В том же году основал журнал «Неврологический вестник». В 1894 г. был назначен членом медицинского совета Министерства внутренних дел, а в 1895 г. – членом военно-медицинского ученого совета при военном министре и тогда же членом совета дома призрения душевнобольных. С 1897 г. преподавал также в Женском медицинском институте. Организовал в Петербурге Общество психоневрологов и Общество нормальной и экспериментальной психологии и научной организации труда. Редактировал журналы «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии», «Изучение и воспитание личности», «Вопросы изучения труда» и др.

В 1900 г. Бехтерев был избран председателем Русского общества нормальной и патологической психологии. В 1908 г. в Петербурге начинает работу основанный Бехтеревым Психоневрологический институт. В мае 1918 г. Бехтерев обратился в Совнарком с ходатайством об организации Института по изучению мозга и психической деятельности. Вскоре Институт открылся, и его директором до самой смерти являлся В. М. Бехтерев. В 1927 г. ему было присвоено звание Заслуженного деятеля науки РСФСР. Именно Бехтеревым был поставлен диагноз Ленину – сифилис мозга. Многие годы исследовал проблемы гипноза и внушения, в том числе при алкоголизме. Более 20 лет изучал вопросы полового поведения и воспитания ребенка. Разработал объективные методы изучения нервно-психического развития детей. Многократно критиковал психоанализ (учения Зигмунда Фрейда, Альфреда Адлера и др.). Но вместе с тем способствовал проведению теоретических, экспериментальных и психотерапевтических работ по психоанализу, которые осуществлялись в возглавляемом им институте.

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) – генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант (1915). Родился в семье генерала. Окончил Пажеский корпус. Служил в 15-ом Тверском драгунском полку. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказе. Отличился при взятии турецких крепостей Ардаган и Карс. Затем более 15 лет прослужил в офицерской кавалерийской школе, начав с инструктора верховой езды и закончив ее начальником. Служивший в школе под его началом перед русско-японской войной К. Маннергейм вспоминал: «Он был внимательным, строгим, требовательным к подчинённым руководителем и давал очень хорошие знания. Его военные игры и учения на местности по своим разработкам и исполнению были образцовыми и донельзя интересными». В 1906–1912 гг. командовал различными воинскими соединениями. В 1912 г. получил чин генерала от кавалерии.

С начала Первой мировой войны назначен командующим 8-ой армией Юго-Западного фронта (1914), с марта 1916 г. – главнокомандующий Юго-Западным фронтом. Один из лучших полководцев Первой мировой войны, особую известность приобрел за разработку и проведение наступления русской армии в начале лета 1916 г., так называемый Брусиловский прорыв: 22 мая после массированного артиллерийского удара русские войска двинулись в наступление и прорвали австрийские позиции сразу в нескольких местах. Фронт был прорван на протяжении 340 км, глубина прорыва доходила до 120 км. В этих боях австрийцы понесли тяжелые потери – около 1,5 млн убитыми, ранеными и пленными. Брусиловский прорыв поставил Австро-Венгрию на грань военной и политической катастрофы. Однако успех Юго-Западного фронта не дал решающих стратегических результатов, так как не был поддержан наступательными операциями других фронтов. И после подхода крупных резервов противника война здесь вновь

приобрела позиционный характер.

После Февральской революции – сторонник продолжения войны до победного конца. В мае-июле 1917 г. был Верховным главнокомандующим русской армией. После смещения с этого поста в июле 1917 г. остался в распоряжении Временного правительства. В 1920 г. вступил в ряды Красной Армии. С мая 1920 г. возглавлял Особое совещание при главнокомандующем всеми вооружёнными силами Советской Республики. С 1921 г. – председатель комиссии по организации допризывной кавалерийской подготовки, с 1923 г. состоял при Реввоенсовете для особо важных поручений. В 1923-1924 гг. – главный инспектор кавалерии РККА.

Скончался 17 марта 1926 г. в Москве от воспаления лёгких в возрасте 73 лет. Похоронен у стен Смоленского собора Новодевичьего монастыря. Награждён: Орденом Св. Анны 3-ей ст. (1878), Орденом Св. Станислава 3-ей ст. с мечами и бантом (1878), Орденом Св. Станислава 2-ой ст. с мечами (1878), Орденом Св. Станислава 1-ой ст. (1903), Орденом Св. Анны 1-ой ст. (1909), Орденом Св. Владимира 1-ой ст. (1912), Орденом Св. Георгия 4-ой ст. (23.08.1914), Орденом Св. Георгия 3-ей ст. (18.09.1914), золотым Георгиевским оружием «За храбрость» с бриллиантами.

Враский (Фенстер) Иеремия Яковлевич (1868-1944) – русский военачальник, генерал-майор (1914). Образование получил в Таганрогской классической гимназии. В службу вступил 13 августа 1888 г. Окончил военно-училищный курс Московского пехотного юнкерского училища (1890). Выпущен в 38-ую артиллерийскую бригаду. Позже служил в 20-ой артиллерийской бригаде. Подпоручик (10 августа 1890 г.). Поручик (10 августа 1893 г.). Штабс-капитан (13 июля 1897 г.). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1898; по 1-му разряду). Капитан (17 мая 1898 г.). Состоял при Приамурском ВО и Квантунской области. Участвовал в военных действиях в Китае 1900-1901 гг. Старший адъютант штаба 3-ей Восточно-Сибирской стрелковой бригады (с 25.03.1900 г. по 06.12.1901 г.). Цензовое командование ротой отбывал в 4-ом Восточно-Сибирском стрелковом полку (15.01.14.06.1901 г.). Подполковник (06.12.1901). Старший адъютант штаба Квантунской области (06.12.1901-31.08.1903).

Состоял в распоряжении Командующего войсками Финляндского ВО (31.08.1903- 12.10.1904). Продолжал отбывать строевой ценз командования ротой в 3-м Финляндском стрелковом полку (23.05.-23.12.1903). Штаб-офицер при управлении 58-ой пехотной резервной бригады (12.10.1904 – 14.07.1910 г.). Цензовое командование батальоном отбывал в 230-ом Ветлужском резервном батальоне (01.05.-01.09.1905 г.). Полковник (06.12.1905 г.). Был прикомандирован к артиллерии (22.05.-21.07.1907 г.) и к кавалерии (07.09.-26.09.1907 г.). Начальник штаба 49-ой пехотной дивизии (14.07.-10.09.1910 г.). Командир 33-го Сибирского стрелкового полка (10.09.1910 – 18.04.1914 г.). Генерал-майор (18.04.1914 г.). В годы Первой мировой войны – начальник Чугуевского офицерского училища (с 18.04.1914 г.; в должности на 01.01.1916 г. и 03.01.1917 г.). Участник боев в Чугуеве 15.12.1917 г.

С 01.12.1918 г. в Донской армии. В ВСЮР с 02.01.1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего; с 22.01.1919 г. в резерве чинов при штабе Кавказской Добровольческой армии, с 01.04.1919 г. помощник начальника части военно-учебных заведений Военного управления. В Русской Армии – начальник военно-учебных заведений в Крыму.

В эмиграции в Югославии, 20.10.1922 г. – 01.09.1929 г. – преподаватель Крымского кадетского корпуса, затем с 03.08.1932 г. преподаватель Первого русского кадетского корпуса. С 1933 г. директор Русского лицея имени императора Николая II в Версале (под Парижем). Награждён: Орденом Св. Анны 3-ей ст. с мечами и бантом (1900), Орденом Св. Анны 4-ой ст. (1901), Орденом Св. Станислава 2-ой ст. с мечами (1901), Орденом Св. Анны 2-ой ст. (1908), Орденом Св. Владимира 4-ой ст. (1912; 22 февраля 1913 г.).

Герд Владимир Александрович (1870-1926) – профессор, учитель-методист. Родился в Цюрихе, в семье известного русского педагога Александра Яковлевича Герда. Среднее образование получил в Петербургской гимназии Гуревича; в дальнейшем окончил Петербургский университет, затем (1896) Новоалександрийский институт сельского хозяйства и лесоводства. Состоял директором Тенишевского училища в Петербурге, был председателем педсовета женской гимназии М. Н. Сторониной (с 1905), впоследствии основал 8-классную школу при Путиловском заводе, которой руководил в течение 11 лет; был преподавателем высших курсов Лесгафта. В студенческие годы примкнул к революционному движению, принимал участие в работе студенческих организаций, был близок с П. Струве, Н. Водовозовым, Н. Соколовым, Д. Странденем и др.; в 1890-91 гг. находился на замечании охранного отделения. В 1898 г. привлечен к дознанию по делу «Рабочего Знамени». Содержался под стражей с 16 декабря 1898 г. по 9 апреля 1899 г., затем выпущен под залог и жил под надзором в Можайске Московской губернии и в Лоеве Речицкого уезда Минской губернии. По данным дознания, поддерживал сношения со многими привлеченными по указанному делу лицами; при обыске у него были найдены нелегальные издания. По высочайшему повелению 28 июня 1900 г. подчинен гласному надзору полиции на 2 года в месте жительства вне столиц и столичных губерний. Затем вернулся в Петербург. В 1905 г. участвовал в работе учительских организаций; был председателем областного съезда учителей в ноябре 1905 г. Состоял членом бюро Союза союзов. В годы реакции принимал участие в деятельности рабочих культурно-просветительных организаций Петербурга. В 1917 г. принадлежал к с.-д. меньшевикам, являлся одним из руководителей Всероссийского учительского союза, от которого участвовал в Государственном и в Демократическом совещаниях, на последнем был выбран в Демократический Совет. После октябрьской революции продолжал работать как педагог в Петрограде, затем в Краснодаре и Твери, где состоял преподавателем Педагогического института. В 1922-1923 гг. один из редакторов журнала «Педагогическая Мысль». Умер в 1926 г.

Герд Юлия Ивановна, жена В. А. Герда. Родилась в 1869 г. в Нижнем Новгороде. Окончила 2-ую Московскую женскую гимназию и Петербургские высшие женские курсы (1893). В 1898 г. была привлечена по делу «Рабочего Знамени»; вместе с мужем обвинялась в хранении нелегальных изданий. Состояла под особым надзором полиции в Можайске Московской губернии. По высочайшему повелению 28 июня 1900 г. подчинена гласному надзору полиции на 2 года. Отбывала в одном из имений близ станции Окуловки Крестецкого уезда Новгородской губернии, затем в сентябре 1902 г. вернулась в Петербург (однако, по данным «Листка Рабочего Дела», Ю. Герд была подвергнута аресту в Петербурге в ночь на 18 апреля 1901 г.). В 1903 г. была привлечена по делу Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса; при обыске найдены революционные издания. Содержалась под стражей с 16 сентября по 16 октября 1903 г., а затем отдана под особый надзор полиции в Пскове. Обвинялась в связях с революционерами, хранила у себя нелегальную литературу. Постановлением Петербургского губернского совещания 19 августа 1904 г. дело было прекращено. В дальнейшем преподавала русский язык в женской гимназии Сторониной в Петербурге.

Гутор Алексей Евгеньевич (1868-1938) – русский и советский военачальник, генерал-лейтенант (1914). Образование получил в 4-ом Московском кадетском корпусе. На службу поступил 31 августа 1886 г. В 1889 г. окончил Михайловское артиллерийское училище. Выпущен подпоручиком (10.08.1889 г.) в 3-ю гвардейскую и гренадерскую артиллерийскую бригаду. Поручик (10.08.1893 г.). В 1895 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду. С 1 мая 1897 г. – обер-офицер для поручений при штабе гренадерского корпуса. Цензовое командование ротой отбывал во 2-ом гренадерском Ростовском полку (14.10.1898–29.10.1899 гг.). С 8 апреля 1900 г. состоял в прикомандировании к Московскому

военному училищу для преподавания военных наук. С 20 сентября 1901 г. – штаб-офицер для особых поручений при штабе 12-го армейского корпуса. С 24 ноября 1901 г. – штаб-офицер для поручений при штабе Киевского ВО. С 15 октября 1902 г. – старший адъютант штаба Киевского ВО. Цензовое командование батальоном отбывал в 131-ом пехотном Тираспольском полку (01.05.-01.09.1903 г.). Во время Русско-японской войны – начальник штаба 9-ой пехотной дивизии (22.03.1904–14.06.1905 г.). Был ранен. С 14 июня 1905 г. – командир 121-го пехотного Пензенского полка. Генерал-майор (04.11.1910 г.). С 4 ноября 1910 г. – командир лейб-гвардии Московского полка. С 6 марта 1913 г. – начальник штаба Казанского военного округа. С 19 июля 1914 г. – начальник штаба 4-ой армии. Генерал-лейтенант (31.12.1914 г.). С 1 апреля 1915 г. – начальник 34-ой пехотной дивизии. Со 2 марта 1916 г. – командир 6-го армейского корпуса.

После февральской революции, 15 апреля 1917 г. назначен командующим 11-ой армией. С 22 мая 1917 г. – Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. С 10 июля 1917 г. – в распоряжении Верховного Главнокомандующего.

С августа 1918 г. в РККА. С сентября 1918 г. – председатель Главной уставной комиссии. Преподаватель Военно-Педагогических курсов. С мая 1920 г. – член Особого совещания при Главнокомандующем всеми вооружёнными силами Республики. С августа 1920 г. состоял для поручений при Главнокомандующем по Сибири. Включён в списки Генштаба РККА от 15.07.1919 г. и 07.08.1920 г.

23 августа 1920 г. был арестован в Омске, отправлен в Москву и заключён в Бутырскую тюрьму. Обвинялся в контрреволюционной деятельности. Решением президиума ГПУ от 11 марта 1922 г. дело было прекращено за недоказанностью обвинения, и Гутор был освобождён. С марта 1922 г. – штатный групповой лектор в Военной Академии. На 01.03.1923 г. – старший руководитель по стратегии Военной Академии РККА. С 1927 г. – преподаватель высших военно-учебных заведений РККА по стратегии и общей тактике. В 1938 г. репрессирован. Реабилитирован посмертно 26.04.2000 г.

Награждён: Орденом Св. Станислава 3-ей ст. (1897), Орденом Св. Анны 3-ей ст. (1903), Орденом Св. Владимира 4-ой ст. с мечами и бантом (1905), Орденом Св. Станислава 2-ой ст. с мечами (1905), Орденом Св. Анны 2-ой ст. с мечами (1905), Орденом Св. Владимира 3-ей ст. с мечами (1906), Золотым оружием (1906); Орденом Св. Станислава 1-ой ст. (06.12.1912), Орденом Св. Георгия 4-ой ст. (ВП 23.04.1915) «За отличия в делах против неприятеля, в должности начальника штаба 4-ой армии», Орденом Св. Георгия 3-ей ст. (ВП 03.06.1916) «За отличия в делах против неприятеля».

Деникин Антон Иванович (1872–1947). Генерал-лейтенант. Родился в семье отставного майора пограничной стражи, бывшего крепостного крестьянина Саратовской губернии, отданного помещиком в солдаты и участвовавшего в трёх военных кампаниях. В 12 лет Антон осиротел. После окончания реального училища поступил вольноопределяющимся в стрелковый полк, а осенью 1890 г. – в Киевское пехотное юнкерское училище. Офицерскую службу начал в чине подпоручика артиллерийской бригады. В 1895 г. поступил в Академию Генерального штаба. После Академии командовал ротой, батальоном, служил в штабах пехотной и кавалерийской дивизий. В начале Русско-японской войны 1904–1905 гг. Деникин попросился на Дальний Восток. Там он последовательно служил на штабных должностях в бригаде Заамурской пограничной стражи, Забайкальской казачьей дивизии, конного отряда генерала Мищенко. За отличия в боях с японцами досрочно был произведён в полковники и назначен начальником штаба Уральско-Забайкальской казачьей дивизии. После окончания Русско-японской войны полковник А. И. Деникин занимал должности начальника штаба резервной бригады, командира 17-го Архангелогородского пехотного полка, расквартированного в Житомире. В

июне 1914 г. он получил звание генерал-майора и был назначен генералом для поручений при командующем войсками Киевского ВО. Первую мировую войну встретил в должности генерал-квартирмейстера, т. е. начальника оперативной службы при командующем 8-ой армией генерале А. А. Брусилове. Вскоре он по собственному желанию перевёлся из штаба в действующие части, получив в командование 4-ую стрелковую бригаду, известную в русской армии под названием «Железной бригады». Это наименование бригада получила за героизм, проявленный в Русско-турецкой войне при освобождении Болгарии от османского владычества. Во время наступления в Галиции деникинская бригада «железных стрелков» не раз отличалась в делах против австро-венгров и пробилась в заснеженные Карпаты.

До самой весны 1915 г. там шли упорные и кровопролитные бои, за которые генерал-майор Деникин получил высокие награды. Звание генерал-лейтенанта Деникин получил за взятие Луцка. В сентябре 1916 г. генерал Деникин был назначен командиром 8-го армейского корпуса, который в конце года в составе 9-ой армии перебросили на Румынский фронт.

Февральскую революцию и отречение императора Николая I от власти генерал Деникин встретил на Румынском фронте. Когда генерал М. В. Алексеев был назначен Верховным Главнокомандующим России, Деникин по рекомендации нового военного министра Гучкова и решению Временного правительства стал начальником штаба Ставки Верховного Главнокомандующего (апрель – май 1917 г.). Затем Деникин последовательно занимал должности Главнокомандующего Западным и Юго-Западным фронтами. После провала июльского наступления он открыто обвинил Временное правительство и его премьера Керенского в развале русской армии. Став деятельным участником неудачного Корниловского мятежа, Деникин вместе с верными Корнилову генералами и офицерами был арестован и заключен в тюрьму города Быхова. После освобождения прибыл в столицу донского казачества город Новочеркасск, где вместе с генералами Алексеевым и Корниловым формировал белогвардейскую Добровольческую армию. Деникин участвовал в знаменитом 1-ом Кубанском («Ледяном») походе, деля вместе с солдатами все его тяготы и лишения. После гибели генерала Л. Г. Корнилова 13 апреля 1918 г. при штурме Екатеринодара Деникин стал командующим Добровольческой армией, а в сентябре того же года – ее Главнокомандующим. Первым его приказом стал приказ об отводе войск от Екатеринодара обратно на Дон с одной-единственной целью – сохранить её личный состав. На Дону в состав Добровольческой армии вошла 1-ая бригада Русских добровольцев под командованием полковника Дроздовского. Вместе с ней теперь действовала Донская казачья армия генерала Краснова. После этого армия Деникина начала успешный 2-ой Кубанский поход. Скоро весь юг России оказался в огне Гражданской войны. Кубанское, донское и терское казачество в своем большинстве переходило на сторону Белого движения. К нему примкнула и часть горских народов. В январе он стал Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России. Позже в подчинении Деникина находились в разное время: Уральская казачья армия генерала В. С. Толстого, Черноморский флот, Каспийская военная флотилия, несколько речных военных флотилий. В июле 1919 г. он был назначен заместителем Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака и одновременно получил должность Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами Российского государства с оставлением в должности Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. С 4 января 1920 г. (после поражения колчаковских армий) он был провозглашен Верховным правителем России.

Деникин перенес ставку Главнокомандующего сначала в Ростов, затем в Таганрог. В июне 1919 г. в его армиях было свыше 160 тысяч штыков и сабель, около 600 орудий, более 1500 пулеметов. С этими силами он предпринял широкое наступление на Москву. 3 июля 1919 г. генерал-лейтенант Деникин издал так называемую «московскую» директиву, поставив конечной целью наступления белых войск овладение Москвой. Однако военно-политическому

руководству Советской России, после принятия ряда срочных мер, удалось переломить ход Гражданской войны на Юге в свою пользу. В ходе контрнаступления красных Южного и Юго-Восточного фронтов деникинским армиям было нанесено поражение, и к началу 1920 г. они были разгромлены на Дону, Северном Кавказе и Украине. Сам Деникин с частью белых войск отступил в Крым, где 4 апреля того же года передал власть Верховного Главнокомандующего генералу П. Н. Врангелю. После этого он с семьей на английском эсминце отплыл в Константинополь (Стамбул), затем эмигрировал во Францию.

В ноябре 1945 г., опасаясь, что французские власти выдадут его Советскому Союзу, он выехал из Франции на постоянное жительство в США, где и умер через два года. Награждён: почетным Георгиевским оружием, Орденом Св. Георгия 3-ей ст. и Орденом Св. Георгия 4-ой ст. (1915).

Келлер Фёдор Артурович (Августович) (1857–1918) – граф, военачальник Русской Императорской армии, Свиты Его Императорского Величества, генерал от кавалерии, «первая пашка России». Участник Русско-турецкой, герой Великой войны. Племянник героя Русско-японской войны графа Фёдора Эдуардовича Келлера. Один из руководителей Белого движения на Юге России в 1918 г. Родился в Курске, в семье военного. Окончив пансион Николаевского кавалерийского училища, 31 августа 1877 г. вступил вольноопределяющимся II разряда в 1-ый лейб-драгунский Московский Его Величества полк, с которым выступил на фронт. За выдающуюся храбрость в боях был награждён двумя солдатскими Георгиевскими крестами. В 1878 г. выдержал офицерский экзамен при Тверском кавалерийском юнкерском училище, и 31 марта был произведен в чин прапорщика. В 1880 г. Келлер был переведён в Клястицкий 6-ой гусарский полк, в котором более семи лет служил командиром эскадрона и дослужился до чина ротмистра. Затем командовал Крымским дивизионом, сформированным из призывников-мусульман Таврической губернии и несшим почётную охранную службу в Ливадии во время Высочайших приездов в Крым. В 1888–1889 гг. «на отлично» прошёл курс обучения в Офицерской кавалерийской школе, после чего служил в драгунских полках: 24-ом Лубенском (1894–1901), 23-ем Вознесенском (1901) и 11-ом Харьковском (1903–1904). Командовал Крымским дивизионом (1901–1903). «За отличия по службе» в 1894 г. был произведён в подполковники, а в 1901 г. – в полковники. С 16 февраля 1904 г. командовал 15-ым драгунским Александрийским его императорского высочества великого князя Николая Николаевича Старшего полком, а с 6 ноября 1906 г. – лейб-гвардии драгунским полком. В 1905 г. исполнял обязанности Калишского генерал-губернатора во время усмирения Польши. В мае 1906 г. в Калише, возвращаясь с учения, был ранен (более 30 ран) и контужен взрывом брошенной в него террористами бомбы.

В 1907 г. Келлер был назначен флигель-адъютантом и в том же году произведён в генерал-майоры с зачислением в Свиту Его Императорского Величества. 14 июня 1910 г. был назначен командиром 1-ой бригады Кавказской кавалерийской дивизии, а 25 февраля 1912 г. – командиром 10-ой кавалерийской дивизии. 31 мая 1913 г. получил чин генерал-лейтенанта. 15 января 1917 г. был произведён в генералы от кавалерии.

3 марта 1917 г. в штабе 3-го конного корпуса была получена телеграмма из Ставки об отречении Императора от престола. В полдень 6 марта граф Келлер отправил телеграмму Государю, в которой выражал негодование от лица корпуса и себя лично по отношению к тем войскам, что присоединились к мятежникам, а также просил Царя не покидать престола. Полкам 3-го корпуса зачитали тексты обоих актов отречения, солдаты отреагировали на это недоумением. «Неожиданность ошеломила всех. Офицеры, так же, как и солдаты, были озадачены и подавлены». После переворота генерал Келлер предпринял всё, что было в его силах, для поддержания порядка в частях корпуса и противодействия начавшимся в армии разрушительным революционным процессам. Вступил в конфликт с новым военным министром

Гучковым по причине протеста против вводимых им в армии новшеств. Уходить в отставку по собственному желанию Келлер не собирался, поэтому неудивительно, что его позиция относительно происходящего в стране и в армии сделала его «одним из первых кандидатов в списке высших офицеров, которых новая революционная власть решила отправить в отставку как неблагонадёжных», а повода для отставки ждать долго не пришлось: граф Келлер отказался принести присягу Временному правительству. Сдав корпус генералу Крымову, генерал Келлер уехал из армии в Харьков, где проживала в это время его семья. Затем перебрался в Киев.

В конце ноября в Киев из Пскова прибыли офицеры-монархисты с предложением возглавить Северную армию, создававшуюся на территории Псковской и Витебской губерний при помощи германской армии и имеющую яркую монархическую окраску. В полках вводились старые уставы и прежняя униформа с добавлением нашивки - белого креста на левом рукаве. Патриарх Тихон благословил Келлера, послал ему с Николаем Анисимовым просфору и Державную икону Божией Матери. Келлер принял предложение, обещав «через два месяца поднять Императорский штандарт над священным Кремлём». В Киеве при новом командующем был сформирован монархический «Совет обороны Северо-западной области» во главе с Фёдором Безаком. Однако уехать в Псков Келлер не успел - к Киеву приблизились повстанцы Симона Петлюры. Келлер взял на себя руководство обороной города, но ввиду невозможности сопротивления распустил вооружённые отряды. Германские военные предложили ему снять форму и оружие и бежать в Германию, но Келлер не хотел расставаться ни со своими погонями, ни с полученной от императора наградной шашкой. Он открыто поселился в Михайловском монастыре с двумя адъютантами. Когда петлюровцы явились в монастырь с обыском, то арестовали всех троих.

В ночь на 8 (21) декабря 1918 г. был получен приказ о переводе Келлера и его спутников в Лукьяновскую тюрьму. Их вели вдоль стен Софийского собора, мимо памятника Богдану Хмельницкому, когда из ближайшего сквера раздался залп по арестованным. Стрельба была продолжена патрульными, добивавшими раненых выстрелами и ударами штыков в спины. Останки Фёдора Артуровича Келлера покоятся в Покровском монастыре в Киеве. Награждён: Орденом Св. Георгия 4-ой ст., Знаком отличия Военного ордена 3-ей ст. (1878), Знаком отличия Военного ордена 4-ой ст. (1878), Орденом Св. Анны 3-ей ст. (1896), Орденом Св. Владимира 3-ей ст. (1911), Орденом Св. Станислава 1-ой ст. (1913), Орденом Св. Георгия 3-ей ст. (11 мая 1915 года).

Керсновский Антон Антонович (1907-1944) - русский публицист, военный историк. Родился в Бессарабии. С гимназических лет увлекался военным делом, а в Одессе, где в мирное время жила семья Керсновских, малолетний гимназист Антон оказался в Добровольческой армии и храбро воевал в её рядах. В 1920 г. вместе с остатками Белой армии эмигрировал в Сербию, а затем перебрался в Австрию. В Вене Керсновский окончил Консульскую Академию. Во второй половине 1920-х гг. обосновался в Париже.

Его первая статья «Об американской артиллерии» появилась 20 марта 1927 г. в белградском еженедельнике «Русский Военный Вестник» (с 1928 г. «Царский Вестник»). Издатель последнего Н. П. Рклицкий (впоследствии архиепископ Вашингтонский и Флоридский Никон) благосклонно предоставил Керсновскому возможность публиковать свои труды, благодаря чему до 1940 г. он опубликовал здесь более 500 различных материалов. Сначала писал об истории и современном состоянии вооружённых сил государств и уделял внимание внутреннему и международному положению стран, особенно Германии начала 1930-х гг.; в цикле статей он не просто предсказал возврат войны, но и приход Гитлера к власти. По своим убеждениям Керсновский был монархистом. С конца 1932 г. в «Царском вестнике» стала публиковаться в сокращённом варианте «Философия войны» Керсновского (книга с

дополнениями вышла в 1939 г.). А с 1933 г. по 1938 г. выходил в Белграде его основной труд «История Русской Армии» в 4-х томах.

Незадолго до нападения Германии на Францию Керсновского призвали во французскую армию и отправили на фронт. Вскоре пришло сообщение о его гибели под Деммартеном. И хотя оно оказалось ошибочным, но приблизило его смерть, т. к. тяжелое ранение и нищая жизнь после демобилизации обострили застарелый, ещё с Гражданской войны, туберкулёз. Скончался Керсновский 24 июня 1944 г.

Антон Керсновский – один из самых значительных русских военных историков XX столетия. Не будучи офицером российского Генштаба, вообще не получив академического образования, он создал «Историю Русской армии», которая занимает поистине исключительное положение в ряду фундаментальных работ по русской военной истории.

Королёв Сергей Павлович (1906–1966) – советский учёный, конструктор и организатор производства ракетно-космической техники и ракетного оружия СССР, основоположник практической космонавтики. Крупнейшая фигура XX века в области космического ракетостроения и кораблестроения.

Сергей Королёв родился в семье учителя русской словесности Павла Яковлевича Королёва и Марии Николаевны Москаленко, в Житомире. Детство провёл в г. Нежин у бабушки Марии Матвеевны и дедушки Николая Яковлевича Москаленко. В 1915 г. поступил в подготовительные классы гимназии в Киеве, в 1917 г. – пошёл в первый класс гимназии в Одессе, куда переехали мать, Мария Николаевна, и отчим – Георгий Михайлович Баланин. Ещё в школьные годы Сергей отличался исключительными способностями и неукротимой тягой к новой тогда авиационной технике.

12 апреля 1961 г. С. П. Королёв поражает мировую общественность. Создав первый пилотируемый космический корабль «Восток-1», он реализует первый в мире полёт человека – гражданина СССР Юрия Гагарина – по околоземной орбите. Вслед за первым полётом Ю. А. Гагарина 6 августа 1961 г. Германом Титовым на корабле «Восток-2» был совершён второй космический полёт, который длился одни сутки. Затем совместный полёт космических кораблей «Восток-3» и «Восток-4», пилотируемых космонавтами А. Г. Николаевым и П. Р. Поповичем, с 11 по 12 августа 1962 г.; между космонавтами была установлена прямая радиосвязь. На следующий год – совместный полёт космонавтов В. Ф. Быковского и В. В. Терешковой на космических кораблях «Восток-5» и «Восток-6» с 14 по 16 июня 1963 г. – изучалась возможность полёта в космос женщины. За ними – с 12 по 13 октября 1964 г. – в космосе экипаж из трёх человек различных специальностей: командира корабля, бортинженера и врача на более сложном космическом корабле «Восход». 18 марта 1965 г. во время полёта на корабле «Восход-2» с экипажем из двух человек космонавт А. А. Леонов совершил первый в мире выход в открытый космос в скафандре через шлюзовую камеру.

В 1966 г. Академия наук СССР учредила золотую медаль имени С. П. Королёва «За выдающиеся заслуги в области ракетно-космической техники». Учреждены стипендии имени С. П. Королёва для студентов высших учебных заведений.

С. П. Королев – дважды Герой Социалистического Труда, академик АН СССР, Лауреат Ленинской премии, почётный гражданин города Королёв. Награждён: тремя Орденами Ленина, Орденом «Знак Почёта» и медалями. Подполковник.

Кортацци Георгий Иванович (1866–1932) – генерал-майор Генерального штаба. Окончил Александровскую гимназию, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию

Генерального штаба (1896). Участник Русско-японской войны. Старший адъютант в Управлении генерал-квартирмейстера 3-ей Маньчжурской армии. С 1906 по 1910 г. – на службе в Главном управлении Генштаба. Участвовал в работах Совета государственной обороны и Морской академии Генштаба. С 1910 г. – командир 133-го пехотного Симферопольского полка, во главе которого выступил на войну в 1914 г. Генерал-майор и дежурный генерал штаба армии Юго-Западного фронта с мая 1915 г. В 1917 г. – дежурный генерал в Ставке Верховного Главнокомандующего, в ВСЮР – в распоряжении Главнокомандующего, а затем в 1919 г. – начальник снабжения после генерала Санникова. В эмиграции жил сначала в Югославии, а затем в Париже, где и скончался 29 декабря 1932 г.

Коссович Пётр Самсонович (1862–1915). Его отец – С. С. Коссович – был директором Московской земледельческой школы. Пойдя по стопам отца, Пётр в 1887 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, а в 1889 г. – Петровскую земледельческую и лесную академию и был оставлен там при кафедре земледелия. В 1886 г. К. А. Тимирязев предложил Коссовичу заняться темой «Происхождение азота в растениях». За представленное сочинение он получил Золотую медаль. Сдав в Московском университете магистерские экзамены, Коссович стал в 1891 г. приват-доцентом и углубился в изучение азотного питания растений. Его направили на два года (1892–1894 гг.) за границу.

В 1894 г. Коссовича избрали доцентом по кафедре почвоведения Петербургского Лесного института, а в 1902 г. – профессором. Основные исследования в области физиологии и агрохимии профессор Коссович вёл в сельскохозяйственной химической лаборатории и вегетационном домике, устроенных им при Министерстве земледелия и государственных имуществ, членом Учёного комитета которого он стал в 1897 г.

С 1895 по 1915 г. Коссович руководил Бюро по земледелию и почвоведению при Учёном комитете Министерства земледелия. Организовал лабораторию по исследованию почв и почвенный музей. Заметный след он оставил в исследовании почвообразовательных процессов, выделил семь типов почвообразования в классе элювиальных почв и четыре типа – в классе иллювиальных. На Международной агрогеологической конференции в Стокгольме (1911) Коссович докладывал о классификации почв в связи с их генезисом. Участвовал в Американском конгрессе по прикладной химии (1912). Считается, что Пётр Коссович обогатил почвоведение применением вегетационного метода и наполнил химическим содержанием учение о почвах, созданное трудами В. В. Докучаева и Н. М. Сибирцева. Под его руководством проводились химические исследования почв разных регионов России и других стран. К 1912 г. учёный издал «Краткий курс общего почвоведения» и часть капитального труда «Основы учения о почве». Первый выборный директор Лесного института П. С. Коссович умер в 1915 г., похоронен в селе Сестрине Краснинского уезда Смоленской губернии (ныне Починковский район Смоленской области).

Кусонский Павел Михайлович (1866–1914). Образование получил в Полоцком кадетском корпусе. В службу вступил 01.09.1884. Окончил 2-ое военное Константиновское училище (1886). Выпущен в 28-ую артиллерийскую бригаду. Позже служил в 30-ой и 37-ой артиллерийских бригадах. Подпоручик (ст. 11.08.1886). Поручик (ст. 07.08.1889). Штабс-капитан (ст. 25.07.1895). В 1899 г. – выпускник Императорской Николаевской военной Академии, в 1909 – штабс-капитан артиллерийской бригады. Капитан (ст. 02.06.1899). Состоял при Варшавском военном округе. Старший адъютант штаба 17-ой пехотной дивизии (13.01.-31.07.1900). Обер-офицер для особых поручений при штабе 6-го армейского корпуса (31.07.1900-11.05.1901). Цензовое командование ротой отбывал в 66-ом пехотном Бутырском полку (07.11.1900-18.11.1901). Обер-офицер для особых поручений при штабе Варшавского ВО (11.05.1901-06.09.1903). Штаб-офицер для поручений при штабе Варшавского ВО

(06.09.1903-28.11.1904). Подполковник (ст. 06.12.1903). Заведующий передвижениями войск по железным дорогам и водным путям Омского района (28.11.1904-28.12.1906). Заведующий передвижениями войск по железным дорогам и водным путям Брест-Царицынского района (28.12.1906-17.11.1907). Заведующий передвижениями войск по отдельным группам железных дорог и водных путей Москов. Архангельского района (17.11.1907-12.10.1908). Цензовое командование батальоном отбывал во 2-ом гренадерском Ростовском полку (05.06.-05.10.1908). Начальник отдела ГУГШ (12.10.1908-08.01.1914). Командир 134-го пехотного Феодосийского полка (с 08.01.1914). В резерве чинов при штабе Киевского ВО. Помощник начальника отдела военных сообщений ГУГШ (с 14.05.1915; на 03.01.1917 в должности). Начальник отд. управления военного хознадзора при Военно-Законодательном Совете. Генерал-майор (пр. и ст. 06.12.1915). Добровольно вступил в РККА. Начальник 5-го отд. Цупвосо. В резерве Цупвосо. Включен в списки Генштаба РККА от 15.07.1919 г. и 07.08.1920 г. В распоряжении начальника 1-ых железнодорожных комендантских курсов. С 01.07.1921 г. - помощник начальника Повторительной Комендантской школы. Награждён: Орденом Св. Станислава 3-ей ст. (1891), Орденом Св. Анны 3-ей ст. (1896), Орденом Св. Станислава 2-ой ст. (1901), Орденом Св. Анны 2-ой ст. (1905), Орденом Св. Владимира 4-ой ст. (1906), Орденом Св. Владимира 3-ей ст. (06.12.1910), мечами к Орденом Св. Владимира 3-ей ст. (ВП 19.11.1914).

Люткевич Михаил Григорьевич (1864-1917). Родился в Бердянске в 1864 г. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище, по окончании - прапорщик (1885). В 1889 г. произведён в поручики. Принимал участие в походах по усмирению мятежа в Китае в 1900 г. в составе отряда генерал-майора Ренненкампа. Присвоено капитанское звание - 1902 г. Находился в походах в войну с Японией 1904-1905 гг. В июле 1910 г. произведён в подполковники с переводом в 134-ый пехотный Феодосийский полк. Участник Первой мировой войны. Произведён в полковники в ноябре 1914 г. за отличие в боях. Командующий 135-ым Керчь-Еникальским полком (1915), временно командовал 134-ым пехотным Феодосийским полком (1915), командующий 133-им пехотным Симферопольским полком (1916), командующий бригадой 34-ой пехотной дивизии (1917 г.). Награждён: Орденом Св. Станислава 2-ой и 3-ей ст., Орденом Св. Анны 2-ой и 3-ей ст., Мечами к Орденом Св. Анны, Орденом Св. Владимира 4-ой ст. с мечами и бантом, Мечами к Орденом Св. Станислава 2-ой ст., Георгиевским оружием (1915), Мечами и бантом к Орденом Св. Анны 3-ей ст., Орденом Св. Владимира 3-ей ст. с мечами (1915), Мечами и бантом к Орденом Св. Станислава 3-ей ст., Орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-ой ст. (1917). Расстрелян.

Павлов Борис. Родился в 1906 г. в семье преподавателя гимназии. В 1910-1911 гг. жил с семьёй в Твери, в 1914 г. - в Клину. Учился во 2-ом Московском кадетском корпусе. В годы Гражданской войны четырнадцатилетним мальчиком воевал в партизанском полку генерала Алексеева. За разведку в г. Батайске был произведён в старшие унтер-офицеры и награждён Георгиевским крестом. Участвовал в Кубанском десанте. Вместе с войсками генерала Врангеля эвакуировался в Галлиполи. В эмиграции проживал в Югославии, а затем, после Второй мировой войны, в США.

Пантелеев Леонид (Алексей Иванович Еремеев) (1908-1989). Родился в Петербурге, в семье казачьего офицера, участника Русско-японской войны, за подвиги получившего дворянский титул. Прозаик, поэт, драматург, чудом избежавший сталинских репрессий, один из авторов легендарной книги «Республика ШКИД». В 1916 г. Алексея отдали во 2-ое Петроградское реальное училище, которое он не окончил. К этому времени относятся его первые «серьёзные произведения» - стихи, пьеса, рассказы и даже трактат о любви. Жил в Петрограде. Ему пришлось пережить многое: голод, нищету, авантюры с рулеткой. Все эти события легли в основу повести «Лёнька Пантелеев». Наконец он попал в школу для беспризорников им. Достоевского, где познакомился со своим будущим другом и соавтором - Григорием Белых. В

1925 г. Пантелеев поселяется у Г. Белых, в пристройке к дому по Измайловскому проезду. Здесь они пишут свою знаменитую книгу «Республика ШКИД», общаются с другими литераторами: С. Маршаком, Е. Шварцем, В. Лебедевым, Н. Олейниковым. Их юмористические рассказы и фельетоны печатают журналы «Бегемот», «Смена», «Кинонеделя». В 1927 г. выходит «Республика ШКИД», сразу же завоевавшая сердца читателей. Её заметил и одобрил М. Горький: «Преоригинальная книга, весёлая, жуткая». Именно она способствовала выходу авторов в большую литературу. Григория Белых в 1938 г. репрессировали. Пантелееву повезло: он остался в живых. Но его имя больше нигде не упоминалось. Писатель был вынужден голодать в осаждённом Ленинграде, не однажды оказываясь на грани смерти. Но он не оставил литературу. Пантелеев стремился, чтобы детская книга была книгой глубокого содержания, «где были бы и юмор, и героика, и лирика, и настоящие человеческие страсти, и большая мысль». Ряд своих произведений объединил в цикл «Рассказы о подвиге»: «Пакет» (1932), рассказывающий о гражданской войне; «Ночка» (1939); «Гвардии рядовой» (1943), посвящённый событиям Отечественной войны; «Новенькая», «Платочек» (1952), знаменитый рассказ «Честное слово» (1941). Пантелеев был автором очерков, рассказов, дневников, посвящённых блокадному Ленинграду: «В осаждённом городе» (1964), «Январь 1944» (1965), а также воспоминаний о писателях – С. Маршаке, Е. Шварце, М. Горьком. В 1966 г. была опубликована книга «Наша Маша», дневник писателя о дочери, который он вёл много лет. Некоторые повести и рассказы Пантелеева были экранизированы: «Часы», «Честное слово», «Республика ШКИД», «Пакет» и др. Умер Пантелеев в 1987 г. в Москве.

Пржецишевский Адам. Родился около 1844 г. Оказывал помощь участникам восстания 1863-1864 гг., находился под надзором полиции с 4 апреля 1864 г. «за приём у себя мятежников и помощь продовольствием». Проживал в Царевококшайске. Переведён в г. Цивильск в мае 1865 г. 13 мая 1871 г. получил свидетельство об освобождении от полицейского надзора с правом повсеместного пребывания, кроме столиц, столичных губерний, Северо-Западного края и Царства Польского.

Протозанов Тарас Михайлович. Родился в 1872 г. Образование получил в Киевской военно-фельдшерской школе. В службу вступил 28.06.1889 г. Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище (1897). Из училища выпущен подпоручиком (ст. 20.02.1897) в 20-ый пехотный Галицкий полк. Позже (во время Русско-японской войны 1904-1905 г.) служил в 122-ом пехотном Тамбовском полку. Поручик (ст. 01.09.1900). Штабс-Капитан (ст. 01.09.1904). Был ранен. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1908; по 1-му разряду). Капитан (ст. 02.05.1908). За цензовое командование ротой было зачтено командование ротой во время маньчжурской кампании в течение 1 года и 1 месяца. Старший адъютант штаба 38-ой пехотной дивизии (26.11.1908-14.10.1912). С 14 октября 1912 г. – прикомандирован к Чугуевскому военному училищу для преподавания военных наук. Подполковник (ст. 06.12.1912). Участник Первой мировой войны. Полковник (ст. 15.06.1915). Исполняющий дела начальника штаба 101-ой пехотной дивизии (с 02.11.1915; на 03.01.1917 в должности). На 03.01.1917 ст. в чине полковника. Командир 11-го пехотного Псковского полка (с 16.02.1917). Генерал-майор (пр. 07.04.1917). Командующий 156-ой пехотной дивизией (08.06.-25.08.1917). Командующий 2-ой гвардейской пехотной дивизией (с 25.08.1917). С 12.05.1918 г. в армии Украинской Державы. Член военно-ученой комиссии (с 15.07.1918). Начальник кадров Чугуевской юнацкой школы (с 01.09.1918). Начальник военно-учебного управления Военного министерства Украинской Державы (с 22.10.1918). После падения режима гетмана П. П. Скоропадского – в армии УНР. Начальник корпуса Пограничной стражи УНР (с 01.01.1919). 22.04.1919 г. назначен начальником штаба Северной группы армии УНР, но был арестован прежним командующим группой В. Оскилком и занял должность только 30.04.1919 г., после ликвидации выступления Оскилка. После разгрома Северной группы 16.05.-17.05.1919 г. состоял без должности. Позже перешёл на сторону ВСЮР. Преподаватель Кубанского Алексеевского военного училища (с

10.01.1920). Начальник того же училища (с 22.07.1920). В эмиграции жил сначала в Константинополе, затем в Сербии. Награждён: Орденом Св. Анны 4-ой ст. (1904), Орденом Св. Станислава 3-ей ст. с мечами и бантом (1905), Орденом Св. Анны 3-ей ст. с мечами и бантом (1905), Орденом Св. Станислава 2-ой ст. с мечами (1905), Орденом Св. Владимира 4-ой ст. с мечами и бантом (1905), Орденом Св. Анны 2-ой ст. (1911; 25.02.1912), Орденом Св. Георгия 4-ой ст. (30.06.1917).

Савич Франц Андреевич (около 1815–1845), полесский поэт, публицист, революционный демократ. Родился в семье униатского священника в деревне Велятичи Пинского уезда Минской губернии. В 18 лет поступил в Виленскую медико-хирургическую академию.

В 1836 г. совместно с друзьями организовал тайное студенческое «Демократическое общество» в составе около 60 человек, члены которого продолжили традиции филоматов и декабристов.

Они ставили целью борьбу с беззаконием, помощь обездоленным, воспитание в молодежи высоких моральных принципов. Савич выступал за освобождение крестьян, наделение их землёй. Реализовывать эти демократические идеи предполагалось, по всей видимости, революционным путём.

В дальнейшем Общество насчитывало несколько сот человек и имело довольно развитую сеть филиалов. Савич был избран на посты секретаря и казначея, но, фактически, был руководителем организации. Помощниками Савича были Загорский и Рябчинский. Общество установило связь и сотрудничало с «Содружеством польского народа» Шимона Канарского.

После 1837 г. «Демократическое общество» вошло в состав организации Канарского как его радикальное крыло под названием «Молодая Польша». В июне 1838 г. за участие в деятельности незаконной организации Савич был арестован и посажен на время следствия в тюрьму, где написал «Исповедь». 14 февраля 1839 г. был сослан на Кавказ солдатом без выслуги. Дезертировал из армии, но был пойман и отправлен на передовую. В июне 1841 г. инсценировал самоубийство, оставив одежду и предсмертную записку на берегу Терека. В Балте Одесской губернии заболел, после чего был задержан и два года под чужим именем провёл в тираспольской тюрьме. После освобождения в 1843 г. был отправлен санитаром в черниговский батальон внутренней охраны, но весной следующего года снова бежал. Из-за вывиха ноги не смог пересечь границу и поселился в деревне Янушполь на Житомирщине, где под именем доктора Адама Гельгета стал лечить местных жителей. Во время эпидемии холеры, выполняя врачебный долг, заразился сам. Перед смертью успел написать мемуары и передать их вместе со своей «Исповедью» поэту А. Грозе. Позднее эти произведения были опубликованы Э. Гелениушем. Похоронен Савич в Острожке, на Житомирщине.

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) – выдающийся русский военачальник и стратег, генерал от инфантерии (1881). Участник Среднеазиатских завоеваний Российской империи и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., освободитель Болгарии. В историю вошёл с прозвищем «белый генерал» (тур. Ак-Паша).

22 ноября 1861 г. Михаил Скобелев поступил на военную службу в Кавалергардский полк.

Осенью 1866 г. он поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. По окончании курса академии в 1868 г. Скобелев был причислен к Генеральному штабу. Ввиду ходатайства командующего войсками Туркестанского ВО генерал-адъютанта фон Кауфмана I-го Михаил был произведён в штабс-ротмистры и в ноябре 1868 г. был назначен в Туркестанский округ. На место службы, в Ташкент, Скобелев прибыл в начале 1869 г. и сначала состоял в штабе округа.

В конце 1870 г. Скобелев был командирован в распоряжение Главнокомандующего Кавказской армией, а в марте 1871 г. был отправлен в Красноводский отряд, в котором командовал кавалерией, однако в апреле 1872 г. он был снова причислен к Главному штабу «для письменных занятий». 5 июня Скобелев был переведён в Генеральный штаб капитаном с назначением старшим адъютантом штаба 22-ой пехотной дивизии, в Новгород, а уже 30 августа 1872 г. был назначен в подполковники с назначением штаб-офицером для поручений при штабе Московского ВО. Вскоре он был прикомандирован к 74-му пехотному Ставропольскому полку для командования батальоном.

Весной 1873 г. Скобелев принимает участие в хивинском походе в качестве офицера генерального штаба при Мангишлакском отряде полковника Ломакина.

22 февраля 1874 г. Михаил Скобелев был произведён в полковники, 17 апреля назначен флигель-адъютантом с зачислением в свиту Его Императорского Величества.

В апреле 1875 г. Скобелев вернулся в Ташкент. 18 октября за боевые отличия Скобелев был произведён в генерал-майоры.

19 февраля 1876 г. Кокандское ханство было присоединено к Российской империи и образована Ферганская область, а 2 марта Скобелев был назначен военным губернатором этой области и командующим войсками. В 1877 г. Скобелев отправился в действующую армию, чтобы принять личное участие в Русско-турецкой войне.

Скобелев после войны стал очень знаменит. 6 января 1878 г. он был пожалован золотой шпагой с бриллиантами, с надписью «За переход через Балканы». 30 августа 1878 г. Скобелев был назначен генерал-адъютантом к императору России.

После войны Михаил Дмитриевич занялся подготовкой и обучением вверенных ему войск в суворовском духе. 4 февраля 1879 г. он был утверждён в должности командира корпуса и выполнял различные поручения в России и за границей. Скобелев уделил внимание оценке некоторых сторон военной системы Германии, которую он считал самым опасным противником Российской империи.

В январе 1880 г. Скобелев назначается командующим военной экспедиции против текинцев. И вскоре в Закаспийских владениях Российской империи установилось мирное положение. Ахалтекинская экспедиция 1880–1881 гг. представляла собой первоклассный образец военного искусства. В итоге в 1885 г. в состав Российской империи добровольно вошли Мервский и Пендинский оазисы Туркмении с городом Мервом и крепостью Кушка. Скобелев был произведён в генералы от инфантерии и уехал из Красноводска в Минск. Там он продолжил заниматься подготовкой войск.

Получив месячный отпуск в июне 1882 г., Скобелев выехал из Минска в Москву. Умер в Москве при странных обстоятельствах.

Награждён: Орденом Св. Анны 4-ой ст. за храбрость, Орденом Св. Станислава 1-ой ст. с мечами, Орденом Св. Анны 1-ой ст., Орденом Св. Георгия 4-ой ст., Орденом Св. Георгия 3-ей ст., Орденом Св. Георгия 2-ой ст., Орденом Св. Владимира 3-ей ст. с мечами, Золотой саблей «За храбрость», Золотой шпагой «За храбрость» с бриллиантами, Золотой шпагой «За храбрость» с бриллиантами за переход через Балканы. А также награды иностранных государств: Орден Красного Орла 2-ой ст. с мечами, Орден Красного Орла 1-ой ст. с мечами, *Pour le Merite*, Орден Таковского креста 1-ой ст. (Большой крест), Черногорская медаль, Сербская золотая медаль за храбрость, Румынская медаль за воинскую доблесть.

Сорока-Росинский Виктор Николаевич (1882-1960) – педагог. По окончании историко-филологического факультета Петербургского университета (1906) работал в Военно-медицинской академии, где изучал проблемы психологии под руководством В. М. Бехтерева и А. Ф. Лазурского. Одновременно преподавал историю и литературу в учебных заведениях Петрограда (в 1918-1920 гг. в училище Путиловского завода). В 1920-1925 гг. возглавлял «Петроградский отдел народно-индивидуального воспитания им. Ф. М. Достоевского для трудновоспитуемых», известный как «Школа-коммуна им. Ф. М. Достоевского», ШКИД); в 1925-1928 гг. – директор школы для трудных подростков; одновременно методист ЛГПИ им. А. И. Герцена. Преподавал в классах для трудновоспитуемых при Торфяном техникуме, в школе для психоневротиков при Педологическом институте, в средних школах Ленинграда (до 1942 и после 1948); с 1942 в эвакуации, преподавал в Горно-Алтайском педагогическом училище, в Пржевальском пединституте. Теоретически обосновал и апробировал в практике оригинальную систему воспитания трудных подростков-сирот на основе развития их творческих способностей, предлагал создавать учебно-воспитательные учреждения, осуществляющие гармоничное воспитание и специальную коррекцию психики подростков.

Опыт создания в ШКИД единого коллектива (школы-общины) педагогов и воспитанников – обогащавших друг друга индивидуальностей – Сорока-Росинский обобщил в работах «Лекции по коллективной педагогике», «Учение о строении и развитии школьных коллективов», «Введение в коллективную педагогику». К сожалению, из-за расхождения в педагогических взглядах с официальными инстанциями Сорока-Росинский был вынужден покинуть ШКИД. Многие выпускники стали журналистами, учёными, писателями. Некоторые из них создали художественные произведения о ШКИД (Белых Г., Пантелеев Я., «Республика ШКИД», 1927; Ольховский П., Евстафьев К., «Последняя гимназия», 1930).

Со второй половины 30-х гг. Сорока-Росинский занимался вопросами методики преподавания русского языка и литературы в нерусской школе. Большинство рукописей известного педагога погибло в эвакуации в годы Великой Отечественной войны.

Штейфон Борис Александрович (1881-1945). Окончил Харьковское реальное училище, Чугуевское пехотное училище и Николаевскую военную академию (1911). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Из училища выпущен в 124ый пехотный Воронежский полк. В 1914 г. – капитан и и. д. помощника начальника разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии. В 1915 г. – подполковник на прежней должности в полевом штабе генерала Юденича. Принимал активное участие в подготовке штурма Эрзерума и в январе 1916 г. участвовал в нём. В июле 1916 г. – штаб-офицер для поручений при штабе 1-го армейского корпуса.

После Октябрьского переворота вернулся из армии на место своего постоянного жительства – в Харьков. Здесь возглавлял подпольную группу офицеров Генерального штаба (в неё входили полковники фон Лампе, Ткачёв и др.), занимавшуюся переброской офицеров в Добровольческую армию и добыванием для нее вооружения и боеприпасов. Этот «Добровольческий центр в Харькове», или «Центр полковника Штейфона», был признан штабом Добровольческой армии, и его члены числились в её составе. В сентябре 1918 г. полковник Штейфон, уходя от агентов Петлюры, покинул Харьков и явился в штаб Добровольческой армии в Екатеринодаре, где вскоре был назначен командиром вновь сформированного Белозерского пехотного полка. В июле 1919 г. был назначен начальником штаба Полтавского отряда, ядром которого была 6-ая дивизия генерала Бредова. В начале 1920 г., когда войска генерала Бредова были интернированы в Польше, полковник Штейфон помог генералу Бредову добиться переброски этих войск через Румынию в Крым. Будучи проездом в Константинополе в начале сентября 1920 г., полковник Штейфон узнал от представителя генерала Врангеля о своём производстве в генерал-майоры. После эвакуации армии генерала

Врангеля из Крыма добровольно отправился в лагерь Галлиполи рядовым. Но вскоре был назначен генералом Кутеповым на должность коменданта лагеря. Из Галлиполи прибыл с войсками 1-го армейского корпуса в Болгарию, в Тырново (1922). Был выслан правительством Стамбулийского в Королевство СХС и поселился в Белграде. За заслуги и деятельность на посту коменданта в Галлиполи генерал Штейфон был произведён в генерал-лейтенанты. Активно участвовал в офицерском Союзе участников войны и был удалён генералом Врангелем из РОВСа за попытку уйти из общего подчинения «легитимному Генеральному штабу». В конце 1920-х - начале 1930-х гг. опубликовал ряд работ по истории военного искусства и занимался преподавательской деятельностью. В 1941 г. во время формирования Русского Охранного корпуса в Сербии Штейфон был приглашён генералом Скородумовым занять пост начальника штаба. После отрешения от должности и временного ареста генерала Скородумова принял на себя командование корпусом. Находясь в непрерывном конфликте с германским командованием, не допуская переброски корпуса на Восточный фронт, и тяжело переживая потери корпуса в Югославии, генерал Штейфон не выдержал напряжения и скончался 30 апреля 1945 г.

Штемберг Георгий Константинович - статский советник и директор реального училища и гимназии Штемберга. В конце 1914 г. впервые в России ввёл в программу классных занятий учебный кинематограф, который стал широко применяться на уроках географии, истории, физики и т. д. Вместо сухого заучивания фактов - живые образы. Результат такой замены сказался быстро. У учащихся резко повысилась успеваемость, заинтересованность предметами. Автор ряда публикаций, в том числе: «Женское Комерческое образование во Франции», («Русский Экономический Обозреватель», 1899, XI); «Комерческое образование в Берлине. Личные наблюдения и впечатления» (1899); «Комерческое образование во Франции» (1900); «Материалы по Комерческому образованию» (1901-1905); «Комерческое образование в Швейцарии» (1901).

Экк Эдуард Владимирович (Вильгельмович) (1851-1937) - генерал от инфантерии. Получил домашнее образование и окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1878). На службу вступил в 1868 г. в лейб-гвардии Семёновский полк, а в ноябре 1869 г. был произведён в гвардейские прапорщики. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. помощником штаб-офицера над колонновожатыми действующей армии. После войны занимал штабные должности в Харьковском военном округе. В 1884 г. - полковник и штаб-офицер для поручений при штабе Московского ВО. В 1895 г. - командир 26-го Могилёвского полка. В 1897 г. - генерал-майор и начальник штаба 7-го армейского корпуса. С 1900 по 1904 г. - помощник начальника штаба, а затем дежурный генерал Одесского военного округа. Во время Русско-японской войны - командующий, а затем начальник 71-ой пехотной дивизии.

С 1907 по 1912 г. - командир Гренадерского корпуса в Москве. Генерал от инфантерии. С 1912 г. - командир 7-го армейского корпуса, с которым выступил на фронт Первой мировой войны. Кадры дивизий этого корпуса - 13-ой и 34-ой - послужили для восстановления этих дивизий в составе Добровольческой армии, а затем ВСЮР. Участник Брусиловского прорыва.

В 1917 г. - командир 23-го армейского корпуса. В Добровольческой армии с 1918 г. - в распоряжении Главнокомандующего. С начала 1919 г. - Председатель военно-полевого суда при штабе Главнокомандующего ВСЮР. В Русской армии - Председатель высшей комиссии правительственного надзора, учреждённой приказом генерала Врангеля в сентябре 1920 г. После эвакуации Русской армии из Крыма проживал в Королевстве СХС, где, после создания генералом Врангелем в сентябре 1924 г. Русского Обще-Воинского Союза, был назначен начальником 4-го отдела РОВСа (Югославия, Греция и Румыния). В то же время был Председателем совета Объединённых офицерских обществ. В 1925 г. по инициативе генерала Экка в Белграде начал выходить «Русский военный вестник» - орган объединённых офицерских

обществ. С 1927 г. журнал утратил связь с учредившей его организацией и был переименован в «Царский вестник». 21 января 1933 г. генерал Экк по собственному желанию был освобождён от занимаемой должности и передал управление 4-ым отделом РОВСа генерал-лейтенанту Барбовичу. Председатель РОВСа генерал Миллер в своем распоряжении об этом писал: «С самого начала возникновения офицерских организаций на чужбине генерал Экк, несмотря на свой возраст и недомогание, отдавал всего себя нелегкому руководству многочисленными организациями 4-го отдела и являл всем младшим подчинённым ему чинам отличный пример честности, верности и выполнения долга перед Родиной». Скончался Экк в Белграде 5 апреля 1937 г. Похоронен на Новом кладбище. Награждён: Орденом Св. Владимира с мечами 4-ой ст., Орденом Св. Владимира 3-ей ст., Орденом Св. Владимира 2-ой ст., Золотым оружием, Орденом Св. Георгия 4-ой ст. (1914), Орденом Св. Георгия 3-ей ст. (1916).

Примечания

- [1] Свидетельство о поведении и нравственных качествах невесты получается от губернатора или полиции.
- [2] Подписи родителей должны быть засвидетельствованы нотариусом или полицией.
- [3] Н. А. Ганина, «Памяти графа Келлера», написано специально для издания «Граф Келлер», М: НП «Посев», 2007.
- [4] Федор Артурович с 1915 г. был в действительности командиром 3-го конного корпуса. Выборным командиром дивизии с ноября 1917 г. был Барбович. Он украинизировал дивизию и к описываемому моменту находился на службе в армии Украинской державы гетмана Скоропадского. Был начальником кадров 10-ой кавдивизии, штаб которой находился в Чугуеве
- [5] Цитата из телеграммы Келлера царю в феврале 1917 г. Данную цитату приводит один из эмигрантов-мемуаристов, описывая выступление Келлера перед строем корпуса после отправки телеграммы.
- [6] Переговоры о вступлении графа Келлера в Добрармию неоднократно вел начальник Харьковского Главного центра Добровольческой армии полковник Штейфон.
- [7] Генерал-хорунжий Барбович служил в Украинской армии, во время антигетманского восстания выступил за соединение с добровольцами. Полковник Васецкий с другими офицерами и гусарами получили у полковника Штейфона документы и проездные деньги, выкрали ночью из полковой церкви старый Петровский штандарт полка и отправились на Дон еще летом 1918 г.
- [8] Ингерманландским дивизионом командовал полковник Тихонравов. В дивизион влился отряд Барбовича, который был назначен командиром 2-го конного офицерского полка.
- [9] «Слово о полку Игореве» (перевод Николая Заболоцкого).
- [10] Улагай высаживался 14 августа не на Тамани, а, в районе Приморско-Ахтарской, а это далеко от Тамани. Десант на Таманский полуостров был высажен только в ночь на 24 августа ген. Харламовым.

[11] Евгений Львович Шварц, «Дракон».

[12] Всеволод Иванов, «По следам факира Сиволота».

[13] Опубликовано в сборнике «Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки 1985-1991».

[14] Гавриил Романович Державин, «Водопад».